ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)»
КАЗАНСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

КАЗАНСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

(Казань, 28 апреля 2022 г.)

В двух частях
Часть вторая

Казань
«ЮрЭксПрактик»
2022

УДК 343
ББК 67
К142

Редакционная коллегия:
Ю. Н. Кулешов (отв. редактор), Н. А. Подольный, Р. В. Федосеев, И. Г. Гаранина, В. А. Дычек, Ю. Ю. Малышева

Печатается по решению ученого совета
Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)

К142 Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Междунар. науч-практ. конф. (Казань, 28 апр. 2022 г.) : в 2 ч. / [редкол.: Ю. Н. Кулешов (отв. ред.) и др.] ; Казан. ин-т (фил.) ВГУЮ. – Казань: ЮрЭксПрактик, 2022. – Ч. 2. – 366 с.

ISBN 978-5-907071-61-2
ISBN 978-5-907071-63-6 (ч. 2)

Во второй том материалов Международной научно-практической конференции, прошедшей в Казанском институте (филиале) ВГУЮ (РПА Минюста России) 28 апреля 2022 г. вошли доклады и сообщения, затрагивающие проблемы уголовного права, уголовно-процессуального права и криминологии.

Материалы предназначены для научных и практических работников, преподавателей и молодых ученых.

УДК 343
ББК 67

© Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022
© Составление. Оформление. ООО «ЮрЭксПрактик», 2022

ISBN 978-5-907071-61-2
ISBN 978-5-907071-63-6 (ч. 2)

УДК 343.97

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Алексеев Сергей Анатольевич
Доцент кафедры криминологии, кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России

Иванов Василий Анатольевич
Старший оперуполномоченный Межрайонного отдела №5
Управления уголовного розыска МВД по Удмуртской Республике,
майор полиции

В статье рассматриваются отдельные существенные проблемы профилактики преступлений по расследуемым уголовным делам. Приводятся пути обеспечения эффективности нормативно-правовой регламентации, роль прокурора в координации правоохранительных органов в профилактике преступлений.

Ключевые слова: расследование по уголовным делам, профилактика преступлений, прокурор.

ON THE QUESTION OF EFFICIENCY REGULATORY AND LEGAL REGULATION CRIME PREVENTION IN CRIMINAL CASES

Alekseev S. A., Ivanov V. A.

The article discusses some significant problems of crime prevention in criminal cases under investigation. The ways of ensuring the effectiveness of regulatory and legal regulation, the role of the prosecutor in coordinating law enforcement agencies in crime prevention are given.

Keywords: criminal investigation, crime prevention, prosecutor.

В современных условиях реформирования экономических, политических, идеологических, правовых сфер жизнедеятельности в Российской Федерации весьма важное значение обретает необходимость обеспечения эффективности профилактики преступлений. Собственно, такая потребность, как правильно отмечает Л. В. Коваленко, в деятельности органов предварительного следствия освещалась и ранее в исследованиях ряда крупнейших правоведов, заложивших научную основу воспитательно-профилактической деятельности и возведших идею о необходимости ее осуществления в аксиому (Ф.А. Абашева, В.Г. Баяхчев, М.М. Выдря, Г.Ф. Горский, Н.В. Жогин, В.К. Звирбуль, Г.Г. Зуйков, А.М. Ларин, Г.М. Миньковский, А.И. Михайлов, А.Г. Михайлянц, М.С. Строгович, Н.А. Якубович) [1, с. 3].

Данное обстоятельство особенно ярко проявляется в результате изучения и анализа регистрируемых и раскрываемых преступлений за последние годы. Так, в 2018 г. зарегистрировано 1 млн. 991 тыс. 532 преступлений (раскрыто 1 млн. 87 тыс. 983), в 2019 г. – 2 млн. 24 тыс. 337 (раскрыто 1 млн. 52 тыс. 441), в 2020 г. – 2 млн. 44 тыс. 221

© Алексеев С. А., Иванов В. А., 2022

(раскрыто 1 млн. 31 тыс. 987), в 2021 г. – 2 млн. 4 тыс. 404 (раскрыто 1 млн. 30 тыс. 708).

Такая отрицательная правоприменительная практика естественным образом негативно влияет и на профилактическую деятельность в целом. Об этом отмечает и правительственная комиссия по профилактике правонарушений [2].

Кроме того, данные социально негативные проявления усугубляются имеющейся в нашей стране высокой латентной (скрытой и скрываемой) преступностью [3, с. 64-67; 20]. При этом по оценке одних ученых официальная статистика «… расходится с реальностью: за пределами регистрации остаются до 40% (общеуголовные), до 95% (экономические) преступления [4, с. 7]. По мнению других авторов в настоящее время латентная преступность соотносится с зарегистрированной, как 5:1 [5, с. 456; 21]. Третьи приходят к выводу о том, что общее число реально совершаемых преступлений в стране составляет 22-24 млн.» [6].

Говоря о современных проблемах преступности, А. И. Гуров отмечает, что сегодня ко всему прочему нарастает проблема этнических группировок, живущих на территории Российской Федерации. И здесь, по словам профессора, одними уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми мерами не обойтись [7].

Подытоживая такое развитие событий в сфере противодействия преступности, руководитель российской криминологической ассоциации профессор А. И. Долгова, в своем обращении к Президенту России, отмечала, что преступность в стране все более очевидно представляет угрозу национальной безопасности [8].

Подобным образом крайне опасно развивающаяся криминогенная ситуация требует принятия соответствующих адекватных, осмысленно выверенных мер по ее сдерживанию, вызывает настоятельную потребность в более четкой нормативно-правовой регламентации системы профилактики преступности. В то же время, несмотря на предпринимаемые сегодня государством немалые усилия в борьбе с преступлениями [9; 12; 22], все же сохраняются определенные существенные проблемы законодательной регламентации профилактической деятельности в стране, требующие ее систематизации.

По нашему мнению, изначально речь следует вести о таких системообразующих федеральных законах, как «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. № 2202-1, «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 г. №182-ФЗ, которые служат нормативной основой профилактической деятельности. Однако следует отметить, что названные законодательные акты не составляют достаточно целостную правовую систему, способную обеспечить эффективную деятельность по сдерживанию преступности.

Учитывая, что обозначенная проблема в своей совокупности является объемной, глобальной, в рамках ограниченного объема

данной работы нам представляется возможным осветить лишь отдельные важные ее положения.

Генеральная прокуратура Российской Федерации в своей деятельности осуществляет функции надзора и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [10]. В последнем случае она должна обладать и всеми полномочиями по обеспечению согласованности и упорядоченности деятельности должностных лиц правоохранительных органов, ответственных за эффективное противодействие преступности. А для этого, по нашему мнению, изначально необходимо законодательно сформировать соответствующий механизм управления деятельностью прокуратуры по координации работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью. «Именно для реализации механизма управления создается система, формируется организационная структура и функционирует процесс управления» [11, с. 12].

При этом, как отмечает Р. Р. Алиуллов, «… механизм управления следует рассматривать как целостную совокупность управленческих элементов, включающих в себя принципы и функции управления, методы управленческого воздействия, управленческие отношения и управленческие нормы, посредством которых субъекты управления целенаправленно формируют рациональную систему управления и обеспечивают эффективное функционирование управленческого процесса, способствуя устойчивой и результативной деятельности управляемого объекта» [11, с. 18-19]. Все это, безусловно, требует тщательной нормативно-правовой регламентации обозначенной управленческой функции прокуроров, исключив разного рода противоречий.

В связи с изложенным, мы солидарны с Р. Н. Зинуровым, предложившим еще в 2003 году принять Федеральный закон «О координации деятельности правоохранительных органов» [13, с. 243]. В продолжение этой идеи, по нашему мнению, необходимо в федеральном законе о прокуратуре, приказах Генерального прокурора РФ, межведомственных и ведомственных приказах перечень полномочий прокуроров и руководителей органов правоохраны привести соответствие с реализуемой прокурорами управленческой функцией по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

В этом смысле было бы весьма полезным более широко освещать деятельность Координационного совета генеральных прокуроров стран Содружества Независимых Государств, созданного совместным решением генеральных прокуроров государств участников СНГ 7 декабря 1995 г. и обладающего с 25 января 2000 г. статусом межгосударственного органа Содружества Независимых Государств [14; 23]. Сказанное позволило бы активному обмену опытом с должностными лицами правоохранительных органов зарубежных государств в организации противодействия преступным проявлениям.

Рассматривая федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [15] следует заметить, что он также содержит в своих нормах отдельные существенные проблемы. В этой связи нельзя не согласиться с С. В. Максимовым и Н. В. Валуйсковым о том, что «… Закон об основах системы профилактики правонарушений не обеспечивает системность воздействия на все группы объектов профилактики правонарушений. В сущности, все базовые положения (общие нормы) профилактического процесса, т.е. порядка и процедур применения мер профилактического воздействия, остались несформулированными. Одним из самых важных концептуальных недостатков указанного Закона является, на наш взгляд, необоснованное сужение системы субъектов профилактики правонарушений» [16] (в настоящее время согласно статьи 5 данного нормативного акта к субъектам профилактики правонарушений отнесены лишь: федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры Российской Федерации; следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления).

Кроме того, по нашему мнению, название статьи 5 данного закона не совсем соответствует его содержанию. Имея название «Субъекты профилактики правонарушений», в числе таких в содержании приводятся «органы и учреждения», т.е. последние наделяются соответствующими полномочиями, что следует признать не совсем удачным. По нашему мнению, субъектами профилактики не могут быть органы и учреждения, ибо конкретная деятельность (в том числе профилактическая) может принадлежать только конкретному физическому лицу, который обладает соответствующей компетенцией (обладание соответствующими знаниями о профилактике преступлений и полномочиями (правами и обязанностями)). При этом полномочия должны быть не иначе как строго персонифицированными [17, с. 163-164].

Поэтому часть первую данной статьи предлагаем изменить и изложить в следующей редакции: «1. Субъектами профилактики правонарушений являются: должностные лица органов исполнительной власти, прокуратуры, государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления». Часть вторую рассматриваемой статьи после слов «свою деятельность в пределах» дополнить словами «предоставленных им законодательными актами полномочий», исключив из нормы слова «компетенций, установленной настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами». Изложив данную норму в следующей редакции: «2. Субъекты профилактики правонарушений осуществляют свою деятельность в пределах предоставленных им законодательными актами полномочий».

Учитывая предложенные нами изменения и дополнения в предыдущие нормы рассматриваемого закона, полагаем, было бы

правильным статью 15 дополнить частью второй следующего содержания: «Специально-криминологическая профилактика это деятельность должностных лиц, специально осуществляемая в целях выявления причин правонарушения и устранения обстоятельств (условий), способствовавших их совершению». Соответственно ныне действующую часть вторую статьи считать частью третей. Таким образом, полную редакцию обозначенной статьи нами предлагается изложить следующим образом:

«Статья 15. Виды профилактики правонарушений.

1. Общая профилактика правонарушений направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

2. Специально-криминологическая профилактика это деятельность должностных лиц, специально осуществляемая в целях выявления причин правонарушения и устранения обстоятельств (условий), способствовавших их совершению.

3. Индивидуальная профилактика правонарушений направлена на оказание воспитательного воздействия на лиц, указанных в ч. 2 ст. 24 настоящего Федерального закона, на устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение, а также на оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми. Индивидуальная профилактика правонарушений может осуществляться с применением специальных мер профилактики правонарушений».

Полагаем, формируя требуемую систему нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере деятельности не в последнюю очередь следует обращать внимание на необходимость разработки терминологических категорий, понятийного аппарата. Ибо одна из существенных сегодняшних проблем, нуждающихся в разрешении, является то, что в названных и связанных с ними нормативно-правовых актах недостаточно используются криминологическая терминология и оценочные категории. В то время как их регламентация в законах позволило бы правоприменителю более вдумчиво и взвешенно подходить к реализации тех или иных нормативных положений в связи с профилактической деятельностью.

Как показывает современная практика производства по уголовным делам, рассматриваемая проблема сохраняется в познании, к примеру, и следователей. Так, проведенные А.Р. Бекижевым исследования показали, что многие следователи страдают типичными ошибками. «Из числа опрошенных (100 следователей) на вопрос «Как Вы понимаете содержание ч. 2 ст. 73 УПК РФ?» (подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления) 45% причину конкретного преступления отождествляют с условиями, которые способствовали его совершению; 53% следователей считают, что не следует утруждать себя выявлением корней

преступления…» [18, с. 17]. Из изложенного, естественно, следует очень простой вывод: если сотрудник правоохраны не понимает сущности и содержания самих слов «причина преступления», «условие, способствовавшее его совершению», о какой профилактике преступлений вообще можно вести речь. Иными словами, сохраняется настоятельная потребность в расширении и систематизации познаний правоприменителей в сфере предупреждения преступлений, повышении их квалификации в целом в борьбе с преступностью в стране.

По нашему мнению, в распоряжение практиков в нормативно-правовых актах следует предоставить для руководства такие категории как «система профилактики», «уровни профилактики», «субъекты профилактики», «объекты профилактики», «общесоциальный уровень профилактики», «специально-криминологический уровень профилактики», «индивидуальный уровень профилактики» и др. При этом в ст. 2 федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», представляется, было бы важным и информационно весьма полезным указанные понятия раскрыть в их содержании.

В частности, названную норму закона после слов «Российской Федерации», полагаем, необходимо дополнить словами «на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях». Соответственно, изложив данную норму в следующей редакции: «1. Предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях».

Далее, п.3 ст.4 рассматриваемого федерального закона, по нашему мнению, после слов «профилактики правонарушений» также следует дополнить словами «на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях». Соответственно, изложив данную норму в следующей редакции: «Профилактика правонарушений осуществляется на основе следующих принципов: 3) обеспечение системности и единства подходов при осуществлении профилактики правонарушений на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях;».

В логической последовательности, по нашему мнению, следует обратиться в законодательство, регулирующее деятельность прокуратуры Российской Федерации. Ибо именно данный орган осуществляет руководство правоохранительными органами, в том числе контролируя профилактическую их работу. В этой связи, полагаем, ч. 1 ст. 8 федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 27.12.2018 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» дополнить словами «а также их профилактическую деятельность», изложив полную редакцию названной нормы следующим образом: «1. Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью ор-

ганов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов, а также профилактическую деятельность их должностных лиц». Данное предложение согласуется и с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 7 декабря 2016 г.), где определяется, что правоохранительные органы осуществляют свою деятельность в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению [19].

Таким образом, предлагаемые нами изменения и дополнения в названные федеральные законы, полагаем, позволяют, с одной стороны, формировать более четкую нормативную систему в сфере профилактики преступлений, с другой – должностным лицам правоохранительных органов предлагается для руководства более конкретизированные терминологические категории в их профилактической деятельности.

Список источников

1. Коваленко Л. В. Воспитательно-профилактическая деятельность следователя: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.09. / Л.В. Коваленко. Москва, 2007.

2. Обзор о результатах проверок, проведённых межведомственными рабочими группами при Правительственной комиссии по профилактике правонарушений в 2017 году. URL: https://мвд.рф (дата обращения 25.01.2022). Текст : электронный.

3. Криминология: учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2010.

4. Куринова Я. И. Гуманность освобождения от наказания и современная криминальная реальность / Я.И. Куринова // Законность. 2012. № 4. С. 7.

5. Криминология: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра- М., 2010.

6. Зарубина, К.Д. Насилие в семейно-бытовой сфере / К.Д. Зарубина // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 25.

7. Гуров Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, в 1988 по 1991 годах начальник Шестого главного управления МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом: Выступление на заседании круглого стола «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты» в Государственной Думе 5 марта 2013 года. URL: https:// crimas.ru (дата обращения 25.01.2022). Текст : электронный.

8. Обращение Долговой А.И. к Президенту Российской Федерации Путину Владимиру Владимировичу по результатам Всероссийской научно-практической конференции «Криминологическая ситуация в России, состояние реагирования и направления антикриминальной политики», состоявшейся 28-29 января 2013 года в МГУ им. М.В. Ломоносова: URL: http://crimas.ru (дата обращения 25.01.2022). Текст : электронный

9. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ.

10. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

11. Алиуллов Р. Р. Механизм управления органами внутренних дел (вопросы теории, методологии и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11. / Р. Р. Алиуллов. Москва, 2004.

12. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественной безопасности и противодействия преступности»: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2013 г. № 313-р Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

13. Зинуров Р. Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (тенденции и закономерности): Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11 / Р.Н. Зинуров. Москва, 2003. 243 с.

14. Мамыкин А. С. К вопросу о роли Координационного Совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ в укреплении законности и правопорядка в странах содружества // Закон и право. 2018. № 12. С. 120-124.

15. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

16. Максимов С. В. Законодательная новелла о профилактике правонарушений: недостатки и перспективы их устранения / С. В. Максимов, Н. В. Валуйсков // Труды института государства и права РАН. 2016. № 6. С. 45.

17. Иванов А. В. Некоторые проблемы правового положения начальника органа дознания / А. В. Иванов // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: В 3-х ч. Москва: Академия управления МВД России, 2010. Ч.1. С.163-164.

18. Бекижев А. Р. Профилактическая деятельность следователя по делам банковского кредитования / А. Р. Бекижев // Общество и право. 2009. № 3. С. 17.

19. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

20. Диденко К. В. Некоторые аспекты латентной преступности в Российской Федерации / К. В. Диденко, А. А. Невмовенко // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 3. С. 62-67.

21. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть: учебник. Т. 1. Москва, 2011. 456 с.

22. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 № 537;

23. Денисович В. В. Правовое регулирование деятельности Координационного совета генеральных прокуроров стран Содружества Независимых Государств / В. В. Денисович, А. А. Захаров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5, вып. 1. С. 38-48.

УДК 343.13

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРОКУРОРУ: ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аменицкая Наталия Анатольевна
Заведующий кафедрой уголовно-процессуального права,
кандидат юридических наук, доцент
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (ПФ ФГБОУ ВО «РГУП»)

В статье исследуются особенности практики возвращения уголовного дела прокурору судом и проблемы трансформации этого института в связи с необходимостью воплощения принципа состязательности и исключения обвинительного уклона в отечественном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: нарушения уголовно-процессуального закона; возвращение на дополнительное расследование; направление уголовного дела прокурору со стадий судебного производства; принцип состязательности; трансформация института возвращения уголовного дела судом.

RETURN OF CRIMINAL CASES TO THE PROSECUTOR: FORMATION OF THE INSTITUTE AND PROBLEMS OF APPLICATION

Amenitskaya N. A.

The article examines the peculiarities of the practice of returning a criminal case to the prosecutor by the court and the problems of transformation of this institution in connection with the need to implement the principle of adversarial and exclusion of accusatory bias in domestic criminal proceedings.

Keywords: violations of the criminal procedure law; return to additional investigation; referral of the criminal case to the prosecutor from the stages of judicial proceedings; the principle of competition; transformation of the institution of the return of the criminal case by the court.

Отказ от возможности направления уголовного дела из суда на дополнительное расследование (ст. 232 УПК РСФСР 1960 г) [16] был обусловлен рядом причин, среди которых особо отмечали несоответствие этого института принципу состязательности: самостоятельное принятие решения судом о направлении уголовного дела на предыдущие стадии для восстановления пробелов в доказательствах обвинения многократно увеличивало возможности доказывания стороны обвинения, по сравнению со стороной защиты, и придавало деятельности суда обвинительный уклон [4, с. 375; 6, с. 240; 1, с. 16-20]. Более того: «недобросовестные судьи через дополнительное расследование уходили от постановления оправдательного приговора, содействовали столь же недобросовестным следователям в восполнении пробелов неряшливо проведенного следствия» [2 с. 1280]. Указываемые причины послужили основанием замены в уголовно-процессуальном законодательстве РФ с 2001 года этого института иным порядком возвращения уголовного дела прокурору [14].

© Аменицкая Н. А., 2022

В соответствии со ст. 237 действующего УПК РФ [15] судья имеет право возвратить уголовное дело для устранения последствий нарушения закона, но при этом не должно осуществляться дополнительное расследование. Иными словами, возвращение судом уголовного дела имеет целью не сбор дополнительных доказательств, а лишь устранение нарушений закона, не позволяющих законно и обоснованно разрешить уголовное дело в суде.

Однако этот институт и в настоящее время вызывает много вопросов, а существенные реформирования оснований и порядка его применения с 2001 года, очевидно, демонстрирует сложности внедрения принципа состязательности в уголовном процессе континентального типа.

Согласно положениям уголовно-процессуального закона 2001 года (п. 1 – 3 ст. 237 УПК РФ) предполагалось, что возвратить уголовное дело на предыдущие стадии допускается лишь по формальным основаниям: «когда обвинительное заключение или обвинительный акт составлен с нарушением закона»; «когда копия обвинительного заключения или обвинительного акта не вручена обвиняемому»; «когда имеется необходимость составить обвинительное заключение по делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера» [14].

Причем, в ч. 2 ст. 237 УПК РФ указывалось: «допущенные нарушения должны быть устранены в течение 5 суток» [14]. А часть 3 и часть 4 ст. 237 УПК, введенные в 2003 году, исключали производство любых следственных действий по возвращенному судом делу и дополнительно указывали на недопустимость доказательств, полученных в ходе таких процессуальных действий [13]. То есть были предусмотрены меры, не допускавшие толкование и применение ст. 237 УПК РФ как возможность направления дела из суда на дополнительное расследование, исключавшие таким образом привилегии стороне обвинения.

Однако такая конструкция, теоретически соответствующая принципу состязательности, в практике применения создавала проблему – оставался неурегулированным вопрос о порядке действий по уголовным делам, в которых были выявлены иные серьезные нарушения, допущенные в досудебном производстве. Такие уголовные дела не могли быть назначены к рассмотрению – допущенные ошибки создавали препятствия для судебного рассмотрения, но и не могли быть возвращены прокурору для исправления, согласно запретам ст. 237 УПК РФ [12 с. 320].

Учитывая данные казусы правоприменительной практики, постепенно, институт возвращения уголовных дел прокурору подвергался трансформации, меняя свое изначальное предназначение – устранение только формальных нарушений закона.

Так, в 2003 году Конституционный Суд в Постановлении от 08.12.2003 № 18-П [8] признал, что возможно и необходимо возвращение уголовного дела судом прокурору для устранения любых

существенных нарушений уголовно-процессуального закона, препятствующих рассмотрению дела по существу. И одновременно, в том же постановлении, признал неконституционной норму, запрещавшую по возвращенному уголовному делу проводить дополнительные следственные и иные процессуальные действия [8]. В 2008 году соответствующие поправки были внесены и в уголовно-процессуальный закон – часть 2, часть3, часть 4 ст. 237 УПК РФ утратили силу [18]. Уголовные дела стали возвращать, ориентируясь на Постановление КС от 08.12.2003г, однако соблюдая запрет ухудшения положения обвиняемого.

А в 2007 году Конституционный Суд в Постановлении от 16 мая 2007 года №6-П признал «не соответствие Конституции РФ положения закона в части, не позволяющей суду возвращать уголовное дело прокурору для предъявления более тяжкого обвинения», отметив однако, «если новые общественно опасные последствия преступления наступили после направления уголовного дела в суд» [9]. Таким образом, еще в 2007 году Конституционный Суд изложил позицию, не исключающую возможности ухудшения положения обвиняемого в случае, если в судебных стадиях обнаружатся обстоятельства, являющиеся основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.

На основании этого решения Конституционного Суда 26 апреля 2013 года часть 1 ст. 237 УПК РФ была дополнена частью 1(2), допускающей возвращение уголовного дела прокурору, в случае, если после направления дела в суд наступили новые общественно опасные последствия вменяемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления [19].

И наконец, в июле 2013 года Конституционный Суд РФ принял постановление №16-П от 2.07.2013., меняющее сложившуюся практику применения ст. 237 УПК РФ. Признавалось возможным возвращение уголовного дела прокурору, в том числе и при выяснении дополнительных обстоятельств, указывающих на необходимость изменения обвинения в сторону ухудшения: «признать неконституционными основания возвращения уголовного дела прокурору в той мере, в которой они препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления» [7]. В качестве обоснования такой позиции указывалось, что не может быть сформировано судебное решение без учета обстоятельств, объективно указывающих на иную фактическую сторону преступления. В противном случае, это может лишить потерпевшего на эффективное восстановление его прав, оставляя привилегии обвиняемому, что в итоге приведет к неравенству прав участников уголовного судопроизводства. Тем более, это нежелательно в

публичной отрасли права, нацеленной и на восстановление прав каждого потерпевшего, и на защиту общества в целом от преступных деяний.

Согласно принятому Конституционным Судом РФ Постановлению № 16-П [7], 21.07.2014 г., законодателем были введены в статью 237 УПК новые нормы устанавливающие механизм возвращения уголовного дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения – п.6ч 1 ст. 237, пп. 1(3) п.6 ч 1 ст. 237 УПК РФ.

Возвращаясь к вопросу направления уголовного дела судом прокурору для устранения недостатков, следует отметить, что в настоящее время это возможно, согласно п. 1. ч.1 ст. 237 УПК РФ, а также Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П [7], Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 [10]. В то же время, следует особо обратить внимание на разъяснение Пленума ВС №28 от 22.12.2009 г. №28 (ред.15.05.2018 г.) [11] о том, что возвращение дела прокурору имеет цель – устранить существенные недостатки, препятствующие рассмотрению дела судом и не устранимые в судебном разбирательстве. То есть возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ все же нельзя расценивать и использовать как восполнение пробелов и дополнения предварительного расследования.

Однако на практике встречаются ситуации, когда возможность возвращения дела судом прокурору для устранения нарушений закона становится манипуляцией стороны обвинения, пытающейся при уменьшении шансов на обвинительный приговор, ссылаться на допущенные нарушения при формировании доказательств и под предлогом процессуальных нарушений, ходатайствовать о возвращении уголовного дела прокурору [3 с.34]. А после этого – возвращение дела прокурором для осуществления процессуальных действий со ссылкой на ст. 221 УПК РФ – становится делом техники. Анализируя такие ситуации следует помнить Постановление КС от 08.12.03 18 П [8] и при решении вопросов о существенности нарушений – выяснять какие конституционные права участников существенно нарушены, в противном случае – возвращение для устранения существенных недостатков теряет изначальный смысл, придаваемый законодателем при конструировании этого института и возвращает нас к институту возвращения на дополнительное расследование. Что противоречит принципу состязательности и придает обвинительный уклон деятельности суда и уголовному судопроизводству в целом.

Подтверждением этой позиции явилось и разъяснение Верховного Суда при принятии решения по уголовному делу в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2019 № 5-УД19-106 [5]. Где, в конечном итоге, формулируется вывод о необоснованности возвращения дела прокурору при недостаточности доказательств, подтверждающих фабулу обвинения и необходимости в таких ситуациях суду самостоятельно принимать иное соответствующее решение.

Список источников

1. Бахта А. С. Эффективность правового института возвращения уголовного дела прокурору: проверка практикой и временем / А. С. Бахта // История государства и права. 2010. № 14. С. 16-20.

2. Головко Л. В. Курс уголовного процесса. Москва: Статут, 2017. 1280 с.

3. Куприянов А. А. Как добиваться оправдания, а не возвращения дела прокурору // Уголовный процесс. 2019. №2. // https://e.ugpr.ru/702823 (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный

4. Лебедев В. М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР // Спарк,1995.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) https://www.vsrf.ru/documents/practice/28646/(дата обращения: 17.06.2021) Текст: электронный

6. Пистер Я.Я. Сборник материалов по вопросам следствия. Москва, 1987. № 8. С. 240

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда"http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148711/ (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения: 17.06.2021) – Текст: электронный

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда»

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения: 17.06.2021) – Текст: электронный

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95621/ (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный

12. Тришева А.А. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе: монография. Москва: Проспект, 2017. 320 с.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 11 декабря 2003 года) https://dogovor-urist.ru/кодексы/упк_рф/ред-11.12.2003/ (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ// Российская газета - Спецвыпуск № 0(2861) https://rg.ru/2001/12/22/upk-dok.html (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

16. УПК РСФСР http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010093 (дата обращения: 17.06.2021) – Текст: электронный

17. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 21.07.2014 N 269 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный
18. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.12.2008 № 226-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82158/ (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный
19. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 26.04.2013 № 64-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 17.06.2021). Текст: электронный

УДК 34

ВЗАИМОСВЯЗЬ И «ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ» УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Бородулькина Екатерина Сергеевна
Ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия, кандидат юридических наук
Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В настоящей статье рассматриваются проблемные аспекты взаимосвязи уголовного и административного-деликтного права, а также стирания их отраслевых границ. Анализируется вопрос о допустимости существования в уголовном праве таких межотраслевых институтов, как административная преюдиция и освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное и административно-деликтное право, межотраслевые институты, административная преюдиция

INTERRELATION AND «INTERPENETRATION» OF CRIMINAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW: STATEMENT OF THE PROBLEM

Borodulkina K. S.

This article discusses the problematic aspects of the relationship between criminal and administrative law, as well as reducing their branch boundaries. The question of the admissibility in criminal law of such intersectoral institutions as administrative prejudice and exemption from criminal liability with bringing a person to administrative responsibility is analyzed.

Keywords: criminal policy, criminal and administrative law, intersectoral institutions, administrative prejudice.

Проблема взаимопроникновения отраслей права через образование комплексных межотраслевых институтов имеет в настоящее время особую актуальность.

Так, в странах постсоветского пространства зачастую наблюда-

© Бородулькина Е. С., 2022

ются противоположные тенденции развития уголовного законодательства в части избрания средств охраны общественных отношений с учетом межотраслевого подхода.

Начиная с законодательных актов раннего советского периода круг составов с административной преюдицией постоянно расширялся и лишь в настоящее время в Республике Беларусь на смену устоявшейся тенденции увеличения преюдициальных составов пришла кардинально противоположная: из 29 составов таких составов, содержащихся в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь к 2020 г., 7 были исключены Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности». В одноименном Законе Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З складывающаяся тенденция получила продолжение и еще несколько деяний были декриминализированы (загрязнение атмосферного воздуха (ч. 1 ст. 274 УК Республики Беларусь), незаконная охота (ч. 1 ст. 282 УК Республики Беларусь) и иные). При этом важным будет отметить, что указанные корректировки происходили на фоне противоположного курса уголовно-правовой политики Российской Федерации, где ежегодно перечень норм с административной преюдицией расширялся.

Еще одним из институтов, находящимся на «стыке» уголовного и административно-деликтного права, является освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. В отличие от законодателей практически всех государств постсоветского пространства, исключивших институт (в частности, 13 сентября 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР принял заключение «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и Международным актам о правах человека» и УК РФ исключил освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности), белорусский законодатель занял иную позицию и сохранил в УК данный вид освобождения от уголовной ответственности [1].

Актуализирует проблему «взаимопроникновения» уголовного и административно-деликтного права дискуссия о введении категории уголовного проступка (данная проблема обсуждается как представителями белорусской доктрины, так и российскими правоведами).

Положения уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях, «являясь по своей юридической природе охранительными, обладают существенным сходством, как по форме, так и по содержанию» [2]. Иногда само административное право называется «смягченным уголовным правом» [3, с. 59]. Более того, зачастую правоведами обращается внимание, что административно-правовая политика (административно-деликтная) является составной частью (отраслью, подсистемой, направлением) единой

уголовной политики. В юридической литературе поднимаются вопросы о соотношении преступления (как общественно опасного деяния) и административного правонарушения (как социально вредного деяния), о субъективности и вариативности категории «общественная опасность» как результате социальной оценки деяний, и, как следствие, о «подвижности» границ преступного и непреступного.

Содержательное единство норм уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, на наш взгляд, во многом обусловлено общностью задач, стоящих перед ними (если рассматривать нормы законодательства Республики Беларусь, на это указывает сопоставление положений, содержащихся в ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса» УК Республики Беларусь и ст. 1.2 «Задачи и принципы Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях). Тесная взаимосвязь и взаимодействие уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях обусловлены схожестью или идентичностью подходов к решению подавляющего большинства вопросов, вовлекаемых в сферу правового регулирования указанных отраслей законодательства. В основе такой схожести или идентичности лежит близость деяний, которые законодатель признает преступлениями или административными правонарушениями [4, с. 160].

Справедливым будет отметить, что, несмотря на указание многими авторами на злободневность рассматриваемой проблематики, данный вопрос не является новым для доктрины уголовного права. Еще в советской правовой науке административная ответственность рассматривалась как своеобразный субсидиарный атрибут уголовно-правовой репрессии. По мнению С.Д. Князева, утверждение о том, что ответственность за административные правонарушения выступает «средством борьбы с преступностью на дальних подступах», являлось «общим местом» учебников и учебных пособий соответствующего профиля. Причем такая трактовка административной ответственности не была лишена объективных, включая законодательные, предпосылок. Так, советскому уголовному закону был известен институт административной преюдиции, а также освобождение от уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, с одновременным привлечением совершивших их лиц к административной ответственности. Неразрывная связь данных видов юридической ответственности, основанная на очевидном приоритете уголовной и «подчиненном статусе» административной, не вызывала больших сомнений ни в юридической теории, ни в практике правоприменения [5, с. 7]. Как уже было отмечено, и в настоящее время уголовный закон Республики Беларусь содержит вышеупомянутые институты административной преюдиции (ст. 32 УК Республики Беларусь) и освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст. 86 УК Республики Беларусь).

Вместе с тем тенденция «размывания» границ между уголовным и административным правом вызывала и вызывает абсолютно различную реакцию среди представителей научной общественности.

С одной стороны, ряд правоведов высказывается остро негативно по этому поводу, приводя, например, в качестве аргумента тот же институт административной преюдиции в уголовном праве. Если обобщить позиции противников института, то, как правило, указывается на невозможность нового тождественного деяния изменять «качество», суть противоправного деяния в сторону приращения его общественной опасности, необходимой для его признания уголовно-наказуемым. В такой конструкции самостоятельные административные правонарушения объединяются лишь личностью лица, их совершившего, однако для криминализации этого недостаточно. Административная преюдиция признается искусственно созданной конструкцией, основанной на повторяемости административных правонарушений, и при этом не соответствующей теории уголовного права, поскольку она не может быть отнесена ни к множественности преступлений, ни к единичному преступлению.

В качестве отрицательных аспектов «взаимопроникновения» уголовного и административно-деликтного права также указывается на дублирование карательных мер и процедур (например, административный штраф и штраф как наказание по уголовному делу) и др. Особую дискуссию вызывает равнозначность санкций и необходимость наведения порядка в вопросе их соотношения в уголовном и административном праве.

Правоведами, указывающими на системные проблемы взаимосвязи различных отраслей охранительного права, отмечается необходимость четкого очерчивания отраслевых границ норм, поскольку каждая из них имеет самостоятельный предмет, метод правового регулирования, правовые источники.

Вторая группа ученых не видит остроты в так называемом «размывании» границ репрессии. Отрицается необходимость «крайне формального подхода к уголовному праву» и необоснованность страха перед полным «институциональным обрушением» [6, с. 77, 90], приводятся аргументы для рассмотрения вопросов не в контексте различных отраслей права – уголовного и административно-деликтного, а в рамках единой «охранительной подсистемы права». В.Н. Синюков, указывая на отсутствие в законодательстве допетровского времени как такового разграничения административной и уголовной ответственности, полагает, что нынешнее их обособление в различных кодексах свидетельствует лишь о прогрессе формы права. По мнению ученого, в современных условиях все более обостряется проблема социальной адекватности жестких границ существующих юридических институтов многочисленным пограничным, не определившимся, лабильным социальным фактам, что часто вынуждает правоприменителя механически их привязывать к искусственным перегородкам имеющейся системы права [7, с. 95].

С учетом изложенного отметим следующее.

По нашему мнению, уголовная политика не может существовать изолированно, без учета комплексного, межотраслевого подхода к выработке системы средств охраны общественных отношений, предлагаемых, в том числе, административно-деликтной политикой. Вместе с тем признавая взаимосвязь и взаимозависимость различных отраслей охранительного законодательства, весьма актуальным является вопрос о более четком определении круга правоотношений, охраняемых уголовным законом и законодательством об административных правонарушениях, и, следовательно, более четком разграничении санкций – согласовании размеров наказаний, применяемых за административные правонарушения и преступления, их взвешенность и пропорциональность. При этом требуется анализ установления неблагоприятных тенденций, отрицательно влияющих на эффективность взаимосвязи норм уголовного и административного права и поиск путей преодоления такого рода издержек, а также, наоборот, выявление положительных сторон взаимопроникновения отраслей через образование комплексных межотраслевых институтов, имеющих высокий потенциал результативности.

Несмотря на то, что с учетом внесения изменений в УК Республики Беларусь в 2021 г., перечень норм с административной преюдицией существенно сузился, есть основания для научного анализа возможностей оптимизации данного института и, в частности, расширения его применения, что связано с высокой превентивной ролью таких норм по сравнению с обычными составами. Институт административной преюдиции, по нашему мнению, способствует не размытию границ между уголовным и административно-деликтным правом, а позволяет системно подходить к правовому регулированию общественных отношений и обеспечивает межотраслевую дифференциацию ответственности.

Список источников

1. Новикова Е. В. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности / Е. В. Новикова // Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе : учеб.-метод. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.] ; под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Л.Л. Зайцевой. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. Гл. 2.1. С. 62–66.

2. Большова И. А. Соотношение норм уголовного и административного законодательства: методологический анализ [Электронный ресурс] / И. А. Большова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-norm-ugolovnogo-i-administrativnogo-zakonodatelstva-metodologicheskiy-analiz (дата обращения: 13.01.2022).

3. Маркунцов С. А. О соотношении административно-правовых и уголовно-правовых запретов / С. А. Маркунцев // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 56–63.

4. Лукашов А. И. Уголовная и административная ответственность: сосуществование или слияние? / А.И. Лукашов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 160–172.

5. Реформа административной ответственности в России / А.В. Кирин [и др.] ; под общ. ред. А.В. Кирина, В.Н. Плигина. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 477 с.
6. Головко Л. В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу / Л. В. Головко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 77–91.
7. Синюков В.М. Правовая система: вопросы право реализации: учебное пособие / В.М. Синюков, Ф. А. Григорьев. Саратов: Сарат. Высш. Шк., 1995. 155 с.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ЗАЯВЛЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ И РАССМОТРЕНИЯ ИХ ДОЗНАВАТЕЛЕМ, СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Буянтуев Станислав Очирович
адвокат, член Екатеринбургской коллегии адвокатов «Защита»

Уголовно-процессуальный статус адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу нуждается в совершенствовании в связи с определением надлежащих гарантий состязательности в уголовном процессе. Установление права защитника на заявление ходатайств и в определенных случаях обязательность удовлетворения их дознавателем, следователем, как показывает практика, не оказывает достаточного учета интересов стороны защиты в уголовном деле. Особенно это проявляется в досудебном производстве по уголовному делу. В этой связи актуальным представляется разработка процессуального механизма рассмотрения ходатайств в досудебном производстве.

Ключевые слова: защитник; адвокат; состязательность; уголовное дело; уголовный процесс; досудебное производство; заявление ходатайств; процесс доказывания.

TO THE QUESTION OF THE MECHANISM FOR THE APPLICATION AND CONSIDERATION OF MOTIONS BY COUNSEL AND INVESTIGATOR

Buyantuev S. O.

The criminal procedure status of defence counsel in pre-trial criminal proceedings needs to be improved in connection with the determination of appropriate guarantees of adversarial conduct in criminal proceedings. The establishment of the right of counsel to file motions and, in certain cases, the obligation to satisfy them by the investigator, as practice shows, does not sufficiently take into account the interests of the defense in a criminal case. This is especially evident in pre-trial criminal proceedings. In this regard, the development of a procedural mechanism for the consideration of applications in pre-trial proceedings is relevant.

Keywords: defender; counsel; adversarial; criminal case; criminal proceedings; pre-trial proceedings; Application of motions; the process of proof.

Статус участников уголовного судопроизводства формулируется с учетом достаточности для выполнения возложенных на них задач в производстве по уголовному делу. Правовая регламентация имеет важное значение в правоприменительной практике, о чем указывается в научной литературе [1, с. 10-14; 2, с.9-20; 3].

© Буянтуев С. О., 2022

При этом в досудебном и судебном производствах перечень таких процессуальных правомочий может быть различным. Это обусловлено особенностями стадии предварительного расследования и стадией судебного разбирательства, их общими условиями.

Принцип состязательности обусловливает равноправие участников со стороны обвинения и представителей стороны защиты путем предоставления одинаковых возможностей влияния на доказательственный процесс по уголовному делу.

Проблемы оказания воздействия на процесс доказывания со стороны адвоката-защитника особенно проявляются в досудебном производстве по делу. Так, по верному мнению А.В.Гриненко, на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования состязательность «проявляется не в полной мере, ведь о равенстве прав сторон обвинения и защиты можно вести речь лишь применительно к судебным стадиям, где уголовное преследование как таковое не осуществляется, а действия государственного обвинителя выражаются лишь в обосновании своей позиции перед судом» [4, с.35-40].

Как полагаем, возможно выделить основные средства процессуального характера, которые предоставляют адвокату-защитнику оказание влияния на доказательственную деятельность дознавателя или следователя в стадии предварительного расследования:

Собирание доказательств на основании ч. 3 ст. 86 УПК РФ

Заявление ходатайств для проведения процессуальных действий или принятия решений по уголовному делу

Обжалование действия (бездействия) и принимаемых решений дознавателя или следователя в установленном порядке.

Право защитника на собирание доказательств по уголовному делу – вопрос, который является дискуссионным. Как верно утверждают Н.Кузнецов и С.Дадонов «еще совсем недавно многие авторы не признавали за защитником этого права. Теперь оно закреплено в УПК РФ» [5].

Как полагаем наиболее уязвимым среди правомочий адвоката-защитника является процедура заявления ходатайства дознавателю или следователю. Точнее, наше внимание обращено не столько к заявлению ходатайства, сколько к разработке надлежащего механизма его рассмотрения дознавателем, следователем.

Перечень общих условий предварительного расследования включает такое условие как обязательность рассмотрения ходатайств (ст. 159 УПК РФ). Отметим, что в содержание ст. 159 УПК РФ вносились существенные изменения и дополнения. Так, на основании Федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ статья 159 УПК РФ дополнена новыми частями 2.1 и 2.2 [6].

Как представляется, эти дополнения имеют существенное значение для усиления роли и значения участия защитника в досудебном производстве по уголовному делу. Несмотря на обязательность рассмотрения следователем заявленных ему ходатайств, законода-

тель уточнил новым законом в удовлетворении каких именно ходатайств не может быть отказано защитнику в участии в отдельных следственных действиях. Это правило закреплено в новой ч. 2.1: «не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, за исключением случая, предусмотренного частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса. Неявка защитника, своевременно извещенного о месте и времени производства следственного действия, не является препятствием для его производства».

Вместе с тем, по свидетельству П.В.Сидельникова «введение ч. 2.1. ст. 159 УПК РФ не смогло исправить ситуацию. Следователи, дознаватели продолжают отказывать защитнику в участии в следственных действиях, о производстве которых им заявлялось ходатайство, и в настоящее время» [7, с.32-36]. В. М. Быков предполагает, что введение ч. 2.1 ст. 159 УПК РФ «эта норма направлена против недобросовестных адвокатов, которые могут избрать в защите обвиняемого тактику затягивания предварительного расследования в расчете на то, что это может в дальнейшем повлечь за собой нарушение сроков расследования, а затем - приостановление или даже прекращение уголовного дела» [8, с.108-112].

Отметим, что единственное основание для отказа в присутствии (участии) защитника в следственном действии, проводимом следователем по его ходатайству, является применение мер безопасности на основании ч. 3 ст. 11 УПК РФ в отношении участника процесса, который может принимать участие в следственном действии. Это прямо связано с установлением гарантий обеспечения безопасности такого лица, что бы защитник не имел возможности идентифицировать защищаемое лицо в случае участия в следственном действии.

Как полагаем, законодатель специально ввел указанный запрет для ограничения защитнику сведений о защищаемом лице и обеспечения сохранности конфиденциальности участия такого лица в уголовном деле. Вместе с тем, ст. 161 УПК РФ предполагает запрет разглашения данных предварительного расследования и по этой причине следователь мог быть взять у защитника соответствующую подписку о неразглашении.

Меры безопасности, установленные в ч. 3 ст. 11 УПК РФ обеспечивают надлежащие условия участия граждан в производстве по уголовному делу в случае угрозы в их адрес в связи с участием в уголовном деле. Отметим, что эта несомненно актуальная проблема достаточно исследована в юридической литературе [9, с.202-211; 10].

Участие защитника в следственных и иных процессуальных действиях, проводимых дознавателем, следователем по уголовному делу, определенным образом отражается на тайне предварительного расследования. В этом случае защитник, до момента ознакомления с материалами уголовного дела, получает важную для выполнения им своих процессуальных обязанностей информацию.

Кроме того, этим же законом № 73-ФЗ статья 159 УПК РФ дополнена новой частью 2.2 об обязательности удовлетворения ходатайств о «приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами». Как представляется, формулировка «если обстоятельства… имеют значение для данного уголовного дела», по нашему мнению, является центральной для определения эффективности осуществляемой адвокатом защиты. Только дознаватель и следователь определяют имеет значение для дела или не имеет то, что представлено адвокатом-защитником или о чем он заявляет соответствующее ходатайство. Точность процессуальных формулировок в данном случае имеет определяющее значение [11, с. 99-102].

Этим же законом № 73-ФЗ ст. 58 УПК РФ «Специалист» дополнена новой частью 2.1: «Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей настоящего Кодекса». Исследуемая норма направлена на усиление правомочий защитника по привлечению специалиста для установления обстоятельств, смягчающих уголовное наказание или освобождающих от ответственности его подзащитного. Вместе с тем, по утверждению А. В. Чарыкова и П. В.Вдовцева эта новелла может негативно сказаться на эффективности проведения предварительного расследования так как «в любой стадии судопроизводства публичный субъект обязан будет идти на поводу у стороны защиты, обеспечивая за государственный счет удовлетворение ходатайств о привлечении специалиста, вне зависимости от того, где находится будущий "специалист" и кем будет гарантирована его явка» [12, с. 45-48].

Заявление ходатайства о приобщении к материалам дела собранных защитником сведений на основании ч. 3 ст. 86 УПК РФ, на наш взгляд, по существу наиболее эффективный способ в настоящее время оказать правомерное (процессуальное) воздействие на принятие решения дознавателем, следователем по уголовному делу.

Вопрос об удовлетворении следователем заявленного защитником ходатайства прямо зависит от усмотрения лица, в чьем производстве находится уголовное дело. В этой связи А. А.Давлетов справедливо отмечает, что «ситуация предстает для следователя как полностью оценочная, то есть всецело зависящая от его желания принять от адвоката-защитника новые доказательства и в результате нагрузить себя дополнительными процессуальными действиями либо избежать этого» [13, с. 33-38].

Таким образом, актуальным представляется разработка эффективного процессуального механизма заявления ходатайства адвока-

та-защитника дознавателю, следователи и его рассмотрения в досудебном производстве по уголовному делу. Содержание механизма должно включать оптимальный баланс интересов обвинения и защиты, установление надлежащих гарантий реализации состязательности по уголовному делу.

Список источников

1. Ибрагимов Г. И., Ибрагимова Е. М., Бакулина Л. . Тенденции системы контроля и оценки результатов образования в высшей школе // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 12. С. 10-14.
2. Бакулина Л. Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex russica (Русский закон). 2016. № 8 (117). С. 9-20.
3. Бакулина Л. Т., Губайдуллин А. Р., Погодин А. В. Реализация права. Казань, 2012.
4. Гриненко А. . Паритет прав сторон в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 35 - 40.
5. Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8.
6. Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.04.2017. № 17. Ст. 2455.
7. Седельников П. В. Участие защитника в следственных действиях, производимых по его ходатайству // Законодательство и практика. 2018. № 1. С. 32-36.
8. Быков В. М. Новый Закон о правах адвоката в уголовном судопроизводстве: научный комментарий // Современное право. 2017. N 11. С. 108-112.
9. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 202-211.
10. Епихин А. Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004. Сер. Учебная литература / М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т.
11. Зайцев О. А., Епихин А. Ю. К вопросу о чистоте употребления уголовно-процессуальных понятий // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 2. С. 99-102.
12. Чарыков А. В., Вдовцев П. В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь. 2017. № 18. С. 45 - 48.
13. Давлетов А.А. Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 33 - 38.

УДК 343

ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Быкова Елена Георгиевна
доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала, кандидат юридических наук, доцент ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

В статье рассматриваются условия привлечения к уголовной ответственности за хищение бюджетных денежных средств руководителем государственного или муниципального учреждения путем незаконного премирования сотрудников. Особенности квалификации подобных преступлений проиллюстрированы конкретными примерами судебной практики. Сформулированы рекомендации по разграничению присвоения и растраты.

Ключевые слова: хищение, присвоение, растрата, премирование, ст. 160 УК РФ, служебное положение.

ASSIGNMENT AND WASTE: SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION ON THE EXAMPLE OF THEFT OF BUDGET FUNDS

Bykova E. G.

The article discusses the conditions for bringing to criminal responsibility for the theft of budgetary funds by the head of a state or municipal institution by illegal bonuses to employees. Features of the qualification of such crimes are illustrated by specific examples of judicial practice. Recommendations on the distinction between misappropriation and waste are formulated.

Keywords: embezzlement, appropriation, waste, awarding, Art. 160 of the Criminal Code of the Russian Federation, official position.

За счет бюджетных ассигнований, полученных от учредителей, осуществляется оплата труда сотрудников государственных и муниципальных учреждений (далее – учреждения), одним из составляющих которой в соответствии со ст. 135 Трудового кодекса РФ [1] является премирование. Этой стимулирующей выплатой часто злоупотребляют недобросовестные руководители учреждений. Преступные схемы, как правило, направлены на незаконное обогащение самого руководителя и (или) отдельных сотрудников, которым он создает преференции. По справедливому замечанию П.С. Яни сложности квалификации содеянного в данном случае связаны с доказыванием признаков противоправности и корыстной цели [2, с. 49]. В частности, на правовую оценку таких злоупотреблений по ст. 160 УК РФ [3] влияют определенные обстоятельства.

1. Необходимо исследовать вопрос о законности стимулирующей выплаты. Учитываются в совокупности нормативный порядок премирования и наличие права на получение премии. На этом акцентировано внимание в Определении Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1482-О [4].

© Быкова Е. Г., 2022

К примеру, в соответствии со ст. 135 и ст. 144 Трудового кодекса РФ система премирования сотрудников учреждений должна быть установлена коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами и иными документами. В п. 9 Постановления Правительства РФ от 05.08.2008 № 583 [5] содержится положение, согласно которому стимулирующие выплаты руководителям федеральных учреждений производятся по решению главного распорядителя средств федерального бюджета, в ведении которого находится такое учреждение, с учетом достижения показателей различных показателей эффективности деятельности федерального учреждения и его руководителя.

Примечателен пример. По приговору суда, оставленному без изменения апелляционной и кассационной инстанцией, директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Библиотека» Ш. осуждена по ч. 3 ст. 160 УК РФ за присвоение, совершенное с использованием своего служебного положения. Ш. признана виновной в том, что она незаконно без согласования с работодателем включила себя в список лиц, подлежащих премированию, согласно изданных ею приказов о поощрении работников. На основании этих документов Ш. выплачены денежные средства, которыми она распорядилась по своему усмотрению. Верховным Судом РФ судебные акты отменены и Ш. оправдана за отсутствием состава преступления. В обоснование констатировано, что в соответствии с Указом Президента РФ размер заработной платы работников библиотеки доводится до уровня средней заработной платы по региону, для чего всем работникам начисляются премии в одинаковом размере согласно установленному фонду оплаты труда. Распоряжением администрации сельского поселения предусмотрена ежемесячная стимулирующая выплата отдельным категориям работников бюджетных учреждений, к которым относилась и Ш. В документе отсутствовало ограничение, не позволяющее Ш. включать себя в приказ о премировании. Денежные средства выделялись на премию всем работникам, в том числе и Ш. в пределах установленных лимитов. В результате получения Ш. премий ущерб для бюджета не причинен [6].

2. Для правовой оценки необоснованно выплаченной премии по ст. 160 УК РФ следует установить все признаки хищения, определенные в примечании к ст. 158 УК РФ. Отсутствие хотя бы одного них влечет при наличии к тому оснований переквалификацию содеянного на состав Особенной части уголовного закона, предусматривающий ответственность за должностное преступление.

3. Нужно установить, кто незаконно обогатился в результате необоснованной стимулирующей выплаты. Данное обстоятельство важно для квалификации и конкретизации формы хищения в процессуальных документах. Ориентиром при разграничении присвоения и растраты служат разъяснения высшей судебной инстанции, данные в п. 24 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 [7].

В случае, если денежные средства были перечислены на лицевой счет руководителя учреждения как незаконно выплаченная премия, и последний распорядился ими по своему усмотрению, содеянное квалифицируется как присвоение.

К примеру, по приговору суда, оставленному без изменения вышестоящими инстанциями, начальник муниципального казенного учреждения «Отдел молодежной политики, физической культуры и спорта администрации *** района» Ч. осуждена по ч. 3 ст. 160 УК РФ за присвоение с использованием своего служебного положения. В полномочия Ч. входило распоряжение денежными средствами, принадлежащими учреждению. Воспользовавшись этим, Ч. без согласия работодателя и при отсутствии оснований неоднократно издавала приказы о своем премировании и установлении доплат, на основании которых ей систематически производились соответствующие выплаты. Ущерб, причиненный бюджету, составил более 168 тысяч рублей [8].

Присвоение вменяется руководителю учреждения и в случае, когда по его инициативе незаконная премия или необоснованно завышенная стимулирующая выплата перечисляются на лицевой счет подчиненного, и последний все денежные средства либо сумму, выплаченную излишне, передает субъекту хищения.

К примеру, по приговору суда, оставленному без изменения в части квалификации вышестоящими инстанциями, Г. осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ за присвоение, совершенное с использованием своего служебного положения. Ему как исполняющему обязанности начальника ФКУ ИК-20 было достоверно известно о порядке выплаты премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Игнорируя данный порядок, Г. единолично принял решение о начислении необоснованно завышенной суммы премии отдельным сотрудникам, которые передали ему часть денег, выплаченных незаконно [9]. Это более сложная схема хищения, поскольку в ее реализации участвуют третьи лица. Действия последних при наличии к тому оснований в литературе предлагается оценивать как соучастие в хищении со специальным субъектом [10].

Квалификация содеянного как присвоения возможна при совокупности условий. Первое из них – премия в определенном размере выплачена сотруднику на законных основаниях, второе – доказано, что выплачена заведомо большая сумма, чем полагалась получателю, третье – излишне перечисленная денежная сумма в полном объеме передана руководителю, т.е. необоснованного обогащения сотрудника не произошло, четвертое – лицевой счет сотрудника использован для «транзита» бюджетных денег от законного владельца к виновному лицу. Деньги не передаются сотрудниками под принуждением или за совершение в их пользу определенных действий либо за покровительство или попустительство по службе. В литературе при подобных обстоятельствах факт получения руководителем

премиальных выплат, начисленных по его решению подчиненным, предлагается оценивать как получение взятки [11].

Если при расследовании уголовного дела доказано, что премия незаконно выплачена сотруднику, в результате чего последний обогатился, то содеянное руководителем необходимо квалифицировать как растрату, совершенную с использованием своего служебного положения (хищение в пользу третьего лица).

Следует заметить, что в рамках публикации с учетом ее ограниченного объема обозначены узловые моменты, которые нужно принимать во внимание при квалификации хищения руководителем учреждения бюджетных денежных средств, предназначенных для оплаты труда. Представленные рекомендации могут быть использованы правоприменителями, обозначенная проблема – стать основой для более глубокого исследования этого дискуссионного вопроса.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

2. Яни П. С. Хищение заработной платы / П. С. Яни // Законность. 2018. № 2. С. 49 - 52.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Косьевой Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 34, 36 и 37 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1482-О // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision408461.pdf (дата обращения 10.02.2022). Текст электронный.

5. О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений: Постановление Правительства РФ от 05.08.2008 № 583 (ред. от 19.01.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

6. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2021 № 18-УДП20-103-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

7. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

8. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 № 77-3357/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

9. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2021 № 77-1145/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

10. Малинин В. Б. Проблемы квалификации передачи части полученных средств от подчиненных начальникам в условиях государственной службы /

В.Б. Малинин, В.Н. Борков // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2. С. 117 - 127. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

11. Борков В. Н. Квалификация незаконного сбора начальником денежных средств с подчиненных / В. Н. Борков // Уголовное право. 2015. № 6. С. 4 - 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

УДК 343

К 20-ТИ ЛЕТИЮ УПК РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

Гаврилов Борис Яковлевич

Профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель РФ, заслуженный юрист РФ, генерал-майор юстиции (в отставке) Академия управления МВД России

В статье исследуется современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства, анализируются произошедшие за 20 лет его действия изменения; рассматриваются такие его процессуальные институты как возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования, избрание меры пресечения, предъявление обвинения, сокращенное дознание; дается оценка внесенных в УПК изменений с позиции как представителя науки, так и правоприменителя; формулируется авторское видение реформирования процедур предварительного расследования и вносятся предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания и орган дознания, прокурор, суд, возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки, предъявление обвинения, мера пресечения, сокращенное дознание.

TO THE 20TH ANNIVERSARY OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND WHAT TO DO?

Gavrilov B. Ya.

The article examines the current state of the Russian criminal procedure legislation, analyzes the changes that have occurred over the 20 years of its operation, examines such procedural institutions as the initiation of a criminal case, the procedural terms of investigation, the election of a preventive measure, an indictment, a shortened inquiry, evaluates the changes made to the CPC from the position of both a representative of science and a law enforcement officer, the author's vision of reforming the procedures of preliminary investigation is formulated and suggestions for their improvement are made.

Keywords: investigator, head of the investigative body, investigator, head of the department of inquiry and the body of inquiry, prosecutor, court, initiation of criminal proceedings, procedural terms, indictment, preventive measure, shortened inquiry.

Современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства автором исследуется как с точки ученого и члена рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной

© Гаврилов Б. Я., 2022

Думы по подготовке проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям, так и с позиции правоприменителя (до 2007 г. занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России), а его оценка дается с учетом эффективности в части реализации положений ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, призванной обеспечить защиту прав и законных интересов как лиц и организаций, пострадавших от преступлений, так и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Особое внимание при этом уделяется содержанию как отдельных правовых норм, так и ряда уголовно-процессуальных институтов, что обусловлено внесением в УПК РФ за 20 лет его действия изменений порядка 300 федеральными законами, за что Кодекс подвергается существенной критике как со стороны ученых, так и практических работников.

В этой связи, профессор Л.В. Головко отмечает, что УПК РФ «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его «размыл» и дестабилизировал. При этом объяснение «эффекта размывания» неким «динамизмом», присущим нашему времени, по его мнению, вряд ли может быть воспринято, поскольку оно далеко от истины, как далеки от нее и сами претензии на какой – то особый динамизм нашего времени» [17, С. 3-5].

Однако, автору настоящей публикации не представляется возможным с ним в полной мере согласиться, поскольку отдельные изменения носили популистский характер, выражая позицию правоохранительных органов и находя поддержку в органах законодательной власти, а ряд из поправок, в том числе, внесенных высшей судебной инстанцией страны, носили характер контрреформ в силу их противоречивости отдельным положениям уголовно-процессуального закона, например, о порядке изложения доказательств в обвинительном заключении, о фактическом расширении института возвращения уголовного дела прокурору [15, с. 22-28; 13, с. 74-82]. По сути, аналогичные претензии высказал профессор В. П. Божьев и в адрес Конституционного суда РФ [12, с. 9-11]. С. Б. Россинский также отмечает, что отдельные изменение были направлены нередко на «гиперформализацию уголовно-процессуального права в стремлении «узаконить» (в узком смысле) более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем требует здравый смысл, превращая УПК в некий административный регламент» [19, с. 42].

В числе факторов внесения значительного количества изменений следует выделить и не последовательную позицию законодателя, принявшего ряд переходных положений по сохранению за прокурором до 1 января 2004 г. права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, в том числе и заключение под стражу [1]. Оценивая их Конституционный

Суд РФ признал данные положения несоответствующими ст. ст. 21, 22, 23, 25 Конституции РФ, что потребовало от законодателя внесение в УПК РФ еще до вступления его в действие целого блока соответствующих изменений [6].

Одновременно следует отметить, что внесение абсолютного большинства изменений обусловлено, с одной стороны, возросшими потребностями правоприменительной практики в части совершенствования процедур предварительного расследования, а, с другой, необходимостью повышения уровня обеспеченности прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, на необходимость чего неоднократно после введения УПК РФ в действие указывал в своих решениях Конституционный Суд РФ. Нарушение указанных прав неоднократно за эти годы находило отражение и в решениях Европейского Суда по правам человека. Так, реализуя решения ЕСПЧ по делу «Бурдов» и «Бурдов-2 против Российской Федерации» [9] Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ в УПК РФ была включена норма-принцип – ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» [2], в которую в последующие годы были внесены изменения еще 5-ю федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков.

Говоря о практической реализации внесенных в уголовно-процессуальный закон изменений, автор обращается к положениям Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ [4], согласно нормам которого следователи прокуратуры были выведены из подчинения прокуроров и от последнего руководителю следственного органа были переданы процессуальные полномочия по руководству следствием с сохранением за прокурором в полном объеме надзорной функции. Статистические данные о результатах расследования уголовных дел в новых условиях подтверждают обоснованность данной реформы.

Так, число оправданных судом лиц по направленным в суд следователями органов внутренних дел уголовным делам сократилось в 4 раза (с 1372 подсудимых в 2006 г. до 371 подсудимого в 2021 г), и по делам, расследованным следователями Следственного комитета РФ их число за указанный период уменьшилось в 3 раза (с 1885 до 630 подсудимых). Многократно сократилось за этот период и число оправданных, содержащихся под стражей (с 524 до 151 оправданных под делам, расследованным следователями органов внутренних дел и с 954 до 220 человек – по делам следователей Следственного комитета). Как результат усиления прокурорского надзора автор рассматривает и многократно сокращение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (с 34209 уголовных дел в 1999 г. или 4% от направленных в суд до 4518 дел или 1,2% - в 2021 г.).

Продолжая анализировать современное состояние уголовно-процессуальное законодательство среди наиболее актуальных автор:

– выделяет проблему реформирования стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой обусловило почти двукратное снижение возбужденных в 2021 г. уголовных дел (1,68 млн) по отношению к 2006 г. (3,3 млн.) при одновременном увеличении за этот период (с 4,5 млн. до 5,7 млн.) количества процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела при незначительном снижении (порядка 10 %) числа зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях [14, С. 74-78], что фактически ограничивает право граждан на их доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ);

– отмечает, что наши предложения об исключении ст. ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлены также и решениями Конституционного Суда РФ [7] и позицией Верховного Суда РФ [18, С. 20-22] о необходимости в рамках расследуемого уголовного дела возбуждения самостоятельного дела по вновь выявленному преступлению или в отношении установленного в ходе расследования нового соучастника, что противоречит содержанию остающейся неизменной на протяжении более 60 лет норме о возбуждении уголовного дела;

– указывает на значительное расширение Федеральным законом от 04.03.2013 №23-ФЗ [3] перечня следственных и иных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела;

– выделяет и внесенные Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ [5] изменения, согласно которым в качестве участника уголовного процесса в УПК был введен начальник подразделения дознания (на этом автор настаивал в течение 5 лет), а в последующем и начальник органа дознания.

Вместе с тем, при построении модели современного УПК представителям научной общественности и правоприменителям и соответственно законодателю не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР заформализованность и забюрократизированность российского уголовно-процессуального закона [16, с. 98-102].

Такое состояние уголовного судопроизводства профессор А.С. Александров [11, с. 7-10] оценивает как коренной порок отечественной правовой модели, предлагая отказаться от предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание. С данным утверждением автор возможно бы и согласился, если бы к этому была готова судебная система и адвокатское сообщество.

С учетом изложенного и ряда факторов, приведенных автором в иных публикациях, наша позиция заключается в широком обсуждении в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя предложений, предусматривающих внесение изменений не только в конкретные процессуальные нормы, но пересмотр отдельных процессуальных институтов.

Эти изменения должны быть направлены на:

– пересмотр положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия без его ограничения, что противоречит норме - принципу (ст. 6.1 УПК) о разумном сроке уголовного судопроизвод-

ства, который, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.03 2016 № 11-П [8] не должен превышать по уголовным делам четырех лет;

– исключение из УПК РФ института предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска адвоката к участию в уголовном деле. С принятием указанного выше Федерального закона № 23-ФЗ такое участие предусмотрено с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то есть еще до возбуждения уголовного дела. Еще одним аргументом выступает отсутствие в УПК РФ различий в правовом положении подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47) за исключением этапа окончания дела, а также направление в суд за эти годы 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания без предъявления обвинения. При этом, учитывается и позиция ЕСПЧ по делу Экле [10], согласно которому обвинение есть обоснованное подозрение позволяющее осуществлять от имени государства уголовное преследование;

– совершенствование института дознания в сокращенной форме, которое сегодня как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств ничем не отличается от дознания в общем порядке и фактически предварительного следствия. Автором предлагается протокольная форма расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния. Она не предусматривает процедуру возбуждения уголовного дела, одновременно должна ограничивать перечень обязательных следственных действий допросом заподозренного лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего).

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства находят поддержку, поэтому задача сегодня состоит не в создании нового уголовно - процессуального кодекса, а в разработке концепции реформирования досудебного производства, которая призвана отразить произошедшие в жизни российского общества изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше уголовно процессуальных институтов, не позволяющих обеспечить эффективность современного уголовного судопроизводства.

Список источников

1. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ // Собрание законодательств Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2013. № 9. Ст. 875.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 28-30.

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

6. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [электронный ресурс]: http://sudbiblioteka.ru/ks (дата обращения 07.09.2021).

8. Пересмотр положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия без его ограничения, что противоречит норме - принципу (ст. 6 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать по уголовным делам четырех лет. Требуется пересмотр и положения о 2-х месячном первоначальном сроке расследования, перешедшего в действующий процессуальный закон из УПК РСФСР, 1922 г.

9. Решение от 15.01.2009 по делу «Бурдов против Российской Федерации (№2)» (жалоба № 33509/04) // Европейский Суд по правам человека [электронный ресурс]: https://europeancourt.ru/citatnik/burdov-protiv-rossii-n-2-postanovlenie-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 26.03.2022).

10. Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Москва: Норма, 2000.

11. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. - 2015.- № 5 (5). С. 7-10.

12. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9-11.

13. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74-82.

14. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74-78.

15. Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22-28.

16. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98-102.

17. Головко Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3-5.

18. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20-22.
19. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: возрождение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 42.

УДК 343

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Галюкова Мария Игоревна
Судья Центрального районного суда города Челябинска,
кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы становления, развития и использования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Рассматриваются аспекты уголовно-правовой квалификации преступлений против здоровья пациента с использованием системы искусственного интеллекта.
Ключевые слова: искусственный интеллект, пациент, здравоохранение, безопасность, жизнь, здоровье.

QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE HEALTHCARE SYSTEM

Galyukova M. I.

The article deals with the formation, development and use of artificial intelligence in the Russian Federation. Aspects of the criminal-legal qualification of crimes against the patient's health using an artificial intelligence system are considered.
Keywords: artificial intelligence, patient, healthcare, safety, life, health.

Эпоха развития искусственного интеллекта (ИИ) в нашей стране берет свое начало с лекции профессора А.А. Ляпунова «Автоматы и мышление», проведенной в 1954 году в стенах МГУ. Термин ИИ как область научных знаний и технологий создания интеллектуальных машин и интеллектуального программного обеспечения появился в 1956 году благодаря Д. Маккартни [12].

В современном российском законодательстве и правовой доктрине выделяют общие вопросы правового регулирования в области ИИ и специальные.

Базовые вопросы использования ИИ определены в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. и Указе Президента РФ №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

В целях их исполнения законодателем принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального

© Галюкова М. И., 2022

регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ. Согласно ст. 2 данного закона искусственный интеллект это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. При этом под технологией искусственного интеллекта понимаются технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта).

ИИ активно используется в образовании, промышленности и сельском хозяйстве, госслужбе, для бытовых нужд и т.д.

Одним из специальных направлений активного внедрения ИИ является сфера здравоохранения.

В 2021 году Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) опубликовала глобальную стратегию в области цифрового здравоохранения на 2020–2025 гг., в которой определила значимость цифрового сегмента в области здравоохранения, необходимость трансформации и модернизации современных методов лечения, в целях улучшения качества оказания медицинской помощи [8].

Современный масштаб использования ИИ в системе здравоохранения России поражает. В 2020 году в развитие специальных компьютерных программ для системы здравоохранения инвестировано около 540 млн рублей [6; 9].

Предполагается, что в ближайшие 10 лет размер IT-рынка в российском здравоохранении примерно в 30 раз.

Вместе с тем, надо понимать, что по сравнению с такими странами как Япония и США, уровень развития высоких технологий в медицине остается на недостаточно высоком уровне. Очевидный плюс такого отставания, это возможность для законодателя создать полноценную правовую базу для использования ИИ в Российской Федерации и нормы УК РФ, прежде чем правоохранительная и судебная система страны столкнется с реальными преступлениями.

Факт того, что ИИ может причинять вред здоровью пациента, уже неоднократно констатировался в юридической литературе.

В одном из примеров описывается ситуация, когда в клинику поступил несовершеннолетний ребенок с высокой температурой и слабостью. Система ИИ поставила диагноз «Грипп» и назначила лечение. Состояние ребенка продолжало ухудшаться и через пару часов он умер. Паталогоанатомы установили ошибку в диагнозе, что повлекло неправильное лечение и смерть пациента [11].

Внедрении ИИ в процесс наблюдения, изучения, диагностики и лечения онкологических заболеваний, к сожалению, привело к негативным последствиям. Разработанный медицинский ИИ Watson Health, используемый в ведущих мировых клиниках для лечения всех видов рака, по неизвестным причинам совершает врачебные ошибки и предлагает некорректные методы лечения, которые могут привести к смерти пациента. Пожилому пациенту с раком легкого, на фоне сильного кровотечение, Watson назначил химиотерапию и противоопухолевое лекарство бевацизумад. Однако этот препарат противопоказан онкобольным с кровотечениями, так как может вызвать смертельное кровоизлияние во внутренние органы. К счастью, эта рекомендация была дана в ходе тестирования системы, а не реальному пациенту. Но, вот несанкционированный доступ летом 2021 года к внутренним документам компании IBM, которая поставляла программное обеспечение для онкоклиник был вполне реальным [5].

В 2016 году произошло первое убийство с использованием ИИ. В одной из клиник США пациент умер от подачи в капельницу смертоносного состав а не назначенного врачом лекарственного средства. Полицейские случайно обнаружили данное преступление. Программист, которого преступники завербовали, чтобы взломать программу, автоматической раздачи лекарств, неосторожно поделился информацией в социальной сети. Система общественной безопасности позволила оперативно раскрыть данное преступление [7].

Мы полагаем, что пока разовые преступные инциденты не стали реальностью российской правовой действительности стоит уделить внимание вопросам становления нового вида преступности.

З.И. Хисамова, И.Р. Бегишев выделяют четыре вида уголовно-правовых рисков:

– при создании системы ИИ была допущена ошибка, приведшая к совершению преступления;

– в систему ИИ был осуществлен неправомерный доступ, повлекший повреждение или модификацию его функций, вследствие чего было совершено преступление;

– ИИ, обладающие способностью к самообучению, принял решение о совершении действий / бездействия, квалифицируемых как преступление;

– ИИ был создан преступником для совершения преступлений [10].

Основным вопросом, предопределяющим направление развития теории уголовного права, является признание правосубъектности искусственных интеллектуальных систем.

В 2016 году Европарламент предложил присвоить роботам статус «электронный лиц», а также наделить их правами и обязанностями. 16 февраля 2017 года была принята Резолюция 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017)0051 о правовом статусе роботов.

Российская система является достаточно консервативной. Несмотря на то, что ряд ученых полагают, что система искусственного интеллекта, может нести ответственность, а значит быть субъектом права [2], объективных предпосылок к признанию ИИ субъектом преступления не имеется.

Поскольку ИИ рассматривается как способ совершения преступления, то основной фокус внимания помещен на необходимость введения дополнительного квалифицирующего признака в составы преступлений Особенности части УК РФ.

Исходя из этой позиции, в теории уголовного права, существуют две точки зрения.

Первая точка зрения основывается на том, что в текст особенной части Уголовного кодекса РФ должен быть введен особый квалифицированный признак – совершение преступления с использованием ИИ [4].

Напротив, Ю.В. Грачева, А.А. Арямов считают, что дополнять составы преступлений квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком «с использованием роботехники и (или) искусственного интеллекта» нецелесообразно еще и потому, что, во-первых, со временем может быть выявлен состав преступления, «оставшийся» без соответствующего квалифицирующего признака. Такой способ (средство) совершения преступления применим и для посягательств на иные объекты уголовно-правовой охраны, поэтому нужно было бы всю Особенную часть УК РФ проанализировать с точки зрения необходимости дополнения составов преступлений квалифицирующим (особо квалифицирующим признаком). Во-вторых, незаконное использование такой техники могло бы повышать общественную опасность только в случае незаконного его использования. Поэтому ученые предлагают другое направление построения системы уголовно-правовых мер, а именно проработать вопрос об уголовной ответственности за незаконный оборот робототехники с искусственным интеллектом; грубое нарушение правил эксплуатации роботов, повлекшее причинение вреда жизни, здоровью человека или крупного ущерба [1].

Вторая научная позиция нам представляется более привлекательной, так как предполагает более детальную работу с уголовно-правовой материей, и позволит по-новому взглянуть на систему преступлений особенной части УК РФ. Но будем реалистами, для подобного рода разработок потребуется в среднем от 5 до 10 лет.

Тем не менее, мы уже сейчас уголовно-правовыми средствами, не требующими значительных финансовых затрат, можем обеспечить безопасность пациентов. В случаях некачественного оказания медицинской помощи или оказания медицинской услуги, не отвеча-

ющей требованиям безопасности жизни или здоровью пациента, с использованием системы ИИ, уголовная ответственность должна наступать по ч.2 с. 109 УК РФ либо ст. 238 УК РФ. В целях исключения правовой неопределенности следует в ст. 63 УК РФ ввести дополнительный квалифицирующий признак «совершение преступления с использованием искусственного интеллекта».

В заключении отметим, что при отсутствии значимых правовых ограничений для распространения ИИ в Российской Федерации, важным и инструментом защиты прав пациента будет выступать уголовный закон. Следовательно, необходимо продолжить разработку теоретических и прикладных аспектов безопасного использования ИИ в здравоохранении.

Список источников

1. Грачева Ю.В., Арямов А.А. Роботизация и искусственный интеллект: Уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. №6. С. 169 – 178.

2. Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. №2. С. 122.

3. Камалова Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. Вып. 3. С. 382 – 388.

4. Коленов С. ИИ -онколога IBM Watson уличили во врачебных ошибках // CHigtech.plus. 2018. 27 июля. [Электронный ресурс]: URL:https: // highech.plus/2018/07/27/ii-onkologa-ibm-watson-ulichilii-vo-vrachebnih-oshibkah. (дата обращения: 28.01.202).

4. Комарь П.А., Дмитриев В.С., Ледяева А.М., Шадеркин И.А., Зеленский М.М. Рейтинг стартапов искусственного интеллекта: перспективы для здравоохранения России. // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2021. №7(3). 32-41; [Электронный ресурс]: URL:https://doi.org/10.29188/2712-9217-2021-7-3-32-41 https://jtelemed.ru/article/rejting-startapov-iskusstvennogo-intellekta-perspektivy-dlja-zdravoohranenija-rossii. (дата обращения: 28.01.2022).

5. Овчинский В. Трамп, ФБР, искусственный интеллект: основные направления стратегии по обеспечению кибербезопасности [Электронный ресурс]: URL: http: // zavtra.ru/blogs/tramp_fbr_iskusstvennij_intellekt. (дата доступа: 28.01.2022).

6. Проект глобальной стратегии цифрового здравоохранения на 2020 – 2025 годы [Электронный ресурс]: URL: https://www.who.int/docs/defaultsource/documents/200067-draft-global-str... 24-ru.pdf?sfvrsn=e9d760b3_2. (in Russian) (дата доступа: 28.01.2022).

7. Рейтинг стартапов искусственного интеллекта: перспективы для здравоохранения России [Электронный ресурс]: URL: https://evercare.ru/news/reyting-startapov-iskusstvennogo-intellekta-perspektivy-dlya-zdravookhraneniya-rossii. (дата обращения: 28.01.2022).

8. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийской криминологический журнал. 2019. Т.13. №4. С. 564 – 574.

9. Halleevy Gabriel When Robots Kill: Artificial Intelligence Under Criminal Law. Boston: Northeastern University Press, 2013.

10. Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. August 31, 1995 / J.McCarthy (et.al) // Al Magazine. 2006. Vol. 27, №4. P. 12 – 14. – DOI: https: // doi.org/ 10.1609/aimag.v27i4.1904.

УДК 340:343

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, КОТОРЫЕ ОГРАНИЧИВАЮТ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гапотченко Геннадий Николаевич
Доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия»
(Донецкая Народная Республика, г. Донецк).

В статье рассматриваются актуальные вопросы регламентации проведения отдельных процессуальных действий, которые ограничивают конституционные права граждан в уголовном процессе Донецкой Народной Республики и Российской Федерации. Проводится сравнительно-правовой анализ норм уголовно-процессуального законодательства и Конституции Донецкой Народной Республики и Конституции Российской Федерации, которые регулируют данные вопросы. Автором указываются отдельные замечания и обосновываются выводы по усовершенствованию правовой регламентации указанной деятельности.

Ключевые слова: заключение под стражу, обыск жилища, ограничение конституционных прав граждан, конституция, конституционные права граждан, судебный порядок, уголовный процесс, уголовно-процессуальный кодекс.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE REGULATION OF THE PERFORMANCE OF INDIVIDUAL AND PROCEDURAL ACTIONS THAT LIMIT THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

Gapotchenko G. N.

The article deals with topical issues of regulation of the conduct of certain procedural actions that limit the constitutional rights of citizens in the criminal process of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation. A comparative legal analysis of the norms of criminal procedure legislation and the Constitution of the Donetsk People's Republic and the Constitution of the Russian Federation, which regulate these issues, is carried out. The author points out some comments and substantiates the conclusions on improving the legal regulation of this activity

Keywords: detention, house search, restriction of the constitutional rights of citizens, constitution, constitutional rights of citizens, judicial procedure, criminal process, code of criminal procedure.

В соответствии со ст.3 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - долг Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц [1]. Аналогичная норма закреплена в ст.2 Конституции Российской Федерации (далее – РФ) [2].

© Гапотченко Г. Н., 2022

И Конституция ДНР (ст.12), и Конституция РФ (ст.17) декларируют признание и гарантирование основных прав и свобод граждан:

- право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ, ст.15 Конституции ДНР);
- неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений (ст.23 Конституции РФ, ст.16 Конституции ДНР;
- неприкосновенность жилища (ст.25 Конституции РФ, ст. 18 Конституции ДНР);
- судебная защита прав и свобод (ст.46 Конституции РФ, ст. 39 Конституции ДНР);
- право на защиту (ст.48 Конституции РФ, ст.41 Конституции ДНР);
- презумпция невиновности (ст.51 Конституции РФ, ст. 42 Конституции ДНР), и другие.

Указанные конституционные нормы нашли своё законодательное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве ДНР и РФ:

- неприкосновенность личности регламентирована ст. 12 Уголовно-процессуального кодекса ДНР (далее – УПК ДНР [3] и Уголовно-процессуальным кодексом РФ [4] (далее – УПК РФ));
- неприкосновенность жилища, охрана личной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (ст.13 УПК ДНР, ст.12 УПК РФ);
- обеспечение подозреваемому, обвиняемому и подсудимому право на защиту (ст.21 УПК ДНР, ст.16 УПК РФ), и другие.

Ограничение отдельных вышеуказанных конституционных прав граждан и по Конституции ДНР, и по Конституции РФ возможно только по решению суда.

Таким образом, сравнивая и анализируя нормы Конституции ДНР и Конституции РФ можно сделать вывод, что основные права и свободы граждан задекларированы в них почти одинаково.

В то же время, сравнивая и анализируя нормы УПК ДНР и УПК РФ в части правовой регламентации ограничения указанных конституционных прав граждан при проведении отдельных следственных и процессуальных действий, следует отметить определенные противоречия и несоответствия.

1. Так, в соответствии со ст.108 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу применяется по судебному решению, что полностью соответствует ст.22 Конституции РФ. Процессуальный порядок избрания данной меры пресечения судом полностью регламентирован нормами указанной статьи.

В соответствии с ч.2 ст.179 УПК ДНР мера пресечения в виде заключения под стражу применяется по постановлению следователя, которое подлежит санкционированию прокурором. Прокурор в случае избрания меры пресечения в виде заключения под стражу непосредственно им выносит об этом мотивированное постановление.

Данная норма не соответствует ст.12 этого же УПК, согласно которой никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора. Также данная норма УПК ДНР не соответствует ст. 15 Конституции ДНР, согласно которой арест и задержание допускаются только по решению суда. Указанная норма Конституции ДНР не содержит положения об альтернативности субъекта, уполномоченного избрать меру пресечения в виде ареста, а трактуется однозначно - только судом.

2. Срок содержания под стражей в соответствии со ст.109 УПК РФ, при наличии оснований может быть судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня. Процедура продления срока содержания под стражей судом детально регламентирована указанной статьей УПК РФ. Данная норма УПК РФ полностью соответствует ст.22 Конституции РФ.

Срок содержания под стражей в соответствии со ст.180 УПК ДНР может быть продлен по постановлению следователя о продлении срока содержания под стражей, которое подлежит санкционированию прокурором. Данная норма УПК ДНР также не соответствует ст. 15 Конституции ДНР, согласно которой арест и задержание допускаются только по решению суда.

3. В соответствии с ч.3 ст.182 УПК РФ обыск жилища проводится на основании судебного решения, процедура получения которого детально регламентирована ст.165 УПК РФ. Проведение обыска по решению суда, которое регламентировано указанными статьями УПК РФ полностью соответствует ст.25 Конституции РФ.

В соответствии с ч.2 ст.192 УПК ДНР обыск, в том числе в жилище или ином владении лица, производится по мотивированному постановлению следователя, с санкции прокурора. Данная норма УПК ДНР также не соответствует ст. 18 Конституции ДНР, согласно которой никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения. Указанная норма Конституции ДНР не содержит положения об альтернативности субъекта, уполномоченного принимать решение о проведении обыска жилища, а трактуется однозначно - только судом.

4. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи, в соответствии с ч.2 ст.185 УПК РФ производятся на основании судебного решения. Судебный порядок получения разрешения на производство данного следственного действия детально регламентирован ст.165 УПК РФ и полностью соответствует ст.23 Конституции РФ.

Наложение ареста на корреспонденцию и снятие информации с каналов связи в соответствии с ч.1 ст.202 УПК ДНР проводится на основании постановления следователя, которое санкционируется прокурором. Осмотр и выемка корреспонденции и исследование информации, снятой с каналов связи, в соответствии с ч.1 ст.203 УПК ДНР проводится на основании постановления следователя, которое

санкционируется прокурором. Указанные нормы также противоречат ст.13 УПК ДНР, согласно которой, прослушивание телефонных и иных переговоров осуществляется по решению суда или с санкции прокурора.

Данные нормы УПК ДНР также не соответствует ст. 16 Конституции ДНР, согласно которой «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Указанная норма Конституции ДНР не содержит положения об альтернативности субъекта, уполномоченного принимать решение о наложении ареста на корреспонденцию и снятие информации с каналов связи, осмотр и выемку корреспонденции, а трактуется однозначно - только судом.

Известно, что ограничение отдельных конституционных прав граждан, в том числе тех, о которых мы указали выше, может быть осуществлено исключительно по решению суда.

Более того, отдельные процессуальные действия или решения органа дознания, следователя или прокурора, которые затрагивают или ограничивают конституционные права граждан (например, обыск, заключение под стражу, задержание по подозрению в совершении преступления и др.) в стадии предварительного следствия могут быть обжалованы в суд. В отдельных, прямо предусмотренных законом случаях действия или решения суда первой инстанции могут быть обжалованы в суде апелляционной инстанции.

Следует указать, что нормы УПК Украины 1960 г. (который действовал на территории ДНР до 2018 года) полностью соответствовали этим общеизвестным положениям и предусматривали возможность обжалования в суд определенных действий и решений, о чем прямо указывалось в ч.3 ст.110 – действия и постановления органов дознания могут быть обжалованы в суд. О праве на судебное обжалование отдельных решений и действий свидетельствуют и другие нормы указанного УПК Украины, например на постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст.165-2 УПК) и другие.

Нормы и процессуальный порядок возможности судебного обжалования действий или решений органа дознания, следователя или прокурора, в УПК ДНР отсутствуют. В соответствии с ч.1 ст.122 УПК ДНР действия и постановления органов дознания могут быть обжалованы прокурору.

Так, например, в ч.4 ст.179 УПК ДНР указано, что постановление следователя о продлении срока содержания под стражей, санкционированного прокурором, может быть обжаловано вышестоящему прокурору. О праве на обжалование в суд указанного решения в данной статье даже не указано.

В то же время, ч.3 ст.122 УПК ДНР указывает, что действия и постановления органов дознания могут быть обжалованы в суд.

Следует констатировать, что все полномочия судебного контроля в уголовном процессе, которые возлагались по УПК Украины 1960 г. на суд, по УПК ДНР фактически переданы прокурору.

Необходимо указать, что в УПК РФ имеется глава 16 «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство», нормы, которой (ст.123-127 УПК РФ) прямо предусматривают право и регламентируют судебный порядок обжалования действий (бездействий) и решений субъектов, которые уполномочены вести уголовное судопроизводство.

Выводы.

1. Основные права и свободы граждан в Конституции ДНР и Конституции РФ задекларированы и почти одинаково.

2. Правовая регламентация в УПК РФ принятия и проведения отдельных процессуальных действий, которые ограничивают конституционные права граждан (обыск жилища, арест, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и др.) полностью соответствуют Конституции РФ.

3. УПК ДНР базируется на нормах УПК Украины 1960 г., однако в УПК ДНР отдельные нормы изменены таким образом, что кардинально меняют как их содержание, так и процессуальное значение.

4. Правовая регламентация в УПК ДНР принятия и проведения отдельных процессуальных действий, которые ограничивают конституционные права граждан (обыск жилища, арест, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и др.) не соответствуют Конституции ДНР.

5. Конституционные полномочия суда по принятию решений, которые ограничивают отдельные конституционные права граждан (обыск жилища, арест, продление сроков содержания под стражей и др.) по УПК ДНР переданы прокурору.

6. В нормах УПК ДНР отсутствует правовая регламентация судебного контроля в стадии предварительного следствия за действиями и решениями следователя, прокурора и органа дознания, которые ограничивают конституционные права отдельных участников уголовного процесса.

7. Нормы УПК ДНР не предусматривают права граждан на обжалование в суд действий и решений следователя, прокурора и органа дознания на стадии предварительного следствия. Это существенно ограничивает, а точнее сказать нарушает их конституционные права в уголовном процессе.

8. Полагаем, что Народному Совету ДНР необходимо привести УПК ДНР в соответствие с Конституцией ДНР и иными законодательными актами.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики. URL: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (дата обращения 17.01.2022). Текст: электронный.

2. Конституция Российской Федерации. URL: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm (дата обращения 17.01.2022). Текст: электронный.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой народной Республики : УПК : текст с изменениями и дополнениями на 06.08.2021 года [принят Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики 24 августа 2018 года]. URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/.(дата обращения 17.01.2022). Текст: электронный

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 30.12.2021 года [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года, Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/98cec9ab9169f57cedcdca247980c466d6f19d06/ (дата обращения 17.01.2022). Текст: электронный.

УДК 343.13

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ

Джелали Татьяна Ивановна
Доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридический наук, доцент
Ростовский юридический институт МВД России

В статье рассматривается отказ прокурора от обвинения как деятельность государственного обвинителя в судебном разбирательстве условия и порядок заявления об отказе от обвинения и его рассмотрения судом первой инстанции, связанные с этим правоприменительные ошибки и направления их разрешения.

Ключевые слова: государственный обвинитель, отказ от обвинения, предварительное слушание, суд первой инстанции, функция обвинения.

LEGAL CONSEQUENCES OF THE PROSECUTOR'S REFUSAL TO CHARGE

Dzhelali T. I.

The article examines the refusal of the prosecutor from the prosecution as the activity of the public prosecutor in the trial, the conditions and procedure for the application for refusal of the prosecution and its consideration by the court of first instance, related law enforcement errors and the direction of their resolution.

Keywords: public prosecutor, refusal of prosecution, preliminary hearing, court of first instance, prosecution function.

Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве происходит путем распределения функций стороны обвинения и защиты, а также предоставления им соответствующих равных прав.

Особенность процессуальных правомочий прокурора (государственного обвинителя) заключена в том, что он отстаивает интересы не только стороны обвинения, но также осуществляет контроль и надзор за обеспечением соблюдения прав и законных интересов участников судопроизводства, исходя из назначения которого, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация в отношении каждого, кто необоснованно под-

© Джелали Т. И., 2022

вергся уголовному преследованию в той же мере отвечают его назначению, что и уголовное преследование и назначение справедливого наказания виновному (ст. 6 УПК РФ).

Для формирования и развития данных положений, функционирующее на настоящий момент уголовно-процессуальное законодательство предоставляет право государственному обвинителю отказаться от государственного обвинения в том случае, если, по его мнению, имеющиеся у органов расследования доказательства не доказывают представленное обвинение. Возможность принятия такого решения прокурором содержится в п.7 ст. 246 УПК РФ.

Отказ прокурора от поддержания предъявленного обвинения как самостоятельный институт уголовно-процессуального права нуждается в детальном исследовании и в законодательном разрешении проблем. Связано это с повышением степени обеспечения прав и интересов участников уголовного процесса и вынесение соответствующего принципам законности и справедливости последующего судебного решения. На практике возникает масса вопросов о правомерности, обоснованности принимаемого решения гособвинителем, форме, моменте отказа от обвинения, об обязательности такой позиции гособвинителя для суда и игнорировании при этом позиции потерпевшего по данному делу и другие.

При заявлении прокурором несогласия с поддержанием предъявленного подсудимому государственного обвинения в процессе производства судебного слушания как одно из правовых последствий принимается решение о прекращении дела (преследования). Позиция государственного обвинителя относительно поддержания или отказа в поддержании обвинения является обязательной для суда [1].

В соответствии с УПК РФ, государственный обвинитель обязан участвовать в судебном разбирательстве при рассмотрении уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также по делам частного обвинения, возбужденным следователем или дознавателем.

Главной задачей, осуществляемой органами прокуратуры на судебной стадии, является поддержание государственного обвинения, которое было выдвинуто должностными лицами органов следствия или дознания и изложено в обвинительном заключении или акте.

То обстоятельство, что составленное по уголовному делу заключение или акт подлежат утверждению прокурором вплоть до его передачи в соответствующий по подсудности суд, обозначает в данном случае то, что предъявленное обвиняемому (подсудимому) обвинение никак не противоречит закону, является обоснованным, аргументированным. Однако в судебном разбирательстве могут возникнуть обстоятельства, предусмотренные п.п. 1-2 ч. 1 ст. 24 и п.п. 1-2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, которые являются основанием для заявления отказа прокурора от предъявленного обвинения.

Отказ от обвинения свойственен при недостаточной совокупности доказательственной информации для вынесения обвинительного приговора [2, с. 9-14].

Отказ может быть частичным или же полным. Частичный отказ подразумевает под собой исключение из предъявленного обвинения статьи или же некоторых статей УК РФ. При полном отказе возникает вопрос о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования полностью [3, с. 62-65].

Чаще всего на практике прокурор отказывается от части обвинения, что, как правило, не влияет на результат судебного разбирательства. И наоборот, полный отказ от поддержания государственного обвинения влекущий прекращение дела, свидетельствует о серьезных недоработках при производстве предварительного расследования.

Решение по заявленному прокурором отказу может быть принято судом сразу либо по окончании судебного заседания, пока не будут исследованы все доказательства и выслушаны мнения участников судопроизводства. Возникает вопрос, который законодателем не решен, но порождает различные мнения. Должен ли государственный обвинитель согласовывать свое решение об отказе от государственного обвинения с вышестоящим прокурором? Есть достаточно большая группа ученых и практиков предлагающая согласовывать такого рода решения, [4, с.74] есть и противники. [5] На наш взгляд, необходимости в этом нет, если отказ заявляется в судебном заседании, во время прений сторон, после исследования всех представленных доказательств. Но, согласно ч.1 ст. 239 УПК РФ, отказ прокурора от обвинения возможен и на предварительном слушании. В этом случае возникает вопрос, а была ли необходимость направлять уголовное дело в суд? Прокурор при утверждении обвинительного акта правомочен принять решение о прекращении уголовного дела, в соответствии с п.3 ч.1 ст.226 УПК РФ. Иная ситуация при утверждении обвинительного заключения, прокурор не может прекратить дело, поступившее с обвинительным заключением и в этой ситуации как один из вариантов, отказаться от обвинения в ходе предварительного слушания. Как представляется, в этой ситуации такая позиция прокурора должна быть согласована с прокурором. Но в этой связи возникает еще одна проблема, не урегулированная законодателем. Так в п.п.1.6 и 3.10 Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 "Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства" отмечается недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами. Государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. Поскольку полное и всестороннее исследование возможно только в ходе судебного следствия то ответ напрашивается только один – отказ возможен только на этапе судебных прений.

Кроме этого, возникает еще один не разрешенный законодателем вопрос. В какой форме отказ может быть заявлен? Четкого ответа законодатель не дает, соответственно, либо в устной, либо в письменной форме, по усмотрению прокурора. Мы согласны с позицией ученых и практиков, склоняющихся к письменному оформлению отказа. Прежде всего, потому, что законодатель требует от прокурора изложения мотива отказа, а это в свою очередь, должно быть положено судом в основание постановления о прекращении уголовного дела (преследования). Кроме того, это требования и Генеральной прокуратуры. Так, согласно п. 3.5 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 20 ноября 2007г. № 185 "Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован и представлен суду в письменной форме. А затем и Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 "Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства". Согласно п. 3.10 мотивированные отказ от обвинения, изменение обвинения в сторону смягчения представлять суду в письменной форме.

В необходимости письменного изложения отказа от обвинения говорит и то, что имеют место быть случаи, когда, секретари судебного заседания довольствовались записью в протоколе только о том, что прокурор заявил отказ от обвинения в связи с недостаточной доказанностью виновности подсудимого [5]. Отсутствие в протоколе подробного письменного изложения мотива и основания отказа от обвинения осложняет либо исключает возможность в дальнейшем проверить его обоснованность и в целом соответствие закону. Причем, приведенные данные отдельных исследователей свидетельствуют о том, что большая часть прокуроров (57%) также высказывается за изложение отказа от государственного обвинения в письменном виде [6, с. 9-12].

Нужно отметить, что по этому пути пошел законодатель Республики Узбекистан и принял решение о введении обязательной письменной формы выражения мотивов и оснований отказа государственного обвинителя от обвинения, что является логичным и оправданным.

Решение государственного обвинителя об отказе может быть оформлено в виде ходатайства. По итогам рассмотрения судом, соответствующего ходатайства должно быть вынесено постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. При выдвижении государственным обвинителем отказа в поддержании государственного обвинения суд не определяет и не может определить виновность или невиновность обвиняемого лица, так как такое решение по факту вместо него уже принял обвинитель, поэтому должно быть принято решение именно в виде постановления, а не оправдательного приговора.

Список источников

1. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу / Б. Т. Безлепкин. Москва: Проспект, 2014.

2. Васильев А. М. Состязательное судопроизводство /А. М. Васильев, Н. А. Васильева //Администратор суда. 2016. №4. С. 9-14.
3. Васин В. В. К вопросу о действиях суда при отказе прокурора от обвинения / В. В. Васин // Актуальные вопросы гуманитарных наук: сборник научных работ. Магадан: Изд-во СМУ, 2005, вып. 3. С. 62-65.
4. Савицкий В. М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения / В. М. Савицкий // Правоведение. 1972. № 1. С. 74.
5. Землянухин А. В. Отказ от обвинения в системе уголовно-процессуальных актов: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Землянухин. Саратов, 2005.
6. Лукожев Х. М. Отказ прокурора от обвинения в суде по УПК РФ / Х.М. Лукожев // Российский судья. 2005. № 8. С. 9-12.

УДК 343.12

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПО ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Дилбандян Самвел Агванович
Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, доктор юридических наук, профессор
Ереванский государственный университет (Республика Армения)

Данная статья посвящена реализации прокурором полномочий по возбуждению уголовного преследования в досудебном производстве. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи между возбуждением уголовного преследования и привлечение в качестве обвиняемого. В статье показаны особенности нового Уголовно-процессуального кодекса РА.
Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, уголовное преследование, обвинение.

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL POWERS OF THE PROSECUTOR TO INITIATE CRIMINAL PROSECUTION UNDER THE NEW CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Dilbandyan S. A.

This article is devoted to the implementation by the prosecutor of the powers to initiate criminal prosecution in pre-trial proceedings. The article deals with the relationship between the initiation of criminal prosecution and involvement as an accused. The article shows the features of the new Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia.
Keywords: criminal process, pre-trial proceedings, criminal prosecution, accusation.

Уголовное преследование является движущей силой, обеспечивающей осуществление уголовного производства и определяющей деятельность публичных участников производства.

В новом Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения (далее – УПК РА) уголовное преследование приобретает новое

© Дилбандян С. А., 2022

содержание, т. е. становится основанием для установления сроков уголовного преследования, его приостановления и прекращения. Упразднения стадии возбуждения уголовного дела в досудебном производстве, а также упразднения дознания как самостоятельного вида расследования существенно изменили понятия «уголовное преследование», «возбуждение уголовного преследования» и «обвинение».

Эти три понятия в равной степени используются в Уголовно-процессуальном кодексе, при этом в новом законодательстве они достаточно близки по содержанию или идентичны.

Понятия «обвинение» и «уголовное преследование» настолько схожи, что иногда рассматриваются не как близкие друг другу, а аналогичные явления или как институт уголовного судопроизводства [1, с. 235-239]. Указанная логика легла в основу нового Уголовно-процессуального кодекса, согласно пп. 41 и 42 ст. 6 которого:

(. . .)

«возбуждение уголовного преследования – принятие прокурором решения, описывающего предполагаемое преступное деяние лица и содержащего его правовую оценку, или подача в суд уголовного иска предполагаемым пострадавшим».

(. . .) «обвинение – предположение о совершении определенным лицом предполагаемого преступления, имеющее фактические и правовые обоснования».

Уголовное преследование, по сути, осуществляется в системе выдвижения обвинения и действий по защите [2, с. 193-198]. При этом нельзя приравнивать обвинение к уголовному преследованию. Нельзя также подчинять обвинение уголовному преследованию. Эти два понятия хотя и схожи по смыслу, однако не тождественны. Правильно было бы утверждать, что это два взаимообуславливающих понятия, так как нельзя говорить об уголовном преследовании без предъявления обвинения, в то же время нельзя говорить об обвинении вне процедуры уголовного преследования.

В новом УПК РА эти понятия максимально сблизились, так как в обоих случаях характеристикой является описание преступного деяния и данная ему правовая оценка. В отличие от действующего Уголовно-процессуального кодекса, в котором используются два понятия: «уголовное преследование» и «возбуждение уголовного преследования», в новом Кодексе говорится лишь о возбуждении уголовного преследования.

Следует отметить, что возбуждение уголовного преследования является прежде всего конституционно-правовой категорией, так как оно закреплено в статье 176 Конституции РА, устанавливающей полномочия Прокуратуры РА. То есть возбуждение уголовного преследования по законодательству РА является исключительной прерогативой прокуратуры. Исходя из указанной логики, в УПК РА была предпринята попытка сначала уточнить содержание этого понятия, а затем определить круг субъектов, обладающих правом возбуждения уголовного преследования.

Несмотря на то, что новый УПК не содержит понятия осуществления уголовного преследования, однако оно как процессуальная функция не может не присутствовать в системе функций уголовного судопроизводства. В частности, согласно ч. 1 ст. 11 УПК РА, «уголовное преследование в рамках уголовного производства осуществляется в публичном или частном порядке, исходя из характера п степени тяжести преступления». Это означает, что уголовное преследование как функция осуществляется в рамках уголовного производства.

Содержание понятия уголовного преследования включает все процессуальные действия, которые осуществляются следователем, прокурором, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, – пострадавшим, нацеленные на выявление лица, совершившего запрещенное уголовным кодексом деяние, его вины в совершении преступления, а также на обеспечение применения к такому лицу наказания и других мер принуждения. Под уголовным преследованием следует понимать осуществляемую стороной обвинения процессуальную деятельность, направленную на разоблачение лица, предположительно совершившего преступление. По делам о частном обвинении эту функцию выполняет потерпевший путем подачи уголовного иска в суд первой инстанции общей юрисдикции.

Преобладающее мнение об уголовном преследовании заключается в том, что это не просто совокупность определенных процессуальных действий, направленных на выявление конкретного лица, но и процессуальная функция, реализация которой возлагается на должностные лица, специально уполномоченные законом, и на органы государственной власти. То есть это такая же функция, как и расследование уголовного дела, его разрешение, защита законных интересов и прав лица в уголовном процессе и др. [3, с. 158-162]

Уголовное преследование как процессуальная функция позволяет правильно понять сущность производства, т. е. то, какими полномочиями обладают субъекты уголовного судопроизводства, наделенные по закону правом осуществления данной функции. Кроме того, характеристика уголовного преследования как процессуальной функции позволяет понять также цель и направленность определенной процессуальной деятельности и ее значимость для всей системы уголовного судопроизводства.

Уголовное преследование является процессуальной функцией, обуславливающей существование функции защиты. Бесспорно также то, что уголовное преследование осуществляется лишь субъектами, специально уполномоченными для этого уголовно-процессуальным законодательством. К их числу, в частности, относится следователь, прокурор, орган дознания, потерпевший.

Основным субъектом, осуществляющим уголовное преследование, является следователь, его деятельность изначально направлена на раскрытие преступления и с этой целью в случаях, предусмотренных законом, также на ограничение прав лица.

В новом Уголовно-процессуальном кодексе прокурору отводится решающая роль в возбуждении уголовного преследования, в неосуществлении уголовного преследования, в приостановлении уголовного преследования и прекращении уголовного преследования. Лишь возбуждение прокурором уголовного преследования является гарантией непредъявления лицу незаконного или необоснованного обвинения.

В новом уголовно-процессуальном законодательстве процессуальный статус органа дознания существенно изменился и приобрел новое содержание. Дознание как таковое осталось, но не как самостоятельная форма расследования, а как орган, производящий негласные следственные действия по поручению следователя. Дознание проводится на основании получения надлежащего уведомления от органа дознания о возбужденном уголовном производстве. Дознание начинается только после начала предварительного следствия.

В новом УПК имеется некоторая неопределенность, связанная с осуществлением уголовного преследования, так как из законодательных норм следует, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, т.е. с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, однако в ходе уголовного производства могут применяться такие меры принуждения, которые с очевидностью содержат элементы уголовного преследования. Между тем при уголовном преследовании могут быть существенно ограничены права и свободы лиц, к которым оно применяется. Уголовное преследование в качестве деятельности определенного вида, находясь под влиянием общего принципа уголовного судопроизводства, обладает также собственными принципами, некоторые из которых в опосредованном виде сопровождают общие принципы уголовного судопроизводства.

К числу принципов, на основе которых строится и осуществляется уголовное преследование, следует отнести принципы публичности, справедливости и целесообразности.

Осуществление производства является публичной деятельностью, в ходе и результате которой обеспечивается сбалансированная защита публичных и частных интересов. Правосудие, прокурорский надзор, предварительное следствие, дознание и прочие виды публичной деятельности осуществляются исключительно в интересах закона уполномоченными органами, созданными на основе закона.

При обеспечении публичности производства ограничение прав или свобод личности должно быть соразмерно цели защиты публичных интересов. При уголовном преследовании особенность этого принципа сводится к тому, чтобы не были нарушены пределы прав и свобод граждан, установленные законом. Это означает, что уголовное преследование должно осуществляться только в отношении лиц, вина которых подтверждается имеющимися доказательствами. Объем и качество таких доказательств должны быть достаточными для

того, чтобы сделать выводы о возможности применения мер уголовного преследования.

Принцип публичности предполагает, что уголовное преследование осуществляют установленные законом определенные субъекты в рамках своей компетенции. При этом все остальные лица не должны препятствовать осуществлению ими возложенных на себя полномочий, а по возможности должны оказывать содействие [4, с. 19-21].

Для уголовного преследования важна также целесообразность [5, с. 92-96]. Хотя целесообразность не выделена в качестве принципа, однако в новом Уголовно-процессуальном кодексе предусматривается отдельная норма, относящаяся к уголовному преследованию по собственному усмотрению, которое является одним из исключительных полномочий прокурора. Согласно ст. 197 УПК РА, «надзирающий прокурор вправе не возбуждать уголовное преследование или прекратить уголовное преследование, если имеются все условия, предусмотренные частью 1 статьи 81 Уголовного кодекса Республики Армения».

Уголовно-процессуальное законодательство наделяет прокурора правом решения вопроса, касающегося осуществления того или иного процессуального действия, составляющего основу уголовного преследования соответствующих компетентных должностных лиц. Выбор одного из альтернативных вариантов осуществляется прокурором. Решение о невозбуждении уголовного преследования или его прекращении принимается надзирающим прокурором по собственной инициативе на основании материалов производства или при ходатайству следователя.

Важнейшим критерием возбуждения уголовного преследования является придание лицу процессуального статуса, что выражается в вовлечении лица в качестве обвиняемого. Как уже отмечалось, уголовное преследование призвано разоблачить лицо, виновное в совершении преступления.

Следственные действия являются источником сбора доказательств; посредством следственных действий в условиях полноты, многосторонности и объективности выясняются обстоятельства случая совершенного преступления [6, с. 193-197]. Поэтому они могут также рассматриваться как процессуальные действия, составляющие уголовное преследование, но при условии, что эти следственные действия будут направлены на раскрытие преступлении.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что к числу процессуальных действий, составляющих уголовное преследование, следует отнести:

1) процессуальные действия, приводящие к возникновению уголовного преследования;
2) возбуждение уголовного преследования;
3) выбор и применение соответствующей меры пресечения;
4) выдвижение обвинения и защита;
5) задержание лица, виновного в совершении преступления;

6) следственные действия с условием приобщения с их помощью к делу обвинительных доказательств.

Все вышеуказанные процессуальные действия в основном детально регламентируются уголовно-процессуальным законодательством. Чаще всего это не одно действие, а несколько взаимосвязанных действий, которые направлены на достижение вполне конкретной цели, связанной с уголовным преследованием. То есть они представляют собой также систему взаимосвязанных действий [7, с. 240-245].

Новое уголовно-процессуальное законодательство детально регламентирует процессуальный порядок возбуждения уголовного преследования. Согласно ст. 189 УПК РА, «Публичное уголовное преследование лица возбуждается по решению надзирающего прокурора на основании фактов, свидетельствующих о совершении им преступления». Прокурор осуществляет указанное полномочие как при ходатайству следователя, так и по собственной инициативе на основании материалов производства. Следует отметить, что необходимо разграничивать инициирование уголовного производства и возбуждение уголовного дела. Уголовное производство инициируется не только в отношении конкретного лица, но и может быть инициировано в связи с фактом предполагаемого преступления, при этом лицо, совершившее данное преступление, в момент инициирования уголовного производства может быть неизвестно.

Уголовное преследование может осуществляться только в отношении лиц, в отношении которых имеются достаточные доказательства, позволяющие сделать предположение об их соучастии в совершенном преступлении [8, с. 128-130]. При этом следует иметь в виду, что данный объем доказательств не означает, что этого достаточно для непоколебимой уверенности в виновности соответствующего лица. Этот объем доказательств достаточен лишь для того, чтобы сделать предположение о виновности соответствующего лица и возбудить уголовное преследование.

В соответствии с новым Уголовно-процессуальным кодексом, уголовное преследование должно быть представлено как процессуальный институт, так как оно стало многозначным понятием, и в свете логики нового Кодекса важно изучение вопросов, составляющих его содержание.

Список источников

1. Королев Г.Н. О соотношении понятий "уголовное преследование" и "обвинение" в уголовно-процессуальном праве и теории уголовного процесса // "Черные дыры" в Российском Законодательстве. Юридический журнал. - Москва: "1с: Компьютерный Аудит". 2005. № 3. С. 235-239

2. Калинкин А. В. Подозрение и обвинение как формы осуществления уголовного преследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов: Сарат. Гос. юр. акад., 2013. № 6 (95). С. 193-198

3. Ղազինյան Գ.Ս. Քրեական դատավարության պատմական և արդի հիմնահարցերը Հայաստանում: Եր., Երևանի համալս. Հրատ., 2001թ., с. 234, Мазюк Р.В. О значении понятия "уголовное преследование" в системе уголовно-процессуальных функций // Вестник Сибирского юридического института МВД России. Красноярск: Сибирский юридический институт, 2010. № 1. С. 158-162.

4. Баранов А. М. Обеспечение законности уголовного преследования и права на защиту в досудебном производстве // Адвокатская практика. Москва: Юрист, 2003. № 6. С. 19-21

5. Огородова А. С. Принципы законности и целесообразности уголовного преследования в уголовном процессе России // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса. В 2-х томах: материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 26-27 сентября 2002 г.). Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2003. Т. 2. С. 92-96

6. Шрам Ю. И. Понятие и сущность уголовного преследования // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Материалы научно-практической конференции, 25 марта 2010 г. Орел: ОрЮИ МВД России, 2010. С. 193-197:

7. Панферов М.В. Понятие уголовного преследования: содержание, формы и виды // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов II Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 2. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. С. 240-245

8. Матвиенко И. В. К вопросу о целях и задачах уголовного преследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы десятой международной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД России, 2012. Ч. 1. С. 128-130

УДК 343.98

МОШЕННИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ

Ермакова Алина Леонидовна
следователь СО ОМВД России по Орловскому району,
старший лейтенант юстиции

Проблематика статьи обусловлена затянувшейся разработкой правовых норм, регулирующих отношения в социальных сетях. Необходима имплементация современных отношений противоправного характера, складывающихся между пользователями в социальных сетях, в нормы действующего Уголовного кодекса, а также разработка классификации способов мошенничества в социальных сетях, выявление их особенностей.

Ключевые слова: мошенничество, социальные сети, интернет-сервис, фейк, аккаунт, цифровизация, сайт.

FRAUD IN SOCIAL NETWORKS THROUGH THE PRISM OF ITS SPECIFIC FEATURES AND WAYS OF COMMITTING

Ermakova A. L.

The problem of the article is due to the development of legal norms regulating relations in social networks, which has been delayed. It is necessary to implement modern relations of an illegal nature that are developed between users in social networks into the norms of the current Criminal Code, as well as to develop a classification of methods of fraud in social networks, to identify their features.

Keywords: fraud, social networks, internet service, fake, account, digitalization, website.

© Ермакова А. Л., 2022

Сеть интернет-паутины – это массовая линия пользовательских компьютеров, которая работает таким способом как почтовая структура, только со скоростью меньше секунды. Уровень человеческого взаимодействия, существующий как в социально-бытовой, так и в управленческо-профессиональной сфере, существенно расширился за счет внедрения в него возможности взаимодействия посредством средств электронной связи и иных цифровых средств и сетей.

Самым посещаемым ресурсом в интернете в эпоху нашей современности стали социальные сети [1]. По данным отчёта «Digital 2020», в России на начало 2020 г. аудитория в социальных сетях составила 70 млн человек.

Как справедливо отмечают ученые-криминалисты Мурзина К.А. и Розенко С.В. «учитывая совершенствование преступных действий мошенников их познания в современных технологиях, с мошенничеством не только сложно бороться, но и выявить, и предупредить его» [2, с. 114].

Трансформация преступной среды в условиях глобальной цифровизации привела к тому, что практически все преступные посягательства, а в особенности мошенничество, оказались связаны с использованием возможностей современных компьютерных технологий и глобальных информационных сетей. В действующем уголовном законодательстве, к сожалению, алгоритм совершения преступных деяний при помощи цифровых технологий пока не нашел надлежащего отражения. Российская правоохранительная система не располагает специальными техническими возможностями и знаниями, которые могли бы способствовать расследованию подобного вида преступлений. Именно поэтому в условиях роста числа преступлений, совершенных мошенническим способом в социальных сетях, наблюдается низкий процент их раскрываемости, что неблагоприятно сказывается на общей статистике.

Активное применение информационно-телекоммуникационных технологий при совершении хищений обусловило появление термина «мошенничество в социальных сетях», предполагающего существенное изменение механизма традиционного вида преступления за счет нивелирования непосредственного контакта преступника с жертвой. В условиях современной действительности в платформу для осуществления преступной деятельности превратились многие интернет-сервисы, которые изначально создавались как успешные бизнес-проекты и пользовались большой популярностью у населения.

Среди специфических особенностей совершения мошеннических действий в социальных сетях можно назвать:

– анонимный характер совершения преступлений, стремление всеми способами скрыть свою личность;

– изменение способов и методов мошенничества, что обусловлено динамичным развитием цифровых технологий в целом;

– масштабная аудитория вероятных жертв;

– возможность размещения ложной информации вследствие технологического принципа построения социальных сетей;

– относительно небольшой возраст преступников и их жертв, наличие несовершеннолетних среди них. Как отметили ученые Дубинина А.С. и Малахова А.С. «…наибольшую криминальную активность проявляют лица от 17 до 35 лет» [3, с. 183];

– рост организованной преступности в данной сфере. Как отмечает Осипенко А.Л. «…отмечается тенденция объединения хакеров для осуществления преступной деятельности» [4, с. 13].

По моему мнению, мошенничество в социальных сетях, имеет две основные цели, на которые направлен обман или злоупотребление доверием:

– во-первых, он осуществляется с целью завладения чужими денежными средствами;

– во-вторых, целью обмана также является рассекречивание персональных данных. Однако эта цель также является промежуточной, т.к. с помощью личной информации собственника происходит завладение денежными средствами. С помощью доступа к чужой конфиденциальной информации преступник также может нанести ущерб иным сферам деятельности жертвы, поэтому последнюю цель я считаю наиболее опасной.

Представляется, что предложить исчерпывающую классификацию всех возможных способов совершения мошенничества невозможно в связи с многообразием проявлений самой человеческой жизнедеятельности. Методология совершения мошенничества имеет общий характер и алгоритм действий, однако вариантов внедрения их в социальные сети достаточно много.

Первый способ основан на спекулировании информацией из новостной ленты, которая распространяется во всемирных масштабах. Идея состоит в мнимой «компенсации от государства» или продаже/покупке актуальных товаров на момент выкладывания объявления (в период коронавирусной пандемии мошенники продавали поддельные сертификаты о вакцинации, а также завладевали данными банковских карт для начисления «компенсации» за перенесенную болезнь).

Второй способ – использование чужого имени. Он совершается при помощи:

– создания фейкового аккаунта знаменитости и распространения информации, не соответствующей действительности, в надежде на охват и привлечение внимания широкого круга пользователей;

– заблаговременного взлома аккаунта человека и массовой рассылке от его имени по списку друзей просьб о помощи. Откликнувшимся на сообщение людям, преступник присылает номер банковской карты, на которую он просит «дать денег в долг». По факту данный номер является номером QIWI-кошелька, и выяснить его владельца практически не представляется возможным. После не-

скольких успешных попыток хакер, как правило, блокирует страницу пользователя.

Третий способ связан с обманом потребителей на рынке услуг. Это, пожалуй, самый распространенный способ злоупотребления доверием, поскольку предоставление товаров и услуг является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Он вариативен и широкомасштабен, предоставляя преступнику свободу действий. Например, в соцсети «Вконтакте» нередки предложения от лже-астрологов о предсказании будущего, а на сайте «Авито» мошенники успешно используют в своих корыстных целях Авито-доставку.

Четвертый способ – мошенничество с помощью сайта знакомств. Мошенник создает фейковый аккаунт, используя поддельную информацию и фото из интернета, знакомится с потенциальной жертвой и завязывает романтические отношения. Убедившись в привязанности, преступник начинает под различными благовидными предлогами просить денег в долг, а затем исчезает и удаляет страницу.

Разобрав способы мошенничества, можно сделать вывод, что этот вид преступлений как никакой другой в современном мире отличается необычным динамизмом форм - постоянным появлением новых способов обмана, их исключительной приспосабливаемостью к меняющимся социально-экономическим условиям. Оно прошло полноценную эволюцию от обычной кражи до самых гениальных способов присвоения имущества, принадлежащего третьим лицам. Это, прежде всего, связано с тем, что современная жизнь весьма продвинулась в технологиях, общение интеллектуализируется и компьютеризируется.

Таким образом, можно отметить, что создание фейкового аккаунта является общей чертой у превалирующего числа мошенничеств. Мне кажется, что именно эта черта является отличительной, выделяющей мошенничество в социальных сетях среди других видов мошенничества, так как они имеют своим началом создание постороннего сайта. Широкая виртуализация общественных отношений, происходящая в эпоху современности, к сожалению, порождает и преступность, которая научилась грамотно трансформироваться под реалии жизни. От российской юридической науки требуется максимальная концентрация, направленная на научный анализ и системное изучение перспектив полномасштабной имплементации цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность с целью оперативного расследования уголовных дел мошеннической направленности.

Список источников

1. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. URL: https://exlibris.ru/news/digital-2020 (дата обращения 19.01.2022).

2. Розенко С. В., Мурзина К. А. Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Вып. 1 (44). С. 113-116.

3. Малахов А. С., Дубинин А. С. Некоторые особенности раскрытия и расследования мошенничества в сети интернет // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 9. С. 187-190.
4. Осипенко А. Л. Организованная преступность в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 10-16.

УДК 343.22

К ВОПРОСУ О РОБОТЕ КАК СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ефремова Марина Александровна
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань)

Одной из актуальных проблем юридической науки является вопрос о возможности наделения роботов правосубъектностью. Однозначного ответа на данный вопрос в современной доктрине пока нет. Дискуссионным остается вопрос и о возможности признания робота субъектом преступления.

Ключевые слова: робот, робототехника, субъект, преступление, уголовное право.

ON THE ISSUE OF WORK AS A SUBJECT OF CRIME

Efremova M. A.

One of the urgent problems of legal science is the question of the possibility of endowing robots with legal personality. There is no unambiguous answer to this question in the modern doctrine yet. The question of the possibility of recognizing a robot as a subject of a crime remains debatable.

Keywords: robot, robotics, subject, crime, criminal law.

Стремительное развитие робототехники в последние годы привело к тому, что ученые-правоведы сегодня активно обсуждают вопросы, связанные с правовым регулированием отношений, в которых задействован робот. Так, в области гражданского права на первый план выходят вопросы, связанные с правом интеллектуальной собственности, договорными отношениями. В науке уголовного права отношения с участием роботов рассматриваются через призму нарушения норм уголовного закона.

Прежде чем ответить на вопрос о том, может ли робот выступать субъектом преступления, необходимо рассмотреть проблему отнесения робота к категории субъекта права в целом.

Если И. Р. Бегишев относит роботов, находящихся в гражданском обороте, к объектам гражданских прав [2], то другие исследователи полностью отрицают правосубъектность роботов, определяя их как объект правоотношений [4]. Интересна позиция В. В. Архипова и В. Б. Наумова, которые определяя робота как агента, отмечают, что «робот-агент обладает обособленным имуществом, отвечает по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять

© Ефремова М. А., 2022

гражданские права и нести гражданские обязанности» [1, с. 50]. Таким образом, ученые наделяют робота правосубъектностью.

Следует согласиться с выводом И. Р. Бегишева и З. И. Хисамовой о том, что «идея признать систему с искусственным интеллектом в качестве субъекта права противоречит таким представлениям о субъекте права, как социально-правовая ценность, достоинство, автономная правовая воля, а также вступает в противоречие с составом правоотношения, составом правонарушения и ничтожна в рамках института представительства» [6, с. 100]. В современных условиях развития робототехники крайне преждевременно наделять робота правосубъектностью, однако мы не исключаем того, что этот вопрос еще остро встанет на повестке дня.

При рассмотрении робота в качестве субъекта преступления в литературе также встречаются различные подходы. В работе литовских исследователей [7] указано, что возможность рассмотрения робота в качестве субъекта преступления связана с техническими возможностями, интегрированными в искусственный интеллект, и способностью искусственного интеллекта самостоятельно взаимодействовать с другими субъектами права. По мнению авторов, если роботам будет присуща законодательно закрепленная правоспособность, а также будет выявлена их «техническая» дееспособность, можно говорить о том, что робот сможет нести ответственность и определять последствия своих действий [8, с. 690].

G. Hallevy считает, что уголовная ответственность может быть возложена на любого субъекта – физическое или юридическое лицо или же на робота. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта требует современных правовых решений для защиты общества от возможных опасностей, присущих технологиям, не подпадающим под действие закона, особенно уголовного. Соответственно, автор считает, что роботы могут быть признаны субъектами уголовно-правовых отношений [9, с. 180].

Ряд авторов считают [3], что применение уголовно-правового воздействия к роботу невозможно. Несмотря на то, что роботы отличаются высоким уровнем интеллектуального развития, у них полностью отсутствует эмоциональная сфера. Таким образом, если на субъекта, подлежащего уголовной ответственности, нет возможности произвести определенное воздействие по причине отсутствия эмоциональной сферы, то цели наложения уголовного наказания будут недостижимы.

Однако эта же группа авторов отмечает, что в будущем при соответствующем развитии науки и техники роботы, возможно, будут иметь способность испытывать определенные эмоции, и именно данный фактор может стать отправной точкой начала процесса наделения робота правосубъектностью в области как уголовного права, так и других отраслей права [3].

Есть также мнение, что правосубъектность робота в уголовном праве может быть основана на принципах морали [6]. Отдельные

исследователи считают, что, «когда мы исключаем роботов, способных к социальному общению, из общепринятой концепции субъектов морали, это аналогично тому, как мы ущемляли бы права какой-либо группы людей из-за их расы, их религиозности, их функциональности или даже их пола» [6, с. 100].

Не дожидаясь принципиального решения вопроса о том, может ли робот выступать субъектом преступления, отдельные авторы уже предлагают меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства. В частности, Л. А. Букалерова, Т. Н. Уторова и Д.О. Сизов предлагают внести изменения в перечень обстоятельств, отягчающих наказание, закрепленных в ст. 63 УК РФ, обстоятельство «использование высокотехнологичного способа совершения преступлений». Также в главу 28 УК РФ авторы считают необходимым включить данный признак как квалифицирующий [3, с. 75].

И. В. Савельев предлагает осуществить конструирование самостоятельных составов преступного использования робототехники и искусственного интеллекта для того, чтобы охватить все возможные случаи использования современных информационных технологий при совершении преступлений [5]. С этой целью автором предложено изложить подобные нормы в ст. 273.1 «Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений», 273.2 «Преступный оборот и использование технологий искусственного интеллекта» УК РФ. Также автор считает, что при назначении наказания суды должны учитывать такие признаки, как интенсивность и частота использования робототехники и искусственного интеллекта при совершении преступлений [5].

Таким образом, подводя итог вышесказанному следует отметить, что вопрос о целесообразности наделения роботов правосубъектностью с позиции как гражданского, так и уголовного права является дискуссионным. Однако следует согласиться с тем, что истоки возможного определения робота в качестве субъекта уголовно-правовых отношений следует в первую очередь искать в гражданском праве, поскольку первичным здесь будет наделение робота статусом субъекта права в целом, после чего он уже может позиционироваться как субъект тех или иных правоотношений в различных отраслях права.

Список источников

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62.

2. Бегишев И. Р. Об обороте роботов, их составных частей (модулей) (инициативный проект федерального закона). Казань: «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. 28 с.

3. Букалерова Л. А., Уторова Т. Н., Сизов Д. О. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 1. С. 70–75.

4. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

5. Савельев И. В. Преступление, осложненное искусственным интеллектом: перспективы ближайших уголовно-правовых преобразований // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 475–488.
6. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 96–106.
7. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Is it possible to grant legal personality to artificial intelligence software systems? // Computer Law & Security Review. 2017. Vol. 33, iss. 5. Pp. 685–699.
8. Foerst A. Artificial sociability: From embodied AI toward new understandings of personhood // Technology in Society. 1999. № 21 (4). Pp. 373–386.
9. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities – from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. 2010. Vol. 4, iss. 2. Pp. 171–201.

УДК 343.150.1

СОЧЕТАНИЕ ПРИНЦИПОВ ГУМАНИЗМА И СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОСЛЕДСТВИЯМ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ ПРИ ОТРИЦАТЕЛЬНОМ ОТВЕТЕ НА ВОПРОС О ВИНОВНОСТИ

Зейдлиц Евгения Георгиевна,
Старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», судья Ленинградского областного суда в отставке

В статье указывается на существующую в уголовно-процессуальном законе проблему возникновения права на реабилитацию при вынесении оправдательного приговора на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей при доказанности события преступления и причастности к нему подсудимого, но при признании его невиновным. Возникает парадоксальная ситуация, когда фактически право на реабилитацию приобретает лицо, в отношении которого уголовное преследование носило законный и обоснованный характер.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, присяжные заседатели, оправдательный вердикт, признание невиновным, оправдательный приговор, право на реабилитацию.

PRINCIPLE OF HUMANITY AND PRINCIPLE OF FAIR TRIAL IN THE PROCESS OF JURY DELIBERATIONS

Zeidlits E. G.

The article points to the existing problem of emergence of the right to rehabilitation in sentencing on the basis of the verdict of acquittal of the jury in case of proof of the crime event and participation of the defendant in it, but in case of recognition of his innocent in the criminal procedure law. There is a paradoxical situation when in fact the right to rehabilitation is acquired by a person in respect of whom the criminal prosecution was lawful and justified.

© Зейдлиц Е. Г., 2022

Keywords: jury, the right to the rehabilitation, criminal court proceeding, the verdict of not guilty, the right to the rehabilitation, acquaintance.

Одним из принципов уголовного судопроизводства является принцип справедливости, который раскрывается в положениях части 2 статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о том, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Понятие реабилитации (от позднелат. rehabilitatio – «восстановление») определяется как восстановление в правах. [2] По нашему действующему законодательству (пункт 34 статьи 5 УПК РФ), реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Тем самым в Федеральном законе опосредуется положение статьи 53 Конституции РФ о том, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Конституционным гарантиям права на возмещение вреда корреспондируют положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года, [11] Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, [14] Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [12] (каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию), статьи 3 Протокола № 7 к данной Конвенции (компенсация в случае судебной ошибки), [13] а также положениями, закрепленными в Международном пакте о гражданских и политических правах, [15] а именно то, что лица, подвергнувшиеся необоснованному уголовному преследованию, находятся под судебной защитой и имеют право на возмещение вреда (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пунктом 5 статьи 9, пункт 6 статьи 14 а).

Таким образом, реабилитация призвана компенсировать лицу, подвергшемуся незаконному и необоснованному преследованию, связанные с ним душевные переживания, а также материальные потери и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом именно государство берет на себя ответственность за действия и решения должностных лиц, нарушивших права и свободы реабилитируемого незаконным или необоснованным уголовным преследованием, в том числе осуждением.

Сущность и содержание реабилитации одновременно просты в понимании и сложны в применении. Институт реабилитации в уголовном процессе прошел длинный путь. Государство хотя и признавало право за лицом, в отношении которого было незаконное и необоснованное уголовное преследование, требовать возмещения убытков, связанных с осуществлением правосудия, однако, не возла-

гало на себя обязательства по возмещению материального ущерба пострадавшей, по существу, стороне. Ответственность несли должностные лица, но только в случае вынесения решений, не соответствующих закону. Об этом свидетельствуют Судебники 1497 г., [22] 1550 г., [21] Устав уголовного судопроизводства 1864 г., [20] Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. [16]. Закрепив, по сути, в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. развиваемый еще со времен Средневековой Руси институт реабилитации, между тем законодатель указал об ответственности учреждений за неправомерные действия их должностных лиц в определенных случаях, если вина этих лиц установлена судебным или административным органом, – «учреждение имело право сделать начет на должностное лицо в размере уплаченного потерпевшему вознаграждения».

Следует заметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР вопросы, касающиеся возмещения вреда реабилитируемому, не были отражены, что, очевидно, шло вразрез с положениями Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. Провозглашенное Конституцией СССР 1977 г. право граждан СССР на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей не решало проблемы реабилитации в полном объеме. Не разрешен был по существу этот вопрос и в принятом в последующем Указе Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденного Законом СССР от 24 июня 1981 года; [18] ни Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года; ни Инструкцией по применению данного Положения, утвержденной Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Министерством финансов СССР 2 марта 1982 года и согласованной с Верховным Судом СССР, Министерством внутренних дел СССР, Комитетом государственной безопасности СССР. [19] И лишь в современную эпоху Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Во введенном в действие с 1 июля 2001 года Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации институту реабилитации посвящена 18 глава. Тем самым Федеральный закон в соответствии с Конституцией Российской Федерации конкретно определил правила и нормы, определяющие основания возникновения права на реабилитацию, на возмещение государством имущественного и морального вреда, восстановление иных прав реабилитируемого и т.д.

Таким образом, институт реабилитации развивался на протяжении многих столетий, и государство длительное время отделяло себя от должностных лиц в случае вынесения ими решений, не соответствующих закону. Правовые нормы, регулирующие общественные отношения, касающиеся возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, окончательно сформировались и устоялись к концу XX века.

Закрепление института реабилитации с 1 июля 2002 года в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации потребовало создания целого процедурного механизма его применения. Несомненно, что сложившийся на протяжении двадцати лет в процессе практической деятельности подход к реализации права на реабилитацию требует еще осмысления и доработки с научной точки зрения. В данной статье будут затронуты лишь вопросы возникновения права на реабилитацию с точки зрения принципа справедливости в уголовном судопроизводстве при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

«Реабилитационный процесс не менее сложен, чем столь востребованный современным обществом его антипод – процесс репрессивный» [1], а потому вопросы, касающиеся реабилитации при постановлении оправдательных приговоров, в частности на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, нуждаются в тщательной теоретической и законодательной проработке.

Порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда регламентирован специальной главой 18, и частично главой 47 (о производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Реабилитированным признается лицо, имеющее в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием (пункт 35 статьи 5 УПК).

Незаконное уголовное преследование представляет собой уголовное преследование, совершенное в нарушение закона, а необоснованное – уголовное преследование, примененное к гражданину без достаточных на то оснований, когда констатируется несостоятельность предъявленного лицу обвинения. Следует отметить, что в соответствии с частью 3 статьи 49 Конституции Российской Федерации неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Незаконное или необоснованное уголовное преследование может быть прекращено, как на досудебной стадии, так и на стадии судебного производства, в том числе, постановлением оправдательного приговора.

Выявление на досудебной стадии незаконного или необоснованного уголовного преследования влечет за собой прекращение

такого уголовного преследования с возмещением причиненного гражданину вреда. Подозреваемые или обвиняемые имеют право на реабилитацию, когда отсутствуют событие преступления, а в деянии – состав преступления; либо установлена непричастность привлеченных лиц к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ; п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ; п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

В отношении лиц, преданных суду, то есть подсудимых, аналогичные ситуации влекут за собой оправдательные приговоры по любому из следующих оснований - когда не установлено событие преступления, подсудимый не причастен к совершению преступления либо в деянии подсудимого отсутствует состав преступления (пункт 3 части 2 статьи 133 УПК РФ; пункты 1,2,3 части 2 статьи 302 УПК РФ). Оправдание по любому из этих оснований означает признание подсудимого невиновным и влечет за собой его реабилитацию.

В конечном счете в случаях установления незаконного или необоснованного уголовного преследования лиц на досудебной стадии, а также в случае постановления оправдательных приговоров в стадии судебного производства как подозреваемые или обвиняемые, так и подсудимые, то есть реабилитируемые, имеют равное право на возмещение материального вреда и морального вреда в порядке, установленном главой 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Что касается терминов «незаконно» или «необоснованно», то нельзя не согласиться с имеющейся позицией о нечеткости в использовании законодателем альтернативности данных терминов – получается, что можно привлечь к уголовной ответственности необоснованно, но законно или, наоборот, обоснованно, но не законно [8].

Несмотря на то, что юридические последствия одинаковы в результате прекращения уголовного преследования в отношении незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию подозреваемых или обвиняемых и оправданными приговором суда, между данными ситуациями имеется разница.

Оправдательный приговор о признании лица невиновным провозглашается от имени государства в результате судебного разбирательства, основанного на принципах гласности и состязательности. Орган судебной власти официально признает невиновность лица, подвергнутого уголовному преследованию. Как представляется, такой судебный акт не только юридически, но и морально более весомый, чем, например, вынесенное на досудебной стадии постановление о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Социально-политическое значение оправдательного приговора состоит в том, что само государство путем публично-правовой деятельности признает факт ошибочного привлечения подсудимого к уголовной ответственности и восстанавливает справедливость [6].

Следует заметить, что Законом РФ от 16 июня 1993 года [17] введено дополнительное основание постановления оправдательного приговора. Кроме случаев, когда не установлено событие преступ-

ления, либо подсудимый не причастен к совершению преступления или в деянии подсудимого отсутствует состав преступления, предусмотрено, что оправдательный приговор постановляется при оправдательном вердикте присяжных заседателей (пункт 4 части 2 статьи 302 и части 1 статьи 348 УПК РФ). Суд присяжных заседателей рассматривался Концепцией судебной реформы 1991 года «в качестве средства разрешения нестандартных ситуаций, «где из-за тяжести возможных последствий опаснее погрешить против справедливости, нежели против веления абстрактной правовой нормы» [5, с. 8].

Словом, нельзя не согласиться с тем, что одним из основных аргументов возрождения суда присяжных в России стало утверждение «о возможности суда присяжных «корректировать» чрезмерно «жесткий» и «несправедливый» уголовный закон [3, с. 94].

Там, где стабильность важнее правды и законность уместнее справедливости, достаточно коронного судьи-профессионала. Но, если применение закона окажется большей жестокостью, чем содеянное преступление, если подсудимый верит в собственную невиновность, если общество не может, самоустранившись, доверить решение государству – тут поле деятельности присяжных.

Присяжные заседатели, как известно, действуют независимо от профессионального судьи, им необходимо ответить на следующие вопросы:

1) имело ли место деяние (преступное событие)?

2) совершил ли это деяние подсудимый?

3) можно ли признать его виновным в совершении деяния, признанного доказанным?

Результатом ответов на указанные вопросы является вердикт коллегии присяжных заседателей.

Оправдательный вердикт, влекущий за собой оправдательный приговор, будет считаться принятым, если за отрицательный на любой из поставленных в вопросном листе основных вопросов проголосовало не менее 3-х присяжных заседателей в районном суде или соответственно не менее 4-х присяжных заседателей в областном, краевом и равном им по уровню суде.

Присяжные заседатели вправе признать недоказанным факт совершения самого деяния, другой вариант – признать факт совершения деяния, но при этом признать недоказанным факт причастности подсудимого к совершенному деянию. И третий вариант – присяжные наделены правом признать доказанным факты деяния и причастности к нему подсудимого, но при этом отрицательно ответить на вопрос о его виновности. И в первом, и во втором, и в третьем случаях вынесенный вердикт будет считаться оправдательным и, как следствие, являться основанием для вынесения оправдательного приговора. Присяжные не должны обосновывать ответы на поставленные перед ними вопросы. Признавая виновным либо невиновным подсудимого, присяжные заседатели не объясняют причин, письменно не мотивируют принятое решение. Профессиональному судье

при утвердительных ответах на первые два вопроса о доказанности факта деяния и причастности к нему подсудимого, принять решение о невиновности лица практически невозможно, в этом случае аргументация будет безуспешной с точки зрения норм права и логики.

При такой ситуации, представляется справедливым мнение профессора Фельдштейна Г.С. о том, что виновность в уголовном процессе не совпадает с ее понятием в материальном уголовном праве [10].

Как указывал Кони А.Ф., своим вопросом о виновности суд «установляет» особый промежуток между фактом и виною и требует, чтобы присяжные, основываясь исключительно на «убеждении своей совести» и памятуя свою великую нравственную ответственность, наполняли этот промежуток соображениями, в силу которых подсудимый оказывается виновным или невиновным [4].

Таким образом, при утверждении доказанности события преступления и причастности к нему подсудимого, но при отрицании виновности лица, считается принятым оправдательный вердикт (ч. 3 ст. 343 УПК РФ). Оправдательный вердикт присяжных заседателей обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора с признанием подсудимого невиновным с правом на реабилитацию в порядке, установленном главой 18 настоящего Кодекса. (ч.1 ст. 348 УПК РФ; ч. 3 ст. 302 УПК РФ).

Получается, что в данной ситуации оправдательным вердиктом коллегии присяжных заседателей нуллифицировано обвинение при законном и обоснованном уголовном преследовании лица. В результате право на реабилитацию приобретает юридически виновное лицо.

К примеру, по уголовному делу, рассмотренному Ленинградским областным судом с участием присяжных заседателей в отношении М., обвиняемого в совершении убийства своего друга К. группой лиц, с особой жестокостью, коллегия присяжных заседателей признала доказанным, что М. наносил ножевые ранения К. в группе с Т.и К. под угрозой убийства от Т., а также поджигал дом, где оставался К., еще подававший признаки жизни.

На вопрос о виновности коллегия присяжных заседателей ответила отрицательно, тем самым признала М. невиновным со всеми вытекающими последствиями, в том числе правом на реабилитацию при законном и обоснованном уголовном преследовании [23].

Еще примеры из судебной практики Ленинградского областного суда.

По одному из уголовных дел присяжные заседатели своим вердиктом признали доказанным, что В. в группе с Н. и М. причастен к убийству Е.; при этом В. на почве ссоры и личных неприязненных отношений нанес погибшему не менее двух ударов ногой в голову в то время как Н. и М. наносили тому удары кулаками, ногами и ножами (не менее 12-ти ударов ножом в шею). На третий вопрос о виновности В. коллегия присяжных заседателей ответила отрицатель-

но, тем самым признала его невиновным. Оправданный В. обратился в суд с требованием о взыскании компенсации морального вреда в размере 1 млн рублей. Суд удовлетворил данные требования в части. И это фактически при законном и обоснованном уголовном преследовании, юридической доказанности виновности В. [24]

По другому уголовному делу коллегия присяжных заседателей признала доказанным совершение подсудимым Д. в группе с С. и В. согласно ранее состоявшегося между ними сговору нападение на братьев Муминовых в целях завладения чужим имуществом, с угрозой применения насилия опасного для жизни, с применением оружия – пистолета-ракетницы. При этом на третий вопрос о виновности подсудимого Д. коллегия присяжных заседателей ответила отрицательно, то есть вынесла оправдательный вердикт. При доказанности факта совершения преступления и причастности Д. к нему, он был признан невиновным. В свою очередь Ленинградским областным судом 18.06.20 г в отношении Д. вынесен оправдательный приговор за отсутствием в его деянии состава преступления. Кроме того, суд признал за оправданным Д. право на реабилитацию, включающее в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Далее, реабилитируемый Д. в 2021 году обратился в районный суд с исковым заявлением о взыскании компенсации морального вреда в размере 10 млн рублей, причиненного в результате незаконного уголовного преследования [25].

В соответствии с положениями закона любой оправдательный приговор находится в прямой связи с положениями главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о реабилитации (ч. 3 ст. 302 УПК РФ).

Приведенные примеры являются яркой демонстрацией того, что в некоторых ситуациях применение института реабилитации не в полной мере отвечает принципу справедливости применительно к положениям части 2 статьи 6 и части 4 статьи 11 УПК РФ. Как видим, возможна фактически парадоксальная ситуация, при которой лицо, подвергнутое законному и обоснованному уголовному преследованию, оправдано, и в итоге получает право на реабилитацию. Что явно противоречит не только самой идее создания института реабилитации, но и справедливому возложению на государство обязанности возместить причиненный ущерб по сути за законные и обоснованные действия органов государственной власти, а также их должностных лиц. Тем более, что, судя по приведенным примерам из судебной практики, провозглашенный на конституционном уровне судом с участием присяжных заседателей оправдательный приговор при законном и обоснованном преследовании лица, признанного невиновным, по существу является обвинительным приговором с освобождением подсудимого от наказания.

Если обратиться к вопросу о значении слова «виновность» в вердикте присяжных заседателей, то отрицательный ответ на вопрос, касающийся виновности, равен отсутствию состава преступления, как этого следует из пункта 3 части 2 статьи 302 УПК РФ.

Стоит согласиться с точкой зрения Ю.А. Красикова - «В истории российского уголовного права … виновность не включена в число признаков преступления. Виновность – психическое отношение лица к запрещенным уголовным законом совершаемому деянию и его последствиям, то есть свойство противоправности действий, которое относится к преступным, но не самостоятельный признак преступления» [9, с. 61]. Из этого следует, что противоправность деяния включает в себя наказуемость.

Следует отметить неоднозначное для понимания сути разъяснение, содержащееся в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» о том, что при положительном ответе на два первых вопроса и отрицательном на третий вопрос подсудимый должен быть оправдан, в том числе и за отсутствием состава преступления. В данном случае, представляется, что лицо считается оправданным не за отсутствием в его действиях состава преступления, а лишь на основании самостоятельного основания, [7] т.е. вынесения присяжными оправдательного вердикта (пункт 4 части 2 ст. 302 УПК РФ).

Представляется, что в подобных ситуациях не имеет смысла указывать на отсутствие состава преступления в деянии подсудимого, поскольку отрицательный ответ присяжных на вопрос о виновности относится, скорее всего, к наказуемости, т.е. к освобождению от наказания юридически виновного лица.

С учетом имеющихся противоречий в реализации института реабилитации, представляется, возможным некоторое изменение конструкции постановки вопросов перед присяжными заседателями. Кроме трех основных, предусмотренных законом (ч.1 ст. 339 УПК РФ), перед присяжными возможна постановка вопроса о том, заслуживает ли освобождения от наказания подсудимый, в отношении которого признано доказанным совершение им преступления. Если присяжные посчитают необходимым «помиловать» подсудимого, то при доказанности по существу законного и обоснованного уголовного преследования у суда будет возможность на основании вердикта присяжных в отношении этого лица вынести обвинительный приговор с освобождением от наказания. Что в конечном итоге обеспечит согласованное толкование и правоприменение положений главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о реабилитации с пунктом 3 части 5 статьи 302 УПК РФ об обвинительном приговоре без назначения наказания, а также закрепленных в части 2 статьи 302 УПК РФ положений об основаниях постановления оправдательного приговора.

Существующая проблема возникновения права на реабилитацию требует незамедлительного решения с учетом расширения сферы применения рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, введения этой формы уголовного судопроизводства в районных судах.

Список источников

1. Александров А. С., Бойков А. Д., Ведерникова О. Н. и др. Уголовное судопроизводство: теория и практика (под ред. Н.А. Колоколова). Москва: Юрайт, 2015.

2. Большой юридический словарь. Москва: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17854 (дата обращения 20.03.2019).

3. Золотых В.В. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Москва, 2003.

4. Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Москва: Юрид. лит., 1968.

5. Кудрявцева Е. П. Суд присяжных в Российской Федерации. Москва: РГУП 2017.

6. Миронова М. А. Проблема неправомерного отождествления судами своих задач с задачами досудебного производства // Юридический вестник Самарского университета, 2016. Т. 2. № 4.

7. Новиков И.С. О некоторых положениях нового постановления Пленума о суде присяжных // Российское правосудие. 2006. № 4.

8. Омаргаджиев З. О. Институт реабилитации (концептуальный анализ) // Теория и практика общественного развития, 2005. № 1. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2005/1/omargajiev.pdf (дата обращения 20.03.2019).

9. Уголовное право России. Т.1. Общая часть. Москва: Норма-Инфра: 1999.

10. Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. Москва, 1902.

11. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)

12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ.

13. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 117 (Страсбург, 22 ноября 1984 г.) ратифицирован Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ.

14. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)

15. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII.

16. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // URL: https://docs.cntd.ru/document/901808921 (дата обращения: 14.01.2022)

17. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон РФ от 16 июля 1993 г // Ведомости РФ.1993.№ 33. Ст.1313.

18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденный Законом СССР от 24

июня 1981 года https://home.garant.ru/#/document/10105655/paragraph/58/doclist/90/ showentries/0/highlight/:4 дата обращения 06.02.2022
19. Инструкция по применению данного Положения, утвержденной Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Министерством финансов СССР 2 марта 1982 года и согласованной с Верховным Судом СССР, Министерством внутренних дел СССР, Комитетом государственной безопасности СССР https://home.garant.ru/#/document/1305297/paragraph/75/doclist/107/showentries/0/highlight/ дата обращения 06.02.2022
20. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения 14.01.2022)
21. Судебник 1550 г. под редакцией В.Б. Цыганова // URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения 14.01.2022)
22. Судебник 1497 г. под редакцией Б.Д. Грекова // URL: https://elf.ucoz.net/Pravo/IOGP/sudebnik_1497.pdf (дата обращения: 14.01.2022)
23. Архив Ленинградского областного суда, дело № 2-66-2005.
24. Архив Ленинградского областного суда, дело № 2-14/2020.
25. Московский районный суд Санкт-Петербурга, дело № 4-3083/2021.

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Зинченко Игорь Анатольевич
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Калининградский филиал АНОВО «Международный университет (в Москве)»

Попов Алексей Павлович
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности, доктор юридических наук, доцент
Юридический институт ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный университет»

В статье анализируются тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Авторы приходят к выводу о том, что конструирование многочисленных институтов и норм, направленных на создание привилегированного процессуального режима производства по уголовным делам для представителей бизнес-сообщества противоречит основополагающему конституционному принципу равенства граждан перед законом и судом. Актуален вопрос: какова современная уголовно-процессуальная политика и в чьих интересах она реализуется?

Ключевые слова: уголовная политика; наука уголовного процесса; уголовно-процессуальное право; тенденции развития уголовно-процессуального законодательства.

RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE STATE CRIMINAL POLICY

Zinchenko I. A., Popov A. P.

The article analyzes the tendencies of development of the modern criminal procedure legislation of the Russian Federation. The authors come to the conclusion

© Зинченко И. А., Попов А. П., 2022

that the construction of numerous institutions and norms, aimed at creating a privileged procedural regime of criminal proceedings for business representatives, contradicts the fundamental constitutional principle of the equality of citizens before the law and the courts. The question is urgent: what is the modern criminal procedure policy and in whose interests is it being implemented?

Keywords: criminal policy; science of criminal procedure; criminal procedure law; trends in the development of criminal procedure legislation.

1. В 2022 г. исполняется 20 лет со дня вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс). Оценки авторитетными отечественными авторами ему даются разные, порой полярные. Исключительно положительные характеристики можно услышать преимущественно от специалистов, принимавших участие в создании Кодекса [7]. Умеренно-сдержанные оценки УПК РФ, конечно, также имеют место, однако подавляющее большинство авторов, уделивших внимание уголовно-процессуальной политике и детерминированного ею состоянию отраслевого законодательства, занимают по данному вопросу иную – негативную позицию. Так, проф. Л.В. Головко, оценивая качество последней российской уголовно-процессуальной кодификации, отмечает ее эклектичность, неудачные попытки копирования англо-американских подходов, ложность, этическую порочность и технологическую недостижимость целей уголовного производства [2, с. 5]. В целом же можно сказать, что острие критики УПК РФ преимущественно направлено на сложно выявляемую векторность развития либо вовсе отсутствие таковой и чрезвычайную нестабильность.

Серьезные разночтения в оценке позитивного права вполне закономерны, ведь Кодекс, будучи целостным нормативным актом, в своей структуре столь многослоен, а в содержании институтов и норм столь многолик, что каждый исследователь, сообразно поставленным перед собой целям и задачам, ищет и находит в нем то, что искал.

В рамках настоящей статьи хотелось бы обратить внимание также и на то, что некоторые из вносимых в Кодекс преобразований специалистами оцениваются как противоречащие Конституции РФ [4, с. 63-65]. Думается, не случайно в научном сообществе предпринимались попытки, к которым мы относимся исключительно положительно, по подготовке проектов нового УПК РФ. Конечно, в традиционных представлениях господствует мнение о неизбежном соответствии позитивного права и его главной формы выражения – законов социально-экономическим, политическим, культурным отношениям, существующим в государстве и обществе. Однако хорошо известны и исключения. Мы помним: в посткрепостнической России многие институты Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. оказались значительно прогрессивнее внешних детерминант. Да и прекратил существование Устав вовсе не потому, что был плох.

Наша позиция по данной проблеме заключается в следующем. Создававшийся в весьма непростых условиях УПК РФ в государстве

и обществе, безусловно, выполняет свою основную служебную функцию – регламентирует процедуру судопроизводства на территории РФ. Он содержит немало прогрессивных институтов и норм, олицетворяющих отказ от уклада судопроизводства, существовавшего в эпоху Союза ССР и переход страны и ее правовой системы к условиям новых политических, экономических и социальных отношений. Вместе с тем, Кодекс не свободен от серьезных упущений и недостатков, в связи с чем он не может быть ни чем иным как УПК переходного периода.

2. Любое законодательство обладает (должно обладать) внутренней и внешней детерминацией, определяемой, в частности, его историей. Еще в 1914 году, в условиях действия Устава уголовного судопроизводства, проф. П.П. Пусторослев, анализируя принципы уголовно-процессуального права, считал основополагающим, стоящим выше всех остальных начал, «принцип поддержания и возможно большего увеличения всенародного благосостояния» [6, с. 74]. Эти слова были созвучны девизу Устава уголовного судопроизводства: «Правосудие для народа и, по возможности, посредством народа» [8, с. 41]. Пройдет всего лишь несколько лет и верховным в уголовно-процессуальном праве и уголовно-процессуальной деятельности получит признание постулат революционной целесообразности, а затем ему на смену будет выдвинут господствующий и поныне принцип законности. Для правоведов сегодняшнего дня, в частности, для тех из них, кому доверено создавать нормативные акты, слова русского ученого П.П. Пусторослева звучат непривычно, а, возможно, и неожиданно. Но главное – они забыты, особенно теми специалистами, кому основное предназначение уголовного судопроизводства видится не в защите личности от незаконного обвинения, осуждения и ограничения ее прав, а в борьбе с преступностью.

В начале XXI века уголовная политика российского государства начала обретать вполне определенные очертания, которые можно представить в форме создания «особого производства», а точнее, льготных процедур при производстве по уголовным делам о налоговых и экономических преступлениях, совершенных представителями предпринимательского класса. (Перечень этих преступлений содержится в соответствующих статьях УПК РФ, при этом нас в наибольшей степени настораживает включение в него различных видов мошенничества). Данная политика, справедливо окрещенная в специальной литературе буржуазной [1, с. 132-155], наиболее отчетливо проявляется в следующих нововведениях в УПК РФ:

1) в соответствии с современной редакцией ч. 3 ст. 20 УПК РФ в число уголовных дел частно-публичного обвинения включены дела о преступлениях, предусмотренных ст. 59 (ч. 1-4), 159.1-160 УК РФ и еще десять составов преступлений в сфере экономики, если они совершены предпринимателями либо членами органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими предпринимательской или экономической деятельности. Но, как извест-

но, уголовные дела частно-публичного обвинения возбуждаются лишь по заявлению потерпевшего или его законного представителя, хотя они и не подлежат прекращению в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим. Таким образом, прокуратура, а также органы, осуществляющие производство предварительного расследования и оперативно-розыскную деятельность, вопреки требованиям Конституции РФ не обязаны защищать права и свободы человека, если жертвами перечисленных преступлений становятся граждане. Да и выявление подобных криминальных проявлений теперь не составляет задачу правоохранительных органов. Пока между субъектом хозяйственной деятельности и физическим лицом длится гражданско-правовой спор (если таковой вообще состоится), предприниматель, в отличие от гражданина, таковым не являющимся, с благословения законодателя застрахован от угрозы уголовного преследования;

2) сюда же надо отнести рождение института деятельного раскаяния, предусмотренного ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ. В них создан специальный договорной механизм прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. И вновь в данных статьях фигурирует «специальный субъект» уголовно-процессуальных отношений: названные нормы предусматривают прекращение уголовного преследования лиц, совершивших «экономические преступления», если ущерб, «причиненный бюджетной системе РФ, возмещен в полном объеме». Таким образом, у злочинца появляется возможность откупиться от уголовной ответственности [1, с. 84-86];

3) к указанным привилегиям примыкают положения норм Кодекса, направленные на защиту интересов лиц, добровольно представивших в налоговые органы специальные декларации, поданные в рамках так называемой «амнистии капиталов». Здесь, во-первых, следует указать на требования п. 2.2 и 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, обязывающих признавать недопустимыми доказательствами сведения, содержащиеся в специальной декларации и в прилагаемых к ней материалах. Во-вторых, на дополнение ст. 140 УПК РФ ч. 3, запрещающей использовать факт подачи декларации и соответствующие сведения в качестве повода для возбуждения уголовного дела. В-третьих, на включенную в ст. 164 УПК РФ ч. 4.1, запрещающую изымать специальную декларацию, а также иные «документы и сведения» при производстве следственных действий.

Качество законодательной технологии при создании перечисленных и ряда иных норм должно являться предметом отдельного обсуждения [5]. В рамках настоящей статьи хотелось бы обратить внимание, во-первых, на недопустимое, на наш взгляд, размещение в одной и той же структурной единице Кодекса – ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ двух различных по предметному составу норм. Первая из них запрещает «необоснованное» изъятие электронных носителей информации при производстве следственных действий по уголовным делам о налоговых и экономических преступлениях, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности. Вторая, не

допускающая изъятия специальной декларации и прилагаемых к ней «документов и сведений», устанавливает абсолютный запрет, подлежащий применению при производстве по всем уголовным делам. Остается загадкой, на какую из этих разноуровневых норм должен сослаться правоприменитель при принятии конкретного процессуального решения. Во-вторых, укажем на то, что сама редакция первой нормы в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ сформулирована крайне неудачно, поскольку из ее буквального толкования вытекает допустимость необоснованных, а значит и незаконных мер при производстве по любым иным категориям уголовных дел [5];

4) согласно рассматриваемым нововведениям в УПК РФ для представителей «буржуазного сословия», являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, при совершении ими перечисленных в законе десятков составов преступлений создан также льготный режим в части избрания наиболее строгой меры пресечения – заключения под стражу. В соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ данная мера не может быть к ним применена, если отсутствуют сведения о том, что они не имеют постоянного места жительства, нарушили ранее избранную меру пресечения либо скрылись от органов предварительного расследования или от суда, а также не установлена их личность;

5) преобразование институтов и норм доказательственного права, касающихся одной из злободневных для современного общества проблем, – вовлечения в доказательственный оборот средств компьютерных технологий и результатов их применения. Прежде всего, укажем на появление в УПК РФ ст. 81.1 «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики». Данная статья предусматривает, во-первых, что по данной категории дел электронные носители информации должны признаваться вещественными доказательствами, о чем выносится соответствующее постановление (ч. 1). Во-вторых, установлено, что предметы и документы не могут длительное время оставаться в состоянии неопределенности. Они должны быть признаны вещественными доказательствами не позднее 10 суток с момента изъятия путем вынесения специального постановления либо возвращены владельцам (ч. 2 и 4). В-третьих, предусмотрено право законного владельца снять с документов копии за свой счет (ч. 3).

Включена в УПК РФ и специализированная статья 164.1, детально регламентирующая основания и особенности изъятия электронных носителей и копирования с них информации при производстве следственных действий по рассматриваемой категории уголовных дел (назовем их вслед за законодателем делами о преступлениях «в сфере экономики» – ст. 81.1 УПК РФ).

Кроме того, общие правила производства следственных действий, перечисленные в ст. 164 УПК РФ, дополнены в уже упоминавшейся нами части 4.1 нормой, запрещающей необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановке деятель-

ности хозяйствующих субъектов (хотя данная норма логична в контексте законодательства об «амнистии капиталов»).

Следует также отметить, что перечень субъектов, на которых распространяется льготный режим уголовного производства, законодательно уточняется и расширяется. На это расширение направлено, например, изменение в 2021 году редакции ч. 1 ст. 81.1 в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ [9].

Досудебное и судебное уголовное, да и иное производство в отношении представителей бизнес-сообщества нуждается в совершенствовании. В этом нет никаких сомнений. (Дошло до того, что в средствах массовой информации и в специальной литературе приводятся сведения о «расценках» на сфальсифицированное заказное уголовное преследование предпринимателей и проведение принудительных процессуальных действий [3, с. 128]). Однако государство в не меньшей степени должно быть заинтересовано в процессуально-правовой защите не только интересов представителей предпринимательского класса, но и всех своих граждан. Создание льготного режима для представителей бизнеса покушается на всю систему уголовно-процессуального права, поскольку подрывает веру в незыблемость основополагающих конституционных установлений, касающихся статуса гражданина в государстве и обществе. При таком подходе, как мы уже ранее отмечали принципы уголовного процесса – законность, равенство граждан перед законом и судом – становятся все более декларативными [5].

Выводы:

При разработке будущего уголовно-процессуального законодательства нормы, включенные в ч. 3 ст. 20, ст. 28.1 и ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ из него должны быть исключены. Что касается правовых предписаний, закрепленных в ст. 81.1, ч. 4.1 ст. 164, а также в ст. 164.1 УПК РФ, то в них содержатся разумные правила, нацеленные на защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, причем, участников и со стороны обвинения, и со стороны защиты. Эти правила целесообразно распространить на досудебное и судебное уголовное производство по всем уголовным делам. В этом видится истинный смысл уголовной политики. С точки же зрения законодательной технологии в решении этого вопроса не может возникнуть каких-либо затруднений.

В заключение отметим, что основные болевые точки кроются далеко не в законодательстве, а в повседневной правоприменительной практике. Эти вопросы остаются за пределами настоящей статьи, но очевидно, – важнейшим условием ее оздоровления служит совершенное законодательство.

Список источников

1. Александров А.С. Новое – буржуазное – уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России // Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции. В 2 т. Том 1: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина и И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2017. С. 132-155.

2. Головко Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3-7.
3. Григорьев В.Н. О некоторых замечаниях к нормативным формулировкам назначения уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 127-133.
4. Григорьев В.Н. Свежая порция отступлений в УПК от Конституции Российской Федерации // Права и свободы человека в контексте развития современного государства: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2017. С. 63-67.
5. Зинченко И.А., Попов А.П. Институт электронных носителей информации в уголовно-процессуальном праве / Сайт международной ассоциации содействия правосудию // URL: https://www.iuaj.net/node/2814 (дата обращения 24.01.2022). Текст: электронный.
6. Пусторослев П. П. Русское уголовно-судебное право. Вып. 1. Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1914. 440 с.
7. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и пятилетием со дня его принятия и введения в действие) // Сб. статей и материалов / науч. ред. Е.Б. Мизулина. Москва: Юристъ, 2006. 847 с.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Смирнова. В 2 т. СПб: Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.
9. ФЗ РФ от 24.03.2021 № 57-ФЗ «О внесении изменений в статьи 81.1 и 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Официальный интернет портал правовой информации. 24.03.2021 // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103240049 Текст: электронный.

УДК 34

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ КОРРУПЦИОННОГО И НЕКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Ильюк Елена Вадимовна
Доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ)

В статье рассматриваются новые требования к государственным служащим и службе в правоохранительных органах. Отмечается, что только формальных ограничений недостаточно, необходима идеологическая подготовка государственных служащих. Традиционной мотивации для государственной службы (материальное обеспечение семьи, карьерный рост) недостаточно для формирования антикоррупционной мотивации поведения государственного служащего.

Ключевые слова: мотивация к службе, антикоррупционная мотивация, идеологическая подготовка.

ON THE ISSUE OF MOTIVATION OF CORRUPTION AND ANTI-CORRUPTION BEHAVIOR OF CIVIL SERVANTS

Ilyuk E. V.

The article discusses new requirements for civil servants and service in law enforcement agencies. It is noted that only formal restrictions are not enough,

© Ильюк Е. В., 2022

ideological training of civil servants is necessary. Traditional motivation for public service (financial support for family, career growth) is not enough to form an anti-corruption motivation for the behavior of a civil servant.
Keywords: motivation for service, anti-corruption motivation, ideological training.

Требования и ограничения для государственной службы с каждым годом увеличиваются. Отсутствие судимости у самого сотрудника и близких родственников, психических расстройств и учета в наркологических и психиатрических медицинских учреждениях, статуса предпринимателя и ведения коммерческой деятельности, контроль за доходами и расходами, отсутствие счетов в зарубежных банках и иностранных финансовых инструментов, недвижимости за рубежом у самого сотрудника, членов семьи и близких родственников. Формальные запреты сотрудники пытаются «обойти»: брак не зарегистрирован либо осуществляется «фиктивное» расторжение брака, внезапно «богатеют» уже совсем не близкие родственники. Перед приемом на службу сотрудники проходят психологическое тестирование и полиграф.

Очевидно, учета «негативных» факторов коррупционного поведения недостаточно. Нужно учитывать и «позитивные» факторы, влияющие на антикоррупционное поведение. Психологическое тестирование учитывает такой фактор, как мотивы поступления на службу в правоохранительные органы. Традиционной мотивацией поступления на службу в правоохранительные органы являются мотивы обеспечения семьи и карьерный рост. Но достаточно ли этих мотивов с учетом современных требований к государственному служащему? Достаточно ли для формирования модели антикоррупционного поведения? Если основным мотивом является мотив обеспечения семьи (то есть материальный, или «корыстный» мотив), то такого государственного служащего, всегда можно «перекупить», предложив ему сумму, превышающую его официальный доход за 10-20 лет, и достаточную для проживания за рубежом всю оставшуюся жизнь… Что же нужно для формирования «неподкупного» государственного служащего?

Для формирования «неподкупного» государственного служащего нужна государственная идеология – идея служения государству и народу.

Дети, которые спасают других детей из пожара, из- под колес электрички, из горящей машины, из проруби – тонущих, горящих – они делают это ради прибыли? Карьерного роста? Нет, он об этом не думают, они думают о своем долге. Именно эта мотивация – долг, восстановление справедливости, для людей и отечества – и должна быть у государственных служащих. Ее нужно воспитывать, а значит, государственная идеология должна быть возвращена в образовательные учреждения и СМИ, и, в первую очередь, в учебные и образовательные учреждения, которые воспитывают и дают образование государственным служащим.

В научной литературе отмечается, что мотивация государственного служащего к труду иная, чем мотивация в коммерческой организации. Она включает в себя реализацию интересов общества, формирование уровня ответственности за принятие решений, которые могут повлиять на качество жизни населения [13].

Мотивация на государственной службе, по мнению многих авторов, включает служение [5], служение государству и обществу [7], патриотизм [6], желание принести пользу государству и обществу [13].

Отсутствие государственной идеологии подрывает национальную безопасность Российской Федерации [10, с.103-104].

На протяжении десятилетий (особенно последние тридцать лет) в России идет ментальная и информационная война за сознание молодежи. Манипуляции в информационной сфере меняют систему ценностных ориентаций, насаждают коррупционную идеологию. Идеология является стержнем национальной безопасности, она формирует представление о целях жизни и деятельности людей.

Запрет на государственную идеологию был установлен в части 2 статьи 13 Конституции РФ 1993 г., внесение изменений в эту статью предлагается во множестве научных исследований [1; 2; 3; 4; 8; 9; 11; 12; 14; 15], авторы которых предлагают исключить слова «государственной или» из части 2 статьи 13.

Список источников

1. Абакумова Е. Б. К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 51–57.

2. Арбатов А.Г. Национальная безопасность России в многополярном мире/ А.Г. Арбатов // Вестник РАН. 2000. Т.70. № 11.

3. Бернацкий Г. Г. Государству необходима государственная идеология // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. Т. 15. № 2. С. 4–7.

4. Дзахова Л.Х., Бязрова Д.Б. Идеология как необходимый фактор жизни современного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 150–153.

5. Каппушев С.С. Психологические особенности мотивации профессиональной деятельности сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России: автореф. дис. … канд. психолог. наук. С.-Петерб. ун-т Гос. противопожарной службы МЧС России. Санкт-Петербург, 2006.

6. Корнилов А.А. Организация и правовые основы функционирования органов и учреждений федеральной службы исполнения наказаний по формированию мотивации служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2009.

7. Куатбеков Ж.А. Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2013. № 6. С. 144-148.

8. Куничкина Н. С. Идеологическое многообразие и запрет на государственную (обязательную) идеологию в нормах Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. С. 8–10.

9. Мишуров И.Н., Мишурова О.И. Национально-государственная идеология // Сервис в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 104-112.

10. Петухова Т.Н. Государственная идеология как конституционная ценность (историко-правовое исследование) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 103-104.

11. Погорелый А.П. Идеология как насущная проблема современной России // Военный академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 104-111.
12. Радько Т. Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник академии права и управления. 2012. № 29. С. 9–16.
13. Слепцова Е.В., Балабанова О.А. Мотивация труда в системе государственной службы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 12-1 (58). С. 174-177.
14. Неверов А. Я. Государственная идеология в Российской Федерации: конституционно-правовые основания // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 107–115.
15. Фасгиев Т. А. Современные представления об идеологической функции государства: некоторые конституционные аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 7. С. 7–11.

УДК 343.13

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И АРМЕНИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Илюхина Вера Алексановна
Доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права, кандидат юридических наук, доцент
Академия ФСИН России

В статье на основе анализа Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Армения, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения проводится компаративистский анализ принципа законности в уголовном судопроизводстве России и Армении. Делается вывод, что, несмотря на нормативное закрепление принципа законности в уголовном судопроизводстве у законодателя обоих государств имеется неопределенное представление о его содержании.

Ключевые слова: принципы права, принципы уголовного судопроизводства, компаративистика, уголовно-процессуальное законодательство.

THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND ARMENIA (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Ilyukhina V. A.

In the article, based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation and the Constitution of the Republic of Armenia, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Republic of Armenia, a comparative analysis of the principle of legality in the criminal proceedings of Russia and Armenia is carried out. It is concluded that, despite the normative consolidation of the principle of legality in criminal proceedings, the legislator of both states has an indefinite idea of its content.

Keywords: principles of law, principles of criminal proceedings, comparative studies, criminal procedure legislation.

В настоящее время принцип законности является одним из общеправовых принципов стран, входящих в романо-германскую правовую семью. Как известно, Российская Федерации и Республика

© Илюхина В. А., 2022

Армения относятся к этой семье. Это обстоятельство, а также длительное совместное развитие сначала в рамках Российской империи, позже – СССР, позволяет проводить компаративистский анализ современных правовых систем России и Армении, а также и такого их составного элемента как принципы права.

В данной статье мы на основе изучения действующего российского и армянского законодательства проведем сравнительно-правовой анализ принципа законности в уголовном судопроизводстве. При этом принципы права мы рассматриваем исключительно в рамках позитивистского правопонимания [1, 2].

И в России, и в Армении принцип законности является не только общеправовым принципов, т.е. принципом, характерным для всех отраслей национального права, но и принципов конституционным – закрепленным в национальных Конституциях. При этом наметился разный подход законодателя к закреплению принципа законности на конституционном уровне.

Так, в Российской Федерации традиционно считается, что принцип законности выражен в ч. 1-3 Конституции РФ [3]. При этом статьи российской Конституции не имеют названий, а само понятие «законность» в ее тексте не используется.

В действующей редакции Конституции Республики Армения (в отличие от первоначальной ее редакции) [4] статьи имеют названия. Более того, ст. 6 этого нормативного правового акта называется «Принцип законности». Тем самым армянский законодатель четко определил, что он, во-первых, рассматривает законность именно в качестве принципа права (а не какого-то иного явления юридической действительности) и, во-вторых, в ст. 6 Конституции достаточно четко раскрывается содержание принципа законности.

В наши задачи не входит комплексное сравнение конституционного принципа законности в законодательстве России и Армении, поэтому рассмотрим, как данный принцип закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве обоих государств.

Несмотря на сказанное выше, кратко охарактеризуем ситуацию. Во-первых, текстуально изложение принципа законности в конституционных актах России и Армении существенно различается, что несколько осложняет процесс сравнения. Во-вторых, сущностно принцип законности в Конституции РФ во многом совпадает с принципом законности в Конституции РА. В-третьих, схожесть принципа законности в России и Армении заключается в следующем: действуют только официально опубликованные нормативные правовые акты (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, ч. 3 ст. 6 Конституции РФ). В-четвертых, ч. 1 ст. 15 наделяет Конституцию РФ высшей юридической силой и прямым действием, при этом законы и иные нормативные акты не должны ей противоречить. Аналогичная норма в ст. 6 Конституции РА отсутствует. В-пятых, в Конституции РФ содержится норма, предписывающая всем субъектам права обязанность по соблюдению Конституции и законов (ч. 2 ст. 15). В ч. 1 ст.

6 Конституции РА расставлены несколько иные акценты, а именно: государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица наделены правомочиями исключительно выполнять те действия, которые предписаны Конституцией или законами. Наконец, в-шестых, ч. 2 ст. 6 Конституции РА наделяет государственные органы полномочиями по принятию подзаконных нормативных правовых актов, направленных на обеспечение их деятельности. При этом делается специальная оговорка, что «Уполномочивающие нормы должны соответствовать принципу правовой определенности». В ст. 15 Конституции РФ аналогичная норма отсутствует.

Перейдем к рассмотрению вопроса о закреплении принципа законности непосредственно в уголовно-процессуальном законодательстве России и Армении. Следует отметить, что в плане законодательной техники (относительно принципов права) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [5] и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [6] являются удачными. И в том, и в другом кодексе в отличие от ряда других кодифицированных актов принципам права посвящены отдельные главы (гл. 2 УПК РФ и гл. 2 УПК РА). В обоих уголовно-процессуальных кодексах принципу законности посвящены статьи под номером 7. В УПК РФ данная статья называется «Законность при производстве по уголовному делу», а в УПК РА – «Законность». Обратим внимание, что в обоих случаях законодатель использует в названии соответствующих глав понятие «законность», но не употребляет его в названии статей. При этом в УПК РА более абстрактное название статьи, а в УПК РФ имеет место конкретизация – указывается, что имеется в виду не законность вообще, а именно законность при производстве по уголовному делу.

Ни в УПК РФ, ни в УПК РА изложение принципа законности не представляет собой дублирование конституционных норм. По большому счету, уголовно-процессуальное законодательство обоих государств не является в полной мере и конкретизацией соответствующих статей национальных Конституций. Скорее можно вести речь о том, что в УПК РФ и УПК РА дополняется и расширяется понимание конституционного принципа законности. Полагаем, что данная ситуация свидетельствует о сложности и многогранности законности как правового явления, как принципа права.

Содержание принципа законности изложено в УПК РФ в четырех частях статьи 7, а в УПК РА – всего в двух частях статьи с таким же номером. Понимание принципа законности в УПК РА сводится, по сути, к двум моментам: 1) участники уголовного судопроизводства, включая суд, орган дознания, следователя и прокурора обязаны соблюдать законы (Конституцию, УПК РА и прочие); 2) лицо может быть подвергнуто каким-либо мерам процессуального принуждения, включая задержание, обыск, арест, осуждение и др., только на основаниях и в порядке, установленных законом.

В УПК РФ законность в уголовном судопроизводстве понимается более широко. Особый упор делается на иерархию норм права в уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ). В ч. 3 той же статьи законность рассматривается в качестве критерия допустимости доказательств. Наконец, в ч. 4 ст. 7 УПК РФ в качестве одного из элементов принципа законности при производстве по уголовному делу закрепляются положение, что законными, обоснованными и мотивированными должны быть все определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя.

Подводя итоги статьи, мы приходим к несколько неожиданному выводу. Несмотря на то, что и на конституционном, и на отраслевом уровне в Российской Федерации и Республике Армения закреплен принцип законности (как общеправовой и как принцип уголовного судопроизводства), складывается впечатление, что законодатели обоих государств имеют весьма неопределенное представление о его содержании. Подтверждением этому является, с одной стороны, несовпадение понимания законности, закрепленное в национальных Конституциях, с нормами национального уголовно-процессуального законодательства. С другой, стороны, в странах, имеющих общее историческое прошлое и принадлежащих одной правовой семье, принцип законности получает отличающиеся друг от друга, но не противоречащие друг другу интерпретации. Полагаем, и для России, и для Армении актуальной является проблема сначала разработки на доктринальном уровне определения и содержания принципа законности, а потом и нормативного его закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве.

Список источников

1. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права / А.А. Демичев // Государство и право. 2014. № 5. С. 5-13.

2. Demichev A., Iliukhina V., Demichev K., Paramonov A. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification) / A. Demichev, V. Iliukhina, K. Demichev, A. Paramonov // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. №. 1. P. 609-616.

3. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

4. Конституция Республики Армения с изменениями [принята 6 декабря 2015 г.] // URL: http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus#1 (дата обращения 31.01.2022). Текст : электронный.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 года №ЗР-248 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения 31.01.2022). Текст : электронный.

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

Казаков Александр Алексеевич
Заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала,
кандидат юридических наук, доцент
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации

В статье рассматривается вопрос о современных сложностях, возникающих в ходе реализации главы 52 УПК РФ. Содержание правовых иммунитетов трактуется практическими работниками неоднозначно. Проанализированы причины возникновения процессуальных проблем, сделан вывод о необходимости совершенствования действующих процедур с учетом накопленного в правоприменении опыта.

Ключевые слова: процессуальные иммунитеты, отдельные категории лиц, процессуальные привилегии, лица, обладающие особым правовым статусом, привлечение в качестве обвиняемого, неверное толкование уголовно-процессуального закона, глава 52 УПК РФ.

PROCEDURAL PROBLEMS IN PROSECUTING PERSONS WITH SPECIAL LEGAL STATUS

Kazakov A. A.

The article considers the issue of modern difficulties arising during the implementation of chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The content of legal immunities is interpreted ambiguously by practitioners. The reasons for the occurrence of procedural problems were analyzed, it was concluded that the existing procedures should be improved taking into account the experience gained in law enforcement.

Keywords: procedural immunities, certain categories of persons, procedural privileges, persons with special legal status, involvement as an accused, incorrect interpretation of the criminal procedure law, chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Неотвратимость наказания субъектов, совершивших коррупционные преступления, выступает одним из основополагающих факторов эффективной борьбы с данным негативным явлением. Среди барьеров на этом пути – процессуальные иммунитеты в сфере уголовного судопроизводства, которыми наделены представители некоторых профессиональных сообществ. С одной стороны, эти гарантии оправданы, поскольку в определенной степени оберегают их обладателей от неправомерного вмешательства в осуществляемую ими публично значимую деятельность. С другой, привилегии такого рода отягощают дополнительными формальными препятствиями законное и обоснованное уголовное преследование.

© Казаков А. А., 2022

В литературе подвергается сомнению необходимость присутствия в тексте уголовно-процессуального закона столь значительных изъятий из общих правил производства процессуальных действий. Предлагается введение других вместо существующих [3, с. 148-153]. В исследованиях подчеркивается, что нормы главы 52 УПК РФ содержат в себе коррупциогенный фактор [8, с. 11].

В то же время стоит отметить, что рассматриваемые барьеры отнюдь не носят непреодолимый характер. Так, за 9 месяцев 2021 года Следственный комитет РФ направил в суд уголовные дела против 331 гражданина с особым правовым статусом [1]. Привлечение к ответственности этих субъектов справедливо следует позиционировать в качестве свидетельства отсутствия каких-либо индульгенций, защищающих от правомерной работы правоохранительных органов [2, с. 121].

Вместе с тем особый правовой статус подобен доспехам, которые, конечно, не гарантируют «выживание» в состязательном поединке, развернутом на поле уголовного судопроизводства, но в зависимости от прочности брони в любом случае замедляют победу справедливости. При этом многое зависит от того, насколько заточен у стороны обвинения меч в плане понимания содержания и границ действия процессуальных иммунитетов. Одновременно следствие (зачастую с учетом позиции прокурора и суда) одевает субъекта преступления в соответствующие доспехи, хотя правила игры того не требуют. В последней ситуации применяется особый порядок, не смотря на то, что в этом нет нормативно обоснованной необходимости [4, с. 76-81].

«У страха глаза велики». Анализ правоприменения позволяет обнаружить яркую иллюстрацию этой поговорки: желание практических работников «перестраховаться», то есть выбрать менее рискованный с точки зрения возможных негативных последствий вариант, увеличивает объем процессуальных гарантий подозреваемого, обвиняемого (по сравнению с предусмотренным законом).

Так, встречается ошибочная позиция о необходимости применять в ходе расследования уголовного дела особый порядок инициирования уголовного преследования (ч. 1 ст. 448 УПК РФ) в связи с одним и тем же событием преступления неоднократно. Например, уголовное дело в отношении А., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Существенное нарушением, по мнению городского суда, явился тот факт, что постановление, предусмотренное ст. 171 УПК РФ, вынесено не руководителем следственного управления СК России по краю, а следователем. Апелляционная инстанция согласилась с этим тезисом. Вместе с тем суд кассационной инстанции указанные решения отменил, а уголовное дело направил для рассмотрения по существу. Установлено, что руководитель следственного органа СК России по субъекту РФ в соответствии с требованиями п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ принял законное и обосно-

ванное решение о возбуждении уголовного дела непосредственно в отношении А., обладающей особым правовым статусом. Далее следователь с учетом положений ч. 1 ст. 450 УПК РФ вправе был самостоятельно совершать процессуальные действия по привлечению А. в качестве обвиняемой по данному уголовному делу [7]. Стоит отметить, что судами первой инстанции во внимание не был также принят разделительный союз «либо», вплетенный в ткань абзаца первого ч. 1 ст. 448 УПК РФ. Его наличие однозначно сигнализируют о том, что соблюдение особого порядка привлечения в качестве обвиняемого требуется лишь в случае, когда возбуждение уголовного дела ранее состоялось в общем.

Возникают обратные ситуации, когда зафиксированные в тексте УПК РФ иммунитеты игнорируются. В их основе лежит отнюдь не правовой нигилизм работников правоохранительных структур, а сложность предложенной законодателем конструкции. Одна из таких сформирована в ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ. От 40 до 60 процентов слушателей (сотрудников ведомства), проходящих обучение на сборах повышения квалификации в Екатеринбургском филиале Московской академии Следственного комитета, полагают, что эта норма допускает производство перечисленных в ней следственных действий без возбуждения уголовного дела в отношении адвоката или привлечения его в качестве обвиняемого. Вместе с тем буквальное толкование рассматриваемого предписания убеждает в обратном, каким бы абсурдным ни казался результат интерпретации. Смущает практиков оборот «если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления». Однако он неразрывно связан с предыдущей частью предложения («…привлечения его в качестве обвиняемого…»). Иначе анализируемая фраза была бы лишена какого-либо смыслового содержания, поскольку возбуждение уголовного дела всегда выступает в качестве одно из обязательных юридических оснований для производства обыска (независимо от того, у кого он проводится). Указанный оборот видится излишним загромождением, скопированным из ч. 1 ст. 448 УПК РФ. Учитывая, что в существование такого ограничения для производства следственных действий в отношении адвокатов сложно поверить (в целом представляется, что оно должно быть упразднено), сторона обвинения зачастую неверно воспринимает смысл соответствующего правила, чему способствует изобилие слов в ч. 1 ст. 450.1 уголовно-процессуального закона.

В то же время при регулировании некоторых процедур не всегда таких слов в нормах УПК РФ достаточно. В частности, согласно ч. 3 ст. 450 данного кодифицированного акта судебное решение об избрании в отношении парламентариев федерального уровня в качестве меры пресечения заключения под стражу или о производстве обыска исполняется с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы. Ничего не сказано о домашнем аресте

или запрете определенных действий, также предполагающих изоляцию подвергаемого уголовному преследованию лица от общества. С учетом позиций, высказанных Конституционным Судом РФ [6], правоприменитель разумно распространяет данное правило и на порядок избрания данных мер пресечения. Однако вызывает некоторые сомнения практика получения согласия на исполнение судебного решения до того, как оно было принято [5]. Думается, последовательность действий нуждается в уточнении на нормативном уровне. В УПК РФ и иных федеральных законах встречаются и другие не столь определенно сформулированные касающиеся иных лиц, обладающих особым правовым статусом, правила, допускающие двоякое толкование (например, ч. 5 ст. 450). Наработанный опыт проблем – хорошее подспорье для взвешенного и сбалансированного совершенствования регулирования процессуальных иммунитетов в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Александр Бастрыкин рассказал о расследовании громких коррупционных дел. URL: https://rg.ru/2021/12/09/aleksandr-bastrykin-rasskazal-o-rassledovanii-gromkih-korrupcionnyh-del.html (дата обращения 14.02.2022). Текст : электронный.

2. Бастрыкин А.И. Лекция: Следственный комитет России: общая характеристика деятельности / А.И. Бастрыкин // Юридическая мысль. 2020. № 4 (120). С. 113-150.

3. Белоносов В.О. О целях особого производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц / В.О. Белоносов // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 148-153.

4. Казаков, А.А. Производство по делам в отношении лиц с особым статусом: основные заблуждения / А.А. Казаков // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 76-81.

5. О даче согласия на лишение неприкосновенности депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Рашкина Валерия Федоровича и возбуждение в отношении его уголовного дела : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 25 ноября 2021 года № 271-8 ГД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

6. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

7. Постановление президиума Краснодарского краевого суда от 3 апреля 2019 года по делу № 44у-192/19. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

8. Супрун, С.В. Коррупция и особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц / С.В. Супрун // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1. С. 7-11.

УДК 343.24/.29

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ковалев Александр Федорович
Преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России (НА МВД России)

В настоящей статье проводится сравнительно-правовой анализ системы уголовных наказаний Республики Италия и Российской Федерации. Задачей анализа является выявление как общих, так и отличительных признаков, с целью определения положительных свойств зарубежной системы наказаний для последующей имплементации в отечественное уголовное право.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, уголовное наказание, сравнительно-правовой анализ.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE SYSTEM OF CRIMINAL PENALTIES OF THE ITALIAN REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

Kovalev A. F.

This article provides a comparative legal analysis of the system of criminal penalties of the Republic of Italy and the Russian Federation. The task of the analysis is to identify both common and distinctive features, in order to determine the positive properties of the foreign system of punishments for subsequent implementation in domestic criminal law.

Keywords: system of criminal punishments, criminal punishment, comparative legal analysis.

В настоящее время в отечественном уголовно праве происходят изменения связанные с переосмыслением как ключевых понятий общей части (преступление и уголовно правовой проступок), так и особенной. Происходит в связи с изменениями экономического, социального и политического характера. Последнее связано с укреплением тенденций направленных на минимизацию применения уголовных наказаний направленных на изоляцию осужденного от социума. Широкое применение данного вида наказания в конце XX века и начале XXI, к лицам виновным в совершении преступлений разных категорий, проиллюстрировало низкую эффективность достижения целей наказания указанных в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее – УК РФ) [1].

В настоящий момент происходит поиск новых мер государственного принуждения, связанных с большей степенью индивидуализации воздействия на личность виновного, как в период пенитенциарного воздействия, так и постпенитенциарный период [2; 9; 10].

Одним из значимых партнеров для Российской Федерации в экономическом и политическом сотрудничестве выступала Итальянская Республика [3, с. 21-32.]. События, произошедшие в 2014 году,

© Ковалев А. Ф., 2022

связанные с введением санкций в отношении нашего государства, негативно отразились на всех сферах сотрудничества со странами Евросоюза. Но, вместе с тем, историческая и культурологическая связь со странами Европы не может исчезнуть.

Одним из подтверждений сказанному служит принадлежность и Российской Федерации и Республики Италия к романо-германской системе / семье права. Общеизвестно, что влияние Римского права на формирование отечественной уголовно-правовой культуры невозможно переоценить. В связи с этим, система уголовных наказаний действующая в Италии, вобрала в себя традиции зародившиеся во времена Римской Империи и модернизировав их к современным социально-политическим и экономическим условиям приобретает важное значения для нас, как один из источников новых мер принуждения, имплементация которых в отечественную уголовно-правовую систему может оказать положительное влияние на снижение уровня преступности и нагрузку на пенитенциарную систему.

Итак, некоторые виды уголовных наказаний применяющиеся в Республике Италия, такие как лишение личной свободы, штраф и конфискация имущества указаны в нормативно-правовых актах и государства – города Ватикан, которое находится в центре страны и использует симбиоз норм теологического и светского характера.

В Законе №2 «Об источниках права» и законе №6 «Об общественной безопасности» от 07 июня 1929 года приоритет отдается наказанию в виде штрафа. При этом статья 5 Закона №2 «Об источниках права» устанавливает, что виновный имеет право признать вину, а равно отплатить штраф (предусмотренный за данное преступление), даже в случае если альтернативным наказанием является лишение свободы. При этом уголовное разбирательство по делу будет прекращено и иных последний для виновного не наступает. До недавнего времени в отечественном уголовном праве, такой возможности не было, но с введением в правоприменительный обиход меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (Глава 15.2 УК РФ), подобный исход уголовного разбирательства для виновного стал возможен. Но, на наш взгляд необходимо расширение перечня преступных деяний, за совершение которых, применение данной меры станет возможно.

Говоря о системе уголовных наказаний Италии, необходимо сразу обозначить, что она имеет кодифицированную форму, а уголовный закон не содержит понятие преступления [4].

Но, анализ источников уголовного права Италии позволил определить три подхода к юридическому толкованию термина наказание (формальный, материальный и формально-материальный). Первый подход акцентирует внимание на противоправности и наказуемости преступления, второй на его общественной опасности, а третий объединяет данные признаки в единое понятие, которое максимально близко к понятию преступления закрепленном в отечественном уголовном праве. Несмотря на отсутствие кодифициро-

ванного закрепления понятия указанного выше, воспринимается оно и в России и в Италии практически одинаково, что демонстрирует единство существующее внутри одной правовой семьи.

УК Италии все противоправные деяния разделяет на преступления и уголовно наказуемые проступки. Основывается данное разделение на степени опасности для общества совершенного деяния, что находит выражение в ответственности (наказании), предусмотренным законом (статья 39 УК Италии).

К преступлениям относятся все противоправные деяния, за совершение которых предусмотрены наказания в виде:

1) лишения свободы бессрочно (пожизненно);

2) лишение свободы на определенный срок;

3) штраф (от 10 тыс. лир до 10 мил лир).

К уголовно наказуемым проступкам относятся противоправные деяния, за совершение которых уголовный закон предусматривает:

1) арест;

2) денежное взыскание (по сути является штрафом, но отличающимся верхним пределом – от 4 тыс. лир до 4 мил. лир) [5, с. 15].

Кроме основных наказаний УК Италии предусматривает широкий перечень дополнительных применяющихся к виновным по усмотрению суда.

Основная цель наказания в Италии – предупреждение совершения новых преступлений. Достигается она за счет специальной и общей превенции. Специальная достигается за счет применения к виновному мер нейтрализующих его опасность для общества. Данные меры исключают или затрудняют возможность совершения преступлений виновным в будущем. Общая превенция достигается за счет неотвратимости и суровости уголовной ответственности. В тоже время суровость не воспринимается в контексте жестокости, а скорее отражается в серьезном, длительном ограничении прав личности, которое ждет преступника. Согласно положениям уголовно-правовой доктрины, а что еще важнее Конституции Италии (статья 27 Конституции Италии) наказание должно быть направлено на перевоспитание осужденного и не может происходить через применение мер противных чувству гуманности [6, с. 37-38].

Это фактически повторяет содержание принципа уголовного права России – гуманизма (статья 7 УК РФ) и частично согласуется с целями наказания (часть 2 статья 43 УК РФ). Согласно отечественному уголовному праву, уголовный закон обеспечивает безопасность в обществе и наказание являясь мерой принуждения, соответственно ограничивает права осужденного, но не преследует цель причинить боль, страдание и унижение, а направленно на исправление виновного.

Важно, что самое суровое наказание, которое не преследует цели исправить осужденного (смертная казнь), была отменена в Италии в 1944 году и с тех пор о ее возвращении речи не шло. В то же время по уровню преступности, в том числе тяжкой и насильствен-

ной Республика Италия занимает 53 место, а Российская Федерация 32 место [9]. Это свидетельствует, что несмотря 80 летний период отсутствия смертной казни в системе уголовных наказаний, эффективность воздействия в рамках частной и общей превенции выше, чем в России. Бесполезность и неоправданность жестокости наказаний по отношению к виновным подтверждают данные статистики о количество убийств на 100 тысяч человек в Италии равный 0,78, в России же он в три раза выше [7].

Возраст привлечения к уголовной ответственности равен 14 годам, а возраст совершеннолетия с 18 лет. В связи с этим по аналогии с законодательством Российской Федерации в Италии существует институт уменьшенной уголовной ответственности. В уголовном праве Италии существует понятие уменьшенной вменяемости, которое суд обязан учитывать как смягчающее обстоятельство. По мнению ученых, введение данной практики было бы полезным для повышения эффективности уголовной системы в России [8, с 11-12].

Таким образом, система уголовных наказаний в Италии во многом схожа с отечественной: термин наказание и его цели воспринимается почти одинаково. Возрастные границы уголовно-правовой субъектности едины, как и отсутствие практики применения смертной казни. Но, в Италии широкое распространение получило применением мер принуждения не связанных с изоляцией от общества. В России данных мер меньше и их применение только начало увеличиваться. Следовательно, необходимость имплементации новых, эффективных мер принуждения существует в настоящее время и следующие исследования должны определить, какие из них можно применить в будущем в отечественной уголовно-правовой практике.

Список источников

1. Виды наказаний назначенных осужденным. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы и 2008-2020 годы. Судебный Департамент при ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (дата обращения: 25.01.2022)

2. Тарасюк А.А., Глазова А.Ю. Принудительные работы как новый вид уголовного наказания // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 2 (27). С. 149-153.

3. Суходолов Я.А. тенденции развития торгово-экономического сотрудничества России с Италией // Российский внешнеэкономический вестник. №4. 2020. С. 21-32.

4. Уголовный кодекс Италии (далее – УК Италии) принят 19 октября 1930 года, вступил в силу 1 июля 1931 года.

5. Уголовное право Италии : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / М. А. Игнатова. Мосва: Юрайт, 2017. С. 15.

6. Уголовное право Италии : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / М. А. Игнатова. Москва: Юрайт, 2017. С.37-38.

7. Преступность в странах мира. Информационно статистический портал. URL: http://stattur.ru/journal/20180227/ (Дата обращения: 25.02.2018 года).

8. Игнатова М.А. Уголовное право Италии: Основные институты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 - Уголовное право и кримино-

логия; Уголовно-исполнительное право / М. А.Игнатова; Науч. рук. Ф. М. Решетников. Москва, 2002. С 11-12.
9. Бохан А.П., Бондарев С.П., Чмырев С.Н., Куркин П.Г. Ограничение использования транспортного средства как новый вид уголовного наказания // Право и практика. №3. 2021. С. 63-67.
10. Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н., Жиляев Р.М. Выдворение за пределы Российской Федерации как альтернатива лишению свободы // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. №3 2018. С. 296-298.

УДК 343.13

ТЕОРИЯ ИНФОРМАЦИИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Коваленко Эдуард Дмитриевич
Кандидат юридических наук
Академия Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики имени Ф.Э. Дзержинского (г. Донецк)

Статья является продолжением исследования над разрешением проблем, раскрывающих регламентацию использования информации в уголовном процессе. В статье раскрыт содержательный анализ материалов об информации, как системе знаний в отдельном секторе и типологии информационных систем. Информация определяет сигналы, содержание и направление процессуальных отношений, формирует позиции и убеждения. В приведённом состоянии информация из багажа знаний превращается в процессуальный продукт. При этом содержание и характер информации формируют ценностное отношение к объекту использования.

На обоснованных выводах строятся предложения по совершенствованию прикладной деятельности в сфере уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: информация, доказательства, использование, мероприятия, основания.

THEORY OF INFORMATION AND PROOF IN CRIMINAL PROCEDURE

Kovalenko E. D.

The article is a continuation of the study on the resolution of problems disclosing the regulation of the use of information in the criminal process. The article discloses a meaningful analysis of materials on information as a system of knowledge in a separate sector and typology of information systems. Information determines the signals, the content and direction of procedural relations, forms positions and beliefs. In the given condition, information from knowledge luggage turns into a procedural product. In this case, the content and nature of the information form the value attitude to the object of use.

Suggestions are based on reasonable conclusions on improving applied activities in the field of criminal procedure proceedings.

Keywords: information, evidence, use, events, foundations.

При определении информационного обеспечения существенную роль играет отношение содержания к познанию. Если рассматривать предоставление материалов уголовного дела в качестве информационного обеспечения при расследовании преступлений, сле-

© Коваленко Э. Д., 2022

дует отметить, что в обеспечении эффективности уголовного судопроизводства наиболее конструктивно проявляют своё значение именно информационные сведения о конкретных фактах совершённого или готовящегося преступления.

Из всего объёма информации, поступающей в орган расследования, необходимо выделить криминалистическую информацию, относимую исключительно к составу расследуемого преступления или локации криминогенных событий. При этом оценка информации с точки зрения ее полезности, пригодности для решения задач уголовного процесса может быть субъективной, отражая точку зрения получателя информации.

Целью статьи является изучение процессуальных особенностей и правовых оснований прикладного применения информации по процессуальному назначению, а также принятие процессуальных решений, основанных на содержательных фактических данных.

Рассматривая вопрос использования информации в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве, несомненно необходимо обозначить семантику слова «информация». Будем исходить из того, что «информация» проявляется, как материал умственной деятельности или результат физической деятельности. В любом случае такой «материал», имея прагматический аспект, выступает основой, прежде всего осмысленной деятельности человека.

Информация, поступающая в распоряжение мыслительной деятельности человека, отображает не просто природные и социальные явления или объекты сами по себе. Информация фиксирует такие сущности в процессе взаимодействия и изменения этих объектов человеком, осуществляющим предметную или более широкую социальную деятельность. В свою очередь знания, как производная эволюции человечества, вытекают из потока поступающей информации. Такие знания применяются для ориентации в объективном мире, для преобразования естественных и социальных ситуаций в той или иной сфере деятельности.

В настоящее время информацию рассматривают важнейшим стратегическим ресурсом и фактором развития. В информации усматривают неисчерпаемый потенциал, который открывает горизонты последующей эволюции. Информатизация социального пространства, ориентированного на гуманитарные ценности, позволяет перебороть узость сознания человека. Именно поэтому информацию справедливо считают самым важным стратегическим ресурсом современности.

Для того чтобы осмыслить прикладную роль информации в науке и практике, следует определить её роль и сущность, видовое разнообразие, основные качества и особенности.

Концептуальная модель использования информации по её прикладному назначению представляет собой комплекс знаний об общих закономерностях и конкретных методах оптимизации поиска,

анализа и применения криминалистической информации при организации работы по раскрытию и расследованию преступлений.

Информационный подход относительно разрешения проблемных вопросов использования доказательств в уголовном судопроизводстве осуществлялся поступательно, эволюционно. В процессуальной литературе вопросам информационного подхода к доказательствам посвящены труды Р.С. Белкина, Г.Л. Грановского, Н.В. Жогина, С.С. Овчинского, М.В. Салтевского, С.Б. Россинского.

Для рассмотрения концепции использования информации в уголовном процессе, изначально следует определить, что представляет собой феномен «криминалистическая информация».

Под общим определением информации понимают сведения об окружающей среде, полученные в результате взаимодействия с ней [1, с. 103]. Или же подразумевают сообщения, исключающие неопределённость в той или иной отрасли, к которой относится информация [1, с.105].

Более современное понятие информации определяют, как документальные или публично провозглашённые сведения о событиях и явлениях, происходящих в обществе, государстве и окружающем природном пространстве [2, с. 246]. Однако такое определение вряд ли возможно назвать окончательным в связи с тем, что термин «информация» обладает очень широким по содержанию понятием, следовательно тяжело поддаётся однозначному определению.

Отсутствие единого определения понятия информации объясняется её многогранностью и разнообразием. В трудах учёных кибернетиков можно найти привлекательные даже по современным меркам пояснения полиморфизма информации, который связан с тем, что ни одно из определений информации, не соответствует нашим интуитивным представлениям о содержании самого понятия информации [1, с. 133].

Универсальный характер информационного пространства способствует и облегчает процессы упорядочения информации, её аккумуляции, а стремления к полному отображению значительных событий, становятся своего рода препятствиями их рассеиванию в информационном пространстве [3, с. 44].

Системные усовершенствования практики расследования преступлений невозможны без соответствующего информационного обеспечения. Среди разнообразия окружающей нас информации, наиболее значимой для правоохранительной деятельности, направленной на расследование преступлений, имеет правовая информация, точнее криминалистическая информация. Следует отметить, что криминалистическая информация представляет собой информационное поле, являющее совокупность специально относимой информации о признаках, характеризующих отдельные элементы или механизм преступления в целом.

Начала анализа криминалистической информации положил профессор Р.С. Белкин, определивший информацию криминалисти-

чески значимую, как представление сведений, фактических данных, имеющих отношение к раскрытию и расследованию преступления. Профессор подразделял такую информацию на доказательственную, содержащуюся в доказательствах, и ориентирующую, полученную из непроцессуальных источников и доказательственного значения не имеющую [4, с. 44].

Криминалистическая информация имеет ряд особенностей. Такую информацию возможно классифицировать по своей природе, структуре, направлениям, источникам, процессуальному значению, оперативному назначению.

По мнению некоторых учёных криминалистическая информация определяется как полученная, использованная в процессе раскрытия преступления логическая информация, которая адекватно отображает явления и процессы природы, общества и мышления [5, с. 17].

Общепризнанной чертой криминалистической информации является режим её собирания и использования в уголовном процессе. При этом справедливо отмечается, что информационные поля при производстве расследования отдельного уголовного дела или в процессе расследования преступлений в целом, представляют сосредоточение и движение информации в направлении, обеспечивающем разрешение задач уголовного судопроизводства. Кроме того, понятие информационного поля неотъемлемо от целенаправленной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и допускает активность субъектов познания и доказывания, что обеспечивает получение и анализ информации с целью установления объективной истины по уголовному делу.

Информационные поля характеризуют познавательную деятельность следователя, а методологическая функция самого понятия «информационное поле» состоит из ориентировок на поиск, изучение, оценку и использование всего спектра разнообразной информации.

Информационное поле формируется вследствие производства следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, всех видов криминалистических и судебных экспертиз. На каждом этапе расследования, в зависимости от признаков преступления, механизма совершения, особенностей производства следственных действий, экспертных исследований, оперативно-розыскных мероприятий, информационное поле приобретает обособленную структуру и особенности содержания [5, с. 19].

Следует вывод, что информационное поле формируется информационными формами. Информационная форма по своей сути и является собственно информацией, относящейся к преступлению, информацией производной от преступления. Такая информация может быть процессуального содержания или непроцессуального направления.

В связи с этим криминалистическая информация характеризуется любого рода ведомостями, полученными следователями или

оперативными сотрудниками. К источникам криминалистической информации ведут два пути, процессуальный, направленный на производство следственных действий, непроцессуальный – проведение оперативно-розыскных мероприятий, включающих оперативно-техническую информационную деятельность. Такие фактические ведомости могут относиться как непосредственно исследуемого события преступления и процесса производства по уголовному делу, так и касаться данных о возможных методах и способах усовершенствования методик расследований различных категорий преступлений.

Расследование преступлений, как информационный процесс, начинается с выявления необходимой информации и её источников, одним словом, с установления конкретных материальных объектов-носителей информации и выявления в них информационных сигналов. Объём такой информации обрабатывается следователем процессуальным производством по уголовному делу [6, с. 101].

По источникам происхождения всю информацию, которой оперирует следователь, подразделяют на виды:

процессуальная информация, полученная из источников, указанных в уголовно-процессуальном законодательстве;

оперативно-розыскная информация, полученная органами дознания с использованием оперативно-розыскных мероприятий;

информационные сведения, объём информации, поступающий следователю в результате ознакомления с окружающей средой в процессе производства по уголовному делу [7, с. 89].

Определённая часть информационных сведений войдёт в достаточный объём доказательств, необходимых для заключения процессуальных выводов по уголовному делу, и будет именоваться доказательственной информацией. Несомненно, какая-то часть информационных сведений в процессе доказывания использоваться не будет, поскольку не будет иметь процессуального характера, при этом имея существенное значение.

Круг источников криминалистической информации является значительно шире круга источников доказательственной информации, исчерпывающий перечень которой приведён в уголовно-процессуальном законодательстве. В уголовном процессе источниками доказательств является то, откуда исходят доказательства (ведомости, информация). Доказательственную информацию возможно получить непосредственно из показаний свидетелей, потерпевшего, из материалов уголовного дела, в котором содержится процессуально оформленная информация относительно обстоятельств совершённого преступления.

Процессуальные источники доказательств, такие как показания свидетелей, показания потерпевшего, являются прежде всего источниками информации, в которых информация хранится и из которых представляется производством следственных действий. Однако в теории информации понятие сигнала используется для обозначения

не источника информации, а способа передачи информации от источника к потребителю [8, с. 79].

При производстве расследования уголовного дела, основными препятствиями на пути к установлению объективной истины являются отсутствие информации, её недостаточность, противоречивые сведения.

Основой уголовно-процессуальной деятельности являются информационные процессы, направленные на получение информации о структуре и механизмах преступления. Полученная информация всегда относительная, в связи с тем, что она зависит от получателя, от разницы между неуверенностью перед получением информации и состоянием после анализа полученной информации.

Любое сообщение следует оценивать с точки зрения полезности для исполнения функций расследования. Для понимания информации, содержащейся в сообщении, получатель информации обязан владеть знаниями в той сфере деятельности, к которой относится сообщение. Для снятия определённых препятствий и достижения главной цели расследования, ставятся промежуточные задания, решение которых позволяет заполнить пробелы в информации, устранить противоречия, разъяснить возникающие вопросы. Необходимость преодоления каких-либо трудностей на пути достижения объективной истины порождает информационное задание. По мнению некоторых учёных информационное задание представляется как осознанная в определённой ситуации потребность достичь определённо цели с помощью восполнения недостающей информации, устранения её неопределённости. В зависимости от аспекта рассмотрения в процессуальной литературе информационные задания имеют различную трактовку:

– юридические;
– процессуальные;
– криминалистические;
– следственные;
– экспертные;
– оперативные.

Вместе с тем любое информационное задание в первую очередь имеет информационную сущность, поскольку составляется из недостатка информации и разрешается путём его наполнения и наработки [5, с. 23].

Криминалистические информационные задания разрабатываются с учётом их логической и психологической природы и уголовно-процессуальной ориентации. Такие задания опираются на обобщение оперативно-розыскной, следственной, судебной, экспертной практик и концентрируют опыт различных видов деятельности, что придаёт им ретроспективное направление [5, с. 23].

Наиболее тяжело решать задания в условиях неопределённости. Нагромождение информации в процессе решения заданий позволяет

уменьшить неопределённость результатов, которые ожидаются в процессе расследования преступления.

Информационное сообщение может рассматриваться как сведения об определённых действиях в определённое время. Сущность информационного сообщения состоит из того, что получатель выбирает определённые направления расследования преступления и производства по уголовному делу.

Основываясь на анализе структуры и свойствах криминалистической информации в процессуальной литературе приводится её определение как любого рода сведения, которые относятся расследуемого события, полученные процессуальным и непроцессуальным путём в ходе расследования уголовного дела уполномоченным на то субъектом в соответствии с криминалистическими рекомендациями. При этом в систему понятий криминалистической информации включаются её предметные виды:

– вспомогательная;

– тактическая;

– процессуальная;

– оперативно-розыскная.

Исходя из чего криминалистическая информация определяется как сведения, имеющие значение для расследования, не зависимо от источников и форм информации, выступающих в виде доказательственной и предметно ориентированной. Таким образом выделяется информация, формируемая в результате взаимодействия материальных объектов, исследуемая криминалистической техникой, и информация, формируемая в процессе общения субъектов уголовного процесса [7, с. 34].

В процессе производства по уголовному делу следователи пребывают в русле различных информационных потоков, рассматриваемых в двух значениях:

– как относительно слабо упорядоченное движение информации определенного вида по более или менее постоянным каналам;

– как организованный элемент информационной системы.

В основе понятия указанных информационных потоков лежит научное представление о криминалистической информации, о сведениях, помогающих познать механизм преступления, его состав, обеспечить установление и розыск подозреваемого, разрешить процессуальные и тактические задачи.

Криминалистическая информация не тождественна понятию доказательств, такая информация содержит не только доказательства, но и сведения, полученные оперативно-розыскным путём, материалы криминалистической регистрации, справочные, архивные и иные сведения.

Нормативные акты, регламентирующие уголовно- процессуальную деятельность, понятие «информация» традиционно не используют. В случаях, когда речь идёт о процессуальном доказывании и доказательствах, фактически о информационных процессах, состав-

ляющих сущность доказательств и процесса доказывания, констатируется термин «фактические данные» (ст. 71 УПК ДНР) [9].

В уголовном процессе РФ в качестве содержания понятия «доказывание» выступают «сведения» (ст. 85 УПК РФ) [10]. Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основании которых в определённом законом порядке органы расследования и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного действия или бездействия, виновность лица, совершившего такие действия, а также другие обстоятельства, имеющие значение для объективного разрешения уголовного дела. Такие сведения устанавливаются показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, выводами эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий, протоколами с соответствующими приложениями, составленными уполномоченными органами по результатам оперативно-розыскных мероприятий, иными документами.

Важно отметить, что уголовно-процессуальный закон и теория уголовно-процессуального права рассматривают доказательства в единстве формы и содержания сведений о фактах, имеющих процессуальное значение для уголовного дела. Принятые положения не противоречат и самой теории информации, согласно которой информацию определяют как сводку, полученную человеком с помощью определённых сигналов окружающего пространства, которые устраняют неопределённость или неуверенность и позволяют упорядочить знания о внешних обстоятельствах [11, с.403]. Однако такое рассмотрение исключает понимание источников доказательств, как материальной формы сигналов. Свидетель является источником, который с помощью сигналов передаёт информацию получателю, а не форму сигнала. Не являются сигналами и процессуально оформленные показания свидетеля, потерпевшего и иные источники доказательств, содержащиеся в материалах уголовного дела. Все они также являются только источниками, из которых субъекты доказывания получают информацию [12, с. 204].

В.Я. Дорохов пытался преподнести, что доказательство является отображением объекта и структурно не отличается от сигнала [13, с. 115]. Фактические данные, информация, является содержанием сигнала, а источник доказательств является материальной формой, с помощью которой передаётся информация. Учёный заключает, что доказательствами по уголовному делу являются источники доказательств в совокупности с ведомостями, которые содержатся в таких источниках, поскольку вне источников доказательств информация не может существовать, перерабатываться и передаваться [14, с. 110].

Точку зрения В.Я. Дорохова поддерживают другие учёные, указывающие, что доказательство является отображением, в котором, как и в каждом отображении, необходимо отличать два его главных аспекта – содержание отображения, или образ того, что отображается, и форму, способ существования и выражения отображения [15, с. 551].

Содержанием отображения в доказательстве являются ведомости, содержащиеся в нём, а формой, средством существования и выражения отображения – источник фактических данных. Как указывают процессуалисты, содержанием устного доказательства, например, показания свидетеля, будут фактические данные, сообщаемые свидетелем при производстве допроса, а формой, способом существования и выражения таких данных – непосредственно сообщение, закреплённое в протоколе допроса [15, с. 552].

В свою очередь, вопреки понимания В.Я. Дороховым доказательств как сигналов, М.М. Михеенко указывал, что понятие сигнала информации не может быть использовано для определения понятия доказательства в уголовном процессе, поскольку понятие сигнала характеризует способ передачи информации, её перемещения в пространстве и времени, при этом, не раскрывая юридическую природу доказательства [16, с. 112].

Фактические данные сами по себе, как информация, являются нематериальными, однако они не существуют без материального источника. Именно материальная сущность источника отображает, фиксирует и сохраняет ведомости о фактах, или как их называют некоторые учёные «фактические данные». Именно из таких заключений М.В. Салтевский предложил понятие «доказательств» уточнить, определив в нём источники фактических данных [17, с. 52]. Ссылаясь на труды профессора И.Я. Фойницкого, который носители доказательств именовал средствами доказывания и разделял на вещественные и личные, М.В. Салтевский предлагает возвратиться к этой классификации источников фактических данных и называть их в определении доказательств [17, с. 52]. Именно по такому пути пошёл законодатель ДНР закрепив в УПК ДНР понятие «доказательств», как фактические данные.

При понимании и восприятии доказательств только как фактических данных возникают спорные вопросы. Например, мы рассматривали, что доказательства являются только информацией, а не сигналом или носителем информации. Одним словом, выводом этого является понятие информации как самостоятельной субстанции, которая является чем-то другим нежели материальные объекты. Фактические данные не могут существовать сами по себе без соответствующего источника или носителя [18, с. 284].

Следует не согласиться с тем концептуальным понятием «доказательств», которое существует в УПК ДНР. Попытаемся дать этому объяснение. Информация представляет собой объективную, независимую от сознания сущность. Эта сущность может быть материализована, а может быть и нематериальна. Может являться, может и проявляться. Чистая информация – «фактические данные», (возникшие и непроявившиеся) сформировавшиеся в процессе совершения преступления, существует не зависимо ни от каких-либо органов расследования, никаких иных обстоятельств, которые могут влиять на информацию в процессе исследования.

Мы говорим о доказательственной информации «сведения о фактах», исследованной, возможно искажённой. Такая информация является продуктом процессуальной деятельности органов расследования. Доказательственная информация обладает более субъективным характером. Такая информация не возникает в процессе совершения преступления, такая информация формируется в зависимости от качества производства следственных действий, проведённых оперативно-розыскных мероприятий. Процессуальная значимость такой информации зависит от профессиональной подготовленности и мастерства сотрудников, осуществляющих борьбу с преступностью, уровня профессионального взаимодействия исходя из направлений деятельности по организации борьбы с преступностью.

Напрашивается вывод, что доказательствами по уголовному делу являются сведения о фактах, умышленно полученные в результате целенаправленной деятельности, благодаря системе действий, направленных на достижение определённого результата, собранные в предусмотренном законом порядке и воплощённые в процессуальную форму.

Относительно источников доказательственной информации, следует согласиться с мнением учёных о том, что источник, носитель любого явления, не исключая и доказательства, не может быть элементом этого явления, его составной частью. Источник явления должен находиться вне этого явления. Источниками доказательства являются предметы материального мира, которые обладают определёнными свойствами, качествами, признаками, и могут быть использованы для установления обстоятельств, имеющих процессуальное значение для уголовного дела [19, с. 115].

Возможно умозаключение, что доказательства и их источники представляют собой разнообразные явления. Источником доказательств должно быть то, что содержит само доказательство. Возникает проблемный вопрос, если доказательственная информация представляет собой ведомости о фактах, тогда как оперативно-розыскная информация – это также ведомости о фактах, почему оперативно-розыскная информация не может быть доказательством в уголовном деле, если не брать во внимание источник информации? Ответом на поставленный вопрос станет обстоятельство, что каждому доказательству присущи обязательные процессуальные признаки их оценки: допустимость, достоверность, принадлежность. Определение указанных признаков доказательств осуществляется в процессе доказывания, когда собранные, проверенные и получившие процессуальную оценку ведомости о фактах и их процессуальная форма являются основой для принятия по уголовному делу процессуальных решений, констатирующих установление наличия или отсутствия обстоятельств предмета доказывания.

Список источников

1. Браславец М.Е., Гуревич Т.Ф., Налимов В.В. Кибернетика: учебное пособие. Киев: Высшая школа, 1977. 320 с.

2. Большой толковый словарь / Сост. и глав. ред. В.Т. Бусел. Киев: ВТФ «Перун», 2002. 1440 с.

3. Информация – феномен общий и универсальный. Науч. изд. / Сост.: Е.А. Медведева, Л.И. Романова, Г.О. Дугинова. Х.: ХДНБ, 2002. 93 с.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х томах. Том 2. Москва, 1997. 521 с.

5. Сулейменов Д.И. Концептуальные основы использования информации при раскрытии преступлений: автореф. дис. докт. юрид. наук. Киев, 1997. 45 с.

6. Иерусалимов И.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Теория оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов: научное издание / Под ред. проф. В.Л. Регульского. Л., 2000. – 327 с.

7. Кабанов П.П. Процессуальный статус информации, полученной с помощью научно-технических средств при расследовании преступлений // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники при расследовании преступлений органами внутренних дел. Москва, 1990.

8. Цымбал В.П. Теория информации и кодирование. Киев: Высшая школа, 1992.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Постановление Народного Совета Донецкой Народной Республики от 10.09.2018 № 240-IНС. Д.: Издат. дом «Эдит», 2019. 196 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2020) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34481 / (дата обращения 05.02.2021).

11. Шеннок К. Работы по теории информации и кибернетике. Мосва: Издво иностранной литературы, 1963.

12. Жогин Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. - 2-е изд. испр. и доп. Москва: Юрид. лит., 1973. 735 с.

13. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9.

14. Дорохов В.Я. Природа вещественных доказательств // Советское государство и право. 1971. № 10.

15. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Байкова и И.И. Карпеца. Москва, 1989.

16. Михеенко М.М. Проблемы развития уголовного процесса в Украине: Избранное. Киев: Юринком Интер, 1999.

17. Салтевский М.В. О понятиях доказательств в новом уголовно-процессуальном законодательстве // Право Украины. 1996. № 1.

18. Тертышник В.М. Уголовно-процессуальное право Украины: учебник. Киев: А.С.К., 2003. 1119 с.

19. Кузнецов Н.П., Кокорев Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.

УДК 343.1

ЛОГИКА «МЕНЬШЕГО ЗЛА» И МАКСИМИЗАЦИЯ ОБЩЕГО БЛАГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Коваль Екатерина Александровна
профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, доктор философских наук
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье анализируются особенности принятия решения участниками уголовного процесса в ситуации ценностно-нормативной неопределенности. Рассматриваются возможности и пределы применения таких моральных правил, как логика «меньшего зла» и требование о максимизации общего блага. Обосновываются преимущества сохранения требования руководствоваться совестью в процессе оценки доказательства в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: меньшее зло, общее благо, совесть, оценка доказательств, ценностно-нормативная неопределенность.

THE LOGIC OF THE LESSER EVIL AND THE MAXIMIZATION OF THE COMMON GOOD IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Koval E. A.

The article analyzes the features of decision-making by the participants in the criminal process in a situation of value-normative uncertainty. The possibilities and limits of the application of such moral rules as the logic of the "lesser evil" and the requirement to maximize the common good are considered. The advantages of maintaining the requirement to be guided by conscience in the process of evaluating evidence in the Russian criminal process are substantiated.

Keywords: lesser evil, common good, conscience, assessment of evidence, value-normative uncertainty.

Уголовный процесс предполагает принятие решений в ситуациях, когда правильность выбора, сделанного субъектом, неочевидна. Не случайно законодатель оперирует такими понятиями, как «справедливость», «разумность», «совесть». Они позволяют апеллировать не только к доказательственным фактам и закону, но и к нормам морали. Впрочем, когда речь идет о ситуациях ценностно-нормативной неопределенности, это, скорее, усложняет процесс принятия решения. Например, при назначении наказания может быть выбран конкретный вид санкции, верхний или нижний предел, или ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. И при этом любое решение будет соответствовать критерию законности. Следовательно, особое значение в подобного рода ситуациях приобретают нравственные установки и убеждения лиц, которые принимают юридически значимые решения в уголовном процессе.

Такое положение вызывает критику, основанную на том, что нравственные убеждения сугубо индивидуальны, а процесс принятия решений в уголовном судопроизводстве должен быть максимально объективным для достижения его основных целей. Так, Н.С. Манова

© Коваль Е. А., 2022

и М.А. Баранова отмечают, что «…в российском обществе в последние годы сформировалось устойчивое неприятие нравственного содержания уголовно-процессуального закона, его принципов, противопоставление процедур досудебного и судебного производства, предусмотренных УПК РФ, и норм морали, у которой, якобы, иные, чем у закона, ценности» [6, с. 565].

Однако, на наш взгляд, такое неприятие не всегда обоснованно и связано с ложным тезисом: «У каждого своя мораль». На самом деле, теория морали содержит довольно убедительные аргументы о том, что моральные нормы предъявляются личности как универсальные или, как минимум, универсализуемые [1]. В противном случае речь идет не о морали, а о каких-то иных смежных феноменах (этос, обычаи, традиции, нравы). Следовательно, перечень моральных дилемм, возникающих в обыденной жизни и, тем более, в конкретной профессиональной деятельности, и способов моральной рефлексии по их поводу, хотя и не закрыт, но не бесконечен.

Рассмотрим далее такой вид моральной дилеммы в уголовном процессе, как ситуация, требующая применения логики «меньшего зла», а затем усложним задачу и охарактеризуем моральный выбор между применением логики «меньшего зла» и требования максимизации общего блага.

Под логикой «меньшего зла» понимается ситуация, когда «морально допустимыми и даже обязательными к совершению могут быть те действия, которые нарушают право одного или нескольких человек ради значительного сокращения количества нарушений того же самого права или иных прав либо ради предотвращения существенного роста подобных нарушений. Нарушение права, выступающее в качестве меньшего зла, приобретает моральную санкцию при превышении предотвращаемым ущербом пороговых величин» [11, с. 189-190]. В некоторых видах профессиональной деятельности логика «меньшего зла» жизненно необходима во избежание быстрого эмоционального выгорания профессионала, живущего с постоянным чувством вины. Так, например, судья назначает наказание преступнику даже тогда, когда испытывает желание «простить» его. Однако причинение ущерба преступнику, как отмечает А.А. Тимошенко, – «меньшее зло» по сравнению с большим – последствиями преступления [12, с. 131].

Морально допустимо применять принцип «меньшего зла» только при соблюдении ряда условий во избежание соблазна использовать его как откровенного оправдания зла. Такие условия сформулировал, в частности, М. Игнатьефф: субъект, поступающий в логике «меньшего зла», должен осознавать, что совершает именно зло, действовать только в ситуации крайней необходимости, выбирать «меньшее зло» только как крайнее средство и быть готовым публично обосновать свой поступок [22, p. 19]. Такой поступок не должен вызывать чувство вины, но не должен и приносить удовлетворения от хорошо выполненного профессионального долга.

Свои ограничения есть и у принципа максимизации общего блага – нормы, разработанной в русле утилитаристской концепции морали, где оценка конкретных деяний (действий или бездействия) оценивается с точки зрения полезности полученных результатов. Принцип полезности обязывает поступать так, чтобы способствовать достижению счастья. В классическом утилитаризме используется формула достижения «наибольшего счастья наибольшего числа людей» [19, с. 507].

А.В. Прокофьев, сравнивая принцип «меньшего зла» и принцип максимизации общего блага, отмечает, что логика «меньшего зла» оставляет меньше возможностей для совершения зла по инициативе морального субъекта и последующего его оправдания, потому что обязывает учитывать индивидуальные права и моральные запреты. Поэтому «…и знаменитая евангельская инвектива против «творящих зло ради добра» (Рим.: 3:8), и не менее знаменитое рассуждение Ивана Карамазова о слезе ребенка как избыточно дорогом «билете на вход» в царство «мировой гармонии» относятся не столько к логике меньшего зла, сколько к логике неограниченной максимизации блага» [11, с. 193].

Таким образом, принципы логики «меньшего зла» и максимизации общего блага могут использоваться в ситуациях ценностно-нормативной неопределенности, которые неизбежно возникают на различных стадиях уголовного процесса. Трудности принятия решения возникают, например, в процессе расследования и судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ. Так, например, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды [7]. Однако грань между приемлемыми формами выражения своего мнения и неприемлемыми, например, с использованием «языка вражды», далеко не всегда очевидна. Это усложняет формирование внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств.

Приведем еще один пример. А.С. Победин был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, ст. 228-1 ч. 4 п. «г» УК РФ. Черемушкинским районным судом ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 11 лет (с учетом частично присоединенного наказания, назначенного ему приговором Черемушкинского районного суда г. Москвы от 24 июня 2019 года). У А.С. Победина было изъято 73 свертка с гашишом общим весом 219 грамм. Часть свертков были в него в одежде и сумке, часть – в тайниках-закладках, которые он показал (дело № 01-0154/2020).

В кассационной жалобе адвокат обратил внимание на то, что А.С. Победкин был задержан сотрудниками 30 мая 2019 года, с его участием были произведены осмотры места происшествия. Однако в протоколах в графе «процессуальное положение лица, участвующего в следственном действии», была указана только фамилия. При этом возбуждение уголовного дела, процессуальное задержание А.С. Победкина, разъяснение ему процессуальных прав подозреваемого, приглашение защитника было произведено 31 мая 2019 года. Был поставлен вопрос о признании доказательств, полученных 30 мая 2019 года с участием А.С. Победкина, незаконными.

Прокурор в кассационном представлении попросил изменить приговор, исключить недопустимые доказательства, но при этом указал, что исключение доказательств не должно повлиять на приговор, поскольку вина А.С. Победкина подтверждается совокупностью иных доказательств. В резолютивной части представления прокурор попросил суд засчитать один день, который он провел без процессуального статуса, в срок наказания. Данное требование было удовлетворено судом кассационной инстанции. Сторона защиты обратилась в Верховный Суд РФ, который оставил приговор суда первой инстанции и последующие судебные акты без изменения [4].

Можно провести мыслительный эксперимент и предположить, каким было содержание нравственной мотивации надзирающего прокурора, государственного обвинителя, судей, принимающих решения по данному делу и жалобам.

Логика максимизации общего блага требует привлечь к ответственности такое лицо несмотря на нарушения его процессуальных прав, чтобы минимизировать вред, который может быть причинен сбытом наркотических средств. Логика «меньшего зла» может потребовать того же, но по иным основаниям: осознанно пожертвовать правом одного (подсудимый), чтобы защитить права многих. Однако она может потребовать и иного: пересмотреть решение суда первой инстанции, поскольку исключение доказательств, полученных до процессуального оформления статуса подозреваемого, предполагает исключение наркотиков из объема обвинения. Возможно, это позволит виновному лицу избежать ответственности, но это может быть проинтерпретировано как меньшее зло по сравнению с нарушениями норм уголовно-процессуального законодательства.

Не меньшие затруднения вызывает, например, рассмотрение уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 132 УК РФ, когда потерпевшая несовершеннолетняя имеет заболевание – выраженную дебильность и системное недоразвитие речи. Основное доказательство по делу при этом – показания потерпевшей, записанные следователем, задававшим наводящие вопросы, предусматривающие односложные ответы [9]. Как в таком случае оценивать доказательства? Какое решение должно быть найдено посредством исполнения требования руководствоваться совестью?

В уголовном процессе требование руководствоваться совестью является элементом принципа свободы оценки доказательств. Так, согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [16]. Однако ряд авторов, учитывая субъективные характеристики совести, ее интерпретации как индивидуального нравственного качества, добродетели, предлагают убрать это требование и оставить только требование руководствоваться законом.

Так, например, В.М. Бозров и Н.В. Костовская акцентируют внимание на том, что «совесть оказывается слишком привязана к конкретному человеку со всеми его лучшими и худшими качествами как личности, а потому эта нравственная категория является чрезвычайно субъективной и явно не правовой… » [3, с. 10]. Аналогичные рассуждения приводят М.О. Баев и О.Я. Баев: «вряд ли уместно использование в тексте закона категории совести, категории с социальных и этических позиций весьма сложной и неоднозначной» [3, с. 19]. Еще более резкие суждения в оценках совести высказывает Н.К. Панько: «Уголовное судопроизводство является ответственной сферой профессионального труда, и «отдавать на откуп» общечеловеческим моральным нормам – оценку доказательств по уголовному делу должностными лицами – выглядит, по меньшей мере, несерьезно… Категория – совесть в уголовном процессе – это фикция, ложь, нечто не существующее» [8, с. 287-288].

Обращается внимание и на то, что в советском уголовном процессе вместо совести в аналогичной норме (ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.) фигурировало социалистическое правосознание [17]. Анализ действующих кодифицированных процессуальных актов показывает, что требование оценки доказательств «по совести» есть только в УПК РФ. Ни в ст. 67 ГПК РФ, ни в ст. 84 КАС РФ, ни в ст. 71 АПК РФ, ни в ст. 26.11 КоАП РФ нет указания на необходимость руководствоваться совестью в процессе оценки доказательств. «Нет совести» и в УПК большинства стран бывшего постсоветского пространства, хотя правовые системы довольно близки (см. ст. ст. 105 УПК Республики Беларусь [14], ст. 94 УПК Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI [18], ст. 23 УПК Кыргызской Республики [13]). Однако в ст. 25 УПК Республики Казахстан оценка доказательств, как и в российском УПК, осуществляется с отсылкой к совести [15].

Несмотря на вышеприведенные аргументы, ряд процессуалистов категорически против «упразднения» совести в российском уголовном процессе. Более того, предлагается обязать должностных лиц руководствоваться совестью не только в процессе оценки доказательств, но и в иных видах деятельности, предусмотренных УПК РФ. При этом избыточным считается упоминание в ст. 17 УПК РФ не совести, а закона, поскольку требование руководствоваться зако-

ном – это содержание принципа законности, закрепленного в ст. 7 УПК РФ [10].

Для того чтобы парировать аргументы, касающиеся субъективности совести, юристы выделяют специальные ее виды, которые могут применять для оценки доказательств в уголовном процесс. Так, О.Г. Яцишина описывает правовую совесть – «…способность лица оценивать свое поведение с точки зрения соответствия морали, но в пределах норм права» [20, с. 106]. Такое определение позволяет предполагать, что существуют решения, которые соответствуют морали, но находятся за пределами правовой нормативности. Это порождает вопрос о соотношении закона и справедливости.

К сожалению, на практике нередки ситуации, когда решения, не противоречащие закону, вызывают обоснованные сомнения в их справедливости. Так, например, лицо было привлечено к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ. Однако после вступления приговора в законную силу было отменено решение по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ ввиду того, что лицо не было извещено надлежащим образом [5]. Фактически, лицо, которое дважды управляло автомобилем в состоянии опьянения, не только может избежать ответственности, но и получить возможность и далее управлять транспортным средством.

Однако, если субъекты оценки доказательств будут постоянно дифференцировать закон и справедливость, это неизбежно будет погружать их в ситуацию моральной дилеммы: как принять справедливое, по мнению субъекта решение, если оно противоречит закону? Однако в ст. 17 УПК РФ законодатель разрешает эту дилемму: нужно руководствоваться и законом, и совестью.

Помимо правовой выделяется также системная совесть, под которой понимается ориентированность правоприменителя на ведомственные интересы, позицию руководства, указания вышестоящих инстанций и даже карьерные соображения [6, с. 580]. Однако феномен, описываемый как системная совесть, очевидно, выходит за пределы и логики «меньшего зла», и максимизации общего блага.

Необходимо отметить, что нет необходимости в подобного рода манипуляциях с объективацией совести: ее привязанность к субъекту не является непреодолимым препятствием для использования в оценке доказательств. Интеллект, например, тоже не одинаков у разных субъектов, и, тем не менее, вряд ли кому-то придет в голову запретить субъектам доказывания пользоваться интеллектом при осуществлении уголовного преследования.

Кроме того, могут быть полезными новейшие этические разработки проблемы принятия морально обоснованных решений, в которых совесть интерпретируется как рациональное качество, которое необходимо формировать и поддерживать на протяжении жизни. Поэтому полагаем, что совесть – необходимый инструмент в оценке доказательств, который позволяет осуществлять оценку объективно, справедливо, обоснованно, без учета эмоций и впечатлений, особен-

но в ситуациях ценностно-нормативной неопределенности. В частности, Р. Брандт отмечает, что свобода совести проявляется в том, что субъект сам выбирает, какие моральные принципы применить в каждом конкретном случае [21, p. 69]. Ключевым здесь является выбор между моральными принципами. Решения, которые выходят за пределы моральной нормативности, автоматически выходят и за пределы правовой. В итоге нарушаются сразу оба требования, поскольку субъект не руководствуется ни совестью, ни законом. Трудность в концептуализации такого типа определений совести заключается в том, что они требуют глубокого понимания моральных принципов, особенно если они неоднозначны и интуитивно неочевидны, как логика «меньшего зла» или максимизация общего блага.

М. Стикер, исследуя понятие совести в трудах И. Канта, остроумно называет ее «рефлексивным сторожевым псом», который наблюдает за тем, насколько осторожно поступающий использует свои рациональные способности, когда рассуждает о конкретных вопросах долга [23, p. 1]. Фактически, совесть в такой интерпретации «охраняет» морального субъекта от самообмана, к которому человек имеет естественную склонность. Важным достижением кантовской концептуализации совести является то, что в ней объясняется, что каждый рациональный субъект получает моральное знание с помощью процедуры универсализации. Это значительно сокращает как количество вариантов морального выбора, не противоречащего совести, так и понимания содержания морального долга. Следовательно, совесть универсализуема. Ее можно применять или нет, так же, как и закон. Если субъект оценки доказательств не захочет воспользоваться совестью, он может отказаться принимать и законное решение. В первом случае его ждет моральная ответственность – суд совести, во втором – юридическая. При этом субъект может заниматься самообманом, рационализировать свое решение, принятое против совести.

В целом, совесть – это способность отличить моральный поступок от аморального, но она никак не гарантирует совершения именно морального поступка. Следовательно, требование законодателя руководствоваться совестью при оценке доказательств – это, в первую очередь, требование использовать эту способность. Фактически, субъект оценки доказательства каждый раз, обращаясь к совести, проводит рефлексивный текст на универсализацию максимы, оценивает ситуацию, подразумевая, что любой другой разумный человек оценил бы ее точно так же. При этом субъект может поступить как по совести, так и против нее, но сам факт передачи сложного вопроса не суд совести – объективное свойство любого рационального субъекта.

Кант для описания работы совести использует метафору суда, где рациональное «Я» – обвинитель, чувственное – обвиняемый, а защитник («twister of the law», «Rechtsverdreher») – тот, кто ищет лазейки в законе, чтобы оправдать обвиняемого (самообман).

М. Стикер предлагает использовать для этого процесса более точную метафору внутренней групповой дискуссии (internal panel discussion) [23, p. 20]. В ходе такой дискуссии может быть принято решение, каким моральным принципом руководствоваться: следованием долгу, максимизацией общего блага или логикой «меньшего зла». Возможно, выбор не приведет к морально правильному решению, но, самое главное, чтобы такой выбор был осуществлен.

В современном российском уголовном процессе объективная истина уже не носит принципиального значения. Если убрать еще и требование руководствоваться совестью, все будет поглощено состязательностью. С одной стороны, принцип состязательности предполагает четкое разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела, гарантирует равноправие сторон перед судом (ст. 15 УПК РФ). Но, с другой стороны, ничем не ограниченный принцип состязательности может привести к ситуации, подобной той, которая сложилась в древнегреческих полисах, когда в условиях прямой демократии в споре побеждал не тот, кто прав, а тот, кто нанял более искусного софиста. Совесть – «рефлексивный сторожевой пес», особенно необходимый в ситуациях ценностно-нормативной неопределенности, когда приходится апеллировать к таким неоднозначным принципам, как «меньшее зло» или максимизация общего блага.

Список источников

1. Апресян Р.Г. Феномен моральной императивности. Критические очерки / Р.Г. Апресян, О.В. Артемьева, А.В. Прокофьев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. Москва : ИФ РАН, 2018. 196 с.

2. Баев М.О. УПК РФ 2001 года : достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних : учебное пособие / М.О. Баев, О.Я. Баев. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. 57 с.

3. Бозров, В.М. Оценка доказательств в уголовном судопроизводстве / В.М. Бозров, Н.В. Костовская // Мировой судья. 2012. № 9. С. 9-18.

4. Бондарчук В.Ю. Прокуроры-затейники. Как сделать хорошую мину при плохой игре / В.Ю. Бондарчук. URL: https://pravorub.ru/articles/99859.html (дата обращения 28.01.2022). Текст : электронный.

5. Гайнизаманов Э.И. 6 Кассационный суд отменил приговор по ст. 264.1 УК РФ и вернул дело прокурору / Э.И. Гайнизаманов. URL: https://pravorub.ru/articles/99666.html (дата обращения 17.12.2021). Текст : электронный.

6. Манова Н.С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности / Н.С. Манова, М.А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564-593. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.

7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

8. Панько Н.К. Категория совести в российском уголовном судопроизводстве и ее соотношение с проблемой установления истины по уголовному делу / Н.К. Панько // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 282-291.

9. Пастернак Е.С. И снова эта ужасающая ст.132 УК РФ / Е.С. Пастернак. URL: https://pravorub.ru/articles/99671.html (дата обращения 17.12.2021). Текст : электронный.

10. Победкин А.В. Совесть в уголовно-процессуальной форме / А.В. Победкин // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 4 (77). С. 5-11.

11. Прокофьев, А.В. О практической приемлемости меньшего зла / А.В. Прокофьев // Этическая мысль. 2010. Вып. 10. 189-212.

12. Тимошенко А.А. Институт следственных судьей с позиции теории «меньшего зла» / А.А. Тимошенко // Russian journal of legal studies. 2015. № 4 (5). С. 131-136.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=3663 9004&&sub_id=230000&pos=835;-54#pos=835;-54 (дата обращения 03.02.2022). Текст : электронный.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 &&sub_id=1020000&pos=1371;-54#pos=1378;-54 (дата обращения 03.02.2022). – Текст : электронный.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&&sub_id=250000&pos=1012;-54#pos=1012;-54 (дата обращения 03.02.2022). Текст : электронный.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 (утратил силу).

18. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178&&pos=365;-40#pos=365;-40 (дата обращения 03.02.2022). Текст : электронный.

19. Этика : Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. Москва : Гардарики, 2001. 671 с.

20. Яцишина, О.Г. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе : Монография / О.Г. Яцишина. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. 167 с.

21. Brandt, R.B. Conscience (Rule) Utilitarianism and the Criminal Law / R.B. Brandt // Law and Philosophy. 1995. Vol. 14. no. 1. p. 65-89. https://doi.org/10.2307/3504933.

22. Ignatieff, M. The Lesser Evil : Political Ethics in an Age of Terror / M. Ignatieff. Princeton : Princeton University Press, 2005. 212 p.

23. Sticker, M. When the Reflective Watch-Dog Barks – Conscience and Self-Deception in Kant / M. Sticker // Journal of Value Inquiry. 2017. Vol. 51(1). p. 85-104. https://doi.org/10.1007/s10790-016-9559-4.

УДК 343

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗОН ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕЖДУ ОРГАНАМИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, ПРОКУРОРОМ И СУДОМ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Колесник Вероника Вячеславовна
Доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Принятие проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом» содержит современные передовые подходы к производству по уголовному делу, основанные на международных стандартах. Разграничение процессуальных полномочий (зон ответственности) между деятельностью полиции, прокурора и суда позволяет повысить эффективность защиты прав и законных интересов личности, процедуры расследования, юридической квалификации и решения вопроса о виновности между различными государственными органами. Анализ положений Проекта позволяет выявить возможные направления совершенствования российского национального законодательства.

Ключевые слова: модель; разграничение полномочий; зоны ответственности; полиция; прокурор; независимость суда.

DELIMITATION OF AREAS OF RESPONSIBILITY BETWEEN THE CRIMINAL PROSECUTION AUTHORITIES, THE PROSECUTOR AND THE COURT (ON THE EXAMPLE OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Kolesnik V. V.

The adoption of the draft law "On amending and supplementing certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the introduction of a three-tier model with a separation of powers and areas of responsibility between law enforcement agencies, the prosecutor's office and the court" contains modern advanced approaches to criminal proceedings based on international standards. The delineation of procedural powers (zones of responsibility) between the activities of the police, the prosecutor and the court makes it possible to increase the effectiveness of the protection of the rights and legitimate interests of the individual, the procedure for investigation, legal qualification and the resolution of the question of guilt between various state bodies. An analysis of the provisions of the Project reveals possible directions for improving Russian national legislation.

Keywords: model; segregation of authority; areas of responsibility; police; the prosecutor; the independence of the court.

Изучение и разработка новых эффективных процессуальных средств для решения основного вопроса уголовного судопроизводства в настоящее время является актуальной проблемой, решение которой позволит повысить «производительность» процедур по уголовному делу. Как полагаем, сравнительное изучение результатив-

© Колесник В. В., 2022

ного зарубежного передового правового опыта законодательной деятельности в области уголовного правосудия позволяет определить основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства на современном этапе.

Наше внимание обращено к анализу основных положений Постановления Правительства Республики Казахстан от 5 октября 2021 года № 706 «О проекте Закона Республики Казахстан "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом" [1]. В этой связи, как полагаем, совершенствование процедуры правоприменения имеет важное значение [2; с. 9-12; 3].

Представляется, что данный проект является фундаментальным с позиций определения основных изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Казахстан. В нем акцентируется отдельное внимание на необходимость приведения национального законодательства в соответствие с действующими международными стандартами в области защиты прав человека и гражданина.

Разработка эффективных правовых механизмов необходимо не только для эффективного применения норм уголовно-процессуального законодательства в Казахстане, но и результативности этого процесса для своевременного раскрытия преступлений, обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в эту сферу, принятия правосудных решений по уголовному делу.

В Проекте констатируется, что процесс раскрытия преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности не всегда сопровождается достаточностью собираемых по делу доказательств, а иногда вынужденной фальсификацией доказательств, применением незаконных методов ведения расследования в целях улучшения статистических данных: «В Едином реестре досудебных расследований ежегодно регистрируется 900 случаев превышения, злоупотребления сотрудниками должностных полномочий, фальсификации доказательств и оперативно-розыскных материалов. К уголовной ответственности привлечено более 3 тысяч (3 202) сотрудников, из них к коррупционным преступлениям 1,9 тысяч (1 893). С 2015 года преступность снизилась на 37% (с 386 718 в 2015 году до 163 226 в 2020 году)».

Проект содержит определенную озабоченность наличием негативных факторов, вызываемых отсутствием четко определенных критериев разграничения правомочий и «зон ответственности между органами досудебного расследования, прокуратурой и судом». То есть суд, при поступлении уголовного дела, определенным образом «связан сложившимися обстоятельствами». Как понимаем, такие обстоятельства накладывают на суд принятие решения о виновности и назначении уголовного наказания.

По этим причинам возникает объективная необходимость создания новой модели уголовного преследования и отправления правосудия, в основу которой должен быть положен позитивный опыт «развитых стиран мира».

Одна из причин отсутствия четких критериев разграничения зон между органами уголовного преследования, прокурором и судом, выражается в возможность направления следователем ходатайств в суд, минуя прокурора. Такое состояние, как утверждается в Проекте, ослабляет прокурорский надзор за проведением органами уголовного преследования процессуальной деятельности.

Как показывает российская правоприменительная практика, в УПК РФ имеется достаточно норм, которые предоставляют право следователя обращаться к суду, без согласия прокурора (ч. 2 ст. 29, ст. 165 УПК РФ). В подобной ситуации процессуальное руководство следователем осуществляется не прокурором, а руководителем следственного органа, который и дает согласие следователю на обращение в суд при наличии к тому достаточных оснований.

Проектом предусмотрено три основных подхода к формулированию новой модели: 1) создание баланса «общественных интересов и защиты прав человека», при этом устанавливается запрет защиты интересов общества от преступления путем нарушения прав лиц, подвергаемых уголовному преследованию. 2) «действенная система сдержек и противовесов», исключающая возможность произвола власти и установление ограничений на каждое полномочие; 3) стабильность органов правосудия в достижении «своей цели – качественное и своевременное правосудие. Никакие политические изменения не могут оказать неправомерное влияние на защиту прав и свобод личности».

Предлагается выделение трех основных этапов производства по уголовному делу, каждый из которых определяется зоной ответственности:

– выявление преступления и сбор фактических данных (органы полиции-уголовного преследования);

– правовая оценка собранным доказательствам и подготовка обвинения (прокурор);

– разрешение дела по существу – о виновности и наказании (суд, при сохранении за ним контроля за соблюдением прав и свобод человека в период расследования преступления).

Отметим, что такое распределение процессуальных обязанностей и зон ответственности основано на базовых положениях Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года №636 [4], в котором предусмотрена новая модель уголовного процесса, основанная на существующих международных стандартах стран ОЭСР: полицейский – прокурор – суд. Указанные предложения по трехзвенной модели направлены в рабочую группу

по реформе правоохранительной системы от 19 октября 2020 года (исх. 1-010000-20-52143/22-9//20-52-3.4).

Выделение особой самостоятельности роли прокурора и его отделение от органов уголовного преследования предлагается определить следующими аспектами: полиция не должна давать «юридическую квалификацию действиям; применять меры процессуального принуждения, кроме задержания в строго оговоренных законом случаях; совершать действий, касающихся конституционных прав человека, без санкции прокурора и суда», а именно прокурор квалифицирует деяние и в случае достаточности собранных полицией доказательств вправе принять решение о направлении уголовного дела в суд.

Конечно же, одномоментно такие новшества реализовать представляется крайне проблематично. В этой связи проект предусматривает определенные этапы постепенного внедрения трехзвенной модели производства по уголовному делу:

«1 этап – с 2022 года по делам об убийствах;

2 этап – с 2023 года по делам, подследственным антикоррупционной службе и военной полиции, а также по всем особо тяжким преступлениям, подследственным органам внутренних дел;

3 этап – с 2024 года по делам, подследственным службе экономических расследований, а также остальным категориям дел, подследственных органам внутренних дел».

Как полагаем, анализируемый нами Проект содержит действительно современные подходы к формированию и установлению четких критериев зон ответственности между органами расследования, прокурором и судом. Отдельные положения, например, о большей процессуальной самостоятельности и значимости статуса прокурора, могут быть исследованы в направлении его возможного применения в российском национальном уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, например, прокурора предлагается наделить следующими процессуальными полномочиями по уголовному делу с внесением соответствующих изменений в ст. 193 УПК Республики Казахстан [5]: «прокурор: признает лицо в качестве подозреваемого, составляет постановление о квалификации, изменении и дополнении квалификации деяния подозреваемого; избирает меру пресечения; прекращает уголовное дело либо уголовное преследование в полном объеме или в части; согласовывает применение мер процессуального принуждения, проведение следственных действий, в том числе негласных; составляет обвинительный акт либо направляет уголовное дело для производства дополнительного расследования». Как полагаем, этот перечень может быть дополнен принятием решения прокурором в случае необходимости применения мер безопасности в отношении участников уголовного дела [6, с. 202-211; 7].

Кроме того, возможность согласительных процедур в этой модели также предполагает принятия таких решений как прокурор, так и судом.

Таким образом, представленный анализ основных положений Проекта, разработанный в Республике Казахстан, содержит современные эффективные элементы повышения качества и рационализации уголовно-процессуальной деятельности, новые подходы к реформированию производства по уголовному делу.

Список источников

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 5 октября 2021 года № 706 «О проекте Закона Республики Казахстан "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом" // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000706. Дата обращения к ресурсу 01.02.2022.

2. Бакулина Л.Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex russica (Русский закон). 2016. № 8 (117). С. 9-20.

3. Бакулина Л.Т., Губайдуллин А.Р., Погодин А.В. Реализация права. Казань, 2012.

4. Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636. Дата обращения к ресурсу. 01.02.2022.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2022 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#sub_id=0. Дата обращения к ресурсу 01.02.2022.

6. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 202-211.

7. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004. Сер. Учебная литература / М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т.

УДК 343.3

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Кондратьев Юрий Анатольевич
Доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

В статье формулируются и обосновываются предложения по совершенствованию Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в частности, вносятся предложения по изменению определения экстремистской деятельности и уточнению понятия «противодействие экстремизму»,

© Кондратьев Ю. А., 2022

содержатся рекомендации, связанные с необходимостью исследования содержания священных книг, формирующих религиозные чувства граждан.

Ключевые слова: экстремизм; противодействие экстремистской деятельности, политический фундаментализм; религиозный фанатизм.

ON THE ISSUE OF IMPROVING LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR MANIFESTATIONS OF EXTREMISM

Kondratiev Y. A.

The article formulates and substantiates proposals for improving the Federal Law «On Countering Extremist Activity», in particular, proposals are made to change the definition of extremist activity and clarify the concept of "countering extremism", contains recommendations related to the need to study the contents of sacred books that form religious feelings of citizens.

Keywords: extremism; countering extremist activity, political fundamentalism; religious fanaticism.

В Стратегии национальной безопасности России [1] констатируется, что «усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека». Этим документом развитие институтов гражданского общества, поддержка общественно значимых инициатив, пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи, названы среди важнейших направлений государственной политики Российского государства.

Как показывают события последних десятилетий, межнациональные, межрасовые и межконфессиональные конфликты и войны в состоянии развалить любое государство, даже те, в которых понятия «дружба народов» и «интернационализм» десятилетиями провозглашались принципами деятельности всех государственных и общественных институтов. Несмотря на это, к сожалению, и сегодня можно встретить немало доктринальных подходов, а порой и просто эмоциональных высказываний не только политиков, но и видных общественных деятелей и представителей культуры, свидетельствующих о недооценке опасности в России имеющего места воинствующего национализма и ксенофобии, либо об их неправильной оценке.

Показательной в этом отношении является полемика между Президентом России В. В. Путиным и авторитетным кинорежиссером А.Н. Сокуровым, возникшая во время заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека 9 декабря 2021 г., в ходе которой Президент страны призвал с особой осторожностью подходить к освещению проблем, связанных с межнациональными отношениями и ответственно относиться к публичным высказываниям относительно судьбы такой многонациональной страны, как

Российская Федерация, единство которой проверено историей, ныне закреплено Конституцией, дабы не допустить участи государств, подвергшихся распаду и кровавым войнам, игнорировавшим необходимость спокойного обсуждения возникающих в ходе исторического развития проблем [2].

Важным негативным фактором, влияющим на общественно-политическую обстановку, является иностранное вмешательство во внутренние дела нашего государства, противодействие которому становится самостоятельным направлением деятельности правоохранительных органов. Так, по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в связи с попытками оказать влияние на общественно-политическую ситуацию в 2020 г. признаны нежелательными в России 12 иностранных и международных неправительственных организаций, также заблокированы их интернет-ресурсы. По требованиям Генеральной прокуратуры запрещена деятельность 1 террористической и 7 экстремистских организаций. Заблокирован доступ к 10 тысячам сайтов, распространяющих призывы к экстремизму, терроризму и массовым беспорядкам, с 52 тыс. ресурсов удалена противоправная информация.

Вместе с тем, проблема противоправного распространения экстремистской идеологии посредством Интернет-каналов остается не до конца решенной. По официальным данным, именно с их использованием совершаются подавляющее большинство призывов к экстремистской деятельности и каждое второе преступление экстремистской направленности, число которых в 2020 г. возросло почти вдвое. Особо тревожным является и рост на треть количества преступлений террористического характера. В таких условиях особенно важным является противодействие распространению в СМИ негативной информации, нагнетающей эскалацию в обществе, содержащей призывы к насилию [3].

Безусловно, правовые средства не являются главными в противодействии поведению, мотивированному экстремизмом, в том числе наиболее опасным его проявлением в виде ненависти или вражды к представителям другой расы, национальности или религиозной конфессии. Но они остаются незаменимыми для защиты подвергающихся риску групп населения, для привлечения к ответственности и правовым санкциям носителей такого поведения. Отказ от их применения в необходимых случаях будет восприниматься как слабость государства, как поощрение новых социально неприемлемых деяний с их стороны.

Философу Владимиру Соловьеву принадлежит замечательное обобщение, касающееся роли права и закона в жизни общества: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» [4, с.413]. Мысль эта касается богословской проблемы соотношения христианской нравственности и права. Оставляя в стороне в светском исследовании богословскую составляющую соотношения

добра и зла в мире, обратим внимание на то, что согласно доктрине В.С. Соловьева, между идеальным нравственным сознанием и злой действительностью есть промежуточная область – сфера права и закона, служащие воплощению добра, ограничению и исправлению зла. Именно в этой связи философ приходит формуле, обращенной ко всем гражданам, независимо от их убеждений и конфессиональной принадлежности: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла». Право не вмешивается в свободный выбор личности между добром и злом, а лишь препятствует злому человеку стать злодеем. Если правовое начало оказывается парализованным, то жизнь для большинства членов общества превращается в ад. Такой преждевременный ад грозит обществу с двух сторон: одна «аномалия грозит жгучим адом анархии, а другая – ледяным адом деспотизма» [4, с.413]. Из этого вытекает, что организация нравственной жизни возможна только на почве права и его воплощения – государства. Для того чтобы жизнь общества не превратилась в ад, вследствие различных вызовов и угроз современности, государство должно уметь вырабатывать стратегию противостояния злу, не допускать разгула анархии и не скатываясь в «ледяной ад деспотии». Именно поэтому идеи противостояния экстремизму должны стать объединяющими для всех слоев российского общества, сохранивших приверженность к добру, а выверенная с морально-этических позиций государственно-правовая концепция противодействия межнациональной и межконфессиональной розни должна отражать надежды и чаяния всех тех, кто к добру стремится.

Безусловно генератором всех правовых усилий государства направленных на противодействие экстремистским проявлениям, должны быть установления, закрепленные Преамбуле, статьях 3 и 19 Конституции России. Государство, помня, что Российскую Федерацию образует суверен – ее многонациональный народ, соединенный общей судьбой на своей земле, сохранивший исторически сложившееся государственное единство, – должно реально гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Государственные гарантии этим незыблемым конституционным установлениям отражаются в различных правовых актах. В сфере противодействия экстремизму к таким актам относится прежде Федеральный закон от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [5] (далее – ФЗ №114), целью которого является определение правовых и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, установление ответственности за ее осуществление. Данный закон, несмотря на неоднократ-

ные дополнения нуждается в совершенствовании, а некоторые его положения в существенных уточнениях.

Прежде всего, речь идет о самом понятии «экстремистская деятельность». При всех очевидности опасности различных проявлений радикализма дать точную и тем более исчерпывающую правовую характеристику понятия «экстремизм» весьма затруднительно, если вообще возможно. Вместе с тем, законодатель должен стремиться к приданию формулировке «экстремистская деятельность» максимального правового смысла и избавить ее от излишне бытовых, журналистских и, тем более, эмоциональных штампов. Это позволит провести зримую грань между собственно экстремистским поведением и проявлениями инакомыслия, которое вполне допустимо в рамках дискуссий, принятых в демократическом, правовом государстве, идеология которого основана на плюрализме мнений.

Например, весьма спорной является правовая ценность формулировки, позволяющей отнести к экстремистской деятельности использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии (ст.1 ФЗ № 144). Нетрудно заметить, что проведение предлагаемой грани между экстремистским и противоположным ему поведением весьма условно и определение ее полностью зависит от усмотрения правоприменителя, что способно породить на практике случаи злоупотребления правом.

На мой взгляд, предложенная формулировка экстремистской деятельности содержит не вполне удачную ссылку на нормы других законов, имеющих отраслевую принадлежность. Имеется в виду ссылка на пункт «е» части первой статьи 63 УК РФ, содержащий такое отягчающее наказание обстоятельство, как совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Во-первых, деяние экстремистского содержания – не всегда преступление. Например, в соответствии со ст. 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ) наказуемы пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых

запрещены федеральными законами. На основании ст.20.3.1 КоАП административная ответственность наступает за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния и др.

Во-вторых, мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, могут быть учтены в качестве отягчающего административное наказание обстоятельства на основании п.6 ч.1 ст. 4.3 КоАП РФ, поскольку перечень таких обстоятельств в данном отраслевом федеральном законе в отличие от УК РФ не является исчерпывающим. Очевидно в этой связи, что ссылка на ст.63 УК РФ в ФЗ №114 является неудачной и должна быть заменена точной формулировкой, касающейся всех видов правонарушений экстремистской направленности.

Помимо этого, имеются сомнения в корректности упоминания «идеологических, политических, расовых, национальных или религиозных мотивов», как основу вражды или ненависти, поскольку эти мотивы могут и не приводить к ненависти или вражде. Сомнения вызывает и упоминание в качестве источника ненависти и вражды идеологических и политических мотивов, без их конкретизации. Скорее речь должна идти о фундаментализме или фанатизме в рамках того или иного политического или идеологического движения, исключающих признание иных взглядов на развитие общества. Следует согласиться и с сомнениями относительно выделения особой ненависти или вражды в отношении той или иной социальной группе, поскольку ссылка на «какую-либо социальную группу» делает соответствующие нормы закона (прежде всего УК РФ) не только безразмерными, но и позволяет относить к охраняемой законом группе как жертв (например, представителей национальных или расовых меньшинств), так и их потенциальных или действительных палачей (скинхедов, воинствующих социал-националистов и др.). Понятие «религиозная вражда» с учетом логики развития законодательства, в частности, дополнения ФЗ № 114 статьей 3.1 «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов», так же должно быть заменено понятием «религиозный фанатизм» [6, с.100].

В связи с последним заслуживает внимания и правовая определенность в безусловном отрицании экстремистского содержания священных книг (Библия, Коран, Танах и Ганджур) в упомянутой

ст.3.1 ФЗ № 114. На мой взгляд, утверждать что-то с полной определенностью в столь деликатной сфере можно лишь в случае, когда наличествуют адаптированные и полные переводы того или иного текста. Ничего не утверждая относительно содержания отдельных священных книг, отмечу, что, например, Ганджур - первая часть тибетского буддийского канона – собрания буддийских текстов, переведенных с санскрита, пали, пракритов, китайского и других языков и восходящих к Будде Шакъямуни, составляют несколько (шесть) разделов, Каждый из них содержит десятки томов и сотни текстов. Внутренняя композиция Ганчжура основывалась в целом на «Записях услышанного» (тиб. «сан-иг») Пабо Цуглаг-пренбы (1504–1566). Это издание было завершено в 1621 г., а спустя некоторое время ксилографические матрицы Ганчжура были переправлены монгольской армией в монастырь гелугпы Чжамбалин в Литане.

На протяжении веков в разных изданиях состав канона уточнялся и редактировался, вводились новые переводы. Предпринимались попытки перевода отдельных текстов Ганджура на современные европейские языки. В России издания канона (Ганджура и Данджура) хранятся в университетских и академических библиотеках Санкт-Петербурга (Институт восточных рукописей РАН; Библиотека восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета), Москвы (Центр восточной литературы РГБ), Улан-Удэ (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН). Имеет текст Канона и Буддийский университет Даши Чойнхорлин при Буддийской традиционной сангхе России (Улан-Удэ). В настоящее время на русском языке Ламой Карма Палджор составлен только каталог Ганджура. Вряд ли этот каталог может дать полное представление о содержании данного священного писания.

Сложную структуру и содержание имеет и Танáх – одновременно Священное писание, принятое в иврите, и название еврейской Библии. Чтобы понять содержание всех текстов, входящих в Танах, необходим авторитетный перевод с древнееврейского языка. Его отсутствие или малодоступность (не берусь утверждать) заставляет быть крайне аккуратным в определении того насколько нерадикальными, для нашего времени, являются эти тексты. Не случайно в связи с этим до сих пор проявляется очень осторожный подход к оценке содержания Талмуда – свода правовых и религиозно-этических положений иудаизма, современный перевод которого на русский язык, осуществляемый различными авторами, не позволяет дать однозначный ответ в контексте рассматриваемой в настоящей статье темы.

Анализ текста ФЗ № 114 позволяет внести предложения и по совершенствованию формулировки «основных направлений противодействия экстремистской деятельности» (ст.3). В ней очень четко обозначена профилактическая составляющая в виде принятия «профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстре-

мистской деятельности» На мой взгляд, недостаточно рельефно обозначено важнейшее направление противодействия экстремистской деятельностью – борьба с нею, предполагающая применение правовых санкций. В этой связи, часть вторую статьи 3 ФЗ № 114 необходимо изложить в следующей редакции: «…выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц и применение к ним правовых санкций».

Основанием для применения различных видов юридической ответственности должен быть состав деликта экстремистской направленности. Для синхронизации положений ФЗ № 114 и норм отраслевого законодательства необходимо дополнить ст.3 следующей нормой: «Под правонарушением экстремистской направленности следует понимать противоправное деяние (действие или бездействие), предусмотренное статьей 1 настоящего закона, за которое законодательство Российской Федерации установлена уголовная, административная или гражданско-правовая ответственность».

Закрепление понятия «правонарушения экстремистской направленности» позволит создать полноценную правовую базу для применения санкций, предусмотренных гражданским, административным и уголовным законодательством и послужит импульсом для совершенствования отраслевого законодательства об ответственности за указанные правонарушения.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: указ Президента РФ от 02.07.2021. № 400 // Consultant.ru›document/cons_doc_LAW_389271/

2. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 09.12.2021 г. // kremlin.ru›…president/transcripts/deliberations…

3. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в 2020 году и о проделанной работе по их укреплению // epp.genproc.gov.ru›web/gprf/mass-media/news?item…

4. Соловьев В.С. Оправдание добра // Собр. соч. Т. 8. СПб., 1914. Репринтное издание: Оправдание добра: нравственная философия / Вл. С. Соловьев. Москва : Академический проект, 2010. 615 с.

5. Федеральный закон от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 №280-ФЗ).

6. Даутгиреева М.М. Уголовно-правовое значение мотивов ненависти и вражды // Евразийский Научный Журнал. 2016. № 8 (август) С. 99-10.

УДК 343

ЦЕРКОВНЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД ЖИВОТНЫМИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Кондратьева Анна Николаевна
Заместитель директора колледжа по научно-методической работе, кандидат юридических наук
Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований по теме «Теология в контексте междисциплинарных научных исследований» (проект № 21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»).

В рамках данной статьи автор рассуждает о средневековых судебных процессах с участием животных, которые представляли собой дела по обвинению животного за причинение вреда человеку или его имуществу. Вопреки мнению скептиков, считающих, что подобные судебные процессы не более чем выдумка, сохранившиеся в европейских церковных и частных архивах документы свидетельствуют об обратном. Содержание этих документов позволило европейским ученым сделать вывод о наличии юридической процедуры привлечения животного к уголовной ответственности, а также доказать влияние Римской католической Церкви на трансформацию уголовно-процессуальных отношений с участием животного.

Ключевые слова: наказание животных; суд против животных; Римская католическая Церковь; каноническое право; процесс ordo iudicarius.

CHURCH ANIMALS LITIGATIONS IN MEDIEVAL EUROPE

Kondratiev A. N.

Within the framework of this article, the author discusses medieval trials involving animals, which were cases accusing an animal of causing harm to a person or his property. Contrary to the opinion of skeptics who believe that such lawsuits are nothing more than fiction, documents preserved in European church and private archives testify to the contrary. The content of these documents allowed European scientists to conclude that there is a legal procedure for bringing an animal to criminal responsibility, as well as to prove the significant influence of the Roman Catholic Church on the transformation of criminal procedural relations involving an animal.

Keywords: punishment of animals; court against animals; Roman Catholic Church; canon law; ordo iudicarius process.

> *«Но есть еще много других случаев, которые встречаются нам, инквизиторам, при исполнении службы инквизиции; если бы мы осмелились их рассказать, то конечно увлекли бы читателя до удивления».*
>
> *Яков Шпренгер и Генрих Институрис (Крамер). Молот ведьм, 1486 г.*

1. Судебные процессы в эпоху классического средневековья

Начиная с XIII века в церковных судах появилась новая форма судопроизводства – розыскной (инквизиционный) процесс. Он получил развитие в ряде папских декреталий 1198-1213 гг. (Liber Extra.

© Кондратьева А. Н., 2022

III 12. 1; V 1. 17; 3. 31-32; 34. 10) и был утвержден в 1215 г. 8-м каноном Латеранского IV Собора (Mansi. T. 22. Col. 994-995). По мнению ряда исследователей он создавался для преследования еретиков, в том числе и для расследования преступлений прелатов. Папа Иннокентий III в ходе реформ, направленных на рационализацию церковного законодательства, способствовал объединению разных типов судопроизводства в инквизиционном процессе: расследование могло начинаться как на основании слухов, так и по письменным жалобам, а суд получал возможность использовать материальные доказательства, собранные ex officio, т. е. возможность проводить расследование (contra quos (excessus) tribus modis procedi possit, per accusationem videlicet, denunciationem et inquisitionem - Liber Extra. V 3. 31). Инквизиционный процесс стал использоваться и в светском судопроизводстве (прежде всего в уголовном) [3].

Расследование состояло из двух частей: общее расследование (до установления обвиняемого) и специальное расследование (после установления обвиняемого). Допрос обвиняемого был одним из самых важных следственных действий [2].

В эпоху классического средневековья в Европе при инквизиционном процессе в качестве обвиняемых по делам о преступлениях нередко выступали животные, в отношении которых существовали собственные правила осуществления судопроизводства. «Так, некий Гаспар Белльи, адвокат при сенате Савои, в своем труде, который был им издан в середине XVII столетия, представил трактат о способах производства суда против животных. Чтобы облегчить сторонам работу по составлению разных актов следствия, он простер свои услуги до того, что предложил образцы речей обвинителей и защитников, или попечителей, назначаемых животным, заключений докладчика, приговора официала и т.п.» [1, с. 298].

Л. Макгрегор в своих исследованиях обратился к сохранившимся рукописям и установил, что «Счетная палата Бургундии, например, содержит многочисленные финансовые отчеты (квитанции) о казнях животных с конца XIV по начало XV века» [11]. Счетная палата на тот момент занималась широким кругом финансовых вопросов: от сельского хозяйства до затрат на функционирование системы исполнения наказаний. Сохранившиеся финансовые записи были важными источниками для проверки событий, затрат на них и установления того, кто был причастен к данным событиям. Для историков права они являются полезным инструментом для оценки подлинности событий. Установлено, что инквизиционные процессы над животными на тот период достаточно хорошо финансировались. Анализ архивных документов, позволил европейским и американским исследователям доказать, что в период с IX по XIX вв. было зарегистрировано более двухсот фактов казней животных [5, 6].

2. Животное как субъект преступления в эпоху средневековья: теоретическое обоснование

Известно, что в этот период преследовались как животные, так и насекомые (ослы, жуки, комары, быки, гусеницы, куры, коровы, собаки, полевые мыши, мухи, козы, кузнечики, лошади, мыши, кроты, свиньи, крысы, овцы, улитки, термиты, волки, черви и разные паразиты). Профессор Е. Эванс в книге «Уголовное преследование и смертная казнь животных» говорит о том, что «как светская, так и религиозная власть верили в необходимость уголовной ответственности животных» [7].

Эванс в своих работах много рассказывает об известном средневековом адвокате Бартелеми де Шассене, который прославился как защитник крыс, привлеченных к ответственности в церковном суде Отена за преступное поедание и уничтожение ячменя. Учитывая дурную репутацию своих клиентов, Шассене был вынужден использовать всевозможные юридические ухищрения и шиканы, надеясь найти пробел в законе, посредством которого обвиняемые могли бы избежать ответственности. Считается, что с деятельности этого адвоката зародилось самостоятельное направление юридической деятельности, направленное на защиту прав животных.

Наказания для «провинившихся» животных были весьма разнообразны: удары по голове, проклятие анафемы, отлучение или даже в случае более крупных четвероногих, таких как свиньи и быки - смертная казнь. Эванс очень подробно описывает некоторые случаи, когда смертная казнь осуществлялась и светскими и церковными судами.

Анализ данных о средневековых судебных процессах над животными показывает, что чаще всего в качестве обвиняемого выступала свинья, а потерпевшим от преступления был ребенок. Так, в деле, датируемом 1350 г. в Понтайе говорится, что свиньи убили одного ребенка. Аналогичным образом, свинья из Дюсме была обвинена в убийстве ребенка в 1386 году [11]. В некоторых архивных записях содержится более подробное описание смерти жертвы. Так, в 1401 году в деревне Пюи свинья «убила и задушила ребенка по имени Вильям» [9]. Упоминание имени в данном случае является существенным моментом, так как жертва обычно была анонимна и описывалась просто как ребенок (мальчик или девочка). Считалось, что чем агрессивнее было поведение животного, тем более сурового наказания оно заслуживало.

После того, как деяние животного признавалось виновным, необходимо было определить соответствующий вид наказания для него. Так, к примеру, когда животное обвиняли в убийстве, предпочтительным наказанием было повешение. Виновного обычно подвешивали на виселице, которая располагалась за пределами города и использовалась для демонстрации тел осужденных. Это превращало виселицу в наглядный символ судебной власти. Акт наказания считался настолько важным, что, даже если само животное не было обнаружено, вместо него можно было повесить чучело. Смысл такого повешения ясен: даже если он отсутствует, виновный не может избежать досягаемости правосудия.

3. Процессуальные особенности осуществления суда над животными в эпоху Средневековья

Территориально судебные процессы над животными чаще всего происходили в церковных и светских судах Франции, Германии, Швейцарии и Италии. Что касается процессуальных особенностей, то в феодальную эпоху не делалось различия между гражданскими и уголовными жалобами о причинении вреда чьим-либо интересам [16, p. 409]. Обвинительная процедура феодальных времен позднее была заменена инквизиционной. Не совсем понятно на данном этапе, как римско-канонический процесс ordo iudicarius, стал образцом для судов континентальных правовых систем [12].

С середины XII века термин ordo iudiciarius использовался для описания нового порядка римско-канонического процесса. Стороны процесса получали письма от папства, которые гарантировали, что их дела будут рассмотрены в соответствии с ordo iudiciarius, которая защитила бы их от пыток. Историки права считают, что нормативные корни ordo iudicarius уходят к канонам Четвертого Латеранского собора 1215 г., запретившего духовенству участвовать в ордалии [4]. На этом Соборе было представлено более семидесяти канонов, из которых следует отметить два: Канон 8, в котором формулируется процедура обвинения против церковников, и Канон 19, запрещающий освящение воды и горячего железа для судебных испытаний [13].

Небольшое представление о средневековом судебном процессе дают папские письма, в которых часто упоминались такие фигуры, как свидетели и их показания. При допросе обвиняемые обычно подвергались пыткам и, если обвинения были доказаны, церковные судьи выносили обвинительный приговор и передавали обвиняемых светским властям для применения к ним процедуры наказания. Как объяснялось выше, это был принцип канонического права, согласно которому Церковь не могла проливать кровь и не могла налагать смертную казнь.

После прекращения практики ордалий пытки выполняли особую роль в церковном судебном процессе, как способ получения признательных показаний. На этапе предварительного судебного разбирательства пытки были направлены на получение имен сообщников со стороны обвиняемого, а на подготовительном этапе – на дачу признательных показаний обвиняемым в условиях недостаточности улик для осуждения [16, p. 415]. Признания, полученные под пытками, должны были быть подтверждены и при следующем допросе, который проходил без пыток, в противном случае полученные доказательства были недействительны. Общественное подозрение, показания свидетелей и ряд презумпций также использовались в качестве доказательств по уголовному делу.

Если прямых доказательств преступления нельзя было получить, то обвинительный приговор не выносился, что спасало обвиняемого от наложения наказания. Выносился приговор – «оставить под подозрением».

С функционально-антропологической точки зрения, принимая во внимание вышеизложенное относительно следственных процессов, суд над животными можно объяснить, как попытку со стороны Церкви и светских властей объяснить неконтролируемое поведение. По этому поводу Берман отмечает, что регулярность и формальность судебного разбирательства над животными имели огромное влияние на людей [5]. Публичная казнь провинившихся зверей или отлучение от Церкви грызунов и насекомых, содействовали восстановлению в сознании людей нравственного и правового порядка своего времени.

Одним из известных примеров является публичная казнь в 1386 г. свиньи во французском городе Фалез. Дело рассматривалось с соблюдением всех процессуальных тонкостей под председательством авторитетного судьи в сопровождении адвоката. Свиноматка была одета в одежду человека и казнена публично на площади палачом, которому вручили пару новых перчаток, соответствующих торжественности случая [14].

Иногда осужденным животным даже предлагалось помилование. Кстати, именно так и было в приведенном выше процессе, когда свиноматка и шесть поросят съели ребенка. Свиноматку приговорили к смерти, а поросята были оправданы за их юный возраст и плохой пример со стороны матери. С процессуальной точки зрения данный факт косвенно указывает на то, что к животным в уголовном процессе применяли стандартные правила назначения и исполнения наказания.

Как указывалось выше, животное, убившее человека, обычно приговаривалось к смертной казни через повешение. Исполнение такого приговора требовало наличия специальной процессуальной фигуры – палача, который превращал процесс в весьма дорогостоящую процедуру. В средневековой Франции палачи были неотъемлемой частью судебной системы [15]. Казни в то время были публичным зрелищем. Они требовали определенного набора навыков, и ожидалось, что исполнение будет выполнено безупречно. Однако, профессиональных палачей было не так много, поэтому приходилось вызывать палача из других мест и оплачивать не только его услуги, но и дорожные расходы.

Несмотря на то, что палачи регулярно связывались с представлениями о жестокости, они также считались и защитниками порядка и общественной справедливости [10]. Сам факт помещения животного в тюрьму в качестве наказания, применение к нему смертной казни, наличие профессионального палача – все это подчеркивало преступный характер действий животного. Помимо этого, полное и неукоснительное соблюдение процедуры подчеркивало, что наказание для животного было законным и применялось в установленном порядке, что придавало процедуре правовой смысл и процессуальную завершенность.

Далеко не всегда животных подвергали уголовному наказанию. Если речь шла о повреждении имущества, то владелец, в случае

предъявления иска, мог возместить ущерб или отдать животное, чтобы пострадавшее лицо могло отомстить ему. Эта логика была заимствована из римского права и была одним из вариантов рассмотрения дел в светских судах, если речь не шла о причинении вреда человеку. Преследование и отлучение животных от церкви – это уже инструмент не светского, а канонического права в средневековой Европе. Это было уникальное явление с точки зрения права.

Резюме

Подводя итог изложенному, хотелось бы отметить, что, с одной стороны, канон строго запрещает Церкви проливать кровь и налагать смертную казнь. С другой стороны – сохраняются социальные практики, когда фактически, это бремя берет на себя светская власть, а Церковь остается в стороне в качестве наблюдателя. Животное в Средние века стало орудием, при помощи которого можно было убедить людей в возможности одолеть демонические силы посредством канонической и светской юрисдикций.

В результате проведенного краткого обзора позиций зарубежных исследователей по заявленной теме, мы можем сделать следующие выводы:

1) с организационной точки зрения судебный процесс над животными был весьма дорогостоящим, что подтверждается сохранившимися в церковных и государственных архивах финансовыми документами. Подобные процессы над животными были одной из показательных форм борьбы с ересью во всех ее проявлениях;

2) замена обвинительной процедуры на инквизиционную позволила начинать расследование при отсутствии жалобы, что давало возможность инициировать дела против животных и насекомых. Инквизиционный процесс дозволял пытки при определенных условиях для получения доказательств, что давало возможность подвергать им животных публично;

3) разрешив судебное преследование животных, католическая Церковь дополнительно укрепила свой авторитет и власть над миром людей и животных. Это делало их лишь еще более зависимыми от Церкви, ее обрядов и юридических процессов.

Средневековые юридические процессы над животными положили начало для формирования самостоятельного правового течения по защите животных. Уже в те времена появились юристы, которые не побоялись в ходе судебных процессов отстаивать права и интересы своих особенных подзащитных.

Список источников

1. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев, 1882. 892 с.

2. Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений. Санкт-Петербург : Асланов : Юрид. центр Пресс, 2008. 493 с.

3. Тогоева О. И. «Истинная правда»: Языки средневекового правосудия. Москва : Наука, 2006. 334 с.

4. Beirnes P. The Law is an Ass: Reading E.P. Evans' The Medieval Prosecution and Capital Punishment of Animals // Animals and Society, 1994. Vol.2:1. P. 27-46.
5. Berman P.S. Rats, pigs, and statues on trial: the creation of cultural narratives in the prosecution of animals and inanimate objects // New York Univ. law rev. 1994. Vol. 9, № 2. P. 288-326.
6. Desnoyer J. Lexcommunication des insectes et autres animaux nuisibles a Vagriculture // Bulletin du Comite historique des documents ecrits de l'Histoire de France, t. 4. 1853. P. 36-54.
7. Evans E.P. The criminal prosecution and capital punishment of animals : The lost history of Europe's animal trials / E.P. Evans ; Forew. by Nicholas Humphrey. London; Boston : Faber a. Faber, 1987. XXXI, 336 p.
8. Flores N.C. Animals in the Middle Ages: A book of essays. New York: Garland, 1996. 206 p.
9. Jacqueton G. (Ed.) Documents relatifs à l'administration financière en France de Charles VII à François Ier (1443–1523). Paris: Alphonse Picard. 1891. 324 p.
10. Klemettilä H. Epitomes of Evil: Representations of Executioners in Northern France and the Low Countries in the Late Middle Ages. Turnhout: Brepols. 2006. 388 p.
11. MacGregor L. Criminalising Animals in Medieval France: Insights from Records of Executions // Open Library of Humanities. 2019. 5(1): 15, pp. 1–20.
12. Pennington K. Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo Iudiciarius // Revista internazionale di diritto comune 9 (1998) 9-47.
13. Catholic Encyclopaedia on the Fourth Lateran Council. URL: http://www.newadvent.org/cathen/09018a.htm.
14. Spierenburg P. The Spectacle of Suffering: executions and the evolution of repression. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
15. Tourneille V. Bourreau. In: Gauvard, C, de Libera, A and Zink, M (Eds.), Dictionnaire du Moyen Âge. Paris: Presses Universitaires de France, 2002.
16. Watkin A. Historical Introduction to Modern Civil Law. London : Routledge, 1999. 508 p.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Коряковцев Вячеслав Васильевич
Доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Питулько Ксения Викторовна
Доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуются особенности активности судов присяжных в современный период. Невзирая на сложности обеспечения конфиденциальности сведений, относящихся к факту совершения преступления, присяжные сохраняют

© Коряковцев В. В., Питулько К. В., 2022

беспристрастность при вынесении вердикта. Аргументируя необходимость дальнейшего развития этой процессуальной формы, авторы основываются на ее соответствии принципу состязательности.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных, вердикт, правосудие, приговор.

TO THE QUESTION OF THE JURY VERDICT FAIRNESS

Koryakovtsev V. V., Pitulko K. V.

The article examines the features of the activity of jury trials in the modern period. Despite the difficulty of maintaining the confidentiality of information relating to the fact of a crime, the jury remains impartial in reaching a verdict. Arguing the need for further development of this procedural form, the authors rely on its compliance with the adversarial principle.

Keywords: criminal process, jury trial, verdict, justice, sentence.

Исследователи справедливо отмечают тенденцию к «демонизации» суда присяжных, возникшую при реализации процедуры разъяснения подсудимому особенностей рассмотрения уголовного дела. Эта коллизия возникла именно после установления порядка рассмотрения дел с участием присяжных в судах районного звена. Имеется в виду превалирующий негативный контекст (акцент на длительности формирования коллегии присяжных, возможности назначения более строгого наказания при обвинительном вердикте и пр.) [1]. Остается надеяться, что с течением времени сложится совокупность нейтральных приемов разъяснения, исключающих вынужденные отказы от рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей. Более того, именно в судах районного уровня активность присяжных достаточно высока, и это не связано только с вынесением оправдательных вердиктов, хотя последние, естественно, имеют место и блестяще подтверждают необходимость такого порядка слушания уголовного дела.

Например, одним из районных судов Республики Бурятия постановлен оправдательный приговор в отношении пенсионера, обвинявшегося в убийстве своей знакомой. По версии следствия, после совместного распития спиртных напитков между ними возникла ссора, в ходе которой подсудимый нанес жертве несколько ножевых ранений. Как показал сам подсудимый, не признававший вину ни на следствии, ни в суде, в день убийства он виделся с потерпевшей, покупал ей продукты, а спустя некоторое время обнаружил ее на улице с ранениями, от которых она впоследствии скончалась. В предсмертных сумбурных показаниях, записанных на видео, она упомянула его имя. Присяжные вынесли оправдательный вердикт, но далее приговор был отменен апелляционной инстанцией, посчитавшей существенным нарушением уголовно-процессуального закона то обстоятельство, что подсудимый и его адвокат упомянули при присяжных о том, что, со слов потерпевшей, ее избили невестка и сын. Однако при новом рассмотрении дела вновь был вынесен оправдательный вердикт, причем единогласно, как и в первый раз.

Оправдательный приговор вновь обжаловался стороной обвинения, однако был оставлен в силе апелляционной инстанцией [2].

По аналогичным основаниям был оставлен в силе оправдательный вердикт Выборгского городского суда Ленинградской области в отношении Г. и Н. в крайне интересном деле, где каждый из двух подсудимых обвинялся в убийстве лица таджикской национальности (двух братьев) и оказании друг другу заранее не обещанного укрывательства убийства. Апелляционная инстанция, оставляя приговор без изменения, указала, что на стадии отбора присяжных сторонам была обеспечена возможность задавать кандидатам в присяжные интересующие их вопросы, и кандидат № 1 был отведен по причине ознакомления с делом из средств массовой информации; отсутствие в протоколе судебного заседания ответа кандидата № 8 на вопрос председательствующего о наличии физических и психических недостатков у кандидатов в присяжные не влияет на оценку законности и обоснованности постановленного приговора, т.к. о подобных недостатках никем из участников не заявлялось, а документов, это подтверждающих, не предоставлялось; заявленные отводы четырем присяжным заседателям были соответствующим образом тщательно проверены и оценены, и один из них был заменен запасным; не доказан факт незаконного постоянного (в ходе судебного следствия и прений сторон) воздействия со стороны защиты на присяжных путем их ознакомления с недопустимой информацией; недопустимые вопросы, не подлежащие постановке в присутствии присяжных заседателей, председательствующим обоснованно отклонялись, а виновным в этом лицам объявлялись замечания; недопустимые реплики и высказывания в ходе рассмотрения уголовного дела допускались и со стороны государственного обвинителя; не установлены и попытки непроцессуального воздействия на присяжных [3].

В другом случае, напротив, коллегией присяжных был вынесен обвинительный вердикт. Как и в предыдущем примере, подсудимый не признавал вину в совершении преступления ни на следствии, ни в суде. Он обвинялся в том, что, находясь в вагоне электропоезда метрополитена, дважды выстрелил в голову потерпевшему из травматического пистолета. Стороной защиты была выдвинута версия о необходимой обороне (из показаний подсудимого следовало, что он произвел упреждающий выстрел, опасаясь, что в противном случае потерпевший и сопровождавший его мужчина применят к нему физическую силу). Согласно вердикту коллегии присяжных заседателей, «не доказано, что непосредственно перед совершением выстрелов потерпевший ногой наносил удары подсудимому по голени, а также поставил свою ногу на ногу подсудимого, кроме того, на протяжении не менее трёх минут смотрел в глаза подсудимому, не моргая, а племянник потерпевшего ударил подсудимого головой в висок, резко встал с места, высказав угрозу убийством». Соответственно, оснований полагать, что подсудимый действовал, защищаясь от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни

или жизни другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, не имеется. Единогласным вердиктом коллегии присяжных подсудимый был признан виновным и не заслуживающим снисхождения; версия об эксцессе обороны не выдержала проверки в состязательном процессе [4].

Перечисленные примеры не дают оснований сомневаться в объективности присяжных заседателей. Тем не менее, некоторые авторы отмечают, что присяжные выносят вердикт «вопреки очевидной доказанности деяния» и руководствуются «стихийной справедливостью», т.е. личным жизненным опытом, а не юридическими нормами [5, с. 68-75]. Однако предназначение суда присяжных и состоит в том, чтобы оценить фактические обстоятельства и достоверность доказательств, собранных и представленных сторонами. Если в американском уголовном процессе традиционным является упоминание в напутственном слове председательствующего перед удалением коллегии присяжных для вынесения вердикта о «фактах вне разумного сомнения», то для отечественного судопроизводства это не характерно [6]. Кроме того, вопросы факта и вопросы права зачастую переплетаются до степени смешения, и судья при составлении вопросного листа присяжным заседателям может допустить тактическую ошибку, не вполне корректно сформулировав часть вопросов.

Сегодня имеет значение и такая проблема, как доступ присяжных к информации о фактических обстоятельствах дела до (и во время) их участия в его рассмотрении. К сожалению, в условиях современных темпов распространения информации о различных происшествиях обеспечить полный «вакуум» в этом случае не представляется возможным. Однако надо учитывать, что сведения, обнародованные в СМИ, и представленные в состязательном процессе доказательства отличаются и по форме, и по содержанию. В этой связи основания подвергать сомнению справедливость и беспристрастность коллегии присяжных отсутствуют.

Список источников

1. Насонов С.А. Суд присяжных в России: итоги за 2019 г. и прогнозы на предстоящий год / С.А. Насонов // Адвокатская газета. 2019. 30 дек.

2. Дело № 22-1334/2019 // Архив Верховного Суда Республики Бурятия.

3. Апелляционное определение по делу № 22-852/2021 // Архив Ленинградского областного суда.

4. Уголовное дело № 1-0376/2018 // Архив Черемушкинского районного суда г. Москвы.

5. Ходурский В.В. Некоторые аспекты доказывания в суде с участием присяжных заседателей / В.В. Ходурский // Наука и образование: Хозяйство и экономика; Предпринимательство; Право и управление. 2011. № 7. С. 68-75.

6. Колоколов Н.А. Присяжные заседатели: факт и право / Н.А. Колоколов // Экономика и жизнь. 2017. № 32.

УДК 343.3

УКРЫТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Кукеев Аскар Кульчимбаевич
Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова,
г. Шымкент, Казахстан

В статье рассматривается анализ зарубежный опыт правового регулирования уголовного запрета на сокрытие уголовного правонарушения. Отмечено, что уголовное право любой страны имеет свою специфику. Она выражается в содержании основных уголовно-правовых институтов, обусловленных историческими, национальными и культурными традициями, особенностями политического устройства общества, его экономикой и многими другими факторами.

Ключевые слова: уголовное законодательство зарубежных стран, причастность к уголовному правонарушению, уголовное правонарушение, заранее необещательное сокрытие уголовного правонарушения, уголовно-правовая квалификация, уголовная ответственность.

CONCEALMENT OF A CRIMINAL OFFENSE UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Kukeev A. K.

The article analyzes the foreign experience of the legal regulation of the criminal prohibition on concealment of a criminal offense. It is noted that the criminal law of any country has its own specifics. It is expressed in the content of the main criminal law institutions determined by historical, national and cultural traditions, the peculiarities of the political structure of society, its economy and many other factors.

Keywords: criminal legislation of foreign countries, involvement in a criminal offense, criminal offense, non-promise concealment of a criminal offense in advance, criminal legal qualification, criminal liability.

Уголовное право любой страны имеет свою специфику, которая проявляется в содержании основных уголовно-правовых институтов, обусловленных историческими, национальными, социально-демографическими и культурными традициями, особенностями политического устройства общества, его экономикой и многими другими факторами, влияющими на процесс нормообразования в той или иной стране. Для более качественного осмысления роли института причастности в целом и заранее необещанного сокрытия уголовного правонарушения как отдельного ее вида должно быть проведено содержательное сравнение уголовно-правового опыта регулирования данного вопроса. Поэтому предлагается исследовать нормативно правовые акты зарубежных стран на предмет установления уголовно-правового запрета сокрытия. С целью осуществления такого исследования методологически взвешенным, предлагается к анализу включить законодательные акты стран разных правовых систем, социально-экономических особенностей и культуры.

© Кукеев А. К., 2022

Для начала рассмотрим исторически связанные с отечественным законодательством примеры актов уголовно-правового толка – опыт стран постсоветского пространства. Согласно УК РФ в редакции от 01.07.2021 года уголовно наказуемым является сокрытие только особо тяжких уголовных правонарушений, за что установлено наказание в виде «штрафа в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительные работы сроком до двух лет, либо арест сроком до шести месяцев, либо лишение свободы сроком до двух лет» [1]. Также, данный кодекс предусматривает освобождение за сокрытие близких родственников и супруга, то есть брачные отношения являются основанием для освобождения от уголовной ответственности за сокрытие. Такой подход законодателя подвергается критике со стороны российских ученых, по мнению А.И. Семикиной «диспозиция ст. 316 УК РФ следует сделать описательной и указать в ней исчерпывающий список способов сокрытия» [2, с. 26]. Также, способы заранее не обещанного укрывательства уголовного правонарушения, как и круг лиц, не подлежащих ответственности за сокрытие, закреплены в ст. 31 УК Республики Узбекистан, название которой – «Причастность к преступлению». Однако в ней не раскрывается понятие данного института. Отдельно, в Особенной части УК Республики Узбекистан предусмотрена ст. 241, устанавливающей ответственность за заранее не обещанное сокрытие тяжкого или особо тяжкого уголовного правонарушения, за совершение чего предусмотрена альтернативная санкция (3 вида наказания – штраф, исправительные работы, лишение свободы до пяти лет) [3]. Уголовный кодекс Туркменистана помимо исправительных работ определяет наказание в виде лишения свободы до восьми лет за заранее не обещанное сокрытие тяжких или особо тяжких уголовных правонарушений (ст. 21 УК Туркменистан)[4]. Санкция ст. 347 УК Республики Таджикистан предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет за заранее не обещанное сокрытие тяжкого или особо тяжкого уголовного преступления[102]. Законодатель Кыргызской Республики в ст. 339 Уголовного кодекса предусмотрел две части, где первая предусматривает уголовную ответственность за заранее необещанное сокрытие тяжкого уголовного правонарушения с наказанием в виде двух лет лишения свободы, а вторая – сокрытие особо тяжкого уголовного правонарушения с наказанием в виде четырех лет лишения свободы [5].

Часть 1 ст. 405 УК Республики Беларусь определяет, что заранее не обещанное сокрытие лица, совершившего тяжкое уголовное правонарушение, либо сокрытие орудий и средств совершения такого деяния, его следов или предметов, полученных уголовно наказуемым путем, наказывается штрафом или исправительными работами сроком до 2 лет или арест. сроком до 3 месяцев. Часть 2 устанавливает ответственность за те же действия в отношении особо тяжкого уголовного правонарушения, за что предусмотрено наказание в виде

ареста до 6 месяцев или ограничение свободы на срок до 2 лет, или лишение свободы на тот же срок [6]. Следует отметить, что уголовное законодательство Белоруссии, равно как и УК Азербайджана, не предусматривает круг лиц, не подлежащих ответственности за сокрытие уголовного преступления.

Следовательно, сравнительное исследование уголовных кодексов стран постсоветского пространства показывает, что большинство из них устанавливало запрет сокрытие только особо тяжких уголовных правонарушений и ссылки на то, что от уголовной ответственности за совершение сокрытия должны быть освобождены близкие родственники и супруги, предлагая альтернативную санкцию преимущественно, в которую включались как неизоляционные, так и изоляционные виды наказания.

Уголовный кодекс Франции, в главе 1 «О сокрытии и преступных деяниях, тождественных сокрытию или схожих с ним» раздела 2 «О других имущественных посягательствах», определяет «сокрытие как деяние, совершенное с целью препятствования установлению истины, заключающееся в изменении состояния места совершения преступления или проступка или путем искажения, фальсификации или стирания отпечатков, или следов, или путем подбрасывания, перемещения или уничтожения любых предметов (п. 1), уничтожения, изъятия, укрытия или искажения любого частного документа или предмета, способного облегчить раскрытие правонарушения, поиск доказательств или осуждение виновных (п. 2)» [7, с. 210]. Утаиванием также признается «деяние, выразившееся в любом использовании полученной вещи от любого преступления или проступка, в случае, когда известно ее происхождение». Санкция данной ст. 321-1 устанавливает наказание в виде тюремного заключения до 5 лет и штраф. Наказание усиливается до 10 лет тюремного заключения и штрафом, если сокрытие происходит систематически либо с использованием возможностей профессиональной деятельности (п. 1 ст. 321-2), либо оно совершено организованной бандой (п.2 ст. 321-2).

Обращает на себя внимание то, что УК Франции не разделяет сокрытие на заранее не обещанное и заранее обещанное, соучастие после совершения преступного деяния во Франции признается невозможным в принципе. Кроме того, при назначении наказания также учитываются вид и размер наказания основного уголовного преступления [7, с. 259].

В УК ФРГ Глава 21 УК ФРГ называется «Скрытие преступника и сокрытие имущества», он содержит ряд запретов, которые тесно связаны с другими преступлениями и обозначаются как деликты присоединения. Эти запреты таковы: §257 «Скрытие» – запрещает деяние, совершенное с целью обеспечить преступнику сохранность имущества, полученного им в результате преступления; §259 «Скрытие имущества» – скупка ворованного и помощь преступнику

в совершении обращения похищенного имущества; §260 и 260а – квалифицированные виды сокрытия имущества [8].

То есть умышленное оказание помощи другому лицу в совершении умышленного противоправного деяния, выразившееся в обеспечении имущественной выгоды от его совершения (сокрытия), а так же сокрытие имущества, полученного противоправным путем, по УК ФРГ не признаются пособничеством и наказываются по специальным статьям. Это «подтверждается и положением германской правовой доктрины: соучастие возможно только до окончания уголовного правонарушения» [9, с. 624].

Прецедентный тип правовой системы характеризуется отсутствием кодифицированного акта, вместо этого действуют отдельные законы, которые включают в себя нормы общей части уголовного права и предусматривают ответственность за отдельные категории правонарушений и т.д. Так, согласно параграфу 4 Закона об уголовно наказуемых посягательствах 1981 года Великобритании устанавливается уголовная ответственность за согласие принять вознаграждение за сокрытие информации об арестном преступлении [10].

Анализируя указанные положения уголовного права Великобритании приходим к выводу, что британский законодатель устанавливает уголовную ответственность лиц, скрывающих (удерживающих) информацию о лице, совершившем уголовное правонарушение, именно посягательство, факт его совершения и последствия, то есть устанавливает уголовное дело сокрытие уголовного правонарушения.

Источниками уголовного законодательства США являются: Конституция США 1787, Примерный уголовный кодекс [11], уголовные кодексы отдельных штатов, акты Конгресса, подзаконные акты, а также нормы международного уголовного права, в незначительной степени – право индейских племен. Представляется отождествление американским законодателем институтов соучастия и причастности. Как к соучастникам, так и к причастным лицам применяется одинаково суровое наказание.

Согласно уголовному законодательству США соучастниками уголовного правонарушения могут быть как исполнители, так и пособники по факту совершение посягательства. «Определение первых очень широко, ведь оно содержит указание не только на лиц, непосредственно совершающих посягательство, но и на лиц, способствующих его совершению, подстрекают, умышленно вызывают реализацию уголовно наказуемого поведения и т.д. Учитывая это, все соучастники, независимо от объема и формы действий, которые они совершили, несут такую же ответственность, как и исполнитель» [12, с. 157].

Пособники после факта совершения посягательства – «это лица, которые, зная о совершении посягательства против Соединенных Штатов, скрывают, облегчают, поддерживают или способствуют правонарушителю с целью воспрепятствовать или предотвратить его

арест, судебное преследование или наказание. Этот параграф устанавливает и конкретное наказание за пособничество после факта совершения посягательства (если каким-либо актом Конгресса прямо не предусмотрено иное): тюремное заключение сроком не более половины максимального срока, предусмотренного для наказания исполнителя, и/или штраф в размере не более половины от суммы, предусмотренной для наказания исполнителя; если же исполнитель карается смертной казнью, пособник подвергается тюремному заключению сроком не более 15 лет» [13, с. 66]. В других нормах американского федерального уголовного законодательства может быть установлена самостоятельная ответственность за некоторые виды сокрытия преступлений (например, за сокрытие лица, совершившего побег из мест лишения свободы (§1072 главы 18 СО США), или за предоставление убежища террористам или их сокрытие (§ 2339 раздела 18 ЗЗ США)) [12, с. 158].

По федеральному законодательству предусмотрена ответственность и за различные формы сокрытия преступления (к примеру, сокрытие похищенного имущества карается тюремным заключением на срок до 3 лет и/или штрафом; но если стоимость похищенного имущества не превышает $1 тыс., то наказание менее сурово – тюремное на срок до 1 года и/или штраф (§662 раздела 18 ЗЗ США) [14].

Таким образом, сравнительно-правовое исследование заранее не обещанного сокрытия уголовного правонарушения в зарубежном уголовном законодательстве позволяет констатировать, что норма, предусматривающая ответственность за сокрытие не только закреплена в уголовном законодательстве, но и применяется как одно из действенных средств борьбы против распространения уголовного наказания. Положительным в уголовном законодательстве некоторых стран является тот факт, что законодателем установлены альтернативные санкции в нормах, предусматривающих ответственность за сокрытие уголовного правонарушения. Данная позиция дает суду больше выбора при назначении наказания лицу, скрывающему уголовно запрещенное деяние, с учетом всех необходимых субъективных и объективных обстоятельств совершенного посягательства. Наряду с этим существуют страны, в уголовном законодательстве которых не предусмотрено соответствующего запрета сокрытия уголовного правонарушения вообще или трактуется как проявление соучастия.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.07.2021). Текст: электронный.

2. Семыкина О.И. Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России: дисс. к.ю.н. Росс. академ. правосудия. М., 2003. 202 с.

3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242643&subID=100101635,100101637,100101649,100101689,100101961#text. (дата обращения 01.12.2021). Текст: электронный.

4. Уголовный кодекс Республики Туркменистан URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242456&subID=100100844,100100857,100100937,100101910,100101960#text. (дата обращения 10.01.2022). Текст: электронный/

5. Уголовный кодекс Киргизской Республики URL: http://law.edu.ru/norm/norm. asp?normID=1243545&subID=100107331,100107333,100107343,100107376,100108360#text. (дата обращения 12.01.2022). Текст: электронный.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь URL: http://law.edu.ru/norm/norm. asp?normID=1242720&subID=100102690,100102926,100102939,100102997,100103106#text. (дата обращения 11.01.2022). Текст: электронный.

7. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). Сборник законодательных материалов / Под ред. И.Д. Козочкина. Москва: Зерцало, 2001. - 352 с.

8. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 13.11.1998 URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103633#text (дата обращения 11.01.2022). Текст: электронный.

9. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. Москва: Спарк, 2001. 767 с.

10. Закон об уголовно наказуемых посягательствах 1981 года (Великобритания). URL http://constitutions.ru/archives/8111(дата обращения 11.01.2022). Текст: электронный.

11. Примерный Уголовный кодекс США от 1962 г. URL: http://constitutions.ru/ archives/5849(дата обращения 11.01.2022). Текст: электронный.

12. Савченко А.В. Уголовное законодательство и федеральное уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки: комплексное сравнительно-правовое исследование: Монография. К.: КНТ, 2007. 596 с.

13. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. И.Д. Козочкина. Москва: Волтерс Клувер, 2010. 1056 с.

14. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк США от 1967 г. URL: http://constitutions.ru /archives/8102(дата обращения 11.01.2022). Текст: электронный.

УДК 34

УГОЛОВНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Кулешова Галина Петровна

Директор Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) доктор социологических наук, доцент

Общественная опасность экстремизма и терроризма настолько велика, что важно предупредить саму возможность их проявления. Одним из средств профилактики является юридическая ответственность, в частности, административная и уголовная. Своевременность привлечения к этим видам ответственности может стать профилактикой новых преступлений. При этом, одной из проблем профилактики является то, как следует относиться к радикализму: следует ли устанавливать юридическую ответственность за него. Эти проблемы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; радикализм; уголовная ответственность; административная ответственность

© Кулешова Г. П., 2022

CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AS A MEANS OF PREVENTING EXTREMISM AND TERRORISM

Kuleshova G. P.

The public danger of extremism and terrorism is so great that it is important to prevent the very possibility of their manifestation. One of the means of prevention is legal liability, in particular, administrative and criminal. The timeliness of bringing to these types of responsibility can become the prevention of new crimes. At the same time, one of the problems of prevention is how to treat radicalism: whether to establish legal responsibility for it. These problems are discussed in this article.

Keywords: extremism; terrorism; radicalism; criminal responsibility; administrative responsibility

Опасность экстремизма и терроризма вполне очевидна и состоит не только в подрыве существующих основ государства и общества, правопорядка и режима законности, но и в том, что их жертвой всегда является человек. Суть терроризма и экстремизма в их направленности против человека, как ценности современного общества [1]. Борьба с ними – это борьба за гуманистические ценности, в центре которых находятся идеи человеколюбия, а также это борьба за человека, который не должен страдать от противоправного насилия, в какой бы форме оно не было. Недопустимо превращать человека в орудие для противоправного достижения любых целей вне зависимости от того, в какую идеологическую обёртку они оформлены, какими лозунгами прикрываются. Человек не должен страдать и становится жертвой какой-либо идеологии, его нельзя, недопустимо использовать ради достижения противоправных целей. Всё это делает понятным опасность, которая исходит от экстремизма и терроризма [2]. Понимание этого явилось причиной создания целой системы уголовно-правовых мер защиты от экстремизма и терроризма. Данные меры нашли своё закрепление в действующем законодательстве. Так, основы борьбы с терроризмом сформулированы в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» [3]. Основы борьбы с терроризмом сформулированы в Федеральном законе № 35-ФЗ от 06.03.2006 (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» [4]. В систему данного законодательства, направленного на борьбу с экстремизмом и терроризмом, входят также нормы административного и уголовного законодательства. Вся названная система норм предполагает не только реагирование на уже совершённые противоправные действия рассматриваемого вида, но и предупреждение совершения особо опасных проявлений терроризма и экстремизма.

Важным в системе законодательства, направленного на противодействие экстремизму и терроризму, является наличие нормативно определённого порядка предупреждения названных негативных социальных явлений. К примеру, ст. 5 Федерального закона № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» [3] предусматривает профилактику экстремистской деятельно-

сти, под которой понимается осуществление воспитательных и пропагандистских мер, направленных на предупреждение совершения действий экстремистского характера [5]. Кроме того, применение различных видов юридической ответственности за разные по степени общественной опасности деяния, также преследует цель не допускать совершение преступлений экстремистского и террористического характера. К примеру, введение административной ответственности за совершение отдельных видов деяний предполагает не только воздаяние за содеянное, но и предупреждение возможности совершения преступления экстремистской направленности. Предполагается, что привлечение к административной ответственности является предупреждением со стороны государства не совершать больше подобных деяний, а также более опасных – преступлений. К примеру, ст. 20.29 КоАП РФ [6] предусматривает административную ответственность за производство и распространение экстремистских материалов, а ст. 280 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности [7]. Очевидно то, что привлечением к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ государство стремится предупредить совершение преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ [7].

Следует подчеркнуть, что на профилактическое значение административной ответственности за экстремистскую деятельность фактически указывает формулировка соответствующих норм уголовного законодательства. В частности, в ч. 1 ст. 282 УК РФ норма строится с учётом административной преюдиции, которая предполагает предварительное привлечение к административной ответственности за возбуждение ненависти, либо вражды, а также унижение человеческого достоинства [8]. Лишь при наличии привлечения к административной ответственности новый случай возбуждения ненависти, либо вражды, а также унижение человеческого достоинства рассматривается, как преступление и в связи с этим решается вопрос о привлечении виновного лица к уголовной ответственности. В этом усматривается то, что законодатель сам указывает на превентивное значение административной ответственности. Привлекая к административной ответственности, он стремится донести до соответствующего лица мысль о том, что совершать названное деяние нельзя, что оно представляет общественную опасность. Данная норма позволяет увидеть то, что законодатель создаёт условия к тому, чтобы лицо, склонное к совершению экстремизма, одумалось и не совершало названного деяния.

Пресечение экстремистской деятельности средствами административного и уголовного законодательства необходимо рассматривать, как предупреждение проявлений терроризма [9]. Экстремистская и террористическая деятельность взаимосвязаны друг с другом. На это указывается в отдельных нормах Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской

деятельности». Эта взаимосвязь, в частности, указана в п. 1 ст. 1 названного закона, где названо одно из проявлений экстремизма, состоящее в публичном оправдании терроризма. Экстремизм, в связи с этим, необходимо рассматривать, как создание благоприятных условий для терроризма, когда предпринимаются действия, направленные на формирование приемлемого для террористической деятельности общественного мнения. Экстремизм часто проявляется в использовании технологий воздействия на сознание человека с целью изменения его таким образом, когда оно начинает воспринимать явно неприемлемое, не соответствующее общечеловеческим ценностям, как вполне нормальное, допустимое. На это, пусть и косвенно, указывает то, что одной из форм экстремизма рассматривается пропаганда исключительности, превосходства (п.1 ст.1 Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»). Как известно, пропаганда всегда предполагает использование определённых технологий, с помощью которых можно влиять на сознание человека, перестраивая его в такое, какое оно нужно для тех, кто ведёт пропаганду. Пропаганда предполагает распространение взглядов, мнений и фактов для того, чтобы сформировать нужное общественное мнение. Оно формируется для того, чтобы проводить вполне определённую политику или влиять на неё, изменять её так, чтобы она была выгодна для людей, которые ведут соответствующую пропаганду. Пропаганда всегда предполагала использование вполне определённых технологий и средств, посредством которых можно изменить общественное мнение на такое, которое необходимо. Общественное мнение всегда является результатом деятельности сознания, оно отражает сознание значительной группы общества, а потому часто ассоциируется как мнение этого общества. Современная пропаганда часто использует технологии воздействия на сознание. Пропаганда, как форма проявления экстремизма основана на этих технологиях, поскольку преследует цели подрыва основ государства. Она является средством посягательства на государственное устройство, режим законности и правопорядка.

Экстремизм стремится так изменить сознание человека, чтобы оно отвергало гуманизм и иные исторически сложившиеся ценности общества, цивилизации. Такое изменение создания является благоприятным для терроризма, сущность которого не только в таких проявлениях, как террористический акт. Терроризм – это также идеология, превозносящая культ силы, насилие, пренебрежение правами и свободами человека. Эта идеология направлена против государства, против его гуманистических и демократических основ. То есть, налицо родство с экстремистской идеологией. Наблюдается то, что часто экстремистская идеология эволюционирует в террористическую. Часто экстремистская идеология создаёт благоприятную среду для терроризма, для его проявлений. Поэтому уголовная ответственность за экстремистскую деятельность является профилактикой терроризма. Своевременное пресечение экстремизма позволя-

ет прервать эволюцию экстремизма в терроризм. Следовательно, любая юридическая ответственность за экстремизм по своей природе является профилактикой терроризма. Это справедливо и по отношению к уголовной ответственности за совершение экстремистских преступлений. Юридическая ответственность за экстремизм – это средство заставить соответствующих лиц задуматься и не совершать не только экстремистские преступления, но и террористические. Это возможность прервать эволюцию сознания отдельных людей из экстремистских идей и взглядов в террористические. В этих случаях юридическая ответственность является средством профилактики, а не только средством воздаяния за содеянное. Это средство воздействия на сознание людей, разделяющих экстремистские взгляды с целью изменения этого сознания. Представляется, что вместе с другими средствами это способно быть достаточно эффективным. Юридическая ответственность за экстремизм хотя и не названа в качестве средства профилактики терроризма ни в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности», ни в Федеральном законе № 35-ФЗ от 06.03.2006 (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» однако анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что она достаточно широко применяется именно в данном качестве.

Однако массовые проявления экстремизма заставляют искать новых методов и средств борьбы с ним. В связи с этим, обращает на себя внимание то, что эволюция взглядов в террористические начинается вовсе не с экстремистской идеологии. Она начинается гораздо раньше – со взглядов, которые пока остаются без внимания со стороны норм права, но в которых наблюдается деструктивное начало, которое в последующем может «прорости» в опасную идеологию. Это радикальные взгляды, для которых свойственны крайности при решении порой вполне обычных, рядовых проблем. Эти радикальные взгляды часто становятся началом эволюции сознания, которая приводит и к экстремистской идеологии, и к терроризму. Представление о том, что можно решить достаточно сложные проблемы раз и на всегда одним волевым усилием, игнорируя любые компромиссы формирует в человеке основу, которая может стать толчком к принятию экстремистской и террористической идеологии. Радикализм приучает человека к тому, что решение должно быть бескомпромиссным, таким каким его видит только этот человек. При этом, радикализм основан на эгоизме, поскольку человек, являющийся его носителем, исходит из того, что правильным является только его мнения, а мнения других, если они не соответствуют его, являются ошибкой, результатом недомыслия. В такой позиции видны зёрна высокомерия и собственного превосходства над другими людьми, что является благоприятной почвой для экстремизма, который проповедует исключительность и избирательность отдельных групп людей. В этом, усматривается презрение к людям, что является началом развития антигуманистических представлений у такого человека.

Радикализм обычно связывают с молодёжным возрастом, для которого характерно то, что формируется личность человека, происходит его социализация, адаптация в социальную среду, освоение трудовой деятельности, промеривание на себя новых ролевых функций [10, 11]. Часто радикализм является следствием так называемого юношеского максимализма, когда молодые люди всё видят только в чёрно-белых цветах, не замечая того, что существуют также и самые различные оттенки, которые также необходимо принимать и учитывать в жизни [12]. Юношеский максимализм – это целая система возрастного восприятия, когда принимаются только отдельные воззрения, взгляды и позиции и отбрасываются как не нужные все другие, которые не соответствуют изначально принятой установке [13]. Он основан на противостоянии нового, молодого поколения старшему поколению – поколению родителей, когда молодым людям кажется, что старшее поколение не способно решить многие из проблем, потому что прибегают к полумерам, в то время как необходимы решительные действия, которые не должны ни перед чем останавливаться. Молодёжный максимализм – это в значительной мере стремление конкретного молодого человека публично о себе заявить, как о самостоятельном субъекте социальной действительности, с которым следует считаться [14]. Для этого он готов прибегнуть к самым крайним, радикальным средствам и методам. В этом состоит психологический механизм молодёжного радикализма.

Но радикализм – это не только позиция отдельных молодых людей, это не только издержки молодёжного возраста. Радикализм в отдельных случаях встречается и у взрослых людей [15]. Они хотя и в меньшей мере, но также иногда склонны к крайним взглядам. Более того, достаточно распространённым является бытовой радикализм, когда люди высказывают свою взгляды относительно средств и методов воздействия на определённые социальные явления, когда предлагается их устранять решительными и, при этом, несоразмерными методами. К примеру, такими радикальными взглядами в бытовой сфере является неприятие отдельных проявлений моды, когда консервативная часть населения излишне агрессивно её воспринимает и предлагает несоразмерные методы борьбы с этими проявлениями моды. Из истории известно насколько агрессивно мужское, консервативно настроенное население, принимало такую женскую моду, как ношение брюк и другой одежды, позаимствованной из мужского гардероба. Аналогичные ситуации имели место и с проявлениями мужской моды, когда в 50-е годы прошлого века брюки «дудочкой» воспринимались, как веяние «загнивающего» Запада. При этом применялись самые различные крайние меры, среди которых были ножницы, которыми портилась такая одежда, и даже попытки привлечь к юридической ответственности (прежде всего – к административной).

Радикализм может быть проявлением не только левых, но и либеральных идей. Достаточно часто радикализм является выражением

консервативных взглядов. Причиной радикальных взглядов людей, вышедших из молодёжного возраста, являются, как особенности мировоззрения конкретных людей, так и следствием воздействия на них пропаганды и всевозможных технологий влияния. Такие технологии, как «окна Овертона» позволяют сформировать радикальные взгляды у людей изначально далёких от них достаточно быстро (часто менее одного года). Суть таких технологий состоит в том, чтобы сам носитель радикальных взглядов и идей не воспринимал их, как радикальные, а вполне традиционными. В последнее время радикализм часто выстраивается на идеях, которые выдаются за консервативные. Этому не в малой мере способствуют средства массовой информации, которые поддерживают идеализацию того, что было раньше, предлагая видеть в прошлом только позитивное и полностью абстрагироваться от того, что было негативным. То есть, радикализм по своему содержанию может быть самым разным, объединяет его лишь то, какие методы и средства предлагается использовать для достижения соответствующих целей.

Опасность радикализма для общества состоит в том, что он в отдельных случаях может перерасти в экстремизм и даже терроризм. В связи с этим, в настоящее время перед обществом встаёт задача ранней профилактики экстремизма и терроризма. Решением её могло бы стать выявление радикальных идей и идеологий и влияние на них с целью не допустить их дальнейшее развитие в направлении экстремизма и терроризма. Однако для этого, следовало бы определиться с тем, какой радикализм требует к себе особого внимания со стороны общества и государства. Представлялось бы правильным отдельные виды радикализма рассматривать, как общественно опасные и определять за их распространение определённую юридическую ответственность (пусть самую мягкую). В связи с этим, представлялось бы правильным принятие соответствующего законодательства о радикализме, в котором определялись бы те границы, в которых радикальные действия не будут рассматриваться, как представляющие опасность для общества. Вместе с тем, в таком законе следовало бы определить те пределы, выход за которые делает соответствующие радикальные действия общественно опасными. Также в нём следовало бы определить те меры, которые бы препятствовали развитию радикализма в экстремизм и терроризм.

Список источников

1. Машекуашева М.Х. Некоторые вопросы социально-политической опасности экстремизма и терроризма / М.Х. Машекуашева, Л.А. Геляхова // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 58-59.

2. Арипшев А.М. Противодействие терроризму как составной части экстремизма - одна из важнейших задач современных государств / А.М. Арипшев // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 388-389.

3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ [Принят Государственной Думой 27 июня 2002 года; Одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года] // Рос. газ. 2002. 30 июля.

4. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ [Принят Государственной Думой 26 февраля 2006 года; Одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 года] // Рос. газ. 2006. 10 марта.

5. Бастрыкин А.И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму / А.И. Бастрыкин // Правда и Закон. 2021. № 2 (16). С. 3-8.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ [Принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] // Парламентская газета. 2002. 5 янв.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Гусев А.В. Значение состава административного правонарушения для конструирования состава преступления с административной преюдицией: юридико-технический и правоприменительный аспекты / А.В. Гусев // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1 (40). С. 90-94.

9. Подольный Н.А. Возрастные особенности терроризма и его ситуационных проявлений при проведении футбольных матчей / Н.А. Подольный // Ситуационный подход в решении современных проблем противодействия терроризму и экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона и др.)". Калининград. Изд-во: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 2017. С. 61-65.

10. Подольный Н.А. Факторы радикализации молодёжи и средства упреждения её криминализации / Н.А. Подольный // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 2 (34). С. 5-14.

11. Подольная Н.Н. Проблема радикализма в молодежной среде / Н.Н. Подольная // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании. Сборник материалов международного научно-практического форума. Калининград, 2021 (27 по 31 августа 2020 г., Калининград). Издательство: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград) Международный научно-практический форум «Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании», г. Калининград с БФУ им. И. Канта, Калининград, 2021. С.327-333.

12. Подольный Н.А. Радикализация молодёжи, как условие информационного экстремизма / Н.А. Подольный // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 148-155.

13. Подольный Н.А. Механизм радикализации молодёжной среды, как фактор, способствующий проявлениям экстремизма / Н.А. Подольный // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 2 (30). С. 122-130.

14. Подольный Н.А. Природа молодёжного радикализма / Н.А. Подольный // Российский хороший журнал. – 2020. – № 1 (3). – С. 2.

15. Ставило С.П. Радикализм и конформизм в системе криминализации общественных отношений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 192-197.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПОСЛЕ 2013 ГОДА

Лазарева Валентина Александровна
Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С.П. Королева

Мурузиди Алексей Викторович
Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Тольяттинский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы, возникшие в стадии возбуждения уголовного дела после внесения в УПК РФ изменений принятием ФЗ-23; анализируется момент появления уголовного дела и начала уголовного производства.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, возбуждение уголовного дела, допустимость доказательств, процессуальные и следственные действия, сокращенная форма дознания.

PROBLEMS OF EVIDENCE AND PROOF AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Muruzidi A. V., Lazareva V. A.

The issue of the moment of the appearance of a criminal case and the beginning of criminal proceedings, at what point evidence appears and whether the stage of initiation of a criminal case is a procedural activity is considered.

Keywords: evidence, proof, stage of initiation of a criminal case, problems of proof, subject and limits of proof, admissibility, procedural and investigative actions, abbreviated form of inquiry.

В 2013 г. на основании ФЗ № 23-ФЗ в ч. 1 ст. 144 УПК РФ был внесен ряд изменений, не только значительно повлиявших на понимание самого возбуждения (начала) уголовного дела, но и породивших существенные проблемы в собирании, проверке и оценке доказательств как структурных элементов процесса доказывания.

В классическом понимании уголовное дело начинается с момента вынесения следователем или дознавателем постановления о возбуждении уголовного дела при наличии достаточных оснований полагать, что было совершено преступление. С этого момента начинается стадия предварительного расследования, приступив к которому, следователь или дознаватель осуществляет деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основании которых устанавливается виновность или невиновность лица в совершении преступления, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Осуществляется указанная деятельность путем производства следственных и, как гласит ч.2 ст. 86 УПК, иных процессуальных действий [1].

© Лазарева В. А., Мурузиди А. В., 2022

Принятию решения о возбуждении уголовного дела предшествует проверка сообщения о преступлении, составляющая содержание одноименной стадии уголовного процесса, задача которой состоит в том, чтобы собрать достаточные данные, указывающие на признаки преступления [2]. Долгое время при проведении проверки сообщения о преступлении было запрещено, или сильно ограничено производство следственных действий. Исключением всегда было разрешение на производство осмотра места происшествия, так как без его производства часто принять решение о возбуждении уголовного дела невозможно. Запрет или ограничение на проведение следственных действий был обусловлен, во-первых, узким кругом задач, стоящих перед следователем или дознавателем в стадии возбуждения уголовного дела, во-вторых, характером следственного действия, любое из которых в той или иной степени таит в себе возможность применения принуждения к лицам, вовлеченным в их производство [3].

В настоящее время, согласно изменений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении в порядке, «установленном настоящим Кодексом», органом предварительного расследования могут быть произведены процессуальные, в том числе и следственные, действия. Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ гласит, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные «настоящим Кодексом», и обеспечивается возможность осуществления этих прав. Наконец, в соответствии с ч.1.2 ст. 144 полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств. Совокупность этих правовых положений означает, что уже на этом этапе начинается уголовно-процессуальная деятельность по собиранию (формированию) доказательств, что противоречит классическому пониманию не только момента появления доказательств в уголовном процессе, но и процессуальной деятельности, которая фактически начинается до того, как появляется само уголовное дело. Изменяется и восприятие законного способа собирания доказательств как критерия их допустимости, и самого понятия допустимости, означающего, что доказательство получено в ходе производства по уголовному делу в строго установленной процессуальным законодательством форме, а именно, путем производства следственного действия, выбор которого зависит от вида получаемой информации.

Следует вспомнить, что рассматриваемые изменения в часть 1 статьи 144 УПК РФ были внесены тем же законом (ФЗ № 23-ФЗ), которым в уголовный процесс введена сокращенная форма дознания. Особенности сокращенного дознания: возможность производства лишь по определенной категории преступлений; только при признании лицом своей вины, характера и размера причиненного вреда и уголовно-правовой квалификации преступления; значительно сокращенные сроки производства объясняют и делают понятной

логику законодателя, который объединил так называемую доследственную проверку с дознанием. Не случайно, закон разрешил не допрашивать лиц, от которых были получены объяснения, не назначать экспертизу при наличии заключения специалиста, не проверять доказательства, если они не оспариваются участниками уголовного процесса (ч.3 ст. 226.5), и вообще не проводить «лишних» следственных действий (ч. 2 той же статьи). Скорость дознания, таким образом, обеспечивается упрощением доказывания, отказом от сложных процессуальных форм, присущих следственным действиям. Однако вводя такое правовое регулирование, законодатель не учел, что внесенные им в ст. 144 УПК РФ изменения распространяются не только на преступлении небольшой и средней тяжести, совершенные в условиях очевидности и при признании совершившим преступление своей вины, но автоматически и на все другие категории преступлений, расследование которых осуществляется в форме предварительного расследования и обычного дознания. Отсюда вывод: именно появление сокращенного дознания привело к расширению пределов процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, что и породило дополнительные проблемы в доказывании, включая процедуру собирание доказательств и критерии оценки их допустимости.

Обозначим эти проблемы.

Во-первых, разрешение на производство целого ряда следственных действий до возбуждения уголовного дела привело к фактическому смещению начала уголовного процесса и уголовно-процессуальной деятельности с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела на момент регистрации сообщения о преступлении.

Во-вторых, расширение возможности собирания информации об обстоятельствах преступления, не следственными действиями, а иными способами, порядок применения которых не регулируются уголовно-процессуальным законодательством, привело к смешению и даже уравниванию процессуальных и непроцессуальных форм деятельности, в том числе по собиранию доказательств. На ошибочность этого указывалось Верховным Судом РФ еще в 1995 году (Постановление № 8): если доказательства получены в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами, они должны признаваться полученными с нарушением закона [4].

Например, объяснения не могут быть получены в порядке, установленном «настоящим Кодексом», так как УПК РФ такого порядка не предусматривает. Следовательно, объяснения можно получить лишь в порядке, аналогичном порядку допроса. Но допрос проводиться по четко установленным в гл. 26 УПК РФ правилам, соблюдение которых отражается в протоколе, составляемом в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ. А в каком документе должны будут отражаться ход и результаты процедуры получения объяснений, то есть процедуры опроса? Получается, что опрос физического

лица и фиксирование сведений, получаемых в ходе опроса, означает появление псевдопроцессуального действия и псевдопроцессуального документа, не имеющего какой-либо юридической силы.

Далее, ч.1 ст. 144 УПК называет изъятие документов и предметов, которое в УПК РФ никак (от слова совсем) не регулируется, за исключением случаев, когда оно является частью структуры какого-то следственного действия, например, осмотра места происшествия. Если в диспозиции ч. 1 ст. 144 УПК РФ имеется в виду именно это, то такое указание лишено смысла. Поскольку осмотр места происшествия сам по себе здесь разрешен, дополнительного указания на структурный элемент осмотра не требуется. Предположить, что речь идет об изъятии документов и предметов в ходе выемки, мы не можем, поскольку производство выемки до возбуждения уголовного дела не разрешено. Кроме того, в ст. 183 УПК РФ сказано, что выемка производится при необходимости изъятия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, а мы уже выяснили, что уголовного дела до вынесения постановления о его возбуждении еще не существует.

Если трактовать формулировку «в порядке, установленном настоящим Кодексом» широко, то можно предположить возможность осуществления изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела даже в ходе обыска – в его структуре есть изъятие, и его порядок установлен Кодексом. Однако этому препятствует содержание 182 УПК РФ, где ведется речь об объектах (орудия, оборудование или иные предметы, документы и ценности), которые могут иметь значение для уголовного дела. К тому же УПК РФ предусматривает ряд правил, без соблюдения которых обыск не возможен (постановление, иногда согласование с руководителем следственного органа или прокурором, решение суда), а их соблюдение, в свою очередь, возможно только в рамках возбужденного уголовного дела.

Наконец, в ст. 144 УПК РФ ничего не сказано о порядке оформления факта изъятия предметов и документов, который отражал бы и порядок изъятия. Угадать, что именно имел в виду автор законопроекта, воплотившегося в тексте ст. 144 УПК, априори невозможно.

В-третьих, все следственные действия производятся в отношении или с участием лиц, имеющих конкретный процессуальный статус (свидетель, потерпевший и др.), которого еще нет, и не может быть у лиц, принимающих участие в их производстве в стадии возбуждения уголовного дела. То же касается иных процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела. Это рождает проблему обеспечения прав и законных интересов участников доследственной проверки. Какие права, предусмотренные настоящим Кодексом, и кому из участников следует разъяснять, в каком порядке и какими гарантиями обеспечивать из реализацию, сказать невозможно.

Таким образом, изменения, внесенные в 2013 году в ст. 144 УПК РФ привели к возникновению неразрешимых проблем доказы-

вания, фактически извратили сущность стадии возбуждения уголовного дела, обессмыслили строгость процедуры следственного действия как инструмента собирания и проверки доказательств, существенно ослабили значение процессуальной формы в целом.

Правовая регламентация начального этапа производства по делу о преступлении несомненно нуждается в реформировании, однако разброс вариантов предложений такого реформирования [5-8] не позволяет затевать ее без тщательно проведенных исследований.

Список источников

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. Москва.: Норма. Инфра-М, 2014.

2. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе: Учебник / В. А. Лазарева. – 5-е изд., пер. и доп. Москва : Юрайт, 2015.

3. Мантарджиев М.В. О некоторых особенностях и проблемах доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5. (120). С. 239-242

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». URL: http:// www.vsrf.ru (дата обращения 27.01.2022). – Текст : электронный.

5. Виноградов А.С., Михайлова У.А. К вопросу о реформировании стадии возбуждения уголовного дела с учетом опыта Украины // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2017. С. 46-48

6. Николаева М.И., Рябчиков В.В. Стадия возбуждения уголовного дела: тенденции реформирования // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 95-102

7.Сасыкин К.Ю. Актуальные вопросы реформирования стадии возбуждения уголовного дела. Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 2. С. 27-38

8. Пикалов С.М. Способы реформирования стадии возбуждения уголовного дела. Economics.Law.State.2019. № 3 (5). С. 58-63.

УДК 343

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ., СТ. 185.3 И 185.6 УК РФ

Лебедева Анна Андреевна

Доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

В статье рассмотрена типология личности преступника, совершившего преступления, предусмотренные нормами 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком», 185.6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации. В основу классификации положены функциональные возможности участников биржевой торговли, их непосредственная вовлеченность в процесс торгов.

Ключевые слова: расследование, манипуляции на бирже, инсайдерская информация, личность преступника

© Лебедева А. А., 2022

THE IDENTITY OF THE CRIMINAL WHO COMMITTED THE CRIMES PROVIDED FOR IN ART., ART. 185.3 AND 185.6 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lebedeva A. A.

The article considers the typology of the identity of the criminal who committed the crimes provided for by the norms of 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation "Market Manipulation," 185.6 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal use of insider information. The classification is based on the functionality of exchange trading participants, their direct involvement in the trading process.

Keywords: investigation, manipulations on the stock exchange, insider information, identity of the criminal

Личность предполагаемого преступника – один из значимых элементов криминалистической характеристики преступлений, в том числе и экономической направленности, коррелирующий с иными элементами, оказывающий немаловажное значение на способ совершения преступления.

Что касается преступлений, предусмотренных нормами 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком», 185.6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации, сложности расследования которых, обозначены, как со стороны руководства ЦБ РФ [1], так и руководством Следственного комитета Российской Федерации [2].

Под личностью преступника, как элементом криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных нормами 185.3, 185.6 УК РФ, мы понимаем устойчивую криминалистически значимую совокупность свойств и качеств, мотивационных установок, эмоциональной и рациональной сфер человеческого сознания, отразившихся в следах преступления в процессе подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, а также его постпреступного поведения.

Анализ научных источников показал, что большинство ученых-криминалистов изучают личность преступников с позиции их социально-демографических характеристик: гендерные, возрастные особенности, сфера деятельности, семейное положение и наличие детей, место жительства, а также психологических и биологических особенностей [5, с. 52].

Действительно знание данных характеристик важно при изучении личности преступника, в том числе преступника, совершившего преступления, предусмотренные нормами 185.3, 185.6 УК РФ.

Однако, следует отметить, что ведущую роль приобретают образовательный уровень предполагаемого преступника, его знания в области экономики, права, психологии, социально-экономической ситуации в стране и конкретном регионе, специфики осуществления тех или иных хозяйственных операций, пробелов в правотворческой деятельности, которыми он пользуется как для совершения преступления, так и избежания уголовной ответственности [3, с. 279].

Следует отметить, что лицо, совершающее уголовно-наказуемые действия, квалифицируемые в соответствии с нормами 185.3, 185.6 УК РФ, не обладает какими-либо врожденными криминальными свойствами или так называемыми «преступными» психофизиологическими качествами. Лица, скомпрометированные по ст.ст. 185.3, 185.6 УК РФ осведомлены о рыночных механизмах получения прибыли путем действий на бирже, а также обладают представлением о том, каким образом «закомуфливать» свои незаконные действия под операции с ценными бумагами, реализуемые по средствам различных, не запрещенных регулятором тактик.

Рассмотрим типологию личности преступника, совершающего преступления, предусмотренные нормами 185.3, 185.6 УК РФ.

В зависимости от специального статуса и представительства на рынке ценных бумаг можно классифицировать:

Брокер – профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий брокерскую деятельность, направленную на использование недобросовестных практик биржевой торговли, когда указанные манипуляции осуществлялись с полного одобрения руководства и собственников и являлись основной стратегией ведения бизнеса.

Так, 28 11.2019 года Басманный суд Москвы избрал меру пресечения в виде заключения под стражу экс-сотруднику управляющей компании Сбербанка, АО «Сбербанк управление активами» Д.Э.Б., обвиняемому в манипулировании рынками ценных бумаг и неправомерном использовании инсайдерской информации. Следствием установлены факты продолжительного манипулирования рынками ценных бумаг Д.Э.Б. - сотрудником управляющей компании Сбербанка - АО «Сбербанк управление активами». Противоправные действия Д.Э.Б. продолжались с февраля 2014 год по январь 2017 год и затрагивали 50 различных инструментов. / Басманный районный суд г. Москвы, дело № 3/2-1134/2019, Бергер Д.Э. (Ст. 185.6, Ч. 2)/.

Трейдер - специалист, который занимается торговлей ценными бумагами, валютой, недвижимостью, драгоценными металлами, фьючерсами и т. д. в рамках биржи для получения личной выгоды, в ущерб профучастнику-работодателю, от имени которого выступают на торгах.

Так, сотрудник группы «Ак Барс» Артема Люлинского, неоднократно, в период времени с 2011 по 2016 год «одновременно совершал сделки по счетам банк «Ак Барс» и ИК «Ак Барс Финанс» и по своему личному брокерскому счету. Следствием установлено, что Артем Люлинский в короткие временные интервалы – от одной до десяти минут – покупал ценные бумаги по средствам «агрессивных заявок», инициируя их подорожание. Затем трейдер выставлял их на продажу и покупал их уже для банка и инвесткомпании (всего указанным образом преобретена 31 бумага, среди которых акции ЛУКОЙЛа, «Газпрома», Сбербанка, ВТБ) у самого себя по завышенной цене. Указанные незаконные биржевые операции совершались в

течение 494 дней, из них в 477 случаях – с положительным финансовым результатом для Люлинского./Дело № 1-12/19. Приговор Кировского районного суда города Казани Республики Татарстан от 13.08.19года.ч.2 ст.185.3 УК РФ/.

Инвестор – субъект инвестиционной деятельности, осуществляющий вложение собственных, заемных или привлеченных средств в форме инвестиций и обеспечивающий их целевое использование по заранее разработанному с привлечением недобросовестных практик сценарию.

Так, следствием установлено, что Э.Т.М. используя личные счета приобретал акции компаний на Московской бирже. Потом уже в рамках «Автоследования» (авторский курс зарабатывания на биржевой деятельности) покупал те же акции, а за ним указанные действия совершали и его подписчики. Многочисленные и одновременные сделки подписчиков провоцировали биржевой рост котировок акций. Э.Т.М. закрывал позицию по своему изолированному счету [4, с. 96].

В зависимости от наличествования доступа к инсайдерской информации

Собственник/бенефициар организации-эмитента ценных бумаг;

Так, А.Г. – бывший президент «Системы», заместитель председателя совета директоров АФК, А.Б. - бывший первый вице-президент АФК, Н.Н. – сотрудник финансового блока корпорации, руководитель административного звена/подразделения, в июле 2014 года, использовали инсайдерскую информацию для сделок с обыкновенными акциями компании. Так биржевые сделки были проведены за несколько часов до публикации холдингом информации об аресте акций «Башнефти», вызвавшей снижение котировок акций «Системы» более чем на 7%. Незаконные биржевые операции привели к незаконному обогащению указанных лиц.

Так, следствием установлено, что в 2010 г. учредители зарегистрировали ОАО «Татбенто», осуществили выпуск и размещение на рынке ценных бумаг 615 тыс. акций организации номиналом 100 руб., инициировали процедуру торгов, искусственно создав спрос на акции. В ноябре 2010 г. в результате незаконных манипуляций, цена на акции организации, упав сначала до 85 руб., в январе 2012 года - взлетела до 390 руб. Согласно материалов доследственной проверки, осуществленной сотрудниками ГУЭБиПК МВД России, ОАО «Татбенто», согласно информации с его сайта, якобы специализирующееся на добыче бетонитовой глины, в действительности никакой производственной деятельности не вело, и имущества не имело [4, с. 96].

Лицо, имеющее доступ к инсайдерской информации в силу должностных полномочий.

Так, А.Н.Б. возглавляя в 2015 году отдел торгово-финансовых операций казначейства ПАО ЛУКОЙЛ, в силу своих должностных полномочий имел возможность формировать поручения о продаже валюты в обслуживающий банк, а также определять ее цену, объем и порядок исполнения сделки. Когда же поручение оказывалось в бан-

ке, начальник отдела всегда знал время появления заявки в торговой системе Московской биржи, чем и решил воспользоваться вместе со своим знакомым брокером -К.С., действовавшим от имени инвестиционной компании-нерезидента. Следствием установлено, что А.Н.Б. в 2015 году неоднократно сообщал брокеру К.С. данные о продаже ПАО ЛУКОЙЛ на Московской бирже определенного объема валюты по заниженной цене, которую сам и назначал. В результате чего ПАО ЛУКОЙЛ был причинен ущерб в 146 млн руб. / Басманный районный суд г. Москвы, дело № 3/3-0040/2021, Бессонов А.Н. (Ст. 185.6, Ч. 2)/.

Проанализированная в рамках написания настоящей статьи следственная, судебная практика, позволяет так же говорить о лица, в силу своей профессиональной деятельности не относящимся к участникам биржевой торговли, и незаконный манипуляции на бирже, инициатором которых они стали – некое разовое спланированное действие.

Так, 27.02.2015 в результате кибератаки произошел взлом терминала АКБ «Энергобанк», и злоумышленниками посредством модификации информации был проведен ряд несанкционированных операций на ММВБ [4, с. 94-96].

В заключении отметим, что приведенная типология лиц, совершающих преступления, квалифицируемые в соответствии нормами, 185.6 УК РФ – не идеальна, подлежит дополнению со временем обогащения следственной и судебной практики в рассматриваемом направлении.

Свойства личности преступника, совершающего манипулирования рынком, а также неправомерное использование инсайдерской информации проецируются на способ совершения преступления.

Список источников

1. Интервью директора департамента противодействия недобросовестным практикам ЦБ РФ В. Ляха Мы решительно будем пресекать манипулирование на фондовом рынке URL//https://1prime.ru/Interview/20210325/833312889.html (дата обращения 27.02.2022). Текст: электронный.

2. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина Законы о манипулировании рынком требуют усовершенствования URL//https://ria.ru/20160212/1373327098.html (дата обращения 27.02.2022).- Текст: электронный.

3. Белицкий В.Ю. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество по принципу "финансовой пирамиды" // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 279

4. Лебедева, А. А. Особенности расследования манипулирования рынком и неправомерного использования инсайдерской информации / А. А. Лебедева // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2(32). С. 94-99.

5. Подольный Н.А., Шляпников Ю.В. Личность преступника, совершающего незаконное предпринимательство, как элемент криминалистической характеристики // Следователь. 2006. № 8. С. 52 - 53.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Лизунов Алексей Сергеевич
Старший преподаватель кафедры административной деятельности
Нижегородская академия МВД России

Суворова Екатерина Сергеевна
Преподаватель кафедры административной деятельности
Нижегородская академия МВД России

В статье обозначены основные теоретико-прикладные проблемы, существующие на стадии возбуждения уголовного дела. Сделан вывод о необходимости совершенствования порядка проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела, обеспечения процедурного механизма участия на этой стадии потерпевшего и подозреваемого.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, подозреваемый, защитник, потерпевший, осмотр места происшествия, освидетельствования.

ON THE QUESTION OF REFORMING THE STAGE OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS

Lizunov A.S., Suvorov E.S.

The article identifies the main theoretical and applied problems that exist at the stage of initiating a criminal case. It is concluded that it is necessary to improve the procedure for conducting investigative actions before initiating a criminal case, to provide a procedural mechanism for the participation of the victim and the suspect at this stage

Keywords: initiation of a criminal case, suspect, defender, victim, notification of suspicion, examination.

Стадия возбуждения уголовного дела подвергается перманентному реформированию. Законодатель в поисках компромисса, с одной стороны осознается проблема необходимости своевременного раскрытия преступлений, привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, с другой стороны, потребность в защите вовлекаемых в уголовный процесс на этом этапе лиц от необоснованного ограничения их прав и свобод. Ещё одной причиной столь частых преобразований является заявленная на политико-правовом уровне задача обеспечить защиту бизнеса, субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного уголовного преследования, создание условий для их развития и плодотворного функционирования, развитие благоприятного инвестиционного климата. То есть сделать так, чтобы уголовный процесс не стал инструментом в осуществление нечестной конкурентной борьбы, исключить коррупционную составляющую.

В условиях смешанного типа уголовного процесса именно в стадии возбуждения уголовного дела добывается если не основная

© Лизунов А. С., Суворова Е. С., 2022

масса, то значительное число доказательств, создается база для осуществления уголовного преследования, закладываются основы для реализации закрепленного в уголовно-процессуальном законе назначения уголовного судопроизводства.

В настоящее время в рамках доследственной проверки законодатель санкционирует возможность проведения следующих следственных и иных процессуальных действий:

- осмотр места происшествия;
- осмотр предметов;
- осмотр документов;
-осмотр трупов;
- освидетельствования;
- получения образцов для сравнительного исследования;
- назначение и производства экспертизы;
- получение объяснения;
- назначение и производство ревизий и документальных проверок;
- назначение экспертизы и получение заключения специалиста;
- истребование предметов и документов, их изъятие;
- исследовать предметы, документы, трупы, привлекать к их участию специалистов.

Дополнительно в настоящее время в УПК РФ прописана возможность до возбуждения уголовного дела давать обязательные для исполнения поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскные мероприятия.

На первый взгляд, следственных действий более чем достаточно для того чтобы обеспечить возможность раскрытия преступления по горячим следам. Однако на практике это вызывает немало трудностей. К примеру, освидетельствование может быть произведено только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, но в формально-юридическом смысле до возбуждения уголовного дела этих участников нет. По этой причине данное следственное действие на практике практически не реализуется на первой стадии досудебного производства.

По смыслу закона производство осмотра в жилище возможно только с согласия лиц в нем проживающих, а как получить это согласие, если на момент осмотра места происшествия (жилища) лица, в нем проживающие находятся в другом субъекте или заграницей? Преодолеть отсутствие этого согласия через судебное решение, в порядке ч.5 ст. 165 УПК РФ до возбуждения уголовного дела невозможно. К тому же это будет сопряжено с большими временными затратами. А при организации раскрытия преступления по «горячим следам» время это ключевой фактор.

Право лица производящего доследственную проверку изъять предметы и документы закреплено в ст. 144 УПК РФ, а вот порядок производства этого процессуального действия законом не определен. Возникают вопросы: как реализовывать эту норму, каким обра-

зом осуществлять фиксацию хода и результата этих изъятий? В настоящее время в УПК РФ не предусмотрена процедура назначения ревизий и документальных проверок, порядок получения объяснения от лица. Все эти вопросы остались за рамками правового регулирования.

Кроме этого, если в отношении лица проводится доследственная проверка, то есть фактически он изобличается в совершении преступления, до возбуждения уголовного дела его невозможно наделить процессуальным статусом подозреваемого, что также делает невозможным реализацию им прав, закрепленных в ст. 46 УПК РФ.

Стоит отметить, что начиная с 2013 года, законодатель делает первые шаги, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону. Так, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ получили отражение следующие права лиц, привлекаемых для участия в процессуальных действиях в ходе проверке сообщения о преступлении:

- не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников;
- пользоваться услугами адвоката;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования.

Справедливости ради стоит отметить, что Верховный суд РФ дал разъяснения, согласно которым в перечень субъектов, имеющих право на защиту, включены лица, в отношении которых осуществляются затрагивающие их права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении [1].

Как нам представляется, перечисленные выше права имеет каждый гражданин РФ, безотносительно его положения в уголовном процессе, поскольку они вытекают из положений Конституции РФ и определяют общеправовой статус человека и гражданина. Приведённое выше разъяснение Пленума Верховного Суда РФ не решают вопроса оплаты труда защитника, если он предоставляется лицу, в отношении которого проводится доследственная проверка, не имеющего статуса подозреваемого. Кроме этого, Пленум Верховного Суда, упомянув в числе субъектов, имеющих право на защиту лиц, в отношении которых осуществляются затрагивающие их права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении, не достаточно четко определил круг этих лиц.

Мы также резко отрицательно относимся к установлению специального порядка возбуждения уголовного дела по ст. ст. 198-1991 и 1993, 1994 УК РФ. Общий порядок возбуждения уголовного дела вполне позволяет осуществлять взаимодействие между лицом, проводящим доследственную проверку и налоговым органом, территориальным органом страховщика. Излишняя заформализованность процесса возбуждения уголовного дела по данным статьям отрицательно скажется на эффективности уголовно-процессуальной деятельности на первоначальном этапе досудебного производства. Можно предположить, что это осознавал и законодатель, когда за-

крепил в ч. 9 ст. 144 УПК РФ, право следователя возбудить уголовное дело и до поступления к нему заключения из налогового органа или территориального органа страховщика информации, то есть в общем режиме при наличии повода и достаточных данных, полученных вне участия налогового органа и территориального органа страховщика.

Подводя итог сказанному, отметим следующее. На наш взгляд, перечень следственных действий, производство которых допустимо до возбуждения уголовного дела не должен иметь ограниченного характера. На этой стадии должна быть обеспечена возможность участия как подозреваемого, так и потерпевшего. В связи с этим, предлагаем существующую в форме дознания процедуру уведомления лица о подозрении в совершении преступления экстраполировать и на стадию возбуждения уголовного дела. Одновременно с этим предлагаем заявителю придавать статус потерпевшего с момента подачи им заявления о преступлении, при условии, что преступлением ему причинен физический, имущественный либо моральный вред, если речь идет о юридическом лице, то вред его имуществу и деловой репутации. Всё это создаёт реальные предпосылки к тому, чтобы стадия возбуждения уголовного дела была ликвидирована. В последнее время данную позицию, в части упразднения стадии возбуждения уголовного дела, разделяет значительное число учёных-процессуалистов [2, с. 73; 3, с. 101-108].

Предлагаемые изменения усилят уровень правовой защищенности лиц вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальной деятельности при осуществлении проверки сообщений о преступлении, расширят полномочия органов уголовного преследования по своевременному раскрытию преступлений, исключат дублирования в способах познания преступного события.

Список источников

1. Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

2. Деришев Ю.В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право : образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 71-75.

3. Александров А.С., Грачев С.А. Стадия возбуждения уголовного дела : ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101–108.

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДОМ В ВЫЯСНЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА ПО УГОЛОВНОМ ДЕЛАМ: ГДЕ НАЙТИ БАЛАНС?

Магомедханова Зарифа Исламовна
преподаватель юридического колледжа
Северо-Кавказского института (ф) ВГУЮ
(РПА Минюста России) в г. Махачкале

В статье рассматриваются особенности определения роли суда в уголовно-процессуальном доказывании, что представляет собой сложность современной уголовно-процессуальной науки, теории и практики. Вопрос об определении роли суда в уголовно-процессуальном доказывании остается актуальным, заслуживая особого внимания, являясь ядром научной и практической дискуссии. Многие практики и правоведы придерживаются такой позиции, что суд занимает активную позицию, другие же утверждают обратное. Автор приходит к выводу, что принцип состязательности в уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать как средство установления объективной истины.

Ключевые слова: принцип состязательности сторон, суд, роль суда в уголовно-процессуальном доказывании, исследование доказательств, активная роль суда, пассивная роль суда, законность, справедливый приговор, предварительное следствие.

ON SOME PROBLEMS OF IDENTIFYING VIOLATIONS OF JUDICIAL SUPPORT IN CLARIFYING CASES IN CRIMINAL CASES: WHERE TO FIND A BALANCE?

Magomedkhanova Z. I.

The article discusses the features of determining the role of the court in criminal procedure proving, which is the complexity of modern criminal procedure science, theory and practice. The issue of determining the role of the court in criminal procedural proof remains relevant, deserving special attention, being the core of scientific and practical discussion. Many practitioners and jurists take the position that the court takes an active position, while others argue the opposite. The author comes to the conclusion that the adversarial principle in criminal proceedings should be considered as a means of establishing objective truth.

Keywords: the principle of the adversarial nature of the parties, the court, the role of the court in criminal procedural proof, the study of evidence, the active role of the court, the passive role of the court, legality, fair sentence, preliminary investigation.

Вопросы об определении роли суда в уголовно-процессуальном доказывании всегда занимали центральное место не только в науке уголовно-процессуального права, но и в практической деятельности. Это обусловлено прежде всего тем, что согласно процессуальным положениям, стороны, в ходе судебного следствия представляют суду свои доказательства и оспаривают их. Суд, в свою очередь, должен создавать необходимые условия для сторон, ибо последние равноправны перед судом. Роль, которую несет в себе суд в уголов-

© Магомедханова З. И., 2022

но-процессуальном доказывании, заключается в предоставлении обществу и государству некого инструментария, обеспечивающего справедливость. Однако, что делать суду, если после исследования предоставленными сторонами доказательств, позиции о виновности или невиновности подсудимого не сложилось и имеет место быть недоброкачественная работа сторон по представлению доказательств. Может ли суд в подобных ситуациях занять активную роль в получении новых доказательств?

Анализ положений норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что нормы, которая регламентировала бы активную или пассивную роль суда в уголовно-процессуальном законодательстве не имеет места быть. О полномочиях суда по участию в доказывании не упомянуто ни в ст. 29 УПК РФ, ни в ст. 243 УПК РФ. И только в ч.1 ст. 86 УПК закреплено положение о том, что суд наделен правом собирания доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий. Таким образом, у суда нет права на инициативу в исследовании доказательств, т.е. согласно позиции законодателя, суд выносит решение только на основе того материала, который представили стороны.

Юридическая доктрина свидетельствует, что мнения ученых по данному вопросу расходятся. Так, некоторые процессуалисты полагают, что суд представляет собой состязательный процесс и поэтому, в современных условиях говорить о процессуальной обязанности суда по доказыванию невозможно. Так, по мнению В.С. Щадрина является недопустимым, чтобы суд добывал доказательства, поскольку это приводит к нарушению принципа состязательности в уголовном судопроизводстве [8, с. 180].

М. Адамайтис пишет: «право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности» [3, с. 32]. Подобных позиций придерживается и судья в отставке Ленинского районного суда г. Махачкала «Н». «Роль суда в доказывании должна быть пассивна, поскольку одним из основных принципов судопроизводства является состязательность. И пассивность суда взаимосвязана с этим принципом. Если суд будет искать доказательства, безусловно, для какой-либо стороны, он будет иметь заинтересованность. Как органу правосудия, законом ему предоставлено право задавать уточняющие вопросы по поводу доказательств, в случае неточности и неясности, и другие немаловажные полномочия по поводу доказательств, но все они предоставлены в целях установления объективной истины по делу» – отметил судья в отставке.

Действующий судья «М» … городского суда Республики Дагестан отмечает: «Суд не должен занимать активную роль, но к сожалению, практика показывает обратное, потому что на деле суд фактически подменяет органы следствия и прокуратуры. Такая позиция основана не столько на законе, сколько на разъяснениях, данных в п. 4 постановлении Пленума Верховного суда № 55 от 29.11.2016 [2]. Ч. 3 ст. 281 УПК не дает суду права на исследование показаний,

данных на предварительном следствии, при наличии существенных противоречий, без ходатайства стороны. И если прокурор не заявляет такое ходатайств, суд попадает в «ловушку». Что должен судья делать в подобной ситуации? Например, свидетель стороны обвинения, дававший на предварительном следствии обвинительные показания в пользу виновности подсудимого в суде дает иные показания в пользу подсудимого. Суд в случае, если государственный обвинитель не заявляет ходатайства об оглашении об оглашении тех показаний, данных на предварительном следствии, с целью дать им оценку, вынужден искать повод и возможность огласить ранее данные показания. Суд, в подобных случаях, вынужден объявлять перерыв и предлагать прокурору (напоминать государственному обвинителю), что необходимо заявить ходатайство и огласить ранее данные показания на предварительном следствии. Если суд этого не сделает, то приговор в последующем будет отменен вышестоящей инстанцией, поскольку он не будет являться законным и справедливым.

Антитезой вышеизложенному являются позиции сторонников активной роли суда в уголовном судопроизводстве. Л.А. Воскобитова справедливо указывает на необходимость собственной познавательной активности суда и считает, что суд не должен быть пассивным и безразличным к результатам познания [4, С. 105]. С.А. Шейфер пишет: «несмотря на расширение состязательных начал в судебном разбирательстве, суд, как и прежде, остается субъектом доказывания, несущим обязанность собирать (формировать) доказательства и обосновывать конечный результат [9, С. 35].

Таким образом, сторонники активной роли суда в уголовном судопроизводстве утверждают, что активность суда необходима, ибо дает сторонам равные возможности в отстаивании своих позиции и исследовании всех имеющихся доказательств, что гарантирует вынесение законного и справедливого приговора.

Примечательно, что практика богата примерами, когда факт отсутствия у суда полномочий собирать доказательства по своей инициативе поставило под сомнение законность, обоснованность и справедливость выносимого судом конечного решения о виновности или невиновности обвиняемого в совершении преступления лица. Однако, интерес представляет содержание апелляционного определения Нижегородского областного суда [10], в котором апелляционная коллегия признала нарушением принципа беспристрастности и состязательности суда, то обстоятельство, что суд по своей инициативе поставил на обсуждение сторон вопрос о необходимости оглашения раннее данных показаний гражданина «Н» и «М» – свидетелями стороны обвинения. Апелляция посчитала, что судом выполнена несвойственная ему функция.

Говоря о роли суда в доказывании как безвольного рефери сторон обвинения и защиты «есть поощрение правого, но, никак сильного». Утверждать, что в последнее время в публичной деятельности органов мы видим регресс, пожалуй, не самое подходящее выраже-

ние. В современных условиях суд в судебном разбирательстве подобен арбитру на ринге, который в итоге поднимает руку победителя.

Если суд ведет себя активно, при доказывании, нарушается принцип состязательности сторон. Возможно, это и есть попытка суда оказать процессуальное содействие стороне обвинения или защиты. Другая сторона ситуации, если суд пассивен при рассмотрении уголовного дела. В такой ситуации, суд будет использовать лишь те доказательства, которые предоставят ему стороны, то результатом всего этого может быть недостоверные знания о произошедшем событии. Так, где найти баланс между активностью и пассивностью суда?

Роль суда в уголовно-процессуальном доказывании не мала. Однако «Власть» суда под названием «доказательственная» не нашла свое место ни в рамках закона, ни в рамках теории, ни в рамках правоприменительной практики. Полномочия суда в доказывании размыты и не имеют четкого определения.

Определение виновности и привлечение к ответственности действительно виновного лица и недопущение привлечения к ответственности невиновного лица является сложной дилеммой в уголовном судопроизводстве [7, с. 95] и ее решение возможно при условии, что установленные компетентными лицами и органами обстоятельства дела совпадают с действительностью вне зависимости от воли и желания познающего. Данная процедура в российской уголовно – процессуальной науке получило название как установление объективной истины.

По нашему мнению, принцип состязательности в уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать как средство установления объективной истины. И суд должен наделяться достаточными процессуальными полномочиями для установления истины по делу, что говорит о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, справедливо можно отметить, что российскому уголовно-процессуальному законодателю необходимо устранить все сомнения, предоставить суду при доказывании по уголовному процессу роль континентально правовой традиции, что обеспечит установление истины по делу. Ведь, по такому пути уголовный процесс развивался, начиная с момента разработки Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до принятия УПК РФ 2001 г.

От правильного и объективного установления судом обстоятельств по делу, зависит справедливость, законность и обоснованность выносимого им решения, а справедливые решения суда – это гарант соблюдения государством прав и свобод личности. И только тогда, государство, которое взяло на себя обязанность защиты и соблюдения прав гражданина, можно смело назвать демократическим.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021)

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»
3. Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 31-34.
4. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. Учебник. Москва:НОРМА ИНФРА, 2017. 287 с.
5. Головко Л.В. Курс уголовного процесса : учебник / Л.В. Головко. 2-е переъизд., испр. Москва: Статут, 2017. 1280 с.
6. Григорьев В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин ; Российское юридическое образование, 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Эксмо, 2008. 816 с.
7. Гришин С.П. Активность суда и состязательность уголовного процесса // Российский судья. Москва : Юрист, 2006, № 1. С. 93-97.
8. Шадрин В.С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство: учеб.-методическое пособие / В. С. Шадрин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербург, 2005. 180 с.
9. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам; проблемы теории и правового регулирования. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 1997 // ssu.samara.ru.
10. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 25.03.2019 № 22–1501/2019 по уголовному делу в отношении МММ

УДК 343.13

ОЦЕНКА «ЗНАЧИМОСТИ» И «ОБОСНОВАННОСТИ» ХОДАТАЙСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Максимов Олег Александрович
Заведующий кафедрой уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

Статья посвящена анализу ходатайства на предмет оценки его значимости для уголовного дела и обоснованности, как основного элемента реализации полномочий процессуальных органов и лиц по рассмотрению ходатайств. Отсутствие в законе конкретных критериев «значимости» и «обоснованности» ходатайств препятствует реализации прав личности на ходатайство и жалобу в уголовном процессе. Делается вывод о том, что предметом оценки значимости ходатайства и его обоснованности является только относимость ходатайства к уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, ходатайство, обоснованность, значимость, относимость, рассмотрение.

ASSESSMENT OF THE «SIGNIFICANCE» AND «SUSTAINABILITY» OF A PETITION IN A CRIMINAL CASE

Maximov O. A.

The article is devoted to the analysis of the petition in order to assess its significance for the criminal case and validity as the main element in the implementation of the powers of procedural bodies and persons to consider petitions. The absence in the law of specific criteria of "significance" and "substantiation" of

© Максимов Н. В., 2022

petitions hinders the realization of the individual's rights to petition and complaint in criminal proceedings. It is concluded that the subject of assessing the significance of the petition and its validity is only the relevance of the petition to the criminal case.
Keywords: criminal process, petition, validity, significance, relevance, consideration.

Изучение материалов дела и анализ ходатайства на предмет оценки его значимости для уголовного дела и обоснованности – основной элемент реализации полномочий по рассмотрению ходатайства. Оно осуществляется путем сопоставления предмета ходатайства и содержания уголовного дела. По большинству ходатайств значимость его для уголовного дела является очевидной и не нуждается в дополнительном уяснении. Сюда можно отнести ходатайства об обеспечении прав и законных интересов – приобретении процессуального статуса, принятии процессуального решения (не касающегося доказывания), рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, коллегией из трех судей и т.д. В этих случаях решающим для установления значимости ходатайства является определение процессуального статуса лица и наличии связи заявляемого требования с уголовным делом.

Особняком стоят доказательства об участии в доказывании (производстве следственных действий, представлении предметов, материалов для их приобщения в качестве доказательств, вызове свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов и т.д.). Здесь вопрос определения значимости сведений, могущих стать доказательствами по делу, приобретает решающее значение. Не случайно в науке наиболее активно полномочия по удовлетворению (отказу в удовлетворении) ходатайства обсуждаются касательно ходатайств об участии в доказывании. Это совершенно оправдано, учитывая роль доказывания в реализации прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. В уголовно-процессуальной науке давно установлено что «паритет прав должен в первую очередь охватывать сферу доказывания» [1, с. 62]. Именно при рассмотрении ходатайств об участии в доказывании у процессуальных органов и лиц наибольшие полномочия по приятию решения по собственному усмотрению.

Закон (ст. 86 УПК РФ) не наделяет иных лиц, кроме дознавателя, следователя, прокурора и суда правом самостоятельно собирать доказательства процессуальным путём, в том числе с применением мер принуждения и, как результат, именно они формируют доказательственную базу дела. Все иные субъекты участвуют в доказывании только путем привлечения для этого полномочий указанных субъектов. Однако, путь к достижению уголовного процесса ведет только путь расширения их возможностей за счет сужения усмотрения властных лиц и органов. «Социально значимой основой ограничений по пути «поиска истины» является сужение в той или иной степени репрессивных возможностей государства посредством предоставления определенных правовых преимуществ стороне защиты» [2, с. 19].

Существует ряд ходатайств об участии в доказывании, обязательных для удовлетворения, однако общий посыл существующей правовой формы состоит в необходимости ограничения процессуальным органом или лицом инициативы обращающегося лица как с целью защиты интересов иных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, так и с целью достижения публичного интереса. Такое ограничение не может быть произвольным.

Указанный подход характерен как для досудебных, так и для судебных стадий. Ст. 271 УПК РФ предполагает как возможность удовлетворения, так и отказа в удовлетворении ходатайств сторон (за исключением ходатайств о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе стороны) и выдвигает требование обоснованности ходатайства. Такое же требование содержится в ч. 6 ст. 278 УПК РФ в отношении ходатайств о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств. Пункт 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ предполагает при назначении судебного заседания суда апелляционной инстанции удовлетворение ходатайства о вызове в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц только если суд признает данное ходатайство обоснованным. Часть 2 ст. 389.12 УПК РФ оставляет на усмотрение суда решение по ходатайству о присутствии осужденного, содержащегося под стражей, при рассмотрении апелляционных жалобы представления. Части 5 – 7 ст. 389.13 УПК РФ оставляют в исключительной компетенции суда апелляционной инстанции разрешение вопросов, связанных с собиранием и проверкой доказательств при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции, исключая при этом и присущую суду первой инстанции необходимость допроса лиц, явившихся в судебное заседание по инициативе стороны, и т.д. На досудебном производстве ст. 159 УПК РФ предполагает решающее значение усмотрения уполномоченного лица по вопросам доказывания и гласит, что удовлетворению подлежат только требования, направленные на установление обстоятельств, имеющих «значение» для данного уголовного дела.

Таким образом, ходатайства могут быть отклонены только если они являются «необоснованными» или «не имеющими значение». Причем, учитывая «разрешительный» характер полномочий процессуальных органов и лиц и основную цель существования государства, как аппарата для обеспечения возможности личности реализовывать свои потребности, право на ходатайство не может быть ограничено до тех пор, пока данное ограничение не станет необходимым и обоснованным, что предполагает некую «презумпцию удовлетворения ходатайства», опровергаемую только посредством вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения об отказе в удовлетворении ходатайства. Ограничение права на ходатайство через установление законодательных требований к ходатайствам

препятствует реализации назначения уголовного процесса и должно быть преодолено.

Ограничение права на ходатайство и жалобу, а особенно выражающееся в применении неясных оценочных критериев при рассмотрении ходатайств об участии в доказывании, как правило, подвергается критике со стороны исследователей, и мы её разделяем. Отмечается, что «наиболее часто ситуации злоупотребления правом в ходе досудебного судопроизводства возникают при наличии в уголовно-процессуальном законе оценочных категорий и понятий» [3, с. 7]. Так совершенно непонятными являются используемые законодателем термины «значимость» и «обоснованость» применительно к ходатайствам, касающимся участия в доказывании. В. Д. Потапов считает что вышеуказанные ограничения на стадии апелляции не учитывают интерес апелляторов в определении оптимальной формы апелляционного производства и не соответствуют назначению данной формы проверки, в связи с чем предлагает исключить из п. 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ «указание на то, что ходатайства сторон о вызове свидетелей, экспертов или иных лиц в судебное заседание подлежат удовлетворению судом, «…если (суд – В.П.) признает данное ходатайство обоснованным» [4, с. 17]. Следует разделить данную позицию и распространить ее на все случаи предъявления к ходатайству об участии в доказывании требования обоснованности по следующим основаниям.

Во-первых, обоснованность не является требованием в ходатайствам исходя из их природы. Кроме того, непонятно, в какой части должно быть обосновано такое ходатайство (в отличие например четко указанного предмета обоснования в ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ – невозможность представления доказательств в суд первой инстанции). Если в части связи доказательств, которые могут появиться, с уголовным делом – тут возражений нет. Если же в части того, могут ли затребуемые сведения оказать влияние на принятие решения и насколько законно они получены, то следует категорически возразить. Требование такого обоснования равнозначно требованию представления «значимых» доказательств на досудебных стадиях.

Используемый законодателем в ст. 159 УПК РФ термин «значение» настолько непонятен и многозначен, насколько это только возможно и позволяет «псевдомотивированно» отказывать в удовлетворении ходатайств, ссылаясь на свое понимание «значимости» в каждом конкретном случае. А. С. Охлопкова считает, что полномочия следователя, дознавателя по возможности отказать в удовлетворении ходатайства в связи с отсутствием значения для дела обстоятельств, об установлении которых ходатайствует защитник являются наследием советского уголовного судопроизводства [5, с. 83]. Такая сложившаяся практика отмечается многими исследователями и толкает их к максимально возможному ограничению усмотрения следователя (дознавателя) в вопросах, касающихся доказывания [6, с. 158; 7, с. 42-43; 8, с. 121]. Данные подходы подчеркивают невозможность

произвольного определения «значимости» доказательств уполномоченным субъектом но не дают понимания по вопросу объема данного понятия.

Большинство ученых включают в его содержание относимость. Так, О. В. Желева считает, что относимость изложенных в нем утверждений, то есть наличие связи между содержанием просьбы и уголовным делом, является требованием к содержанию (предмету) ходатайства [9, с. 144] и с этим нельзя не согласиться. Ю. В. Зеленская подчеркивает, что «единственным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства может быть отсутствие связи между обстоятельствами, об установлении которых ходатайствует участник процесса, и предметом доказывания по данному уголовному делу» [10, с. 179].

В. Г. Ульянов отмечает, что объем «значения» не исчерпывается только относимостью. По его мнению, исходя из существующей ныне правовой позиции правоприменителя, отказ в удовлетворении ходатайства возможен в случаях, когда представляемое (или возможно полученное в результате требуемого следственного действия) доказательство не имеет отношения к уголовному делу, когда доказательство является недопустимым, либо когда обстоятельства, которые призвано подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности других доказательств, в связи с чем исследование еще одного доказательства с позиций принципа разумности оказывается избыточным [11; 12]. Таким образом, в объем понятия «значение» включается допустимость представляемого доказательства и достаточность совокупности доказательств для установления относимых к делу обстоятельств [13, с. 30].

Говоря о допустимости, следует отметь, что данное свойство характерно только для уже состоявшихся доказательств, то есть тех, которые имеются в уголовном деле. При заявлении требования о производстве следственного действия вопрос о допустимости доказательства не может быть поставлен, так как именно следственные действия являются основным способом собирания доказательств и их правильное проведение гарантирует допустимость. Требование о собирании доказательств способом, не предусмотренным законом, выходит за рамки использования уполномоченным лицом своих полномочий и подлежит отклонению не в связи с отсутствием «значимости».

При требовании о приобщении сведений, полученных лицами, вовлеченными в уголовный процесс, сомнение в допустимости представляемых сведений должно разрешаться отдельным актом и не может быть аргументом для отказа в удовлетворении ходатайства. Являясь убежденным приверженцем теории асимметрии правил о допустимости доказательств, хочу отметить, то в УПК РФ отсутствуют правила предоставления доказательств лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство. Наложение на органы и лица, осуществляющие уголовный процесс, требований о соблюдении

процессуальной формы при работе с доказательствами гарантирует в равной степени как достоверность получения доказательств, так и защиту прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве и такое гарантирование необходимо именно в связи с наличием государственно-властных полномочий, которые необходимо ограничивать. Наложение таких же требований на деятельность частных лиц недопустимо в связи с отсутствием у них властных полномочий и, соответственно, предмета ограничения. Поэтому для определения допустимости сведений, предоставляемых лицом, вовлеченным в уголовное судопроизводство, необходимо сначала ввести эти сведения в уголовное дело, то есть удовлетворить ходатайство об их представлении.

Оценивая достаточность с точки зрения лица, проводящего предварительное расследование, и имеющиеся у него сомнения в достоверности доказательств, получение которых возможно в результате удовлетворения ходатайства, как основания для отказа в его удовлетворении, В. Г. Ульянов отмечает, что, «что заявитель ходатайства может стремиться не только к подтверждению, но и к опровержению ранее выясненных следователем обстоятельств, а вопрос о достоверности может быть решен лишь в процессе исследования уже полученного доказательства» [13, с. 30]. То есть в полномочия лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, не может входить возможность решать за иного субъекта, какие доказательства он планирует использовать при отстаивании своей позиции по делу, иначе он не сможет преодолеть стремление лишить своего процессуального противника его «оружия» (что и происходит на практике достаточно часто). Иной подход разрушил бы остатки равенства сторон в уголовном процессе.

Резюмируя сказанное, хочу сказать, что предметом оценки значимости ходатайства и его обоснованности является только относимость ходатайства к уголовному делу. Понимая относимость, как наличие связи между желаемым результатом рассмотрения ходатайства и обеспечением субъективных прав лица, как участника конкретного уголовного дела, реализуя идеи о необходимости подчиненности «процедуры доказывания иерархии ценностей уголовного судопроизводства» [2, с. 22], считаем необходимым внести в уголовно-процессуальное законодательство нормы, определяющие содержание понятий «значимость» и «обоснованность» ходатайств как связь заявленного требования с уголовным делом.

Список источников

1. Шейфер С. А. Равенство прав обвиняемого и потерпевшего - необходимое условие их противоборства в состязательном процессе / С. А. Шейфер // Защита прав личности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей: Сер. Права человека: сферы реализации. Вып. 2; под ред. Н. А. Лопашенко, С. А. Шейфера. Саратов: Сарат. ун-т, 2003. С. 57 - 79.

2. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 192 с.

3. Баев М. О. Проблемные вопросы установления оснований для избрания меры пресечения / М. О. Баев, В. И. Щукин // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 6-10.
4. Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : автореферат диссертации … доктора юридических наук / В. Д. Потапов. Москва, 2013. 68 с.
5. Охлопкова А. С. Особенности унификации норм уголовного судопроизводства Российской Федерации в процессе конвергенции права : диссертация … кандидата юридических наук / А. С. Охлопкова. Москва, 2019. 219 с.
6. Сибирцев Г. И. Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук / Г. И. Сибирцев. Саратов, 2018. 236 с.
7. Кунашев, М. А. Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук / М. А. Кунашев. Москва, 2018. 255 с.
8. Костенко Р. В. Проблемы реализации права собирать и предоставлять доказательства участниками уголовного судопроизводства / Р. В. Костенко // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 2. С. 119-125.
9. Желева О. В. Злоупотребление обвиняемыми субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления : дис. … канд. юрид. наук / О. В. Желева. Томск, 2018. 240 с.
10. Зеленская Ю. Е. Правовая природа ходатайств и жалоб в российском уголовном судопроизводстве / Ю. В. Зеленская // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2013. № 6. С. 175-179.
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2004 № 467-О // https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21122004-n-467-o-po/;
12. Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2007 № 700-О-О // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=43592#dwMyXtSH7S79OCs4
13. Ульянов В. Г. Ходатайства участников уголовного процесса / В. Г. Ульянов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. №3. С. 28-32

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАТУСЕ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Малышева Юлия Юрьевна
Заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена анализу уголовно-правового статуса медицинского работника в России в контексте уголовно-правовой охраны данной профессиональной категории. Выводом является то, что лицам, оказывающим медицинскую помощь, необходимо чётко знать и осознавать границы своего допустимого профессионального поведения, поскольку правильное определение регулирования границ профессионального статуса медицинского работника выступает гарантом уголовно-правовой охраны данной профессиональной группы.
© Малышева Ю. Ю., 2022

Ключевые слова: профессиональный статус медицинского работника в уголовно-правовом поле; уголовно-правовой статус медицинских работников; уголовно-правовая охрана медицинских работников; права и свободы медицинского работника как объект уголовно-правовой охраны; ятрогенные преступления.

CURRENT CONSIDERATIONS ABOUT THE PROFESSIONAL STATUS OF A MEDICAL WORKER IN THE CRIMINAL LEGAL FIELD

Malysheva Y.Y.

The article is devoted to the analysis of the criminal legal status of a medical worker in Russia in the context of the criminal law protection of this professional category. The conclusion is that persons providing medical care need to clearly know and be aware of the boundaries of their permissible professional behavior, since the correct definition of the regulation of the boundaries of professional status is the guarantor of the criminal legal protection of this professional group.

Keywords: professional status of a medical worker in the criminal law field; the criminal status of medical workers; criminal law protection of medical workers; the rights and freedoms of a medical worker as an object of criminal law protection; iatrogenic crimes.

Медицинские работники в современном мире не менее своих пациентов нуждаются в уголовно-правовой охране, поэтому для успешного достижения цели комфортного осуществления ими медицинской деятельности необходимо определиться с профессиональным и уголовно-правовым статусом данной категории лиц. Следует заметить, что определение правового статуса медицинского работника является крайне затруднительным, даже несмотря на то, что Федеральный закон «Об основах охраны здоровья» содержит отдельную главу 9, посвящённую лицам, осуществляющим медицинскую деятельность, но тем не менее не позволяющий с точностью выяснить и обозначить правовое положение медицинских работников. А.Г. Блинов справедливо отмечает, что «ожидаемая форма правомерного поведения в сознании врача формируется посредством позитивного восприятия адресуемой законодателем информации» [1, с.80].

Право на охрану здоровья граждан гарантировано Конституцией РФ, и весьма важно понимать, кто будет реализовывать данное право, и насколько это будет успешно.

Анализируя непосредственное содержание понятия медицинского работника, следует обратить внимание на то, что главным критерием отнесения лица к соответствующей категории является оказание им на профессиональной основе медицинской помощи. Иными словами, в рассматриваемом словосочетании акцент ставится именно на слове «медицинский», которое, по замыслу законодателя, должно отражать особенности правового статуса данной категории лиц. Медицинская деятельность, в свою очередь, которая включает в себя понятие медицинской помощи, определяется весьма расширительно, но мы не ставим себе цели в данной статье раскрыть содержание понятия последней.

Безусловно, основными профессиональными функциями лиц, признаваемых медицинскими работниками, являются оказание медицинской помощи и иные медицинские вмешательства (в том смысле, в котором их определяет п. 5 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья»). Тем не менее, исходя из содержания п. 10 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья», в число направлений профессиональной деятельности медицинских работников включены также и иные манипуляции. В это же время медицинская помощь определяется как «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг», иными словами, она заключается в осуществлении медицинского вмешательства или комплекса таких вмешательств, имеющих свой целью профилактику, диагностику и лечение заболеваний либо медицинскую реабилитацию.

На основе данных рассуждений можно сделать вывод о том, что к числу трудовых обязанностей медицинских работников закон относит нечто большее, нежели оказание медицинской помощи. Очевидно, что, например, проведение естественного родовспоможения не имеет прямой взаимосвязи с поддержанием или восстановлением здоровья пациента. Однако на данный момент соответствующее мероприятие признается одним из полномочий медицинского работника. Данный вывод опять же порождается использованием понятия «медицинская деятельность» при формулировании рассматриваемой нами дефиниции. И снова возникает вопрос, что же следует считать содержанием профессиональной деятельности медицинских работников – медицинскую деятельность или медицинскую помощь.

На наш взгляд, бесспорным является тот факт, что не каждое направление медицинской деятельности в том смысле, в котором ее предлагает понимать законодатель, осуществляется именно медицинскими работниками. Поэтому, на наш взгляд, необходимо сузить понятие «медицинский работник» до лиц, непосредственно оказывающих медицинскую помощь, и выделения отдельной категории «иные работники сферы здравоохранения». Основываясь на этом, мы не можем согласиться с тем, что в процесс лечения или поддержания здоровья пациентов на правах медицинского работника может быть вовлечено лицо с немедицинским образованием. На данный факт обращают внимание и другие исследователи, утверждающие, что медицинский работник может иметь исключительное медицинское образование [2, с. 9].

Представляется, что медицинский работник – это физическое лицо, имеющее медицинское образование, работающее в медицинской организации, оказывающее медицинскую помощь пациентам, действия которого в целом направлены на поддержание или восстановление здоровья граждан.

Профессиональный статус медицинских работников возникает в связи и по поводу их профессиональной деятельности, следовательно, он распространяется на указанных лиц исключительно во

время исполнения ими своих обязанностей. Для более полного понимания временных границ профессионального статуса медицинских работников необходимо обратиться к нормам трудового и законодательства в области здравоохранения, регламентирующих вопросы труда и отдыха данных лиц.

Следует констатировать, что профессиональная деятельность медицинских работников не может быть ограничена только нормами права, коллективным и индивидуальным трудовыми договорами, должностной инструкцией, действующими правилами охраны труда и техники безопасности, правилами внутреннего трудового распорядка, так как в определенных ситуациях выходит за определенные законом рамки. Так, бригада неотложной медицинской помощи обязана закончить проведение операции, даже если её рабочая смена завершена, поскольку операция не может иметь временных границ, скорая медицинской помощь не может прервать вызов пациента и проведение ему медицинских манипуляций по причине окончания их рабочей смены, не доставив пациента в дежурную больницу. Поэтому следует констатировать, что фактические обстоятельства порождают потребность медицинских работников выполнять свои обязанности даже за пределами их рабочего времени, в связи с чем возникает вопрос о наличии или отсутствии обязанности медицинских работников продолжать оказание медицинской помощи по истечении рабочего времени. Необходимость ответа на данный вопрос обусловлена, в том числе, и существованием составов ст. 124 и ст. 125 Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за неоказание помощи больному и оставление в опасности соответственно.

Разнятся мнения учёных относительно временных границ существования обязанности по оказанию медицинской помощи различны. Так, Ю.Д. Сергеев и С.Б. Кузьмин предполагают, что «медицинский работник в процессе оказания медицинских услуг опирается в том числе и на морально-этические нормы и сложившийся статус пациента» [3, с. 5], в связи с этим констатируя обязанность выполнения необходимых медицинских манипуляций и за пределами рабочего времени. Г.Б. Романовский считает, что «медицинский работник является таковым 24 часа», и приравнивает данных лиц к сотрудникам правоохранительных органов [4, с.18] В качестве аргументов ученые приводят положения клятвы врача, которая, наряду с другими положениями, предполагает обязанность медицинского работника быть всегда готовым оказать медицинскую помощь. В этом случае возникает вопрос, как же быть с теми врачами, кто не давал Гиппократову клятву, к примеру, по причине опоздания на неё?

В противовес первой точке зрения сложился второй подход к определению временных пределов действия нормативного регулирования медицинской помощи, заключающийся в признании существования особого правового положения медицинских работников исключительно в период исполнения ими своих профессиональных полномочий. Так, Н.В. Мирошниченко, говоря о врачебных пре-

ступлениях, подчеркивает, что это преступления, совершаемые при выполнении медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Аналогичного мнения придерживается и Н.А. Огнерубов, который подчеркивает, что профессиональные преступления медицинских работников совершаются ими исключительно при исполнении своих профессиональных обязанностей [5, с.8,18 и др.]. Мы, формулируя понятие ятрогенных преступлений, характеризуем их как нарушение медицинскими работниками правил оказания медицинской помощи, обращая внимание на тот факт, что они совершаются «в процессе исполнения (или отказа от исполнения) своих профессиональных обязанностей» [6, с.267].

Абсолютное большинство медицинских работников согласились с необходимостью признания информированного согласия пациента на причинение вреда обстоятельством, исключающим преступность деяния. Кроме того, они назвали таковым и отказ пациента от оказания ему медицинской помощи. Именно поэтому полагаем целесообразным признать согласие лица на причинение ему вреда обстоятельством, исключающим преступность деяния, но только при условии его максимальной формализации.

Из традиционных обстоятельств, исключающих преступность деяния, в медицинской деятельности чаще всего говорят о крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и обоснованном риске (ст. 41 УК РФ).

В процессе оказания медицинской помощи возникновение крайней необходимости может быть обусловлено необходимостью экстренного выбора варианта проведения оперативного вмешательства, либо незамедлительного выбора способа спасения пациента. А.Г. Кибальник и Я.В. Старостина справедливо подчеркивают, что особенностью крайней необходимости в медицине является «наличие юридического конфликта между интересами пациента и третьего лица (зачастую являющегося также пациентом)». При этом необходимо руководствоваться общими уголовно-правовыми требованиями о том, что причиненный в состоянии крайней необходимости вред должен быть меньше предотвращенного. Следовательно, исключается возможность одобрения причинения смерти пациенту, а также причинения вреда здоровью пациенту, который в силу своего состояния нуждался в оказании помощи больше, в результате оказания медицинской помощи другому лицу. Это обусловлено тем, что для медицинских работников право на причинение вреда в состоянии крайней необходимости направлено, в первую очередь, на стимулирование к оказанию помощи тем лицам, состояние которых требует неотложного медицинского вмешательства, к пониманию приоритета интересов пациента. Возможность признания деяния непреступным должна побуждать к максимально качественному оказанию медицинской помощи в экстренной ситуации, к выбору пациента, состояние которого является наиболее угрожающим, то есть медицинский работник должен максимально устранить опасное для пациента состояние, а не попытаться это сделать. Если же дей-

ствия привели к некачественному оказанию медицинской помощи, в результате которой был причинен вред здоровью пациенту, и одновременно к причинению другого вреда третьим лицам, возможность признания такого поведения медицинского работника непреступным исключена.

Обоснованный риск в соответствии со ст. 41 УК РФ является вторым традиционным основанием, способным исключать преступность профессионального поведения медицинских работников. Обоснованный риск является неотъемлемой частью повседневной работы любого медицинского работника, в особенности, врача-хирурга, анестезиолога - реаниматолога, инфекциониста, акушера-гинеколога [7, с. 509]. И в отличие от крайней необходимости, когда медицинский работник имеет дело с уже возникшей опасностью, в ситуации обоснованного риска опасность создаётся в результате действий самого врача. Общественно полезной целью при этом будут являться охрана жизни и здоровья пациента, а её достижение невозможно без медицинского вмешательства. Целью медицинского обоснованного риска выступает устранение опасности для жизни или здоровья пациенту, улучшение его состояния. Однако в определенной степени медицинская деятельность всегда сопряжена с опасностью причинения вреда здоровью или жизни, поскольку не может быть исключен неблагоприятный исход медицинского вмешательства, который не был спрогнозирован медицинским работником. Хотя, как справедливо замечает К.В. Малышев, любое медицинское вмешательство вредит здоровью пациента, и мы не можем с ним не согласиться.

Особенно актуальным вопрос об условиях правомерности риска в сфере медицины стал в ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Мы убеждены, что в этих условиях медицинские работники порой вынуждены действовать за пределами своих знаний, навыков и умений [8, с.188].

При анализе условий правомерности обоснованного риска в медицине необходимо руководствоваться общими требованиями. Таким образом, необходимо установить, что помимо цели устранения опасности для жизни или здоровья пациенту, действия медицинского работника были единственной возможностью достижения благоприятного исхода в данном случае, и были предприняты все меры по недопущению вреда. При этом медицинский работник, допуская применение нетипичных или экспериментальных методов оказания медицинской помощи пациенту, должен осознавать невозможность в данный момент разрешить возникшую ситуацию иными способами. В подобном случае целесообразно говорить о рискованных методах осуществления медицинского вмешательства. В силу ограниченности настоящего исследования мы не будет подробно рассматривать второй вид медицинского риска, который представляет собой риск научного характера, связанный с исследованиями и испытанием ранее не известных методов лечения или диагностики, препаратов, проведением биомедицинских экспериментов и т.п. Однако стоит

подчеркнуть, что к данному виду риска предъявляются аналогичные условия правомерности, и дополнительным условием выступает наличие добровольного информированного согласия испытуемого на участие в медицинском эксперименте.

В вышеназванных ситуациях важно установить, что опасность для жизни или здоровья пациента не вызвана предшествующими действиями самого медицинского работника, что причинение вреда в силу крайней необходимости или риска не обусловлено врачебной ошибкой, заблуждением медицинского работника относительно состояния здоровья пациента или относительно выбора методики лечения и других факторов, имеющих значение для качественного оказания медицинской помощи, поскольку в данном случае в первую очередь целесообразно решить вопрос о наличии вины в подобных действий. Это особенно важно по причине того, что ориентиром для качественного оказания медицинской помощи должен выступать приоритет интересов пациента. В связи с этим поведение медицинских работников, заведомо сопряженное с опасностью для пациента, и обусловленное расчетом на признание его не преступным, не может одобряться. Злоупотребление правом на причинение вреда в ходе оказания медицинской помощи безусловно не допустимо.

Сказанное позволяет сделать вывод, что уголовно-правовой статус медицинского работника, формируемый в рамках исследуемого нами процесса, создает условия для надлежащего выполнения медицинскими работниками обязанностей, составляющих их профессиональный статус, а также способствует уголовно-правовой охране данной категории лиц. Исполняя обязанность по недопущению преступного поведения в отношении пациентов и в требуемых случаях используя свое право на допустимое причинение вреда в рамках крайней необходимости, обоснованного риска и других обстоятельств, о которых мы упомянули выше, данные лица осуществляют это в ходе своей повседневной деятельности, не вычленяя в своем сознании ее отдельные компоненты и не анализируя свои отдельные действия с точки зрения их преступности или непреступности. В ответ своей добросовестной деятельности медицинскому работнику также должна быть гарантирована государством уголовно-правовая охрана его прав и свобод.

Таким образом, можно констатировать, что этап уголовно-правовой охраны медицинского работника является закономерным следствием определения уголовно-правового статуса медицинского работника и качественно проведенной криминализации.

Список источников

1. Блинов А.Г. Уголовно-правовой статус медицинского работника // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С.80

2. Аськов Н.Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. С. 9

3. Сергеев Ю.Д., Кузьмин С.Б. Законодательное закрепление правового статуса медицинского работника – актуальная проблема [Текст] / Ю.Д. Сергеев, С.Б. Кузьмин // Медицинское право. 2014. № 4. С. 3-7.

4. Романовский Г.Б. Обязанности медицинских работников [Текст] / Г.Б. Романовский // Медицинское право. 2014. №4. С. 16-21.

5. Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 8, 18.

6. Малышева Ю.Ю. Ятрогенные преступления: понятие и пределы уголовной ответственности // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 28 февраля 2019 года / Под ред. А.Б. Мезяева, Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань: Университет управления "ТИСБИ", 2019. С. 267.

7. Малышева Ю.Ю. Медицинская помощь и медицинская услуга в контексте уголовного закона // Ю.Ю. Малышева // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества», посвящённой памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова. В 2-х частях. 1-3 октября. 2020.Чебоксары. Часть 1. С. 509-513.

8. Малышева Ю.Ю. К вопросу об уголовной ответственности медицинских работников в современном мире COVID-19 // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. В 3-х томах, Тольятти, 23–24 апреля 2021 года. Тольятти, 2021. С. 188

УДК 343.13

НОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА, ОЧНОЙ СТАВКИ, ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ (КОМПРОМИССНЫХ) СИСТЕМ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦСВЯЗИ

Маркелов Александр Геннадьевич,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются новые особенности проведения отдельных следственных действий (допроса, очной ставки, предъявления для опознания) путем использования альтернативных (компромиссных) систем посредством видеоконференцсвязи. Принятые новые законодательные поправки (глава 26 УПК РФ, статьи 38, 41, 166, 189.1) направлены на расследование и рассмотрение уголовных дел в установленные законом разумные сроки, а также на полное и всестороннее исследование всех обстоятельств уголовного дела, в том числе обеспечения прав и свобод личности в современном уголовном процессе.

Ключевые слова: компромисс, следственные действия, альтернативные формы, видео-конференцсвязь.

NEW FEATURES OF INTERROGATION, CONFERENCE, PRESENTATION FOR IDENTIFICATION BY USING ALTERNATIVE (COMPROMISE) SYSTEMS THROUGH VIDEO CONFERENCE

© Маркелов А. Г., 2022

Markelov A.G.

The article discusses new features of conducting certain investigative actions (interrogation, confrontation, presentation for identification) by using alternative (compromise) systems via video conferencing. The adopted new legislative amendments (Chapter 26 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Articles 38, 41, 166, 189.1) are aimed at investigating and considering criminal cases within reasonable time limits established by law, as well as at a full and comprehensive study of all the circumstances of a criminal case, including ensuring the rights and individual freedoms in modern criminal procedure.

Keywords: compromise, investigative actions, alternative forms, video conferencing.

Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]» по вопросам совершенствования деятельности органов дознания и предварительного следствия, соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, предусмотрены новые особенности проведения отдельных следственных действий, а именно законодатель предоставил следователю (дознавателю) осуществлять допрос, очную ставку, предъявление для опознания путем использования альтернативных (компромиссных) систем посредством видеоконференцсвязи (глава 26 УПК РФ, статьи 38, 41, 166, 189.1).

Сама идея использования альтернативных приемов (процедур), в том числе посредством компромисса в российском законодательстве появилась сравнительно недавно. Очевидно, потребность применения ее периодически возникает у законодателя в период коренных изменений и преобразований российской государственности. В советский период использованием процедур компромисса противоречила государственной идеологии борьбы с преступностью, и только вначале 1990-х гг. появляются альтернативные и аргументированные взгляды на проблему использования приемов компромисса в практике борьбы с преступностью [2, с. 495].

Следует обратить, что в современных условия развития научно-технического прогресса прослеживается четкая тенденция обращения законодателя к поиску новых механизмов эффективности производства по уголовным делам, в том числе с использованием положительного зарубежного опыта, где сравнительно давно и при том уверенно применяются отдельные альтернативные (компромиссные) формы разрешения уголовных дел [3, с. 67-70].

Как показывает анализ юридической литературы, определение понятия «компромисс» интерпретируется по-разному и активно используется в таких науках, как психология, конфликтология, философия, социология и др. Самое распространенное определение компромисса мы наблюдаем в гуманитарной научной литературе, где под ним понимается «достигнутое на основе взаимовыгодных уступок соглашение, оформленное соответствующим образом» [4, с. 372-376]. Однако суть ее нам понятна, это действительно альтернативный и бесконфликтный механизм разрешения спорных ситуаций, где

явно экономятся как средства, так и здоровье, в том числе эффективно обеспечиваются основные права и свободы граждан.

Интерес законодателя к применению приемов компромисса путем использования альтернативных средств систем видеоконференцсвязи, свидетельствует о его востребованности в современном уголовном процессе России. Прежде всего, это связано с усилением и обеспечением современных принципов уголовного процесса, а именно: «состязательности сторон», «разумного срока», а также обеспечением прав и свобод личности на различных этапах производства по делу [5, с. 440-444].

Как показывает следственно-судебная практика в большинстве случаем невозможность произвести допрос (очную ставку, опознание) отдельных участников уголовного процесса, которые могут находиться на большом расстоянии (удалении) от органов дознания и предварительного следствия, что является безусловным основанием для бесконечных продлений сроков расследования уголовного дела, и явно, негативно отражается на обеспечения прав и свобод человека в уголовном процессе [6, с. 136-139].

Так, например, став очевидцем преступления в одном регионе России, лицо по личным обстоятельствам может его покинуть (возвращение в место постоянного проживания, переезд на постоянное место жительства, командировка, отбывание наказания и др.), что делает достаточно затруднительным обеспечение явки этого свидетеля к следователю или дознавателю для допроса (очной ставки, опознания)[7, с. 132-136]. Выезд следователя или дознавателя на место нахождения допрашиваемого лица также требует дополнительных временных и материальных затрат. Необходимо отметить, что у следователя (дознавателя) в производстве находится не одно уголовное дело, и непосредственный его выезд на следственные действия будет явно затягивать сроки предварительного расследования по другим уголовным делам, что также, несомненно, отразится правах и свободах человека в уголовном процессе.

Предложенная законодателем новая норма (статья 189.1 УПК РФ) позволяет следователю (дознавателю) как лично, так и с помощью оформления отдельного поручения произвести отдельные следственные действия по уголовному делу, а именно: допрос, очную ставку, опознание путем использования альтернативных (компромиссных) систем видео-конференцсвязи правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности по правилам статьи 164 и главы 26 УПК РФ.

Стоит отметить, что допрос как следственное действие посредством видеоконференц-связи на протяжении длительного времени эффективно применяется Российскими судами и показал свою жизнеспособность и перспективность, например, допрос свидетелей, потерпевших и подсудимых, что способствует быстрому разрешению уголовных дел в установленные законом сроки и соблюдению

основных требований и принципов рассмотрения и разрешения уголовного дела судом по существу [2, с. 495].

Предложенная новая редакция статьи 189.1 УПК РФ обязывает правоприменителя последующей отправки в течение 24 часов отдельных документов, а именно: протокола соответствующего следственного действия (допроса, очной ставки, предъявления для опознания), видеозаписи, подписки, ордера адвоката посредством той же видеоконференц-связи в место производства предварительного расследования для непосредственного приобщения к материалам уголовного дела, и все это несомненно требует определенных временных затрат. Однако следователь (дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело, благодаря системы видеоконференц-связи, своевременно (оперативно) получает от допрашиваемого лица необходимую информацию, позволяющую планировать дальнейшее производство других следственных действий по уголовному делу.

Стоит отметить, что законодатель запрещает проведения указанных следственных действий посредством видеоконференц-связи, если они не позволяют обеспечить сохранения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты соответствующие меры безопасности. В данном контексте речь идет об обеспечении органами предварительного расследования указанных конституционных гарантий и защите основных прав и свобод участников уголовного процесса.

Таким образом, принятые новые поправки в действующий УПК РФ (глава 26 УПК РФ, статьи 38, 41, 166, 189.1) в части проведения отдельных следственных действий, а именно: допроса, очной ставки, предъявления для опознания путем использования альтернативных (компромиссных) систем посредством видео-конференцсвязи, направлены на расследование и рассмотрение уголовных дел в установленные законом разумные сроки, а также на полное и всестороннее исследование всех обстоятельств уголовного дела, в том числе обеспечения прав и свобод личности в современном уголовном процессе.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

2. Маркелов А. Г. Компромисс между государством и личностью при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 495.

3. Данилов А. В. К вопросу о деятельности органа дознания по выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно / А.В. Данилов, А.Г. Маркелов // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 4 (10). С. 67-70.

4. Кузьмин Ю. А. Предупреждение неосторожных преступлений / Ю.А. Кузьмин, В.Я. Саливаров // Актуальные проблемы юридической науки и

правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-т, 2014. С. 372-376.

5. Саливаров В. Я. Диспозитивность, а также вопросы прекращения уголовного дела и уголовного преследования в уголовном судопроизводстве / В.Я. Саливаров, Ю.А. Кузьмин // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 440-444.

6. Маркелов А.Г. Особенности проведения отдельных следственных действий с использованием инновационных технологий по уголовным делам в сфере экономики / А.Г. Маркелов, М.А. Нефедов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1(29). С. 136-139.

7. Кузьмин Ю.А. Личность наркопреступника // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 132-136.

УДК 343.13

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Матюшкина Анастасия Валерьевна
Доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, кандидат юридических наук
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье обосновывается позиция автора относительно проблемы использования в качестве доказательства участниками уголовного судопроизводства заключения специалиста. Рассматриваются различные мнения исследователей уголовно-процессуальной доктрины и криминалистики по поводу причин нежелания субъектов правоприменения класть в основу доказательственной базы заключение специалиста.

Ключевые слова: заключение специалиста, показания специалиста, недопустимое доказательство в уголовном судопроизводстве, уголовная ответственность специалиста за дачу заведомо ложных показаний.

SPECIALIST'S CONCLUSION AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Matyushkina A. V.

The article substantiates the author's position regarding the problem of using the conclusion of a specialist as evidence by the participants in criminal proceedings. Various opinions of researchers of the criminal procedural doctrine and forensic science regarding the reasons for the unwillingness of the subjects of law enforcement to put this source of evidence as the basis of the evidence base are considered.

Keywords: expert opinion, expert testimony, inadmissible evidence in criminal proceedings, criminal liability of a specialist for giving knowingly false testimony.

Свой статус доказательства в уголовном судопроизводстве заключение специалиста приобрело более восемнадцати лет назад,

© Матюшкина А. В., 2022

однако складывающаяся судебно-следственная практика свидетельствует, что в основу доказательственной базы судебного решения (по сравнению с другими) данный вид доказательств ложится редко. Все дело в осторожном отношении субъектов расследования к криминалистически значимым сведениям, содержащимся в заключении специалиста, как к достоверным, полученным от проверенного источника.

Анализ судебно-следственной практики за последние двадцать лет показал, что внесение заключения специалиста в перечень доказательств по уголовному делу был обусловлен необходимостью исследования с помощью специального знания новых видов вещественных доказательств, методик экспертного исследования относительно которых сформировано еще не было. Кроме того, это нововведение позволило стороне защиты более активно использовать арсенал правовых механизмов для отстаивания своих позиций. «Введение в практику уголовного судопроизводства нового вида доказательств является попыткой разрушить сформировавшийся в нашей практике стереотипный подход к оценке заключения экспертов как к доказательству более высокой силы, возвращающий нас к теории формальных доказательств. Если представленное стороной защиты заключение специалиста позволяет увидеть неполноту произведенных экспертом исследований, ненаучность примененных им методик, необоснованность или противоречивость экспертных выводов, его существование обоснованно» [1, с.304].

Сейчас внесенный в 2003 году п.3.1 в ч.2 ст. 74 УПК РФ нововведением не назовешь, а вот с механизмом применения данного пункта в правовом поле возникают определенные сложности. Судьи, следователи, дознаватели по сей день весьма скептично настроены к заключению специалиста, продолжая противопоставлять данный вид доказательств заключению эксперта. Основной довод в пользу экспертного заключения – это то, что судебный эксперт предупреждается и может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, а специалист – нет. Довод, по мнению автора статьи, абсолютно справедливый: это обстоятельство сводит на нет доказательственное значение заключения специалиста, поскольку порождает сомнения в добросовестности и истинности суждений специалиста.

Другие доводы, указываемые в научной литературе как аргументы судей и следователей, отрицающие доказательственную значимость заключения специалиста, на взгляд автора, не столь популярны среди обозначенных субъектов уголовного судопроизводства, как об этом говорят некоторые исследователи. Так, например, указываются следующие: 1) заключение специалиста – это всего лишь его суждение по определенным вопросам; 2) заключение специалиста получено непроцессуальным путем; 3) специалист не имеет лицензии на дачу заключения; 4) специалист дает свое заключение в интересах той стороны, которая его привлекает (поскольку она

оплачивает его услуги) [2, с. 2]. Эти причины указываются в научной литературе сторонниками усиления позиций стороны защиты в уголовном судопроизводстве. Однако представляется, что данный перечень, «опровергающий» доказательственную ценность заключения специалиста, с позиций стороны обвинения, не совсем обоснован. Кроме того, только на первый взгляд кажется, что правы те, кто утверждает, что «до настоящего времени (с 2003 г.) обстоятельно порядок привлечения стороной защиты специалиста к участию в уголовном судопроизводстве законодателем так и не урегулирован, что является причиной возникновения и дальнейшего существования правовых неопределенностей. В то время как УПК РФ – закон, регулирующий сферу наиболее острых правоотношений с точки зрения ограничения прав и законных интересов лиц, – не может быть неопределенным…» [3, с. 209]. Однако и в этой позиции заметна доля лукавства… Вернемся к ней позже.

Трудности, связанные с признанием заключения специалиста в качестве доказательства по уголовному делу, в первую очередь, связаны с сомнительным качеством таких заключений и компетентностью привлеченного специалиста, а вовсе не с желанием лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, ослабить сторону защиты. Дело в том, что зачастую в качестве специалистов сторона защиты привлекает кого угодно, не уделяя особое внимание фактам, подтверждающим наличие у того (кого угодно) специального образования или навыков, лишь бы «согласился» подтвердить те выводы, которые обеспечивают интересы защитника и подзащитного. И здесь абсолютно правомерным покажется довод обвинения или суда, что договорные отношения между защитником и специалистом, в совокупности с отсутствием оснований для привлечения специалиста к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, являются серьезным аргументом для проверки истинности выводов такого специалиста или признания их (в заключении специалиста) недопустимым доказательством.

Кром того, отдельными авторами приводятся многочисленные примеры того, как судьи признают заключения специалистов недопустимыми доказательствами в силу того, что специалист не был предупрежден об уголовной ответственности (что очевидно рождает сомнение в истинности выводов специалиста – прим. автора статьи), однако умалчивают о том, что будучи допрошенным в качестве специалиста и предупрежденным об уголовной ответственности, специалисты часто меняют или, по крайней мере, перестают настаивать на категоричности своих суждений, данных в заключении. А ведь именно данный факт становится основанием для признания в последующем заключения специалиста недопустимым доказательством по делу.

Возвращаясь к вопросу о несовершенстве процессуальной конструкции использования заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве, позволим себе не согла-

ситься с мнением о причинах «дальнейшего существования правовых неопределенностей» (см. выше) в этом вопросе. Дело в том, что в п. 3.1 ч. 2 статьи 74 УПК РФ не случайно указаны в качестве доказательств по уголовному делу «заключение и показания специалиста»: законодатель, с одной стороны, обеспечил возможность стороны защиты, а в необходимых случаях и стороны обвинения (при отсутствии соответствующих экспертных методик исследования), пользоваться специальными знаниями, а с другой стороны, указав в ст. 307 УК РФ в качестве субъекта преступления специалиста при даче им заведомо ложных показаний, обеспечил получение достоверных сведений от специалиста во время производства допроса по поводу суждений, изложенных им в своем заключении. И другого механизма, более рационального, на наш взгляд, на настоящий момент еще не представлено. Обоснуем свою позицию.

Вряд ли обеспечит право стороны защиты на использование специальных знаний предлагаемое некоторыми авторами решение по наделению лиц, производящих предварительное расследование или судебное разбирательство, правом предупредить специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Так, по мнению Буфетовой М.Ш. и Демешко И.В., в УПК РФ необходимо закрепить положение о том, что по ходатайству стороны защиты дознаватель, следователь или судья вправе разъяснить специалисту его права и предупредить его об ответственности ввиду предстоящей подготовки соответствующего заключения [4, с. 3]. Представляется, предложенный путь к решению данной ситуации не совсем логичен. Во-первых, формулировка «вправе разъяснить» снова даст разночтения в понимании такого полномочия. Во-вторых, возникает вопрос, в какой момент будет заявлено соответствующее ходатайство: когда возникнет необходимость обратиться к специалисту, или когда заключение специалиста уже готово? В первом случае существует вероятность отклонения такого ходатайства как безосновательного, во втором случае – заключение специалиста вынесено, предупреждать бессмысленно и даже неправомерно. Именно поэтому, на наш взгляд, в существующем виде и выстроены нормы п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ и ч.1 ст. 307 УК РФ: желание стороны защиты воспользоваться специальным знанием не обременено коррелирующим полномочием субъектов, осуществляющих отправление правосудие, и, одновременно, абсолютно логичным видится механизм обеспечения достоверности заключения специалиста как доказательства по уголовному делу посредством допроса специалиста в связи с данным им заключением со всеми вытекающими из допроса последствиями, в том числе, предупреждением специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Другими словами, до момента начала допроса предупреждать специалиста об уголовной ответственности у лица, производящего предварительное расследование или судебное разбирательство по уголовному делу, нет никаких оснований. Но если заключение специалиста получено,

и заявлено ходатайство о приобщении его к материалам уголовного дела, то достоверность, а равно его допустимость как доказательства, будет обеспечена показаниями такого специалиста.

В связи с этим возрастает важность допроса специалиста по поводу данного им заключения. Здесь стоит согласиться с мнением Александровой Л. о том, что необходимо законодательно закрепить необходимость вызова специалиста в суд и его допроса в каждом случае представления стороной его заключения [5, с. 81].

В такой ситуации, по мнению автора, для обеспечения прав и законных интересов специалиста как участника уголовного судопроизводства представляется важным дополнить нормы уголовно-процессуального законодательства о праве защитника пригласить специалиста в уголовное судопроизводство его обязанностью по разъяснению специалисту необходимости явиться на допрос по поводу разъяснения положений заключения, которое ему (специалисту) предстоит вынести.

Таким образом, сама схема получения в качестве доказательства по уголовному делу заключения специалиста, очерченная в статьях УПК РФ и делегирующая нормам статьи 307 УК РФ, не кажется слишком уж несовершенной, а вполне логичной и последовательной, при ее детальном, криминалистическом, изучении. Видимо, этим и объясняется «молчаливая» позиция законодателя в ответ на реплики отдельных представителей научного и адвокатского сообществ о необходимости внесения изменений в указанные нормы УПК РФ и (или) УК РФ.

Список источников

1. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: Учебно-практическое пособие. Москва: Высшее образование, 2009.

2. Маркова Т.Ю. Заключение специалиста – доказательство в уголовном судопроизвводстве? // Уголовное судопроизводство. 2010. №2. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс». Текст: электронный.

3. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс». Текст: электронный.

4. Буфетова М.Ш., Демешко И.В. Заключение специалиста как доказательство стороны защиты: актуальные проблемы теории и практики // Адвокатская практика. 2019. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс». Текст: электронный.

5. Александрова Л. Мнение специалиста опровергает заключение эксперта? // Уголовное право. 2008. №1 С. 77–82.

УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПК РФ

Мельников Виктор Юрьевич
Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, доцент
Ростовский институт (филиал) ВГУЮА (РПА Минюста России)

В статье автор отмечает, что на сегодняшний день очень часто вносятся изменения в уголовный и уголовно-процессуальный закон, которые не являются необходимыми. Через некоторое время законодатель признает их утратившими силу. Все указанное не в лучшей форме сказывается на правоприменительной практике. Автор в тексте статьи приводит ряд примеров, высказывает свои предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, изменения в законодательстве, права и свободы человека и гражданина

ACTUAL PROBLEMS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Melnikov V.Yu.

In the article, the author notes that today very often changes are made to the criminal and criminal procedure law, which are not necessary. After some time, the legislator recognizes them as invalid. All of this is not in the best form affects the law enforcement practice. The author in the text of the article gives a number of examples, expresses his suggestions for improving the legislation.

Keywords: criminal and criminal procedure legislation, changes in legislation, human and civil rights and freedoms

На сегодняшний день актуальны вопросы совершенствования уголовного права и процесса, способов, методик расследования преступлений.

Так, согласно ч 3. ст. 140 УПК РФ не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом РФ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации [1].

Возникает вопрос о необходимости в дальнейшем вносить поправки в ст. 140 УПК РФ, подробно указывать все новые случаи, что не может быть поводом к возбуждению уголовного дела [2]? Ведь ранее уже, например, вносились поправки в часть первую ст. 140 УПК РФ (чч. 1.1, 1.2), которые позже утратили силу. Так, например, были введены: часть 1.1 на основании Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ, утратила силу на основании Федерального закона 22.10.2014 № 308-ФЗ; часть 1.2 ст. 140 УПК РФ на основании Федерального закона от 21.07.2014 № 218-ФЗ, утратила силу на основании Федерального закона 27.12.2018 № 530-ФЗ.

© Мельников В. Ю., 2022

В часть 2 ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ в 2020 году внесены два новых квалифицирующих признака клеветы. Ужесточается ответственность и по другим квалифицирующим признакам. Привлечь к ответственности за клевету в сети «Интернет» можно было и раньше по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ и только в том случае, если Интернет-ресурс зарегистрирован как СМИ. Если таковой регистрации не имелось, клеветник мог привлекаться по части 1 статьи 128.1 УК РФ. Уголовное дело может быть возбуждено по факту совершения преступления, даже если сам гражданин претензий к другому лицу не имеет. Как показало проведенное автором исследование, на практике часто возникает вопрос – как устанавливать ложность сведений, т.е. несоответствии действительности. Если круг лиц, к которым относятся сведения не определен?

Принципиально новый момент в уголовно-процессуальном законе: «…а равно в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных». Изменения позволят привлекать к ответственности за клевету в отношении неопределенного круга лиц. За нападки, например, на администрацию города N. кого из лиц можно будет привлеченным к ответственности? Кто будет признан потерпевшими? Указанное преступление является против личности, а основной объект – честь и достоинство личности.

Согласно разъяснению Президиума Верховного суда РФ 30 апреля 2020, лицо, распространяющее заведомо ложную информацию, например, о пандемии короновируса, в WhatsApp или других мессенджерах может быть привлечено к ответственности по статье 207.1 УК РФ. Исходя данных из разъяснений Верховного суда можно сделать вывод, что адресная личная переписка может быть публичной?

В статью 207.1 УК РФ в 2020 году было введено изменение Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ. Поправки тем же законом были внесены и в статью 207.2 УК РФ. Новое толкование положений статьи 207.1 УК РФ возможно может быть поставлено под сомнение отдельными гражданами и даже оспорено в Конституционном суде РФ.

Вопросам заключения досудебного соглашения о сотрудничестве посвящены работы и многих российских авторов [3, с. 14 и др.], анализы правоприменительной практики, но все они остались без должного внимания, каких либо изменений в законодательстве не последовало.

Согласно сведениям по поданным представлениям прокурора об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) в 2020 году поступило представление прокурора (ст. 317.5 УПК РФ) по числу лиц – 1227, принято решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке (ч.3 ст. 317.6 УПК РФ) – 60 [4].

Действий прокурора при получении сведений о несоблюдении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве изложены в

подзаконных актах, в частности, в п. 1.16 приказа Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 года № 107 [5]. По мнению автора, есть основание и в УПК РФ разработать соответствующие изменения и дополнения.

В редакции части 1 статьи 314 УПК РФ уже не требуется и согласия потерпевшего на рассмотрение дела в особом порядке по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести. В 2020 году утратило силу и часть 4 ст. 314 УПК РФ о том, что если государственный либо частный обвинитель и (или) потерпевший возражают против заявленного обвиняемым ходатайства, то уголовное дело рассматривается в общем порядке.

Как отмечает ряд исследователей, заключение досудебного соглашения с подозреваемым, обвиняемым может повлечь существенное нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, так как возможность заключения соглашения не ставится в зависимость и от возмещения вреда потерпевшему, причиненного преступлением [6-8].

Целесообразно законодательно указать, что без показаний и мнения потерпевшего, в частности, относительно личного участия обвиняемого в совершенном преступлении, учета его мнения о возможности рассмотрения дела в особом порядке, нельзя принять решение о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрения дела в особом порядке (глава 40.1 УПК РФ). Существующее на настоящее время требования (ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ), не всегда могут стать надежным заслоном на пути возможного вынесения судом необоснованного приговора [9].

Важна по этим вопросам позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 20 июля 2016 г. № 17-П, а также позиция Европейского Суда по правам человека от 04 декабря 2014 г. по делу «Александр Валерьевич Казаков против России» [10].

Таким образом, есть основания сделать вывод, что на сегодняшний день часто поспешно, без учета мнения ученых, экспертов, правоприменителей вносятся изменения в уголовный и уголовно-процессуальный закон, которые порой противоречат другим нормам права. Правоприменителям, сотрудникам правоохранительной системы трудно реагировать на многочисленные изменения в законодательстве, применять новые нормы права на практике. Обнаруживая проблемы, сами законодатели часто отменяют нормы права, которые были ими ранее приняты [11].

Происходившие в России с конца 80-х гг. прошлого века значительные социальные, экономические и политические преобразования детерминировали возникновение в стране разнообразных молодежных группировок.

Определённая часть таких групп, возникнув спонтанно на почве общих взглядов на музыку, литературу, искусство претерпели изменения и трансформировались в военизированные формирования с экстремистскими взглядами. К началу 90-х гг. XX века они стали

носить уже явно экстремистский характер, продолжая прогрессировать в этом направлении. Внутренняя организованность этих групп совершенствовалась, улучшалась степень физической и идеологической подготовки кадров, а также технического оснащения групп, изучались способы ведения пропаганды, акции становились лучше организованными и подготовленными. В последние годы налицо продолжение роста преступности таких молодежных групп. Ежегодно в России, согласно данным статистики, растёт число преступлений, совершаемых на почве расовой или национальной ненависти.

Коррупция и организованная преступность являются наибольшим социальным злом в обществе, эти явления дестабилизируют общественное устройство. Корыстные моменты в осуществлении как организованной преступности, так и коррупции являются схожими по мотивам совершения этих деяний. Организованная преступность формирует коррупционные связи в целях обеспечения безопасности со стороны государственных и муниципальных органов

2020 год был рекордным по масштабу коррупции в России. Не лучше обстоит дело и в 2021 году. В результате вмешательства Генеральной прокуратуры РФ в 2020 году были уволены в связи с утратой доверия 876 чиновников. В суды направлено 9,2 тыс. уголовных дел о коррупционных преступлениях, по 8 тыс. из которых вынесли обвинительные приговоры.

Последние годы небольшими темпами увеличивается массив преступлений коррупционной направленности (с 28,3 тыс. до 29,4 тыс.). В их структуре на факты взяточничества приходится менее половины выявленных преступлений (13,7 тыс.), относительно прошлогоднего значения их число возросло на 5 %. Каждый третий факт является мелким взяточничеством (-2,7 %, 4,9 тыс.). В тройку регионов с наибольшим числом последних вошли Республика Башкортостан (195), Ставропольский край (174) и г. Москва (173) [2].

Борьба с коррупцией является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Есть основание отметить, что региональную специфику правоохранительной деятельности государства по противодействию преступлениям коррупционной направленности целесообразно проанализировать через правовую и организационную формы реализации правоохранительной функции государства.

Выявление и расследование преступлений коррупционной направленности является актуальной проблемой современной юридической науки, так как усиление коррупции в различных формах его проявления является большой угрозой для конституционных прав и свобод граждан, национальной безопасности России. Необходимо отметить общие стратегические цели и задачи, стоящие перед отечественной правоохранительной системой. Основным документом, устанавливающим такие цели, является Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», которым определены ключевые угрозы государ-

ству и обществу в условиях современных глобализационных процессов [12]. Преодоление негативной деятельности коррупционных организаций по вовлечению новых участников возможно при условии создания государственных религиозных образовательных учреждений, повышением общей правовой культуры общества, нетерпимости к подобным явлениям.

Важное значение имеет правовая позиция Конституционного суда РФ, изложенная в одном из его определений. Ее суть сводится к тому, что обязанность законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину сообразовывать с ними свое поведение – как запрещенное, так и дозволенное, вовсе не исключает использование оценочных или общепринятых понятий (категорий) [13].

Недостаточность механизмов взаимодействия государственных органов с различными организациями и объединениями. Имеет место отсутствие четкой собственной идеологической политики (считается, что государственная идеология запрещена Конституцией РФ). Это приводит, в том числе, к частичному замещению функции государства в данной сфере деятельностью различных противоправных организаций. Необходимо больше уделять внимание «информационному воздействию» на факты проявления коррупции в обществе, которое реализовывает в том или ином виде стратегию опоры на общественное мнение населения.

Мер по защите государством заявителей о коррупции не определяются законодательством страны. Отклоненный законопроект не вводил конфиденциальность информации о заявителе, бесплатную юридическую помощь, усложненный порядок увольнения и уголовного преследования после заявления о коррупции в отличие от отклоняемого законопроекта, где эти нормы есть. В указе президента РФ присутствует норма о защите госслужащих, которые сообщили о коррупции, в отношении же муниципальных служащих или обычных граждан таких норм нет.

Министерство юстиции РФ готовит поправки к действующему закону, дающему право прокурорам обращаться в суд с требованием изъять в доход государства недвижимость, машины и ценные бумаги, принадлежащие чиновникам, если не доказана законность их приобретения, а стоимость превышает официальный доход семьи за три года. Этот порядок не распространяется на денежные средства – например, на незадекларированный чиновником банковский счёт. В суде, конечно, у чиновника будет возможность доказать, что деньги получены законным путем, получены, например, в наследство, взяты в долг. Но фактически сделать это будет труднее, чем раньше: придётся представить суду договоры займа или дарения, другие документы.

По мнению автора, нельзя забывать про уголовно-правовые меры противодействию коррупции. Уголовная статья, предусматривающая конфискацию имущества (ст. 104.1 УК РФ) давно не соответ-

ствует требованиям времени. Она работает только в случае преступлений, связанных с торговлей людьми, получения взятки, убийства или использования рабского труда. Еще в 2019 году глава СКР Александр Бастрыкин предложил изменить ст. 44 УК РФ, чтобы применять её для конфискации имущества коррупционеров и более эффективно возмещать ущерб государству.

Есть основания вернуть в Уголовный Кодекс РФ меру наказания в виде конфискации имущества по ряду статей уголовного законодательства. Конфискация имущества коррупционеров, как мера наказания, без установления причинно-следственной связи со совершенным преступлением, подписания статьи 20 Конвенции ООН «О противодействие коррупции», безусловно поможет в борьбе с этим явлением. Похищенное у государства, полученные в качестве взяток имущество, деньги, вкладываются в недвижимость, хранятся на счетах, часто оформленных на родственников. Угрозы их изъятия поможет охладить желания продолжать незаконное обогащение за счет государства. Конституционный суд РФ разрешил изымать имущество у всех, кто не докажет законность его приобретения. Конституционный суд России подтвердил законность конфискации имущества не только у коррупционеров и их родственников, но также у друзей или знакомых обвиняемых.

Понимание взаимосвязи организованной преступности и коррупции было сформулировано в: докладе Генерального секретаря ООН: «Воздействие организованной преступной: деятельности на общество в целом» на II: сессии: Комитета по предотвращению преступлений и уголовному правосудию Экономического и Социального: совета ООН. Там: говорилось о: том, что коррупция государственных должностных лиц всегда являлась одним: из: предпочтительных средств организованных: преступных: группировок,: составной: частью их стратегии и тактики, которой отдавалось: предпочтение: перед: использованием: открытого: насилия [14].

Во многих государствах установление коррупционных (коррумпированных) связей и отношений с властными структурами является важным компонентом организованной преступной деятельности. Неотъемлемая черта преступных синдикатов в любом государстве – это сильно развитая коррумпированность, лоббирование своих интересов в: местных и высших органах законодательной и исполнительной власти, связь с правоохранительными органами и: возможность использования последних в своих интересах. Это означает, что при коррумпировании, регулярно получая определенные материальные вознаграждения от организованной преступности, должностное лицо включается в систему организованной преступности, не позволяющей ему односторонне отказаться от принятой на себя роли [15]. Именно коррупция стала одним из главных препятствий в борьбе с организованной преступностью. Вот почему есть все основания говорить о серьезнейшем кризисе законности и правопорядка в стране. Именно коррупция породила мощный рост ор-

ганизованной преступности. Коррупция должностных лиц и организованных преступных групп непосредственно связана и террористической и экстремисткой деятельностью [16].

Одновременно с появлением новых видов вызывает опасение обострение уголовного терроризма в России, входящего в структуры организованной преступности, который приобретает широкий и: систематический характер, используется как средство борьбы с: конкурентами или втягивания представителей частного бизнеса в различные криминальные связи. Вызывая крайне негативный общественный резонанс, подрывая правопорядок и авторитет власти, эта преступная практика смыкается с терроризмом в собственном смысле слова и ставит под угрозу важные национальные интересы страны, ее социально-политическую и экономическую безопасность [17; 18; 19].

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ: офиц. текст. // [Электронный ресурс]. URL: http://consultant.ru.
2. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу № А38-5998/2017 от 19.02.2018 г. // Доступ из справочной системы http://www. consultant.ru;
3. Куценко С.М. Современный взгляд на институт досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Уральского юридического института МВД России. Право. 2019. №2. – С.14.
4 Официальный сайт судебного департамента ВС РФ/ http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 года № 107// https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257288// Доступ из справочной системы http://www. consultant.ru;
6. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Проблемы совершенствования: учебное пособие / под ред. Ф.К. Зиннурова, Г.Б. Мирзоева. Москва: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2014. 119 с.
7. Титова К.А., Топчиева Т.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве //Общество и право. Право. 2018. № 4 (66). С. 75.
8. Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвиняемым в уголовном процессе: дисс….канд. юрид.наук. Москва, 2017. С. 76.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Доступ из справочной системы http://www. consultant.ru;
10.Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ// https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1023731 // Доступ из справочной системы http://www. consultant.ru;
11. Мельников, В.Ю. Современные вопросы уголовного судопроизводства / В.Ю. Мельников. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2021. с. 404-406.
12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 02 июля 2013 г. № 1053-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. – № 2.
14. УНП ООН и организованная преступность// https://www.unodc.org/unodc/ru/organized-crime/index.html (дата обращения 30.01.2022 г.)

15. Глазкова Л.В. Взаимодействие систем организованной преступности и коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7. С. 77–79.
16. Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // http://www.consultant.ru/law/hotdocs/54152.html/ (дата обращения 11.11.2021 г.).
17. Лунеев. В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. № 4. С. 35.
18. Гриб В.Г., Тюнис И.О. Уголовно-правовые средства противодействия организованной преступности – международная проблема с национальным характером // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 33.
19. Долгова А.И. Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 48.

УДК 343

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО К ПРЕСТУПЛЕНИЮ И ЭКСЦЕСС СОУЧАСТНИКА

Мироненко Сергей Юрьевич
Заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса
кандидат юридических наук, доцент
Донбасская юридическая академия

В статье рассматриваются вопросы соучастия в преступлении, непосредственно подстрекательства к преступлению и эксцесс соучастника. Акцентируется внимание на том, что при подстрекательстве к преступлению эксцессом является такой умышленный выход соучастника за пределы оговоренного с подстрекателем преступления или той роли, которая была с ним согласована, который не охватывался ни прямым, ни даже косвенным умыслом подстрекателя.
Ключевые слова: преступление, соучастие в преступлении, подстрекатель, эксцесс соучастника.

INCITEMENT TO A CRIME AND THE EXCESSES OF AN ACCOMPLICE

Mironenko S.Yu.

The article deals with the issues of complicity in a crime, direct incitement to a crime and excess of an accomplice. Attention is focused on the fact that when inciting a crime, excess is such a deliberate exit of an accomplice beyond the limits of the crime agreed with the instigator or the role that was agreed with him, which was not covered by either the direct or even indirect intent of the instigator.
Keywords: crime, complicity in a crime, instigator, kurtosis of an accomplice.

Борьба с преступностью является одной из приоритетных задач правоохранительных органов. Значительная роль в этом процессе принадлежит уголовному законодательству, которое содержит положения, регулирующие ответственность совместно действующих лиц, в том числе и подстрекателей к преступлению.

Склонив соучастника к совершению преступления, подстрекатель желает осуществления этим соучастником совместного преступного замысла. Однако состоявшееся склонение еще не обеспечивает того, что соучастник в процессе реализации задуманного по

© Мироненко С. Ю., 2022

разным причинам объективного и (или) субъективного характера не отклонится от достигнутого сговора и не совершит преступление, которое не охватывалось ни прямым, ни даже косвенным умыслом подстрекателя. Выход за пределы намерения соучастников, отступление от состоявшегося между ними согласия в теории уголовного права именуется эксцессом (от латинского «excessus» – выход, отступ, отклонение [3, с. 591]).

Оценивая такие ситуации, следует обратить внимание, прежде всего, на то, что отступление от общего преступного замысла рассматривается как эксцесс лишь при условии, если он имеет юридическое значение, то есть влияет на квалификацию действий соучастников. Поэтому, если, например, исполнитель вместо оговоренного использования отмычки для совершения кражи с проникновением в жилье применяет лом, можно говорить, лишь о фактическом отступлении от согласия. Юридически (то есть, по закону) такое отступление не является эксцессом, поскольку не касается признаков состава преступления, на совершение которого произошел сговор, а, следовательно, не имеет уголовно-правового значения и не влияет на квалификацию действий соучастников.

Надо учитывать также и то, что выход за пределы умысла соучастников может произойти по разным причинам (например, в результате ошибки) и, как следствие, с разным психическим отношением к содеянному (неосторожно или намеренно). Считаем, что под эксцессом следует понимать лишь умышленное отклонение соучастника от первоначальных (обусловленных) намерений. Такое утверждение вытекает из того, что при совершении преступления по неосторожности соучастие отсутствует. И лишь при умышленном преступлении необходимо устанавливать направленность и содержание умысла соучастников с целью выяснения наличия или отсутствия эксцесса в деянии и решения вопроса о его квалификации.

Необходимо отметить, что в уголовно-правовой литературе проблема эксцесса рассматривается относительно деятельности исполнителя, потому что, по мнению некоторых ученых, при осуществлении эксцесса любой соучастник выступает его исполнителем, вследствие того, что он непосредственно выполняет действия, которые образуют объективную сторону преступления, что является результатом эксцесса. На наш взгляд, «автор» эксцесса может выполнять не только роль исполнителя, но и роль другого соучастника – организатора, подстрекателя или пособника. Поэтому такой «выход за пределы соглашения» далеко не во всех случаях будет связан с исполнением объективной стороны состава преступления. Так, пособник, которого склонили к участию в конкретном преступлении (например, краже), в процессе предоставления советов исполнителю может уговорить его совершить более тяжкое преступление (например, грабеж), совершив в таком случае роль не только пособника, но и подстрекателя. Или исполнитель, которого склонили к соверше-

нию убийства, не совершает его, а создает для его непосредственного исполнения группу лиц.

Изложенное свидетельствует о том, что при подстрекательстве к преступлению эксцессом является такой умышленный выход соучастника за пределы оговоренного с подстрекателем преступления или той роли, которая была с ним согласована, который не охватывался ни прямым, ни даже косвенным умыслом подстрекателя.

Фактические и юридические признаки преступления, к которому подстрекатель склонил другого соучастника, могут иметь разную степень конкретизации или не иметь признаки конкретности вовсе. В связи с этим необходимо установить правовые границы признания совершенного эксцессом, то есть определить, в каких случаях совершенное соучастником деяние выходит за пределы склонения. Подстрекатель может склонить не только к конкретному преступлению, но и к преступлению, определенного родовыми (видовыми) признаками, а в некоторых случаях – и к любому преступному деянию. Кроме того, подстрекатель может склонить соучастника к исполнению конкретной роли (например, пособника) или без указания таковой. О выходе за пределы преступного деяния можно говорить лишь тогда, когда участник совместного преступления вышел за пределы отведенной ему роли. И наоборот, если ни роль, ни характер преступления подстрекателем не конкретизированы, говорить об эксцессе вообще вряд ли возможно.

Надо отметить, что поскольку деятельность подстрекателя может быть направлена на возбуждение решимости совершить преступление у любого из соучастников или даже у нескольких совместно действующих лиц, то и выйти за пределы сговора, который произошел, может каждый из участников преступления.

В связи с изложенным представляется, что выход за пределы сговора может быть сгруппирован по таким видам:

1) выход соучастника за пределы той роли, которая была согласована с подстрекателем, в котором, в свою очередь, можно выделить осуществление: а) наряду с задуманным также роль другого соучастника (например, подстрекатель склонил соучастника к организации преступления, а последний осуществил помимо этого еще и роль соисполнителя); б) другой роли по сравнению с той, к которой склонил его подстрекатель (например, подстрекатель склонил соучастника к пособничеству, а он вместо этого совершил роль исполнителя (соисполнителя));

2) выход соучастника за пределы преступного деяния, согласованного с подстрекателем. При этом такой эксцесс может быть совершен как единолично (например, самостоятельное выполнение лицом того преступления, которое стало результатом эксцесса), так и в соучастии (например, выход за пределы сговора и пособника, и исполнителя, которых склонил к преступлению подстрекатель);

3) выход соучастника за пределы, как роли, так и деяния, согласованных с подстрекателем, то есть так называемый «смешанный»

эксцесс, когда соучастник выходит за пределы не только отведенной ему подстрекателем роли, но и за пределы оговоренного с ним преступления (например, подстрекатель склонил лицо к пособничеству в краже, а он, предоставляя средства совершения преступления, убедил исполнителя совершить разбой).

Следовательно, для решения вопроса о наличие эксцесса соучастника необходимо, прежде всего, установить, что умысел подстрекателя и склоненного им соучастника был направлен на: а) совершение конкретного преступления; б) совершение преступления, определенного видовыми (родовыми) признаками (в этом случае эксцесс будет лишь при условии, если хотя бы один из признаков состава преступления охватывался общим умыслом подстрекателя и другого соучастника); в) исполнение конкретной роли при совершении преступления в соучастии (в этой ситуации эксцесс может иметь место, если подстрекатель склонил соучастника к исполнению определенной роли в совместном совершении преступления).

Установив правовые рамки признания содеянного соучастником деяния эксцессом, следует решить и проблему квалификации действий подстрекателя в таких ситуациях, потому что именно эксцесс влияет на решение вопроса об ответственности подстрекателя, а в теории и следственно-судебной практике как раз и нет единства мнений.

Нерешенным остается вопрос об ответственности подстрекателя за склонение к преступлению, при совершении которого соучастник вышел за пределы договоренности.

В теории уголовного права выделяют два вида эксцесса – количественный и качественный [2, с. 211-212]. Количественный эксцесс охватывает ситуации, когда исполнитель совершает преступление однородное по своему характеру с тем, которое он должен был совершить по согласию с соучастниками (например, совершает грабеж или разбой, вместо оговоренной кражи), а качественный – имеет место там, где лицо совершило преступление неоднородное с тем, которое было согласовано с соучастниками (например, совершает изнасилование вместо или в дополнение к задуманной краже). Кроме того, эксцесс делится на виды и по степени тяжести: 1) эксцесс при совершении более тяжкого преступления; 2) эксцесс при совершении менее тяжкого преступления [1, с. 6-7].

При количественном эксцессе подстрекатель отвечает за соучастие в неоконченном преступлении, ибо преступление, к которому он склонил соучастника, не было завершено по причинам, не зависящим от его воли. Однако анализ последних публикаций и изучение практики свидетельствуют о том, что существуют различные мнения относительно квалификации действий подстрекателя в таких случаях. Некоторые ученые считают необходимым квалифицировать действия такого подстрекателя со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к совершению преступления [1, с. 6], другие – на ч. 3 ст. 30 УК РФ как покушение на его совершение [4, с. 262]. Существует позиция, в соответствии с которой в такой ситуации подстре-

катель подлежит ответственности за оконченное преступление, которое охватывалось его умыслом.

На наш взгляд, для решения этого вопроса необходимо установить, на какой стадии совместного преступления намерение соучастника переросло в совершение другого преступного деяния и когда было прекращено то преступление, к которому склонил соучастника подстрекатель.

1. Если исполнитель совершает деяние, непосредственно направленное на исполнение согласованного с подстрекателем преступления, и в процессе осуществления объективной стороны этого деяния его намерение перерастает на совершение другого однородного преступления, то независимо от степени его тяжести, в действиях подстрекателя усматривается покушение на преступление, к которому он склонил соучастника. Например, если подстрекатель склонил исполнителя к совершению кражи, а последний в процессе ее совершения применил к потерпевшему характерное для грабежа насилие с целью удержания имущества, добытого им тайным способом, то подстрекатель подлежит ответственности по ч. 4 ст. 33 и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

2. Если, например, исполнитель отклонился от согласованного, даже не приступив к непосредственному исполнению преступления (то есть, его объективной стороны), то тут умысел на совершение преступления не был реализован соучастником, и общее согласие было прервано на стадии приготовления. Следовательно, в деянии подстрекателя есть лишь признаки приготовления к преступлению в соучастии, что обусловливает и соответствующую квалификацию его действий.

При качественном эксцессе подстрекатель может отвечать как за неоконченное, так и за оконченное преступление, к совершению которого он склонил соучастника. Например, если подстрекатель склонил исполнителя к совершению кражи с проникновением в жилище, а исполнитель для ее сокрытия уничтожил еще и дом хозяина путем поджога, подстрекатель подлежит ответственности только за соучастие в краже (4 ст. 33, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Если же соучастник добровольно отказался от совершения кражи или по причинам, не зависящим от него, не довел это преступление до конца, то подстрекатель подлежит ответственности за соучастие в неоконченном преступлении. При этом решение вопроса о стадии совершенного им преступления определяется моментом его прекращения соучастником. Что же касается преступления, которое совершил соучастник впоследствии его эксцесса, то оно никак на квалификацию действий подстрекателя не влияет.

Изложенное свидетельствует о том, что границы отнесения к вине подстрекателя того деяния, которое совершил склоненный им к преступлению соучастник, зависят не от вида эксцесса (количественный или качественный), а определяются преступлением, к которому склонил подстрекатель любого из соучастников и объек-

тивную сторону которого (полностью или частично) осуществил исполнитель.

Таким образом, на наш взгляд, в отношении деятельности подстрекателя целесообразно выделять такие виды эксцесса:

1) совершение деяния, которое выходит за рамки содержания договоренности и содержит еще хотя бы один признак, который имеет уголовно-правовое значение и выходит за пределы содержания договоренности, которая состоялась. В этом случае в формуле квалификации действий подстрекателя будет фигурировать подстрекательство к совершению оконченного преступления в соучастии. Например, подстрекатель склонил к краже в значительных размерах, а исполнитель совершил кражу в особо крупных размерах;

2) совершение деяния, не содержащего, по крайней мере, одного из признаков состава преступления, к которому склонил подстрекатель. Например, подстрекатель склонил к совершению грабежа, а исполнитель совершил кражу. В такой ситуации подстрекатель будет отвечать за подстрекательство к неоконченному преступлению в соучастии. При этом решение вопроса о квалификации действий подстрекателя зависит от того, на какой стадии совместного совершения преступления умысел соучастника перерос на исполнение другого преступного деяния.

Список источников

1. Арутюнов А.А. Эксцесс исполнителя преступления, совершенного в соучастии / А.А. Арутюнов // Уголовное право. 2003. № 1. С. 5–7.

2. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник / М.І. Бажанов, Ю.В. Баулін, В.І. Борисов та ін. За ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. К. – Х.: Юрінком Інтер – Право, 2001. 416 с.

3. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1989. 624 с.

4. Уголовное право Российской федерации. Общая часть: учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Юристъ, 1999. 480 с.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРАНТИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Михайлова Екатерина Евгеньевна

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением в уголовном судопроизводстве гарантий конституционных прав граждан на тайну пере-

© Михайлова Е. Е., 2022

писки, телефонных и иных переговоров, обосновывается необходимость совершенствования законодательства в целях регламентации процедуры изъятия информации о содержании переписки и переговоров, осуществляемых с использованием мессенджеров посредством сети «Интернет».

Ключевые слова: тайна переписки, контроль и запись переговоров, наложение ареста на корреспонденцию, изъятие информации о содержании переписки с использованием мессенджеров, ограничение конституционных прав граждан.

TO THE QUESTION OF IMPROVEMENT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN PART OF GUARANTEE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS TO THE SECRET OF CORRESPONDENCE, TELEPHONE AND OTHER NEGOTIATIONS

Mikhailova E. E.

The article deals with issues related to ensuring in criminal proceedings guarantees of the constitutional rights of citizens to the secrecy of correspondence, telephone and other conversations, the need to improve legislation in order to regulate the procedure for seizing information about the content of correspondence and negotiations carried out using instant messengers via the Internet is substantiated.

Keywords: secrecy of correspondence, control and recording of negotiations, seizure of correspondence, seizure of information about the content of correspondence using instant messengers, restriction of constitutional rights of citizens.

Неприкосновенность коммуникации как элемент естественного, принадлежащего человеку от рождения, и неотчуждаемого права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, закрепленного в основных международных документах в области прав человека, а также в статье 23 Конституции Российской Федерации [1], закреплена в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства, в статье 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) [2]. Неприкосновенность коммуникации призвана гарантировать защиту всех используемых гражданами средств связи от посягательств, а также сохранение конфиденциальности не только содержания переписки и переговоров, но и даже сведений о них. Такой подход следует из понятия «коммуникация», которое в русском языке применяется в значениях «сообщение, общение, путь сообщения» [10, с. 440]

В российском уголовно-процессуальном законодательстве закреплен механизм упреждающего судебного контроля, выражающегося в необходимости получения в рамках возбужденного уголовного дела решения суда о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров (причем только по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях), наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, а также на получение информации о произведенных соединениях между абонентами или абонентскими устройствами. Механизм последующего судебного контроля, предусмотренный в части 5 статьи 165 УПК РФ для отдельных следственных действий, посягающих на конституционные права граждан в случаях, не терпящих отлагатель-

ства, к ограничениям прав на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, в уголовном судопроизводстве не применяется.

Открытая конструкция норм уголовно-процессуального законодательства («иные переговоры», «иные сообщения») соответствует возникновению и развитию новых видов коммуникации. Однако регулирование механизма изъятия информации о переговорах и переписке между гражданами, на наш взгляд, заметно отстает от современных реалий, что побуждает правоприменителей искать упрощенные способы получения таких сведений, в конечном счёте, не соответствующие конституционным гарантиям тайны переговоров и переписки.

Как свидетельствует проанализированная нами за 5 лет (2016 – 2020 годы) статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество рассмотренных судами в ходе досудебного производства, в соответствии с положениями части 2 статьи 29 и части 2 статьи 164 УПК РФ, ходатайств о производстве традиционных для российского уголовного процесса следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переговоров и переписки, с достаточно четко регламентированным механизмом, а именно: о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки в учреждениях связи (п.8 ч.2 ст.29 и ст.185 УПК РФ), а также о производстве контроля и записи переговоров (п.11 ч.2 ст.29 и ст.186 УПК РФ), неуклонно снижается, в то время как количество рассмотренных ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (п.12 ч.2 ст.29 и ст.186.1 УПК РФ, введенных федеральным законом от 01.07.2010 №143-ФЗ) возрастает.

Так, количество рассмотренных судами общей юрисдикции ходатайств о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку в учреждениях связи составило: в 2016 г. – 21010, в 2017 г. – 13913, в 2018 г. – 9893, в 2019 г. – 7575, в 2020 г. – 6758. Ходатайств о контроле и записи телефонных и иных переговоров рассмотрено судами: в 2016 г. – 167052, в 2017 г. – 87003, в 2018 г. – 58829, в 2019 г. – 49173, в 2020 г. – 33959. Количественные показатели рассмотренных судами ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами составили: в 2016 г. – 126306, в 2017 г. – 226384, в 2018 г. – 250988, в 2019 г. – 268292, в 2020 г. – 313364 [11].

На наш взгляд, объясняется это следующим.

Во-первых, предусмотренный статьей 186 УПК РФ механизм контроля и записи переговоров, как следственного действия, по сравнению с аналогичным по содержанию оперативно-розыскным мероприятием – прослушивание телефонных переговоров (статья 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») [3], усложнен, так как реализуется посредством проведения оперативно-технических мероприятий, по результатам которых предполагает

полное прослушивание всей полученной фонограммы с участием лица, переговоры которого контролировались; и во многих случаях нецелесообразен, так как может применяться, преимущественно, в целях фиксации переговоров, происходящих уже после совершения преступления, в которых может быть проявлена преступная или иная осведомленность контролируемых лиц об обстоятельствах расследуемого преступления (например, установления соучастников преступления, мест сбыта похищенного, места нахождения без вести пропавшего лица и так далее), а потому цели его проведения могут быть полностью реализованы при исполнении поручения следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Для доказывания же обстоятельств совершенного преступления в арсенале органов предварительного расследования достаточно имеющегося механизма получения информации о произведенных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, использование которого, как свидетельствует статистика, возрастает.

Во-вторых, в современном обществе все реже используются традиционные, исторически сложившиеся, формы письменного общения между гражданами посредством почтово-телеграфных отправлений, телеграмм и радиограмм (осмотр, выемка и снятие копий с которых детально регламентированы статьей 185 УПК РФ); а ставшие повсеместно распространенными способами связи электронные письма, факсимильные, СМС- и ММС-сообщения, передаваемые по сетям электрической и сотовой связи, уступают первенство мгновенным сообщениям, передаваемым посредством сети «Интернет» с использованием месенджеров. Высокая скорость передачи информации в реальном времени посредством сети «Интернет», ее доступность, снижение временных затрат и финансовых расходов однозначно способствуют использованию цифрового пространства для коммуникации все большим количеством граждан.

Так, по опубликованным 03.02.2021 данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), самыми непопулярными способами дистанционного общения являются бумажные и электронные письма, а также разговоры по стационарному телефону; а самыми популярными – разговоры по мобильному телефону и онлайн-переписка, при этом более половины россиян ведут ее в социальных сетях или мессенджерах, тройку лидеров среди которых занимают «WatsApp» (73% опрошенных), «ВКонтакте» (38%) и «Viber» (26%) [12]. Также, согласно данным ВЦИОМ, граждане России активно используют для общения мессенджеры социальных сетей «Instagram» (39%), «YouTube» (34%), «Одноклассники» (32%), «TikTok» (17%). Не используют социальные сети лишь 16% граждан России [13].

По результатам проведенного анализа специалистами компании «МегаФон», за 2021 год совокупный объем мобильного интернет-трафика в мессенджерах вырос на 87%, причем абоненты используют его не только для отправки сообщений, но и для голосовых вызо-

вов. Среди используемых в России мессенджеров самый значительный рост интернет-трафика показал «Telegram» (44%), ставший не только инструментом для общения и работы, но и одним из главных источников информационного контента, всего на 4% отставая от мессенджера «WhatsApp», продолжающего удерживать первую позицию (48%) [14].

При таких высоких показателях пользовательской активности и возможностях передачи информации посредством переписки и переговоров в социальных сетях и мессенджерах очевидно значение ее истребования для целей уголовного судопроизводства, при условии обеспечения баланса указанных публичных интересов и гарантий конституционных прав граждан на тайну коммуникации, способствовать чему может лишь четкое нормативное регулирование процедуры изъятия.

Однако в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не только не содержится специальной нормы, позволяющей осуществлять истребование анализируемой информации, передаваемой в виртуальном пространстве, а не на традиционных материальных носителях, но даже само понятие «переписка» не упоминается в статьях 185, 186 и 186.1 УПК РФ. Введенная Федеральным законом от 06.07.2016 №375-ФЗ часть 7 статьи 185 УПК РФ, установившая, что при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка [2], не только не восполнила анализируемый пробел в законодательстве, но и оставила без ответа вопрос, что же именно, а главное каким образом должен изъять в ходе выемки и осмотреть следователь. В связи с чем правоприменители при необходимости изъятия сведений, содержащихся, например, в переписке в социальной сети «ВКонтакте», в ходатайствах перед судом ссылаются не только на часть 7 статьи 185 УПК РФ, но и на положения статьи 186.1 УПК РФ, поскольку в соответствии с последней организация, предоставляющая услуги связи, на основании постановления суда обязана собрать, а при необходимости и восстановить удаленные сведения, интересующие следствие, записать их на материальный носитель, который изымается следователем в ходе выемки и впоследствии осматривается.

В отношении сведений о переписке и переговорах, ведущихся посредством иных ранее перечисленных социальных сетей и мессенджеров, популярных в России, официальное их изъятие, согласно нормам действующего уголовно-процессуального законодательства, осложняется тем, что их технологические (IT-) компании (провайдеры), не имели до настоящего времени представительств на территории Российской Федерации (к примеру, мессенджеры «WhatsApp», «Instagram» относятся к юрисдикции США, «Telegram» - к юрисдикции Великобритании, «Viber» - к юрисдикции государства Израиль),

и лишь с 2022 года для продолжения работы в российском сегменте сети «Интернет» обязаны открывать в России свои полномочные филиалы, в соответствии с разработанным и принятым во исполнение поручения Президента Российской Федерации [15] Федеральным законом от 01.07.2021 «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» [4]. В связи с чем, вплоть до настоящего времени исполнить судебное решение и официально изъять интересующие следствие сведения о переписке в социальных сетях и мессенджерах возможно лишь посредством направления судебного решения в соответствующую компанию для исполнения только в рамках осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, что всегда сопряжено с длительными сроками.

Обозначенные проблемы привели к тому, что правоприменительная практика пошла по пути изъятия самих устройств (смартфонов, планшетов, компьютеров), посредством которых осуществляется переписка или ведутся переговоры в социальных сетях или мессенджерах, при производстве следственных действий, для производства которых не требуется специального судебного решения (например, осмотра места происшествия, личного обыска во время задержания, выемки у лица, находящегося в служебном помещении и так далее), с последующим их осмотром или представлением для производства компьютерно-технической экспертизы, в ходе которых производится обнаружение и фиксация содержания переписки и иных представляющих интерес для следствия информации (например, сведений о геолокации, содержании направленных файлов, контактах и прочее).

Также судебная практика признает в качестве допустимых доказательств изъятие при производстве выемки у граждан на различных материальных носителях сканированных копий переписки, распечаток, фотоизображений, лично полученных абонентами от операторов связи, произведенных в ходе ведущейся переписки с интересующим следствие лицом, либо в результате имеющегося доступа к его мобильному устройству.

Такая практика обосновывается рядом позиций, высказанных в определениях Конституционного Суда Российской Федерации, из которых можно сделать следующие выводы: 1) закон не требует применения мер по охране тайны личных переговоров, если одна из сторон добровольно и непосредственно предает их огласке [5, 6] или лицо не возражает против исследования имеющейся в его телефоне информации о произведенных телефонных соединениях, сообщая установленный на нем пароль [7]; 2) за сохранность тайны на абонентских устройствах отвечает сам владелец; 3) предварительного вынесения специального судебного решения для производства в установленном порядке следственных действий по изъятию, осмотру и исследованию такого устройства не требуется; 4) необходимость в

предварительном судебном решении имеется лишь при истребовании информации от оператора связи [8, 9]. В вышеназванных случаях истребования без судебного решения информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, по мнению Калиновского К.Б., достаточно последующего судебного контроля, выражающегося в обжаловании действий следователя в порядке статьи 125 УПК РФ лицом, считающим, что его конституционное право на тайну переписки нарушено [16].

Однако такая позиция, хотя и является, бесспорно, предпочтительной для органов расследования, так как позволяет оперативно получать интересующую следствие информацию, все же не в полной мере отвечает гарантиям соблюдения конституционных прав граждан на тайну коммуникации, прежде всего по причине необходимости нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве механизма изъятия переписки между гражданами с использованием современных средств коммуникации, при отсутствии которого персональное обжалование действий сотрудников органов расследования в порядке ст.125 УПК РФ, представляется малоэффективным средством защиты от возможных злоупотреблений и иных нарушений. А отсутствие таковых в законодательстве и правоприменительной практике, как указано Европейским Судом по Правам Человека в постановлении от 13.02.2018 по делу «Иващенко против Российской Федерации», расценивается как нарушение статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право на уважение его корреспонденции, вмешательство в которое со стороны публичных властей в осуществление этого права не допускается за исключением случаев, когда таковое предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе, в том числе, в целях предотвращения преступлений или для защиты прав и свобод других лиц [17, с. 59-78].

Поэтому мы считаем, что изъятие сведений о переписке в уголовном судопроизводстве, вне зависимости от наличия волеизъявления лица или добровольности предоставления интересующей следствие информации, в соответствии с положениями статьи 13 УПК РФ, должно осуществляться на основании решения суда или с соблюдением процедуры последующего уведомления прокурора и суда о произведенных следственных действиях, в порядке, регламентированном частью 5 статьи 165 УПК РФ, что представляется наиболее целесообразным, с учетом проведения, в подавляющем большинстве случаев, рассматриваемых мероприятий в условиях, не терпящих отлагательства. Реализация данного механизма, как представляется, была бы предпочтительной, в условиях введения в уголовное судопроизводство института следственного судьи.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации.

URL: http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 04.07.2020, дата обращения: 10.11.2021)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

3. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности». В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

4. Федеральный закон от 01.07.2021 №236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата опубликования: 01.07.2021, дата обращения: 07.02.2022)

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.06.1997 N 72-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юлдашевой Люции Ахматгалеевны как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2006 N 454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дьячковой Ольги Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 6 и 14 части первой и частью четвертой статьи 6, пунктом 3 статьи 7, частью второй статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частью второй статьи 7, пунктом 4 части второй статьи 38, статьями 125, 140 и 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2017 N 338-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2010 № 433-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование, 2019. 1376 с.

11. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 годы. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Форма №1) [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 07.02.2022)

12. Личные встречи не вышли из моды: аналитический обзор [текст: электронный] // ВЦИОМ: сетевое издание. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnye-vstrechi-ne-vyshli-iz-mody (дата публикации: 03.02.2021, дата обращения: 07.02.2022)

13. ВЦИОМ назвал самые популярные соцсети в России [текст: электронный] // РИА Новости: сетевое издание ФГУП МИА «Россия сегодня». URL: https://ria.ru/20210706/sotsseti-1740025260.html (дата создания: 06.07.2021, дата обращения: 10.11.2021)

14. Telegram обошел WhatsApp по объему мобильного трафика в большинстве регионов России [текст: электронный] // ПАО «МегаФон»: официальный сайт. - URL: https://corp.megafon.ru/press/news/federalnye_novosti/20211222-1147.html (дата опубликования: 22.12.2021; дата обращения: 07.02.2022)

15. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [текст: электронный] // Президент России: официальный сайт. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64638 (дата создания: 10.12.2020, дата обращения: 07.02.2022)

16. Решение суда для фиксации переписки на смартфонах в ходе осмотра не нужно [текст: электронный] // Уголовный процесс: электронный журнал. 2018. №4. URL: https://e.ugpr.ru/629117 [доступ по подписке] (дата обращения: 07.02.2022)

17. Постановление ЕСПЧ от 13.02.2018 «Дело "Иващенко (Ivashchenko) против Российской Федерации" (жалоба N 61064/10)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. №12 (198). С. 59-78

УДК 343.13

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ

Мухаметшин Тимур Ришатович

Эксперт-криминалист криминалистического отделения
Министерство внутренних дел Республики Татарстан

Применение информационных технологий в правоприменительной деятельности органов уголовного преследования оказывает все более существенное влияние на развитие процессуальных отраслей права. Уголовное судопроизводство имеет новеллы внедрения правовых процедур применения видеоконференцсвязи в судебной деятельности по уголовному делу (ст. 278.1 УПК РФ). Принятие Федерального закона № 501-ФЗ от 30.12.2021 дополняет содержание УПК РФ новой статьей 189.1 о возможности применения видеоконференцсвязи в досудебном производстве при проведении дознавателем, следователем допроса, очной ставки и опознания. Предлагается применение этой процедуры как самостоятельного процессуального средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в отношении которых имеются основания полагать об угрозе им в связи с участием (содействием) в уголовном деле.

Ключевые слова: опознание и допрос; очная ставка; видеоконференцсвязь; уголовный процесс; уголовное дело; защита потерпевших и свидетелей; возбуждение уголовного дела.

USE OF VIDEOCONFERENCING IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS AS A SECURITY MEASURE

Mukhametshin T. R.

© Мухаметшин Т. Р., 2022

The use of information technology in the enforcement of criminal proceedings has an increasing impact on the development of procedural branches of law. Criminal proceedings have novels in the introduction of legal procedures for the use of videoconferencing in judicial activities in a criminal case (Article 278.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). The adoption of Federal Law No. 501-FZ of 30.12.2021 complements the content of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with a new article 189.1 on the possibility of using videoconferencing in pre-trial proceedings during interrogation, confrontation and identification by the interrogator, investigator. It is proposed to apply this procedure as a separate procedural means of ensuring the safety of participants in criminal proceedings against whom there are grounds to believe that they are threatened in connection with their participation (assistance) in a criminal case.

Keywords: identification and interrogation; confrontation; videoconferencing; criminal proceedings; criminal case; protection of victims and witnesses; Initiation of criminal proceedings.

Уголовно-процессуальная деятельность сопровождается процессом воздействия различных факторов, в том числе, направленных на противодействие расследованию и вынесению правосудного решения. В этой связи проблема обеспечения безопасности участников производства по уголовному делу в настоящее время имеет актуальное значение в связи с повышением качества производства по уголовному делу и доказательственной деятельности, а также обязанности государства установить гарантии защиты прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве [1, с.202-211].

Как полагаем, совершенствование правоприменения [2, с.10-14, 3] в настоящее время имеет существенное значение в правоприменительной практике, в том числе в уголовно-процессуальной деятельности.

Развитие информационных технологий в последние десятилетия оказывает стремительное воздействие на совершенствование уголовно-процессуальных норм. Так, например, дополнение текста УПК РФ новой ст. 278.1 УПК РФ устанавливает возможность дистанционного допроса участника процесса с применением видеоконференцсвязи.

В настоящее время действует комплекс мер государственной защиты участников уголовного процесса. В частности, принят Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Во исполнение положений данного закона действует перечень подзаконных правовых актов, в которых более детально регулируется процедура реализации отдельных мер безопасности [4, с.225-229].

Система уголовно-процессуальных мер безопасности в производстве по уголовному делу включает несколько защитных мер в отношении участников уголовного процесса, они установлены в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. При этом, в стадии возбуждения уголовного дела может применяться только одна из них, указанная в ч. 9 ст. 166 УПК РФ [5].

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела имеет свои задачи и процессуальные особенности, в том числе ограниченные средства обеспечения безопасности участников проверки сообщения о преступлении. Вместе тем, как представляется, меры безопасности в этой начальной стадии уголовного процесса могут быть расширены путем применения аналогии.

В контексте развития уголовно-процессуального законодательства и внедрения информационных технологий в процессуальную деятельность, наш интерес представляет принятие Федерального закона от 30.12.2021 N 501-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" [6]. Этот закон дополняет содержание УПК РФ новой статьей 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Отметим, что исходя из анализа названия статьи и ее помещения рядом со ст. 189 УПК РФ «Общие правила проведения допроса» можно сделать вывод о дополнении системы общих условий проведения допроса, очной ставки и опознания.

Как полагаем, процедура применения видеоконференцсвязи в судебном производстве показала свою практическую целесообразность. По этой причине, по нашему мнению, законодатель решил расширить сферу применения такой технологии в досудебном производстве по уголовному делу. Как следует из Пояснительной записки, применение видеоконференцсвязи может существенно повысить «процессуальную производительность» предварительного расследования, сокращение расходов, связанных с командировками и выездами дознавателя, следователя к месту нахождения участника процесса для проведения следственных действий. Кроме того, применение видеоконференцсвязи следует рассматривать как одну из гарантий реализации принципа разумности уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

В этой связи важным является применение видеоконференцсвязи в связи с установлением ограничений свободы передвижения по причине самоизоляции, карантинных мероприятий.

В ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ закреплено право (не обязанность) следователя или дознавателя провести «допрос, очную ставку, опознание путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности». Обратим внимание на то, что применение видео-конференц-связи может быть использовано только «государственных органов», то есть использование иных, негосударственных информационных технологий не допускается.

Развитие технического оснащения и материального снабжения органов уголовного преследования в настоящее время пока не всегда соответствует необходимому уровню. Как полагаем по этой причине в ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ установлено условие применения видеоконференц-связи: «при наличии технической возможности».

Сравнение ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ и ст. 278.1 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что в судебной системе подобных проблем (отсутствие технической возможности) не существует. Кроме того, указание применения технического средства в ст. 189.1 и ст. 278.1 УПК РФ различно: в ст. 189.1 УПК РФ используется термин «видео-конференц-связь», а в ст. 278.1 УПК РФ – «видеоконференц-связь», что само по себе вызывает определенное недоумение с точки зрения стилистики и грамматики, употребления юридических терминов [7, с. 99-102].

Основанием для проведения указанных следственных действий с применением видео-конференц-связи является письменное поручение «об организации участия» (ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ). Дознаватель, следователь ведущий производство по делу поручает другому дознавателю, органу дознания или следователю провести с применением видео-конференц-связи следственное действие.

Как полагаем, фраза «…участия данного лица в следственном действии» в ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ предполагает проведение только одного следственного действия. Вместе с тем, по нашему мнению, не исключена необходимость проведения не одного, а нескольких одноименных или различных следственных действий, например, не только допроса, а нескольких допросов одного лица, или лиц, но и очной ставки или опознания. По этой причине, как считаем, целесообразно дополнить ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ возможностью участия лица в нескольких следственных действиях.

Особенности составления протокола при проведении следственных действий с применением видео-конференц-связи установлено в ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ: «в протоколе указываются дата, время и место производства соответствующего следственного действия как по месту составления протокола, так и по месту нахождения лица, указанного в части второй настоящей статьи. Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия удостоверяется подписями данных участников следственного действия, о чем у них берется подписка следователем или дознавателем по месту нахождения участников следственного действия».

Важным условиям применения видео-конференц-связи при проведении указанных следственных действий является обязательность видеозаписи происходящего, которая приобщается к протоколу следственного действия (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ). Это дает возможность проверить законность проведения следственного действия и оценить допустимость полученного доказательства как в момент окончания предварительного расследования, так и в судебных стадиях по уголовному делу.

Особенность проведения указанных следственных действий с применением видео-конференц-связи является процедура получения следователем, ведущим производство по делу, полученных процес-

суальных актов и видеозаписи допроса. Так, в ч. 6 ст. 189.1 УПК РФ оформление и направление в срок 24 часа указанных документов и материалов возлагается на следователя, дознавателя, который провел данное следственное действие в месте нахождения допрашиваемого лица. При разъяснении допрашиваемому лицу уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний составляется соответствующая подписка, которая также приобщается к протоколу следственного действия. Как полагаем, кроме такой подписки при необходимости может отбираться другая подписка – о неразглашении данных предварительного расследования. При участии адвоката – к материалам приобщается соответствующий ордер. Как полагаем, в законе указан именно адвокат, не защитник. Это может быть связано с тем, что защитник подозреваемого или обвиняемого находится в месте производства предварительного расследования и в такой ситуации нет необходимости применения видеоконференцсвязи. Адвокат может принимать участие в допросе свидетеля на основании ч. 2 ст. 52, п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189 УПК РФ.

Отдельного внимания заслуживает содержание. 8 ст. 189.1 УПК РФ о запрете проведения перечисленных следственных действий с применением видеоконференцсвязи, если это может повлечь разглашение «государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности». Как полагаем, применение видеоконференцсвязи может существенно усилить гарантии безопасности защищаемого лица и его участия в следственном действии. В ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ, по нашему мнению, устанавливается подобный запрет только в целях недопущения разглашения сведений о защищаемом лице. Поскольку процедура обеспечения безопасности должна быть детально регламентирована, как полагаем, целесообразно дополнить новую часть 9 ст. 189.1 УПК РФ, в которой установить правовую процедуру применения видеоконференцсвязи с участием защищаемого лица.

Кроме дополнения новой ст. 189.1 УПК РФ в законе № 501- ФЗ установлены еще изменения в ст.ст.38, 41 и 166 УПК РФ. Так, ч. 2 ст. 38 УПК РФ, устанавливающей статус следователя, в числе его полномочий по уголовном уделу, дополнен новый пункт 4.1 о праве следователя, ведущего производство по уголовному делу, давать «следователю, дознавателю или органу дознания в порядке, предусмотренном статьей 189.1 настоящего Кодекса, обязательное для исполнения письменное поручение об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым". Если в п.4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ установлено право следователя давать такие поручения органу дознания, то в ном п.4.1 – о его праве давать такие поручения другому следователю о проведении следственных действий с применением

видеоконференцсвязи. Аналогичные дополнения внесены в ч. 3 ст. 41 УПК РФ, дополнением нового пункта 1.3.

Поскольку проведение ряда следственных действий с особенностями процедуры, установленными в ст. 189.1 УПК РФ, имеет специфику, внесены соответствующие дополнения в содержание ст. 166 УПК РФ, указывающей общие правила, предъявляемые к составлению протокола следственного действия.

Таким образом, применение видеоконференцсвязи при проведении допроса, очной ставки или опознания в досудебном производстве дознавателем или следователем следует рассматривать как новое эффективное процессуальное средство, направленное на оптимизацию досудебного производства.

Список источников

1. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 202-211.

2. Ибрагимов Г.И., Ибрагимова Е.М., Бакулина Л.Т. Тенденции системы контроля и оценки результатов образования в высшей школе // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 12. С. 10-14.

3. Бакулина Л.Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex russica (Русский закон). 2016. № 8 (117). С. 9-20; Бакулина Л.Т., Губайдуллин А.Р., Погодин А.В. Реализация права. Казань, 2012.

4. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225-229.

5. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004. Сер. Учебная литература / М-во образования Рос. Федерации, Сыктывк. гос. ун-т.

6. Федеральный закон от 30.12.2021 N 501-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru. 30.12.2021; Российская газета. N 2. 11.01.2022.

7. Зайцев О.А., Епихин А.Ю. К вопросу о чистоте употребления уголовно-процессуальных понятий // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 2. С. 99-102.

УДК 343.13

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЯ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

Наметкин Денис Валерьевич
Доцент кафедры уголовно-процессуального права,
кандидат юридических наук
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Нижний Новгород)

Федулов Андрей Владимирович
Доцент кафедры уголовно- процессуального права
кандидат юридических наук, доцент
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Нижний Новгород)

В статье анализируются результаты досудебного производства и судебного разбирательства уголовных дел в судах общей юрисдикции по первой инстанции в 2020 году и в период, предшествующий распространению коронавирусной инфекции (COVID-19) – 2017-2019 гг. Формулируется вывод о том, что результаты работы органов предварительного расследования и судов общей юрисдикции в 2020 году соответствуют до пандемийным показателям.

Вместе с тем отмечается существенное увеличение в судах общей юрисдикции не рассмотренных уголовных дел, что при более тяжелой обстановке, связанной с распространением заболеваний, представляющих опасность для окружающих может парализовать работу следственных и судебных органов. Предлагаются возможные пути решения проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, распространение заболеваний, представляющих опасность для окружающих, судебное разбирательства, судебный приказ, отказ от уголовного преследования.

CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF THE SPREAD OF A DISEASE THAT POSES A DANGER TO OTHERS

Nametkin D.V., Fedulov A.V.

The article analyzes the results of pre-trial proceedings and trial of criminal cases in courts of general jurisdiction in the first instance in 2020 and in the period preceding the spread of coronavirus infection (COVID-19) - 2017-2019. The conclusion is formulated that the results of the work of the preliminary investigation bodies and courts of general jurisdiction in 2020 correspond to the pre-pandemic indicators. At the same time, there is a significant increase in criminal cases not considered in the courts of general jurisdiction, which, in a more difficult situation associated with the spread of diseases that pose a danger to others, can paralyze the work of investigative and judicial authorities. Possible ways of solving problems are suggested.

Keywords: criminal proceedings, the spread of diseases that pose a danger to others, court proceedings, court order, refusal of criminal prosecution.

В конце декабря 2019 года в мировых средствах массовой информации появились первые сообщения о выявленных случаях не-

© Наметкин Д. В., Федулов А. В., 2022

типичной пневмонии. Причиной нового заболевания стал вирус, получивший официальное название COVID-19. Появилась информация о смертях, обусловленных новым вирусом.

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения заявила, что распространения нового коронавируса приобрело характер пандемии. В это же время на основании Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [1, электронный текст] субъекты Российской Федерации постепенно начали вводить режим повышенной готовности.

Ситуация с распространением этого заболевания осложнялась неизвестностью, связанной с природой, характером и лечением и неясностью в степени готовности и возможности, прежде всего, системы здравоохранения, эпидемиологического надзора и других служб к работе.

Сотрудники следственных подразделений Министерства внутренних дел России и Следственного комитета РФ продолжали, за некоторыми организационно-управленческими ограничениями, работать в прежнем режиме.

На сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) размещена информация о количестве расследованных преступлений (из числа находившихся в производстве или зарегистрированных за отчетный период). Если сравнить показатели в до пандемийные годы с данными первого года распространения вирусной инфекции, то мы увидим следующую картину.

Правоохранительными органами в 2017 году было предварительно расследовано 1117801 преступление, в 2018 – 2,6 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ), в 2019 – 3,2% (АППГ), в 2020 – 1,9% (АППГ) [2, Электронный текст]. Снижение количества расследованных преступлений в 2020 году укладывается в общую тенденцию уменьшения числа зарегистрированных преступлений и возбужденных уголовных дел.

Не смотря на стабильные показатели предварительно расследованных преступлений, в том числе и в первый год распространения инфекции, следует отметить и некоторые сложности, которые носят скорее организационно-управленческий характер, нежели являются следствием несовершенства уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, официально не было разъяснено, как осуществлять производство по уголовному делу в условиях введенного в марте-апреле 2020 года режима самоограничения.

Во-вторых, свидетели, потерпевшие и другие участники уголовного процесса из-за опасения заражения инфекцией ограничивают взаимодействие с должностными лицами уголовного преследования, тем самым затрудняя производство по уголовному делу. Особенно это было в ситуациях нахождения участников на самоизоляции.

В-третьих, оказались неурегулированными вопросы доступа в следственные изоляторы и изоляторы временного содержания адвокатов и сотрудников органов расследования, что ограничило возможности работы с подозреваемыми и обвиняемыми, в том числе и при ознакомлении с материалами уголовного дела.

В-четвертых, от руководителей правоохранительных органов ряда регионов в период «режима самоограничения» поступили указания о приостановлении производства следственных действий на неопределенный срок, без разъяснения порядка продления сроков расследования.

В-пятых, в случаях заболевания или нахождении на самоизоляции следователей (дознавателей) служебная нагрузка перераспределялась на других сотрудников, что сказалось на увеличении сроков и снижении качества предварительного расследования. Так, например, в 2020 году в порядке ст. 237 УПК РФ прокурору было возвращено 14149 уголовных дел, что на 10% больше чем в 2019.

Анализ информации, размещенной на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, позволяет сделать следующие выводы.

Количество уголовных дел, поступивших в суды общей юрисдикции от органов предварительного расследования, ежегодно снижается. Так, например, если в 2017 году судами зарегистрировано 915781 уголовных дел, то в 2018 году – 3,5 % (АППГ), в 2019 году – 7,2 % (АППГ), в 2020 – 5% [3, Электронный текст]. Столь стабильные показатели оконченных производством уголовных дел свидетельствуют

С одной стороны, это закономерно, если уменьшается число зарегистрированных преступлений, возбужденных и расследованных уголовных дел. С другой стороны, мы наблюдаем увеличение числа уголовных дел, не рассмотренных в отчетном году. Если в начале 2017 года было 89660 нерассмотренных уголовных дела, в 2018 + 0,8 % (АППГ), в 2019 году + 1,8 % (АППГ), то в пандемийный 2020 год рост составил + 15% (АППГ) [3, Электронный текст].

Столь высокий процент не рассмотренных уголовных дел, по сути, свидетельствует о том, что судебная система уголовного правосудия в этих сложных эпидемиологических условиях подошла к пределу своих возможностей.

В первую очередь, это можно объяснить тем, что суды, в отличие от органов предварительного расследования, рассматривают не только вопросы, связанные с уголовным судопроизводством, но и гражданские и административные дела, в которых участвует много людей.

Поэтому в судах, в ситуации, связанной с распространением заболевания, представляющего опасность для окружающих, Постановлениями Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ № 808 от 18 марта 2020 г. и № 821 от 8 апреля 2020 года

потребовалось ввести официальные ограничения, значительно усложнившие организацию работы.

За два года государственная власть, общество и граждане адаптировались к жизни в условиях распространения коронавирусной инфекции. Однако эти события показали, что человечество не застраховано от новых катаклизмов, по своей тяжести и опасности не сопоставимых с сегодняшними реалиями. Для того, чтобы новые события не застали нас врасплох, необходимо уже сегодня разработать концепцию государственного управления в условиях кризисных ситуаций, в том числе и в сфере уголовного правосудия.

Проблемы уголовного судопроизводства в условиях развернувшейся пандемии стали предметом анализа ученых [4. с. 84-90; 5. с. 5-15]. В основном предложения касаются вопросов введения полномасштабного электронного, цифрового формата судопроизводства [6. с. 95–101; 7. с. 199–208; 8. с. 57–61].

Однако анализ новых процессуальных форм уголовного судопроизводства не всегда находится на острие научного поиска. Для разрешения сложившейся проблемной ситуации предлагаем:

Во-первых, учитывая, что в суде направляется 80% уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести возможно разработать теоретико-правовую концепцию отказа государства от уголовного преследования в том числе и в условиях распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Отказ от уголовного преследования со стороны государства может быть обусловлен следующими обстоятельствами:

– преступление совершено впервые и не является тяжким или особо тяжким;

– ранее к лицу не был применен отказ от уголовного преследования;

– на отказ от уголовного преследования получено согласие потерпевшего, а возможно и его прощение;

– лицо признает факт совершения преступления, размер причиненного вреда, раскаивается и готов добровольно выполнить все обязательства, которые будут на него возложены в связи с отказом от уголовного преследования, включая обязательное прохождение программ по его социализации.

Специальные программы по социализации могут включать в себя:

– обязательство продолжить (восстановить) обучение в школе;

– приобрести специальность или профессию на курсах;

– устроиться на работу;

– пройти курс медицинского лечения от алкоголизма (наркомании) и т.д.

Во-вторых, рассмотреть возможность применение в уголовном судопроизводстве «приказного производства», хорошо известного отечественному гражданскому процессу (Глава 11 ГПК РФ – «Судебный приказ»). Подобную форму уголовного судопроизводства

целесообразно предусмотреть для производства по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, причинивших малозначительный вред либо создавших угрозу причинения такого вреда и предусматривающих уголовное наказание в виде штрафа. Следует также учесть, что для производства в форме приказного производства собранными по делу доказательствами должен быть установлен факт совершения уголовного проступка или преступления небольшой тяжести, а также установлено лицо, совершившее эти уголовные правонарушения.

Процессуальная форма «приказного производства» обязательно должна учитывать согласие потерпевшего с этой формой производства без исследования доказательств и вызова у участия в судебном рассмотрении.

Кроме этого подозреваемый в ходатайстве должен изъявить свое согласие на применение приказного производства, согласие с имеющиеся в уголовном деле доказательствами своей вины, с предъявленной квалификацией, а также размером причиненного вреда.

Приказное производство в досудебной стадии должно завершиться в срок не более пяти суток, который начинает исчисляться с момента установления совокупности оснований для возможности применения этой процессуальной формы.

Судебное решение по уголовному делу в порядке приказного производства должно принято в течении трех суток с момента его поступления в суд. Постановление о применении приказанного производства является итоговым документом досудебного производства и вынесения отдельного постановления о предании суду по приказному производству не требуется.

Список источников

1. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» URL: http://www.consultant.ru /(дата обращения 20.01.2022). Текст : электронный.

2. Количество предварительно расследованных преступлений (из числа находившихся в производстве или зарегистрированных в отчетном периоде) URL: http://www.fedstat.ru /(дата обращения 20.01.2022). Текст : электронный.

3. Данные судебной статистики URL: http://www.cdep.ru /(дата обращения 20.01.2022). Текст : электронный.

4. Лазарева В.А. Уголовный процесс в условиях пандемии и потом // Юридический вестник Самарского университета 2020. № 6(3). С. 84-90.

5. Андреева О.И. Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020 № 36. С. 5-15.

6. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

7. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–208

8. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–61.

УДК 343.2/.7

К ВОПРОСУ ЭКСТРЕМИЗМА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Некрасов Иван Сергеевич
Преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России

В статье рассматриваются причины и последствия идеологии экстремизма в молодежной среде. Отмечается, что во время усиливающегося внешнего давления на Россию идеология экстремизма становится одним из действенных средств дестабилизации общественной жизни, направленным на обострение имеющихся в ней противоречий. История «цветных революций», прокатившихся в начале двадцать первого столетия по всему миру, убедительно демонстрирует высокую эффективность современных социальных технологий её насаждения и культивирования в развивающихся странах. Как показала практика, наиболее подвержено её влиянию неокрепшее общественное сознание молодежи, принимающие за чистую монету экстремистские программы и лозунги, призывающие к свержению легитимных правительств и законно избранных лидеров.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, молодежный экстремизм, молодежь, профилактика.

EXTREMISM IN THE MODERN LIFE OF YOUTH

Nekrasov I.S.

The article discusses the causes and consequences of the ideology of extremism among the youth. At a time of increasing external pressure on Russia, the ideology of extremism is one of the most effective means of destabilizing public life, which is aimed at exacerbating the contradictions that exist in it. The history of the "color revolutions" that swept around the world at the beginning of the twenty-first century convincingly demonstrates the high efficiency of modern social technologies for planting and cultivating it in developing countries. As practice has shown, the fragile public consciousness of young people is most susceptible to influence. Young people accept as truth extremist programs and slogans that call for the overthrow of legitimate governments and legally elected leaders.

Keywords: extremism, extremist activity, youth extremism, youth, prevention

Главная угроза в безопасности конституционного строя государства в XXI веке представляет экстремизм. Ведь экстремизм влияет на нормальное функционирование государства мирового сообщества, в связи с чем, государства должны, даже обязаны, всеми силами противодействовать данной угрозе. Проблема борьбы с таким феноменом является наиболее важной и актуальной в настоящее время, которая затрагивает все мировые дружины, в том числе и Российскую Федерацию.

Из анализа правовой доктрины, мы видим, что на каждом этапе развития человеческой цивилизации, уже много тысячелетий, экстремизм остается главенствующей задачей, и лишь с каждым годом данная проблема набирает свою актуальность и ценность.

© Некрасов И. С., 2022

Чтобы выявить основные проблемные вопросы в борьбе с таким преступным явлением, как экстремистская деятельность, необходимо в первую очередь определить понятия данного феномена.

Однако, анализируя опыт зарубежных стран, мы видим, что в некоторых государствах (США, Франция) [1, с. 107], не смотря на их положительный опыт в сфере борьбы с экстремизмом, общего понятия этого феномен ни в научных трудах, ни в законодательстве, так и не было сформулировано.

В настоящее время очень много работ посвящено проблематике экстремизма, однако существует проблема формулировки единого подхода к определению рассматриваемого понятия. Некоторые ученые трактуют его, как «приверженность к крайним толкованиям» [2, с. 107], другие придерживаются мнения, что экстремизм это «крайняя форма интолерантности, соединенной с агрессией и насилием как методами выражения непримиримости» [3, с. 107]. Существует и третье группа ученых, которые высказываются, что не следует стремиться к выработке общего определения экстремизма.

Российское законодательство, сформулировало данное понятие достаточно широко. Так, в статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» № 144-ФЗ от 25.07.2002 года, трактуется, что «экстремистская деятельность и экстремизм это тождественные понятия и представляют собой: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; и т.д.

Большой энциклопедический словарь, под «экстремизмом» понимается как, приверженность к крайним взглядам и мерам. Отсюда мы видим, что данная формулировка, не дает нам четкого понимания в рассматриваемой проблеме, поэтому под экстремизмом можно считать любое отклонение от среднестатистического взгляда, что есть ошибочно [4, с. 107]. Автор проекта Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», аналогично не дает нам чёткого определения, а лишь конкретизирует перечень, тех самых крайних взглядов и мер, про которые нам говорит словарь. Остается вопрос, что же такое «экстремизм»?

Перейдя к истокам международного права, мы увидим, что первое официальное упоминание об экстремизме, было дано в положениях Декларации о мерах по ликвидации международного терроризм, которая была принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 09.12.1994 г. № 49/60. Однако и тут мы не нашли определения понятия, а лишь в ней указывалось, что в мире, все чаще стали совершатся акты терроризма, в основе которых лежит экстремизм, причем первый выступает в качестве причины второго.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174 в своем положении, придает экстремизму качественную характеристику. А также анализируя исходящие все угрозы, признает терроризм наиболее радикальным проявлением экстремизма, и уходит от выработке официального закрепления понятия «экстремизм».

Первым шагом осознания угрозы мировому сообществу со стороны экстремизма и создания нормативно-правового обеспечения в борьбе с данным феноменом, стала Парламентская Ассамблея Совета Европы (далее ПАСЕ). В 2003 году ПАСЕ ввела обобщающий термин «Экстремизм», под которым понимала некую форму политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии. Сформулированное понятие не совсем раскрывало сути данной проблемы, а лишь демонстрировало узкий подход к пониманию, ведь в стороне остались такие противоправные деяния как (расовые, религиозные и др.).

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, детально формулирует определение «экстремизм». Так в п.3 ст. 1. указано, что экстремизм – это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, на насильственное изменение конституционного строя государства, насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях не законных вооруженных формирований и участие в них [5, с. 38].

Исходя из вышесказанного, отметим, что согласно национального законодательства Российской Федерации, определения «экстремизм» и «экстремистская деятельность» рассматриваются как эквивалентные, что является не совсем правильным, ведь экстремизм – это не только экстремистская деятельность, но и определенная идеология, а экстремистская деятельность в свою очередь – это практика применения идеологии экстремизма и конкретные формы ее реализации.

Подводя заключение по определению понятия «экстремизм» мы видим, что при отсутствии четкого описания, вводится неопределённое, двусмысленное понятие «экстремизм», наделявшее правоприминителя принимать решения, согласно его субъективного мнения. Тем самым, происходит «разгул» для правоохранительных органов. В связи с чем, считаем, целесообразно сформулировав понятие «экстремизм». Экстремизм – это идеологическая позиция, основанная на национальной, религиозной, политической или расовой ненависти либо вражде в отношении личности или государства, направленная против основ конституционного строя и безопасности государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Приведенное нами сконструированное общее понятие станет возможным и пригодным для судебной деятельности, и решить проблему квалификации.

Приверженность к идеологии экстремизма не поддается логической оценке здравомыслящими людьми, однако из года в год мы можем наблюдать рост преступлений, так согласно статистическим данным в Министерстве внутренних дел Российской Федерации зафиксировано в 2021 году рост числа преступлений экстремистской направленности и снижение количества преступлений террористического характера на 27% за год. По данным МВД РФ, в январе-декабре 2021 года было зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности (рост в сравнении с АППГ составил+26,9%). Из них было раскрыто 908 преступлений экстремистского характера (+34%). Отмечается, что в основном преступления были совершены по политическим мотивам.

Мировое общества XXI века развивается, а также и развивается информационно-телекоммуникационные технологии, что позволяет сделать вывод, что в условиях современности информация становится основным инструментом достижения различных целей в мире, в процессе сбора, обработки, хранения, передачи и распространения.

Таким образом, информационное поле создает потенциально опасные угрозы жизнедеятельности государств, это касается экстремизма и экстремистской деятельности, которые с каждым годом подвергаются мутации в информационной сфере. Таким образом, у правоохранительных органов появилась новая задача – противодействия экстремизму в сети Интернет.

Существует отдельная ветвь экстремизма – «молодежный экстремизм», данная ветвь вызывает наибольшую значимую проблему, ведь главной опасностью данного направления, это воздействие вербовщиков на понимание и восприятия ценностей молодежи.

В современной правовой науке, присутствует ошибочное мнение о том, что «молодежный экстремизм» является тенью «взрослого», и в отдельности не может представлять какую-либо опасности, к сожалению это не так, ведь современный молодежный экстремизм характеризуется высокой степенью агрессивности и жестокостью.

Сегодня, согласно статистическим данным, основной возрастной показатель лиц входящих в радикальные группировки, это лица 16-30 лет. Наиболее незащищенными перед противостоянием экстремизму, оказались школьники. Данная возрастная категория в силу своей возрастной специфики и неокрепшей психики, наиболее подвержены манипуляции и становятся «мишенью».

Политолог Ю.М. Антонян, отмечал, что молодому поколению присуще такая черта экстремистского сознания, как деление всего мира на две стороны: первая сторона, это «мы» (правильные, умные, красивые и т.д.) и вторая сторона, «они» (плохие, злые, угрожающие «нам») [6, с. 58].

Сегодня имеется такая тенденция, что у молодежного поколения помимо положительного поведения, стали проявляться тревожные для общества симптомы инфантильности молодежи, а именно вовлеченная молодежь, начинает пренебрежительно относятся закону, игнори-

рует другие точки зрения, у них отсутствуют культурные и духовные ценности, в результате чего, идут на совершения преступления. Не случайно, В.В. Путин, выступая на ежегодной коллегии МВД РФ, отметил, что необходимо искоренять данную «болезнь», и делать это «Самым жестким образом», также Президент отметил, что силовые структуры должно реагировать на любые экстремистские проявления, не зависимо от того, от кого они исходили или исходят.

Характер экстремистских преступлений за последние годы значительно изменился, если еще пару лет назад, экстремистом считалось лицо, которое занималось подпольной деятельностью, в подготовке или совершения актов экстремизма (массовые протесты, нападения и т.д.), то сейчас согласно судебной практики, привлекают к ответственности лица, которые в своем роде являются «компьютерным пользователем», деятельность которого направлена на размещение (перепубликация) разного рода изображения, видео-аудио материалов, и не связана с осуществлением насильственных преступлений на идеологической почве.

Как отмечают В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, основными факторами, влияющих на проявление экстремизма в молодежном поколении являются: низкий уровень доверия к власти, а также низкий уровень материального положения, вызванные небольшим размером заработной платы [7, с. 58].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод что авторы, верно, указывают, что при определенных негативных условиях у молодежи могут, при воздействии третьих лиц, проявиться экстремистские наклонности.

Важным направлением в противодействия экстремизма в России, а также у любого государства из мирового сообщества, является его профилактика, т.е. предупредительная работа.

В современных реалиях эффективное противодействие проявлениям экстремизма требует постоянного поиска новых решений, так как эта особо опасная сфера развивается и вырабатывает изощренные схемы совершения преступлений. Для их своевременного выявления и профилактики следует внимательно изучать передовой зарубежный опыт.

Анализирую зарубежный опыт в борьбе с экстремизмом, мы видим положительную динамику в реализации программ по противодействию экстремизму, в которую включают не только правоохранительный, но и социальный, правовой, пропагандистский, информационный, специальный (оперативный, розыскной, технический) и другие аспекты, в которых реализуются информационно-поисковые и информационно-разведывательные формы противодействия.

В борьбу с данным феноменом привлекаются как граждане, так и органы местного самоуправления, церковь, общественные организации, а также учебные заведения, в задачи которых включены:

1) активная гражданская позиция, проявляющаяся в антиэкстремистских выступлениях граждан в средствах массовой информации;

2) сообщения о подозрениях в Центрального разведывательного управления (ЦРУ) и Федерального бюро расследований (ФБР);

3) сотрудничество с правоохранительными органами.

Во многих европейских государствах вышеуказанные программы имеют положительное влияние на профилактику экстремизма. К примеру, одна из программ, это просвещение граждан. Данная программа направлена на предварительную подготовку граждан по борьбе с экстремизмом. В рамках данной программы государственных органов предоставляют информацию о степени экстремистских угроз, мерах, которые предпринимаются и т.д. Также решала вопрос о помощи в социальных проблем.

Главная роль в противодействии экстремизму отводится учебным заведениям. Которые в равной степени как учреждения профессионального образования направляют свою деятельность на проведение разъяснительной работы среди школьников, родителей, об опасности идеологии экстремизма, что в конечном итоге в будущем сформирует у молодежи негативное отношение ко всем видам экстремизма.

В тоже время в современных условиях возрастает необходимость организационно–педагогической поддержки детскоюношеского движения позитивной направленности, которая поможет в самореализации подростков. В целях формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма в молодежной среде важным направлением становится научение их умению познать самих себя, умению конструктивно и толерантно отстаивать свою позицию, с уважением и пониманием относится к многонациональным традициям и культурам. Ведь именно молодежь является тем звеном, через которое практически реализуется преемственность поколений, происходит накопление опыта и интеллектуального потенциала нашего общества.

В настоящее время в обществе принимаются меры направленные на улучшение жизни населения: внедряются нацпроекты в области строительства доступного жилья, образования, медицины и др.

Подводя итоги работы можно отметить, что экстремизм являясь видом преступления, носит межнациональный, транснациональный, мировой характер. Борьба с экстремизмом должна быть безпрерывной, профессиональной, научной и эффективной. Государство должно создать научную почву институту противодействия экстремизму с помощью создания академического – профессионального состава лекторов. Государство должно проводить различного рода образовательные мероприятия, связанные с противодействием экстремизму, необходимо уделит особое внимание интернет ресурсам, а также пополнит кадровый состав технических отделов высококвалифицированными

Список источников

1. Голованова Н.А. Экстремизм в Великобритании: способы противодействия // Н.А. Голованова // Журнал российского права. 2014. №4. С. 102-111.

2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. №. 8. 2015.С. 115-118.

3. Романова Т.В., Петрова И.Н. Сущность и содержание понятия «экстремизм» и педагогические формы его профилактики в студенческой среде // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. № 1 (97), 2018. С. 117-123.

4. Большой энциклопедический словарь. Москва: ООО «Издво АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2003.

5. Брунер Р.А. Международно-правовое понятие экстремизма (экстремистской деятельности) URL: https://www.sovremennoepravo.ru (дата обращения 25.01.2022). Текст: электронный.

6. Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна. Москва: Аспект Пресс, 2006 С. 58.

7. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.

УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЛИЧНОСТЬ, СОВЕРШЁННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Подольная Наталья Николаевна
Доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат экономических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Развитие информационно-коммуникационных сетей помимо удобства для человека создаёт для него и опасности, одной из которых является их способность становиться средством посягательства на права, свободы и законные интересы личности. Контент-анализ сообщений правоохранительных органов и средств массовой информации показывает, что распространение случаев таких посягательств вызывает обеспокоенность общества проблемой эффективной защиты личности от них. В уголовном законодательстве создана соответствующая система норм, которая, однако, нуждается в совершенствовании, что обуславливает необходимость её исследования и обсуждения в контексте решения возникающих проблем развития общества.

Ключевые слова: преступное посягательство на личность; информационно-коммуникационные сети; унижение человеческого достоинства; кибербуллинг.

PROBLEMS OF CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION AGAINST PERSONAL ATTACKS COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION NETWORKS

Podolnaya N. N.

The development of information and communication networks, in addition to convenience for a person, creates dangers for him, one of which is their ability to become a means of encroaching on the rights, freedoms and legitimate interests of the

© Подольная Н. Н.., 2022

individual. Content analysis of law enforcement agencies and mass media reports shows that the spread of such cases causes public concern about the problem of effective protection of the individual from such attacks. A corresponding system of norms has been created in criminal legislation, which, however, needs to be improved, which necessitates its research and discussion in the context of solving emerging problems of society's development.
Keywords: criminal encroachment on personality; information and communication networks; humiliation of human dignity; cyberbullying.

Влияние информационно-коммутационных технологий выражается в том, что их развитие существенно изменяет деятельность человека и среду его общения [1], а жизнь современного общества в XXI веке становится всё более «нематериальной» [2]. Расширение возможностей современной электронной связи и развитие цифровых технологий способствуют улучшению качества жизни человека с точки зрения удовлетворения его социальных потребностей, благодаря созданию у человека ощущения его присутствия там, где он хотел бы находится, для общения расстояние перестало иметь значение, взаимодействие между людьми происходит в глобальном масштабе. Благодаря развитию современных технологий связи появились возможности быстрого поиска и получения информации, которая необходима конкретному человеку, формирования аудитории для общения и круга единомышленников порой даже среди ранее незнакомых людей, приобретения новых знакомств, обмена мыслями, взглядами и идеями. Электронные средства связи создали благоприятные условия даже для того, чтобы изливать эмоции. Возможным стало даже анонимное общение, когда собеседники, не зная друг друга имеют возможность общаться друг с другом, преследуя самые различные цели. Современная электронная связь позволила создать социальные сети – феномен общения, в которое вовлечены множество людей одновременно. Благодаря своей массовости они имеют возможность влиять на общественное мнение и даже формировать его по самым различным вопросам в отношении самых различных людей. Социальные сети не только способствуют реализации потребности человека в общении с другими людьми, но и позволяет человеку самореализоваться, сформировать свой социальный статус. Благодаря социальным сетям человек иногда получает то, чего он не мог получить в обычной реальной жизни – он получает виртуальное общение, виртуальный мир и даже виртуальные ценности, которые обеспечивают ему чувство собственного достоинства. Социальные сети иногда даже вытесняют и заменяют реальность для отдельных людей, которые в большей мере живут в них.

Электронная связь и цифровые технологии создают массу удобств (оплата услуг, получение заработной платы, банковское обслуживание, покупку товаров и т.п.). Они позволяют контролировать массу, в том числе бытовых, процессов (например, система «умный дом»). Благодаря им изменяются характер труда и его структура, имеется возможность выполнять целый ряд трудовых функций

(«электронный коттедж»). То есть, человеку обеспечивается комфортная среда обитания. Цифровые технологии существенно повышают эффективность труда в самых различных сферах человеческой деятельности. Благодаря им обеспечивается высокое качество товаров и услуг. Они позволяю эффективно осуществлять контроль за качеством производственных и иных процессов, важных для общества. Электронная связь и цифровые технологии уже стали важным элементом повседневной жизни человека, общества и государства. Они уже значительно повысили качество жизни, обеспечили высокий уровень комфорта, но продолжают развиваться, создавая новые возможности в реализации потребностей человека. Благодаря им человек уже живёт в двух реальностях: в обычной, в которой он всегда жил, и в виртуальной, которая сформировалась благодаря цифровым технологиям и возможностям электронной связи. От этих двух реальностей зависит самовосприятие человека, его собственное представление о своём месте в обществе. Виртуальная реальность обладает компенсаторным эффектом: человек в обычной реальности не представляет из себя ничего значимого, то он может это компенсировать в виртуальном мире. Это часто является причиной, когда конкретные люди отказываются от обычной реальности и уходят в виртуальную. Замечательным для них качеством виртуальной реальности является возможность создания иллюзий, которые становятся элементом этой виртуальной реальности.

Всё имеет, как положительные, так и отрицательные стороны. Электронная связь и цифровые технологии не являются исключением из этого правила. Негативной стороной электронной связи и цифровых технологий является то, что созданный на их основе виртуальный мир часто оттесняет на второй план, а то и вовсе подменяет, обычный, реальный мир. Из-за этого человек отрывается от реально существующего общества: от своих близких, друзей, знакомых и принимает совершенно иные ценности и ориентируется на фантомы. Этот виртуальный мир для него становится настоящим в то время, как мир действительно реальный, в котором он родился и стал жить, начинает восприниматься, как несущественный, неважный, а потому, как менее значимый по сравнению с виртуальным. Его настоящая жизнь переносится в этот виртуальный мир, а потому события, которые в нём происходят становятся для него особенно значимыми. Они его могут радовать и могут печалить, а в некоторых случаях даже ранить.

Говоря о механизме мотивации поведения человека важно понимать, что его элементом являются эмоции – важный побудитель поведения человека. Люди, пользующиеся социальными сетями, становятся от них зависимыми не только интеллектуально, но и эмоционально. Социальные сети влияют на их эмоции, интеллект и волю. Они становятся средством управления человеком, который перестаёт критически воспринимать доводящуюся до него информацию, а принимает её такой как она есть к действию. Это делает элек-

тронные средства связи, цифровые технологии, интернет, социальные сети идеальным средством влияния на человека. Они могут использоваться даже в качестве орудия преступления.

В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) уже имеется немало составов преступлений, где в качестве способа их совершения, названы средства электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети "Интернет"), количество их будет только расти, судя по сложившейся уже динамике частоты употребления терминов, их обозначающих (если по состоянию на январь в 2015-2016 годы – 23, 2018 – 39, 2019-2020 – 43, 2022 – 65).

Способ совершения преступления с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет" активно применяется против личности. Так, п. «д» ч. 2 ст. 110 предусматривает уголовную ответственность за доведение до самоубийства с использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) [3]. Предусматривается уголовная ответственность за склонение к самоубийству, а также за содействие в самоубийстве с применением информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) (п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ). В качестве квалифицирующего признака состава преступления против жизни и здоровья личности информационно-телекоммуникационные сети (включая сети Интернет) рассматриваются в ч. 2 ст. 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства). Информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет) рассматриваются в качестве квалифицирующего признака преступления ч. 2 ст. 128.1 УК РФ (Клевета). Квалифицирующим признаком использование информационно-телекоммуникационной сети является в составе преступления, предусмотренном ч. 3 ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни).

Криминализация отдельных деяний введением в уголовный закон соответствующих составов была только недавно, в ответ на факты совершения деяний, причинявших значительный вред человеку, обществу и государству. В частности, ответом на деятельность лиц, которые, используя социальные сети, побуждали несовершеннолетних совершать самоубийства, стало принятие норм уголовного законодательства, устанавливающих уголовно-правовой запрет и уголовную ответственность за указанные деяния. В 2017 году в УК РФ были введены статьи 110.1, 110.2, которыми установлена уголовная ответственность за склонение к самоубийству, а также за содействие в самоубийстве и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Государство сочло необходимым защитить человека от преступного посягательства на важнейшую ценность – жизнь человека. Криминализация данных деяний стала ответом на их массовое распространение и на тот вред,

который ими причиняется. Эти нормы подчёркивают существенное увеличение общественной опасности в случае использования в качестве средства совершения преступления информационно-коммуникационных средств. Этим объясняется необходимость установления более жёсткой уголовной ответственности за данные деяния. Так, если за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110.1 УК РФ (без использования информационно-телекоммуникационных сетей) предусматривается наказание до двух лет лишения свободы, то за совершение преступления, предусмотренного п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, с применением информационно-коммуникационных сетей – до четырёх лет лишения свободы. Исходя из этого преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести, а преступление, предусмотренное п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, – преступлением средней тяжести. Это указывает на то, что использование при совершении преступления против личности информационно-телекоммуникационных сетей с точки зрения государства повышает общественную опасность соответствующего деяния.

Особо следует отметить то, что информационно-телекоммуникационные сети кардинальным образом изменяют отношения в обществе, наполняя их новым содержанием. Обычное общение с целью обмена информацией и эмоциями существенно отличается от общения посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Помимо изменения технического уровня обеспечения этого общения изменяется и его качество. Так, наряду с возможностью охвата общением более широкого круга лиц, имеется также возможность обеспечения определённой анонимности, которая способна снять отдельные ограничения в выборе тем и форм общения. Общение посредством информационно-коммуникационных сетей может достигать большей доверительности, что является не только информационно-, но и эмоционально-привлекательным, сети способны обеспечить общение именно тем собеседником, который для человека более привлекателен своими взглядами, социальной позицией, авторитетом или какими-то иными качествами. Такое общение способно вызывать откровенность, что в глазах человека повышает его значение: можно поделиться с другим человеком своими эмоциями, увидеть его сочувствие, но, при этом, с ним не встречаться в реальной жизни и больше не заговаривать о теме откровения ровно до тех пор, пока в этом вновь не возникнет потребность. В этом просматривается совершенно иное, ранее неизвестное и недосягаемое качество общения, которое дали информационно-коммуникационные сети. Это привлекает людей, поскольку они имеют возможность излить душу и вместе с тем, остаться сохранить полную или частичную анонимность, а иногда лишь иллюзию анонимности, что часто бывает вполне достаточным. Человек может не называть себя и вместе с тем общаться. Даже назвав себя собственным именем в таком общении, он всё равно может чувствовать себя

анонимом, поскольку с тем, кто с ним общается может многое, порой самое важное о нём не знать. Всё это меняет качество общения, когда используются информационно-коммуникационные сетей.

Однако, наряду с возможностями, развитие информационно-коммуникационных сетей таит в себе опасности. Может показаться, что общение посредством информационно-коммуникационных сетей делает человека неуязвимым и не способно как-то причинить ему вред. Однако это лишь иллюзия. Как показывает практика, напротив, такое средство коммуникации может усиливать все негативные свойства общения, которым достаточно сложно бывает противостоять. В настоящее время приходит понимание обществом того, насколько опасным в общении может быть использование информационно-коммуникационных сетей. Оно начинает видеть те посягательства, возникающие на основе использования информационно-коммуникационных сетей, которые способны причинить наибольший вред человеку, конституционным правам, включая право на жизнь. Отдельные из этих посягательств, которые уже были упомянуты, были только недавно криминализированы с целью защитить человека. Однако в настоящее время общество встревожено массой фактов, свидетельствующих о новых формах злоупотребления информационно-коммуникационными сетями, когда ставится под удар личность человека, его права. Это факты, когда конкретную личность стремятся дискредитировать (в отдельных случаях даже в собственных глазах), вывести из состояния душевного спокойствия, причинив тем самым ей максимальный вред. Мотивы к подобного рода действиям могут быть самыми разными, что не влияет на повышенную степень общественной опасности данных деяний. Уязвимыми для них являются наименее защищённые граждане – несовершеннолетние, престарелые, лица, страдающие различными заболеваниями, инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья. В связи с этим, государство должно предпринимать меры к обеспечению гарантий их защиты от названных посягательств.

В настоящее время всё настойчивее ставится вопрос о такой форме преступного посягательства с использованием информационно-коммуникационных сетей, как «кибербуллинг» (cyberbullying) [4].

Кибербуллинг – это травля человека, которая осуществляется посредством информационно-коммуникационных каналов связи с целью его третирования, унижения. Особенность состоит в том, что с её помощью стремятся к тому, чтобы человек сам поверил в собственную никчёмность, непригодность для общества, чтобы он разочаровался в себе, как в личности. Всё это ведёт не просто к утрате чувства комфортности, благополучия, но и к психической нестабильности. Это может стать даже причиной неврозов и других душевных недугов.

Буллинг хорошо известен в подростковой среде и объясняется издержками процесса социализации. Желание занять какое-то значимое социальное положение в коллективе подростков может при-

водить к стремлению вытолкнуть из этого коллектива лиц, которые претендуют на такое же социальное положение. Это очень жестокий приём по отношению к подросткам, в отношении которых такая травля производится, поскольку приводит к эмоциональным срывам, проблемам в обучении и в выстраивании отношений с обществом (причём не только с соответствующей социальной группой). Негативный эффект значительно усиливается при применении информационно-коммуникационных сетей, поскольку те позволяют воздействовать на подростка в режиме 24/7.

Кибербуллинг в настоящее время обрёл такие масштабы, что в круг его потенциальных жертв попадают не только подростки, но и представители других возрастных групп, пользующихся информационно-коммуникационными сетями [5]. Он обусловлен не проблемами молодёжного возраста, а вполне определёнными мотивами и целями. Это может быть неприязнь, месть и другие низменные побуждения, стремление подтолкнуть к определённым действиям. Встречаются случаи, когда действия лица, осуществляющего травлю, обусловлены его собственными проблемами, связанными с нестабильностью его психики. Для кибербуллинга характерно осуществление круглые сутки и лицо, которое его осуществляет скрывается за анонимностью, обеспечиваемой различными средствами, предоставляемыми интернет-технологиями (в частности, это может быть ложный аккаунт и другие способы). Анонимность формирует чувство вседозволенности и безнаказанности у лица, ведущего травлю, позволяет ему подбирать самые крайние и агрессивные формы проводимой травли. При этом часто используется обсценная лексика, как форма выражения, которая способна в наибольшей мере унизить конкретного человека, его достоинство.

Утверждать то, что кибербуллинг (то есть травля в информационно-коммуникационных сетях) не преследуется по закону нельзя. Доведение до самоубийства посредством систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего с использованием информационно-коммуникационных сетей предусмотрено п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Здесь по сути законодатель описывает именно то, что принято называть кибербуллингом, поскольку, как было сказано выше, травля предполагает унижение человеческого достоинства, что является признаком названного состава преступления. Однако названный состав также включает в себя наличие последствий – самоубийства. При отсутствии названных последствий, а только при наличии систематического унижения достоинства, то есть, по сути, травли состава данного преступления не будет. Поэтому сама по себе травля (кибербуллинг) данным составом не охватывается. Составы преступлений, предусмотренные ст. 110.1 и 110.2 УК РФ не предусматривают в качестве признака преступления унижение человеческого достоинства. Тем более не предусматривается уголовная ответственность за унижение человеческого достоинства посредством использования информационно-коммуникационной связи.

То есть, сама по себе травля не будет уголовно-наказуемой до тех пор, пока она не приведёт к самоубийству. Обоснованной в связи с этим можно считать постановку следующих вопросов. Стоит ли ждать, когда наступят эти общественно опасные последствия? Не должно ли государство и общество предотвращать такие негативные последствия? Ответ вполне очевиден: необходимо признать преступными уже саму по себе травлю, которой унижается человеческое достоинство. Тем более, что общественная опасность таких действий вполне очевидна и не вызывает никаких сомнений. Ожидание того момента, когда организованная травля приведёт к трагическим последствиям, безнравственно, а потому недопущение их, пусть даже посредством привлечения к уголовной ответственности, – это с точки зрения нравственности оправдано. Поэтому необходима криминализация данного деяния, включением соответствующей нормы в УК РФ. Это соответствовало бы запросу, который сформировался на настоящий момент у общества, и справедливости, которая требует воздаяния за содеянное, представляющее общественную опасность.

Список источников

1. Кореньков В.В. Достижения информационных технологий и их влияние на человека/ В.В. Кореньков // Вестник Международной академии наук. Русская секция. Физико-технические науки. 2012. № 2. С. 56–60.

2. Ильин А.Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения / А.Н. Ильин // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 167–176.

3. Бычкова А.М. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.М. Бычкова, Э.Л. Раднаева // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 101-115.

4. Волчецкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. Т. 15. № 5. С. 578-591.

5. Бочкарева, Е.В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е.В. Бочкарева, Д.А. Стренин // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 91-97.

УДК 343.13

«МАГИЯ» ПРИЗНАТЕЛЬНЫХ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО

Поляков Михаил Петрович
Доктор юридических наук, профессор
Нижегородская академия МВД России (НА МВД РФ)

В статье рассматривается значение признания обвиняемым своей вины для установления истины по уголовному делу. Авто обращает внимание на то, что данное признание имеет не только доказательственное, но и политическое значение. Признание обвиняемого является важнейшим ритуальным актом, позволяющим удостоверить истину, полученную в результате предварительного следствия.

Ключевые слова: обвинение, признание вины, обвиняемый, розыскной процесс, инквизиционность

THE «MAGIC» OF THE ACCUSED'S CONFESSIONS

Polyakov M. P.

The article examines the significance of the accused's admission of guilt for establishing the truth in a criminal case. The author draws attention to the fact that this recognition has not only evidentiary, but also political significance. The confession of the accused is the most important ritual act that allows to certify the truth obtained as a result of the preliminary investigation.

Keywords: accusation, admission of guilt, accused, search process, inquisition

«Новое – это хорошо забытое старое». Кто же не знает эту замечательную поговорку. Нередко именно ее приводят в качестве упрека исследователям, пытающимся присвоить своей скороспелой научной находке статус открытия, лишний раз напоминая им, что все давно неново под «научным» солнцем и, что всякое «великое» прозрение есть не более, чем свидетельство весьма скромной эрудиции претендента на открытие. Упрек этот, однако, относится к исследователям, а не к древним идеям, с которыми они встречаются и которые принимают за новые и безымянные. Впрочем впору перестать пенять на это и исследователям. Настало время, когда от упреков открывателям старых истин следует переходить к их похвале и поощрению. Возвращать и освобождать от исторической ржавчины старые истины – это не такое уж порочное и тем более бесполезное занятие для юридической науки. В наше время, когда научная новизна больше ассоциируется с оригинальностью, которая в свою очередь не всегда отличима от банальности, задача археологических раскопок идей становится весьма важной для научного поиска. И здесь не столь важно авторство идеи (как известно, идеи вообще не должны «облагаться» авторским правом), сколь значима сама идея, сам принцип, который случайно или целенаправленно возвращается в поле научного осмысления. Именно этим и призваны заниматься уголовно-процессуальная идеология и концептология –

© Поляков М. П., 2022

направления, разрабатываемые Нижегородской (Томинской) школой процессуалистов [1].

Лозунг научной школы – «Не идите по следам древних, но ищите то, что искали они» – как раз и нацеливает исследователей на особое отношение к бытию идей, питающих энергией уголовное судопроизводство. Именуя себя школой живого уголовного процесса, мы тем самым формируем и особый подход к идеям, полагая, что последние живут независимо от того помним мы о них или нет. Старые и вечные идеи стараются не позволить забыть их. Идеи жаждут нового воплощения, они пробиваются к жизни, призывают к себе новых людей, проникают в их сознание напрямую, минуя библиотечные хранилища или же, напротив, подсовывают неофитам и матерым ученым старые книги.

Отношения «старого» и «нового» в научной сфере очень тонкие. Сегодня новое не вытесняет старое. Вакуум новых идей создает притяжение для древних концептов, вдыхает в привычные формы новые (хорошо забытые старые) смыслы. Поэтому сегодня можно чуть перефразировать поговорку, с которой мы начали эту статью, сформулировав ее как задачу – «Новое – это хорошо открытое старое». Забытые старые смыслы нужно реанимировать в научной памяти и ставить на службу современной науке. Ценность некоторых идей науке нужно оценивать эпохами и эрами, а не пятилетками. «Вечное» и «нетленное» – вот что должно быть мерилом научной ценности, а не только «свежее» и «ни на что не похожее» (оригинальное). Для современной научной бюрократии старость научных результатов наступает уже через пять лет после их опубликования. Именно этот хронологический показатель научной активности учитывается в разных формальных ситуациях: при включении в составы диссертационных советов, при присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий, при замере рейтингов. Впрочем данные научного рейтинга вузовского работника стареют еще быстрее, ежегодно.

Суетливость исследователей, быстротечность исследований и скоропортящиеся научные результаты никогда не красили науку и не составляли ее идеала. Наука – это не та среда, где приветствуется лишь скорость и количество. К псевдонаучному мельтешению нас вольно и невольно нас подталкивает современная библиометрия, с ее показателями научной активности. Мы не беремся оценивать плюсы и минусы наукометрического подхода. Это прекрасно сделал наш коллега профессор В.А. Толстик [2]. Мы лишь хотим подчеркнуть, что установка на постоянное приращение и обновление научного знания не должна отрицать научного интереса и стремления к вечным истинам, к незыблемым законам природы. Цели, к которым по миссии своей должна быть устремлена наука, не имеют срока годности, как не имеют срока годности и подлинно научные результаты. Производство краткосрочных сюжетов – удел журналистов, ученый же призван творить знания, которые останутся в копилке человечества на века.

Именно поэтому наука должна выражаться не только в условных показателях. Исследователь не должен превращаться в набор цифр. Он счастлив чувствовать себя искренним искателем истины и исследователем тайн природы. А это возможно лишь при условии, что наука сохранит свои фундаментальные принципы, среди которых всегда на первых ролях были – Красота, Величие, Важность. К сожалению, эти установки сегодня уходят на второй план, а то и вовсе забываются. Современные скороспелые публикации в большинстве своем не несут в себе зернышек разумного, доброго, вечного. Поэтому, чтобы прикоснуться к красоте и величию своего научного предмета, приходится отправляться в глубокую древность.

Но чтобы попасть туда, мало просто принять такое решение? Нужно найти и источник, который бы подарил высокое понимание предмета, кажущегося современникам простым и понятным, а от того скромным, а порой и жалким. Юридическая наука, будучи наукой весьма политизированной, очень часто любит сжигать достижения предшественников, которые не вписываются в новые идеологические концепции, выдаваемые за новую объективную методологию. От старых великих концепций остаются в лучшем случае лишь имена. Можно допустить, что в подобном подходе юридическую науку особо упрекать не стоит, ибо она наука боевая и практичная, нацеленная на конкретный жизненный результат. Именно такова и наука уголовного процесса. Ее задача не описывать, а преобразовывать действительность в угоду конкретному историческому моменту. Казалось бы, практикам не нужна глубокая беспристрастная теория, им не нужны знания древних предпосылок. Практикам нужна рабочая нормативная формула, обеспечивающая эффективность деятельности. Вместе с тем, это слишком узкая трактовка настоящих практических интересов и потребностей. Как известно, нет ничего практичнее хорошей теории. Настоящий профессионал должен владеть не только знанием законов, но и знанием принципов. Причем не тех принципов, которые сформулированы тем же законодателем, но и настоящих начал уголовного судопроизводства. Глубокое постижение профессии, причастной к ведению уголовного процесса, предполагает знание о сущности и глубоких корнях уголовно-процессуальной деятельности. И это актуально не только для уголовного судопроизводства. Не случайно ведутся поиски праотцов для различных государственных органов. В свое время налоговая служба признала своим первым «сотрудником» евангелиста Матфея. Он же, как выяснилось, оказался и первым таможенником.

Древняя история предмета, истинное существо идей, породивших исследуемое явление, как воздух нужны ученому и преподавателю. Как говорил профессор Н.Н. Завалишин из повести И. Грековой «Кафедра»: «Важно быть убежденным в красоте и величии того, что преподаешь. В его непререкаемой важности» [3].

Приметы величия и красоты юридических феноменов и скрывающихся за ними идей бывают самыми разнообразными. Идеи, как уже было сказано, пытаются сохранять память о себе в разных именах, которые порой представляют собой метафоры и ярлыки. Так, ярлык «инквизиционный», прикрепленный к уголовному процессу розыскного типа, с одной стороны, отпугнул от позитивного исследования этого феномена целые поколения ученых, а, с другой, не дал сгинуть идее инквизиционности. По сути, данный тип процесса объективно не исследовался более ста пятидесяти лет. Профессор В. Т. Томин справедливо заметил: «Сегодня, во всяком случае, в России, инквизиционное судопроизводство практически никто не исследует беспристрастно. Сегодня прилагательное «инквизиционный» – это, как правило, деготь, который используется для изображения на воротах оппонента юридических “граффити”» [4, с. 142].

Однако, подчеркнем, что это имя помогло удержать идею инквизиционности в поле юридического внимания, пусть и как объект для критики. Сегодня идея инквизиционности начинает медленно помещаться в позитивный исследовательский контекст. И само это имя начинает наполняться новым (хорошо забытым старым) смыслом, отражающим его исследовательскую функцию.

Ярлыки и метафоры, возможно, и появляются в первую очередь для того, чтобы явление очень ценное для юриспруденции смогло запомниться, закрепиться в веках. Чтобы это имя потом привлекло своего исследователя, которому бы в густом тумане всеобщей критики захотелось разобраться, почему же появилось такое имя, какое явление оны обозначало в те времена, когда еще только возникло?

Среди таких прекрасных неуничтожимых имен-метафор следует отметить, как минимум два имени – «царица доказательств» и «лучшее доказательство всего света». Что знает современный процессуалист про эти имена? Он, скорее всего, знает, что имена эти были присвоены признанию обвиняемым своей вины, его признательным показаниям. Кроме того, современник наверняка добавит, что имена эти не более чем архаика и памятник не самым лучшим юридическим пережиткам, свидетельство прежней правой дикости. Поэтому и на вопрос: за что признанию обвиняемого была присуждена такая высокая честь, скорее всего последуют по большей части рассуждения, приправленные идеологическими воззрениями, сформированными современной наукой.

С одной стороны, любому студенту ясно, что показания обвиняемого хорошее доказательство, поскольку, как известно, самый лучший свидетель по своему делу – это сам обвиняемый. Но, с другой стороны, известно и то, что обвиняемый это самый заинтересованный участник процесса, что заставляет весьма критично относится к его показаниям. Юридическая теория весьма внимательно относится к этому феномену. Внимательно и в тоже время тенденциозно.

Именно эта тенденциозность, продолжающаяся более полутора веков, мешает пробиться к предпосылкам, породившим указанные

выше метафоры. На пути к истокам царского положения признания обвиняемого стоит немало идеологических преград. Современная юридическая наука все еще стоит на официальной платформе, которая все также азартно пытается опровергнуть установку, что признание обвиняемым своей вины – это лучшее доказательство. Идеологическая борьба теорий формальной и свободной оценки доказательств все еще продолжается. Начало было положено еще современниками Устава уголовного судопроизводства. Советская теория доказательств продолжила эту традицию и решительно отвергла тезис об особом значении признания обвиняемым своей вины, как доказательства, заслуживающего доверия [5, с. 585-586.]. Вместе с тем, советские ученые обращали внимание на то, что «неправильность подхода к показаниям обвиняемого как к «лучшему доказательству» не означает, что к ним нужно подходить как к худшему доказательству» или вообще отрицать их значение [6, с. 607].

Постсоветская теория, на первый взгляд, не отклоняется от этого вектора, что закрепляется в доказательственном разделе УПК РФ. Согласно статьи 77 УПК РФ, «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Из этого следует, что перед нами «рядовое доказательство виновности, требующее подтверждения иными доказательствами» [6, с. 604] Однако общая структура уголовного процесса, наличие в нем особых порядков судебного разбирательства и других институтов, опирающихся на признание обвиняемым своей вины (то же дознание в упрощенной форме), говорит о том, что признание обвиняемым своей вины является важнейшей идее уголовного судопроизводства. И если можно возражать, что признание является «царицей доказательств», то нельзя спорить с тем, что признание обвиняемым своей вины становится «царицей дифференциации» уголовно-процессуальной формы.

Все это повышает интерес к признанию обвиняемого как некой процессуальной идее, имеющей свою древнюю историю, свою красоту и величие. Увы, современники вывести на эти древние установки не в состоянии. Им мешает идеологическая пелена, которая до сих пор не спала. Беспристрастное отношение к признанию обвиняемого затруднительно у современных исследователей потому, что нет беспристрастного отношения к идее инквизиционности. А эти феномены теснейшим образом взаимосвязаны.

И тем не менее, свет истины и голос идей порой пробивается через источники, не имеющие прямого отношения к юридической науке. Так вот, куда больше ответов на вопросы о красоте и величии идеи признания обвиняемым своей вины мы получили у французского философа Мишеля Фуко, который вскользь коснулся этого вопроса в своей известной работе «Надзирать или наказывать. Рождение тюрьмы» [7]. Поскольку указанный автор не принадлежал

к юридическому сообществу, практикующему идеологическое отношение к признательным показаниям, ему удалось дать вполне объективную и интересную картину. На первый взгляд, он говорит о вещах известных. И тем не менее отдельные вкрапления и акценты позволяют разглядеть величие идей закодированной в признании обвиняемым своей вины.

Мы приведем небольшой фрагмент его работы с нашими комментариями.

Первый тезис М.Фуко. «Письменное, тайное и подчиненное строгим правилам построения доказательств уголовно-судебное расследование было машиной, способной производить истину в отсутствие обвиняемого. И благодаря самому этому факту (хотя, строго говоря, закон этого не требует) расследование непременно ведет к признанию обвиняемого. По двум причинам. Во-первых, признание – настолько сильное доказательство, что вряд ли требуется добавлять к нему другие доказательства или заниматься сложным и сомнительным сложением улик. Признание, полученное корректным способом, освобождают обвинителя от необходимости предоставлять дальнейшие свидетельства (во всяком случае, самые трудные). Во-вторых, процедура расследования может воспользоваться всей своей несомненной властью стать настоящей победой над обвиняемым, а истина проявляет всю свою власть единственно в том случае, если преступник берет на себя ответственность за совершенные преступления и подписывается под тем, что было искусно и безвестно построено следствием. «Недостаточно, – сказал Айро, не одобрявший тайные процедуры, – чтобы злоумышленники были справедливо наказаны. По возможности они должны судить и осудить себя сами». В воссозданном в письменной форме преступлении преступник признает себя виновным, начинает играть роль живой истины. Признание, – поступок преступника, ответственного и говорящего субъекта, – служило дополнением к письменному тайному предварительному следствию. Отсюда важное значение, придаваемое признанию всей этой процедурой традиционного типа» [7, с. 49-50].

На первый взгляд, может показаться, что М. Фуко не сообщает нам ничего нового. О том, что признание обвиняемого есть сильное доказательство и что органы расследования, несмотря на все оговорки о том, что данное доказательство не имеет приоритета перед остальными, мы уже знаем и из современных источников. Однако М. Фуко здесь нам дает понять почему столь притягательно признание и в чем заключается магия этого притяжения. Первое, на что обращает внимание философ, это тот факт, что уголовный процесс розыскного типа может производить истину и в отсутствие обвиняемого. Иными словами, рациональные средства судопроизводства таковы, что в информационном смысле показания обвиняемого ценны, но не бесценны. Цель доказывания вполне достижима и без этого доказательства. Однако М.Фуко обращает внимание на то, что как раз из этой установки и вытекает потребность в признании, потреб-

ность в некотором смысле политическая. Следователь, ведущий уголовное дело, проходит много этапов, где его поджидают законные рецензенты. Это и руководитель следственного органа, и прокурор.

Однако наше внимание упускает из виду, что главным рецензентом и приемщиком уголовного дела является сам обвиняемый. Совсем не случайно М.Фуко представляет обвиняемого в качестве «живой истины», говорящего субъекта, который своим признанием вины объявляет и торжество следственной власти, ее несомненную победу в достижении истины. Это признание (М.Фуко подчеркивает, что речь идет о признании полученном корректным способом) говорит о том, что государственная машина по производству истины сработала хорошо.

Весьма интересно признание обвиняемого представлено в качестве некоего процессуального акта перехода о тайного следствия к гласному судебному разбирательству. Своим признанием обвиняемый как бы снимает завесу тайны предварительного производства, констатирует его успешность и обоснованность.

Крайне важно для уголовного процесса и то, что в ритуальном смысле обвиняемый должен осудить себя сам. Этот пожелание тоже не случайно. Вполне возможно, что эта концептуальная установка тянется из самой Инквизиции, которая первейшей своей целью видела искреннее раскаяние еретика. Идея раскаяния сохранилась, по нашему мнению, и в уголовном процессе в акте признания обвиняемым своей вины. Отсюда можно заключить, что в данном акте издревле имеется свой иррациональный подтекст, который добавляет в уголовный процесс некую «магическую» нотку.

М.Фуко как раз и говорит о том, что роль признания обвиняемого неоднозначна. В следующем тезисе он развивает те мысли, о которых мы говорили выше. Он пишет: «Отсюда также и двусмысленность роли признания. С одной стороны, его пытаются включить в общую арифметику доказательства подчеркивают, что оно лишь одно доказательство из многих. Оно не есть «очевидность вещей», оно не является самым сильным доказательством, как таковое оно не может привести к признанию виновности и должно сопровождаться дополнительными уликами и предположительными доказательствами. Ведь хорошо известно, что обвиняемые иногда признают себя виновными в преступлениях, которых не совершали и потому следователь если располагает одним только признанием обвиняемого должен произвести дополнительно расследование. С другой же стороны, признание пользуется преимуществом перед всяким иным доказательством. До некоторой степени оно превосходит всякое другое доказательство; будучи элементом вычислений истины, оно является также действием, которым обвиняемый соглашаются с обвинением и признает его обоснованность. Оно превращает следствие, проведенное без участия обвиняемого, в добровольное подтверждение обвинения. Посредством признания обвиняемый лично принимает участие в ритуале производства судебно-уголовной исти-

ны. Как утверждалось в средневековом праве, признание делает судопроизводство общеизвестным и явным. На эту первую двусмысленность накладывается вторая: признание столь желанно, потому что оно особо сильное доказательство, требующее для вынесения приговора лишь нескольких дополнительных улик и поэтому сводящие к минимуму работу следствия и механику доказательства; вытягивая признание не гнушаются никаким принуждением. Но хотя в судопроизводстве признание должно быть живым и устным эквивалентом предварительного расследования, осуществляемого в письменной форме, хотя признание должно быть реакцией, как бы подтверждением предварительного расследования со стороны обвиняемого, оно окружается гарантиями и формальностями. Признание содержит в себе нечто от сделки: поэтому оно должно быть «спонтанным», поэтому оно должно быть сделано перед компетентным судом и в полном сознании, поэтому в нем не должны упоминаться невозможные вещи и т.д. Делая признание, обвиняемый участвует в судопроизводстве; он удостоверяет истину, полученную в результате предварительного следствия [7, с. 50-51].

Как видим, М.Фуко лишь усиливает доводы, которые были приведены им выше. Вместе с тем, двойное значение признания обвиняемого ему видится несколько иначе, чем современникам. Сегодня, говоря о двойственно природе показаний обвиняемого, ученые подчеркивают, что с одной стороны, это сведения, сообщаемые обвиняемым относительно обстоятельств дела, а, с другой, это есть средство защиты обвиняемого от уголовного преследования и, следовательно, ему позволительно и отказываться от показаний и лгать. М.Фуко ставит акценты несколько иначе. В доказательственном смысле позиция философа не расходится с современной юридической парадигмой, а вот в плане второй трактовки мы здесь можем увидеть полярную интерпретацию. Если в современном смысле средство защиты от обвинения предполагает противостояние ему, то по мысли М. Фуко признание обвиняемым своей вины как раз и является средством перевода из обороны в содружество. Признающийся обвиняемый очень нужен уголовному процессу в качестве полноценного участника, помогающего устанавливать и провозглашать истину. Несмотря на все доктринальные заявления и нормативные установки, подчеркивающие рядовое значение признания и признательных показаний обвиняемого, уголовно-процессуальная процедура в них крайне заинтересована. Признание обвиняемого позволяет в полном объеме запустить реализацию принципа процессуальной экономии, в которой очень нуждается современный уголовный процесс. Поэтому процесс четко стоит на линии стимулирования обвиняемого к признанию собственно вины. Древние иррациональные идеи, которые наполняют это признание особой «магией» живы и требуют своего выхода.

В связи с этим, перед уголовно-процессуальной наукой стоит задача подробной разработки направления, которое М.Фуко обозна-

чил как ритуальный акт участия обвиняемого в производстве истины, заключающийся в удостоверении истины, полученной в результате предварительного следствия. Нужен новый взгляд на эти старые, но тем не менее очень актуальные идеи.

Список источников

1. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1(45). С. 43-47

2. Толстик В.А. Проблема оценивания научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65-74.

3. Грекова И. Кафедра. М. Вече, 2015. 448 с.

4. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. Москва: Юрайт, 2009. С. 142.

5. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. Москва: Юридическая литература, 1989. 640 с.

6. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Москва: Юридическая литература, 1973. 736 с.

7. Фуко Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: «АД Маргинес Пресс», 2018. 416 с.

УДК 343.13

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖКАХ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ СТ. 132 УПК

Рогова Антонина Александровна
Преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России

В данной статье анализируются изменения УПК, касающиеся порядка взыскания процессуальных издержек. Автор исследует практику Конституционного суда РФ по вопросам возмещения процессуальных издержек, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего. Указываются пробелы в правовом регулировании данного вопроса, формулируются выводы, направленные на их восполнение.

Ключевые слова: процессуальные издержки, возмещение процессуальных издержек, вознаграждение представителю потерпевшего.

NEW IN THE LEGISLATION ON PROCEEDING COSTS: ANALYSIS OF CHANGES TO ARTICLE 132 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE

Rogova A. A.

This article analyzes the changes in the Code of Criminal Procedure related to the procedure for collecting procedural costs. The author examines the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issues of reimbursement of procedural costs that are associated with the payment of remuneration to the representative of the victim. The author points out the gaps in the legal regulation of this issue, formulates conclusions aimed at eliminating them.

© Рогова А. А., 2022

Keywords: procedural costs, reimbursement of procedural costs, remuneration for the representative of the victim.

В 2021 году были внесены изменения в ч. 1 и ч. 9 ст. 132 УПК. Согласно данным изменениям процессуальные издержки могут быть возмещены не только за счёт средств осуждённых или средств федерального бюджета, как это было ранее, но также и за счёт средств 1) лиц, в отношении которых уголовное дело было прекращено по не реабилитирующим основаниям (ч. 1 ст. 132 УПК), 2) лиц, в отношении которых дело частного обвинения было прекращено в связи с декриминализацией деяния (ч. 9 ст. 132 УПК).

Как сказано в пояснительной записке к проекту федерального закона [8], указанные изменения были подготовлены в целях реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки» [2]. Вместе с тем дело А.Н. Музыки фактически касается лишь вопроса, связанного с взысканием процессуальных издержек (стоимости услуг представителя потерпевшего) с обвиняемого. В этой связи непонятно отсутствие в пояснительной записке аргументация изменений, предлагаемых к внесению в ч. 1 ст. 132 УПК, так как они по своему содержанию выходят за рамки вопросов, рассмотренных Конституционным Судом РФ по делу А.Н. Музыки.

Однако отсутствие должного обоснования внесённых изменений с формальной точки зрения, не лишают проблему взыскания процессуальных издержек с подозреваемых, обвиняемых, в отношении которых уголовное дело (уголовное преследование) было прекращено по не реабилитирующим основаниям актуальности. Так в МВД России ранее рассматривался вопрос о внесения подобных изменений (однако законопроект так и не был внесён в Государственную Думу РФ). По мнению авторов законопроекта, взыскание процессуальных издержек с данной категории участников судопроизводства «является таким же юридическим последствием освобождения от уголовной ответственности как и обязательства возместить вред, причиненный преступлением» [7]. Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что процессуальные издержки не являются санкцией (наказанием) за совершение противоправного деяния, равно как и не являются иной мерой уголовно-правового характера, подразумевающей дополнительные к наказанию лишения и ограничения для подозреваемого или обвиняемого. А с учётом того, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по не реабилитирующим основаниям возможно только с согласия подозреваемого (обвиняемого), то возложение обязанности на данных лиц возместить процессуальные издержки с целью уменьшить расходы федерального бюджета на уголовное судопроизводство, считаем справедливым и обоснованным решением законодателя.

Отметим, что Конституционный суд РФ неоднократно рассматривал вопрос возмещения процессуальных издержек по делам частного обвинения, связанных с оплатой услуг представителя потерпевшего, однако в постановлении по делу А.Н. Музыки данный вопрос был решён более радикально. Обстоятельства, побудившие заявителя обратиться в Конституционный суд РФ таковы: в отношении А.Н. Музыки дело (частного обвинения) было прекращено в связи с декриминализацией ч. 1 ст. 116 УПК РФ по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК. Потерпевший обратился в суд для взыскания с лица, в отношении которого дело было прекращено (А.Н. Музыки) судебных расходов, понесённых им в результате участия в деле представителя (адвоката). После нескольких судебных процессов производство по данному делу было прекращено. Свою позицию суд обосновал тем, что «ч. 1 ст. 132 УПК не регламентирует вопросы возмещения расходов потерпевшего по делам частного обвинения, прекращенного вследствие издания акта об амнистии или отсутствия состава преступления» [2]. Поэтому, по мнению суда, в рамках уголовного судопроизводства данный вопрос не мог быть разрешён.

В этой ситуации суд исходил из положений ч. 1 ст. 132 УПК, действующей на момент принятия решения (т.е. в редакции 2001 года) в соответствии с которыми процессуальные издержки взыскиваются либо с осуждённых, либо возмещаются за счёт средств федерального бюджета. А так как А.Н. Музыка, во-первых, не имел статус осуждённого, а, во-вторых, отсутствовали основания для возмещения расходов за счет средств федерального бюджета, о которых дано пояснение в п. 5 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 « О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» [6] , то решать этот вопрос следует в рамках не уголовного, а гражданского судопроизводства.

Вместе с тем следует обратить внимание, что в 2018 году в п. 5. 1 указанного постановления Пленума Верховного суда РФ было внесено дополнение, в соответствие с которым процессуальные издержки возмещаются за счёт средств федерального бюджета при прекращении уголовного дела или уголовного преследования, в том числе по не реабилитирующим основаниям (за исключением случая, предусмотренного ч. 9 ст. 132 УПК). И ранее Конституционный суд РФ, ссылаясь на данный пункт, в своих решениях указал, что ст. 132 УПК не исключает право потерпевшего взыскать указанные расходы в порядке уголовного судопроизводства, причём, эти расходы должны взыскиваться с государства, а не с обвиняемого. В деле же А.Н. Музыки Конституционный суд РФ рассмотрел данный вопрос иначе: с учётом сложившейся судебной практики решения вопроса о возмещении процессуальных издержек потерпевшего в порядке гражданского судопроизводства. Фактически указанное положение п. 5. 1 на сегодняшний день не имеет юридической силы.

Так, в соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса (далее – ГК) лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причинённых ему убытков, а вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (ст. 1064 ГК). Применение данных норм гражданского законодательства в рассматриваемой ситуации продиктовано пониманием вреда как убытков, которые понесло лицо, в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Как пишет Н.А. Бортникова, убытки в нормах ст. 15 ГК РФ – это убытки, понимаемые в широком смысле, т.е. как все расходы по восстановлению нарушенного материального права, включая процессуальные расходы, направленные на реализацию формы защиты права [1].

Таким образом, гражданское законодательство в отличие, от уголовно-процессуального (до внесения рассматриваемых изменений), позволяло возместить расходы на представителя по делу частного обвинения за счёт лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено ввиду декриминализации деяния. Очевидно, что здесь наблюдается конкуренция двух вариантов решения одной проблемы. И хотя Конституционный суд РФ не усмотрел противоречий рассматриваемых положений Конституции РФ, тем не менее, им было указано на их «неопределённость». Данную проблему законодатель решил технически просто: ч. 9 ст. 132 УПК дополнилась формулировкой, определяющей, кто возмещает расходы, связанные с оплатой услуг представителя по делу частного обвинения при прекращении уголовного дела вследствие декриминализации деяния. Иные же расходы потерпевшего (ч. 2 ст. 131 УПК) следуя буквальному толкованию возмещению с подозреваемого (обвиняемого) не подлежат.

Иск в деле А.Н. Музыки о возмещении расходов на представителя был удовлетворён судом в порядке гражданского судопроизводства. Причём суд удовлетворил всю сумму иска, которая существенно превышала ту, что была первоначально удовлетворена судом в рамках уголовного судопроизводства (данное решение было обжаловано, в результате чего производство по делу суд прекратил по описанным выше основаниям). Суд при этом исходил из норм гражданского законодательства о полном возмещении вреда. Конституционный же суд РФ в рассматриваемом Постановлении [2] указал, что «судебные расходы, понесенные на оплату услуг представителя, должны быть необходимыми (вынужденными) и возмещаться в разумных пределах», а суд, в свою очередь, вправе снижать размер компенсации до стоимости, соответствующей рыночной на момент оказания юридических услуг. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ [6], в свою очередь сказано, что возмещению подлежат в полном объеме все необходимые и оправданные расходы на выплату вознаграждения представителю потерпевшего. При этом «необходимость» и «оправданность» расходов потерпевшего являются оценочными понятиями, соответственно оцениваются субъективно.

Анализ норм действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день многие вопросы, касающиеся порядка и пределов удовлетворения иска о возмещении процессуальных издержек потерпевшего, связанных с оплатой услуг представителя не конкретизированы. Во-первых, нормы Постановления Правительства РФ [5] не регламентируют порядок возмещения расходов потерпевшего, направленных на оплату услуг представителя (п. 22 (1) Положения, утверждённого указанным Постановлением Правительства РФ, регулируют порядок оплаты услуг адвоката по назначению, которые нельзя применять по аналогии к тем отношениям, которые связаны с оплатой услуг представителя потерпевшего, оказывающего услуги по соглашению, так как стоимость услуг представителя определяется соглашением, заключённым с потерпевшим). Во-вторых, на сегодняшний день не существует уголовно-процессуального механизма возмещения процессуальных издержек при прекращении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям. Подразумевается, что это порядок должен быть судебным, причём гражданско-правовым и, по всей видимости, инициироваться самим потерпевшим путём подачи иска в суд. В-третьих, соглашаясь на прекращение уголовного дела по не реабилитирующим основаниям, подозреваемый, обвиняемый соглашается и на возмещение процессуальных издержек (опять же, подразумевается, что он об этом должен быть предупреждён). Суд, оценивая «разумность» расходов потерпевшего на представителя должен отталкиваться от их рыночной стоимости на момент оказания юридических услуг и может снизить сумму заявленного иска. В этом случае мы предлагаем судам использовать по аналогии выводы, сформулированные Конституционным судом РФ по вопросу снижения расходов реабилитированного, связанных с оплатой услуг защитника [4]. Так, указанные расходы могут быть снижены, если доказана их явная чрезмерность по сравнению с аналогичными случаями, или если реабилитированный (в нашем случае потерпевшей) пользовался услугами сразу нескольких адвокатов, что не связано с их заменой ввиду долгого уголовного преследования и др. Кроме этого как постановил Конституционный суд РФ по делу Э.Р. Юровских расходы потерпевшего на представителя должны индексироваться [3]. Полагаем, что данные уточнения должны найти своё отражение в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» [6].

Список источников

1. Бортникова Н.А. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 апреля 2020 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 года № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 года № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

5. О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 года № 1240 : текст с изменениями и дополнениями на 27 сентября 2021 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» : текст с изменениями и дополнениями на 15 мая 2018 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования института процессуальных издержек» (подготовлен МВД России, ID проекта 01/05/09-19/00095157). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1044395-7 (дата обращения 17.01.2022). Текст : электронный.

УДК 343

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В ГЕРМАНИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ СИТУАЦИИ С МЕССЕНДЖЕРОМ TELEGRAM)*

Романовский Владислав Георгиевич
Доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент
Пензенский государственный университет

В данной статье рассматривается юридические претензии, возникшие у официальных органов государственной власти Германии к оператору мессенджера Telegram, в силу неисполнения требований Закона 2017 г. об улучшении правоприменения в социальных сетях. Спор активизировался в конце 2021 –

© Романовский В. Г., 2022

начале 2022 гг. Основанием претензий стал отказ в удалении контента правового экстремистского содержания.

Ключевые слова: социальные сети, мессенджер, терроризм, противодействие, Германия, Telegram.

*Публикация выполнена по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых кандидатов наук № МК-390.2021.2

LEGAL BASIS FOR COUNTERTERRORISM IN GERMANY IN SOCIAL NETWORKS (BY THE EXAMPLE OF THE SITUATION WITH THE TELEGRAM MESSENGER)

Romanovsky V. G.

This article discusses the legal claims that have arisen from the German public authorities against the operator of the Telegram messenger, due to non-compliance with the requirements of the Law of 2017 on improving law enforcement in social networks. The dispute intensified in late 2021 – early 2022. The basis of the claims was the refusal to remove content of legal extremist content.

Keywords: social networks, messenger, terrorism, counteraction, Germany, Telegram.

Противодействие терроризму в современном мире все чаще происходит в киберпространстве. Электронные коммуникации меняют формат социального общения. В этих условиях построение связей внутри деструктивных организаций основывается на современных достижениях. Ни для кого не секрет, что традиционные методы пропаганды и агитации преступного поведения, вербовки сторонников и активных участников возможных террористических атак уходят в прошлое. Им на замену приходят сетевые технологии, саморадикализация с помощью целевого контента, формирование образа «одинокого волка». Все перечисленные явления стали возможны благодаря цифровому формату общения, где происходит противоборство двух тенденций. С одной стороны государство заинтересовано в том, чтобы граждане находились в контролируемом пространстве. С другой – граждане, прогнозируя усиление надзорных возможностей, стремятся усилить секретные возможности цифровых контактов.

В заявленном аспекте особое место занимают мессенджеры – службы мгновенной передачи информации, позволяющие расширить коммуникативные возможности с помощью видеозвонков, отправки фото и видео файлов, текстовых документов. Некоторые мессенджеры приобретают функции социальных сетей, предоставляя возможность знакомства с содержимым контента неограниченному числу пользователей. В этом направлении наиболее агрессивно (с точки зрения захвата новых горизонтов рынка) ведет себя мессенджер Telegram, созданный нашими соотечественниками – братьями Дуровыми. Этот российский продукт получил популярность далеко за пределами Российской Федерации. На начало 2021 г. число активных пользователей превысило 500 миллионов, и оно постоянно растет. Интересный момент: в январе 2021 г. после возникновения

проблем с мессенджером WhatsApp число скачиваний Telegram только за три дня превысило 25 миллионов.

Особое внимание к Telegram связано и с иными обстоятельствами. В ряде стран Telegram находится под запретом, поскольку официальные власти считают его ключевой платформой для распространения террористических и экстремистских идей. Использование данного приложения происходило во время массовых беспорядков в Иране, некоторых областях Китая, при координации деятельности преступных групп в Афганистане. Это привело к тому, что в Иране использование мессенджера было официально запрещено 30 апреля 2018 г. [1]

Следует признать, что одним из рекламных слоганов продвижения мессенджера выступает серьезное внимание создателей к конфиденциальности. В опциях можно найти такие нюансы, как секретный чат, где не только происходит усиленное шифрование, но и допускается удаление сообщений через заранее заданный временной интервал. Возможен 30-секундный интервал, достаточный лишь для быстрого прочтения абонентом сообщения, чтобы он был удален из чата. При этом восстановление сообщений не возможно после того, как может появиться запрос со стороны правоохранительных органов. Подобные свойства мессенджера удобны, но и создают дополнительные возможности для формирования противоправной сети. Из-за этого к владельцам Telegram предъявляются претензии со стороны правоохранительных органов. Международная практика показывает, что именно Telegram чаще всего используется для общения внутри террористической организации. Франческо Полино, заместитель прокурора Итальянской Республики, в своем докладе о соблюдении законности обозначает Telegram как платформу для налаживания контактов, которую прямо рекомендуют кураторы террористических организаций [2]. П. Дуров к тому же позиционирует себя как борец за гражданские права человека в цифровом мире, представив даже мировое движение «Цифровое сопротивление», заключающееся в создании технических решений по обходу блокировок мессенджера в различных странах.

В Российской Федерации также можно было наблюдать некоторое противостояние мессенджера и Роскомнадзора. Причина блокировки (а это происходило в течение 2017 – 2019 гг.) согласно официальной версии находилась в несоблюдении требований, предъявляемых к мессенджерам в вопросах обеспечения национальной безопасности.

С учетом глобальности киберпространства для любой страны вызывает определенный интерес зарубежный опыт взаимодействия спецслужб и операторов служб мгновенной передачи информации. В этой части хотелось бы обратить внимание на опыт Федеративной Республики Германия по ряду причин. Во-первых, Германия относится к числу стран с глубокими демократическими европейскими традициями. Те же запреты, введенные в Китае или Иране могут

отвергаться на основе стереотипного мышления о причастности стран к несоблюдению прав человека и желании установки тотального контроля за институтами гражданского общества. Во-вторых, Германия всегда была близка России в вопросах рецепции тех или иных правовых институтов. Причем такое восприятие немецкого законодательства имеет давнюю историю. В-третьих, Германия относится к романо-германской правовой семье, что не создает дополнительных трудностей «перевода» юридических ценностей на российскую почву.

Приведем еще один значимый фактор анализа немецкого опыта. В Германии также намечается серьезное противостояние правоохранительных органов и мессенджера Telegram. В октябре 2020 г. Федеральное уголовное ведомство отчиталось о ликвидации нелегальных торговых площадок и аресте значительной группы преступников, заявив в пресс-релизе: «Торговля нелегальными товарами и услугами через Telegram является альтернативой торговым площадкам в «Даркнете». Инициирование нелегального бизнеса происходит в частично общедоступных каналах и чатах Telegram, например, через рекламные предложения с изображениями или через списки проверенных дилеров. Затем незаконные транзакции между дилерами и покупателями обрабатываются в отдельных чатах между отдельными пользователями Telegram» [3].

В июле 2021 г. Федеральное министерство юстиции предало огласке, что Федеральное управление юстиции (в Германии это два различных органа) рассматривает два административных дела [4] о назначении штрафа за нарушения правил, установленных Законом об улучшении правоприменения в социальных сетях (Netzwerkdurchsetzungsgesetz, Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerke [5], сокращенное название – NetzDG). В соответствии с данным законом оператор социальной сети должен установить прямые каналы для получения сообщений о преступном содержании контента и утвердить уполномоченное лицо, которое должно контактировать с немецкими судами по обработке официальных запросов [6]. Между тем Федеральное уголовное ведомство признало, что Telegram как самостоятельно, так и по запросам правоохранительных органов Германии и Европола регулярно удаляет боты и каналы, связанные с террористическими организациями. В то же время Telegram заявлял, что никоим образом «не будет мешать пользователям мирно выражать альтернативные мнения». В результате оператором не удаляются материалы правового экстремистского толка. Более того, по заявлению Федерального министра внутренних дел Н. Файзер платформа активно используется для мобилизации и поощрения радикализации [7]. 26 января 2022 г. Федеральное уголовное ведомство представило доклад, что займется изучением деятельности Telegram на территории Германии, целью которого станет принуждение к соблюдению немецкого законодательства, а именно Закона об улучшении правоприменения в соци-

альных сетях. В нем указывается: «Угрозы, оскорбления, призывы к убийству. По данным органов безопасности Германии, мессенджер Telegram все больше становится средством радикализации. Особенно страдают политические деятели и избранные депутаты, а также представители науки и медицины, которые публично участвуют в преодолении пандемии коронавируса» [8].

Упомянутый Закон распространяется на все социальные сети, но из его действия исключены мессенджеры, предназначенные для индивидуального общения, игровые чаты, платформы продаж, а также сети специальной направленности (как например, объединяющие лиц одной профессии, поисковики работы и др.). Есть дополнительные требования, ограничивающие действие закона – число пользователей сети на территории ФРГ должно быть не менее 2 миллионов. Долгое время исключение о мессенджерах позволяло Telegram уклоняться от исполнения утвержденных правил. Однако в 2021 г. трактовка Telegram-каналов стало основываться на их всеобщем доступе, а значит, распространения на них правового режима социальных сетей. По данным немецких органов власти в Германии около 8 миллионов пользователей Telegram, что позволяет устанавливать для него специальные правила регулирования.

Ключевые обязанности, налагаемые на социальные сети: указание на «ответственное лицо», находящееся на территории Германии, которое должно взаимодействовать, в первую очередь, с германскими правоохранительными органами (отвечать на запросы в течение 48 часов); обеспечивать эффективное управление жалобами, которые подаются гражданами и юридическими лицами; готовить каждые шесть месяцев отчет о рассмотрении жалоб на незаконный контент. Схожие правила предусматриваются в Соединенных Штатах Америки [9], в Великобритании [10]. Аналогичные правила введены и на территории Российской Федерации Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации». Общая тенденция по созданию определенного правового поля вокруг деятельности социальных сетей и мессенджеров все больше становится характерной для большинства развитых стран. Это означает, что некоторые юридические дискуссии о взаимодействии Telegram и органов государственной власти будут на пике общественного внимания в Германии, а также в России. По-видимому, итоги, которые скоро проявятся в Германии, могут стать основой для обсуждения в России. Так что споры Telegram и Роскомнадзора, по-видимому, еще будут актуализированы и переведены в обновленное юридическое русло.

Список источников

1. В Иране полностью запретили Telegram, которым пользуются миллионы. URL: https://www.newsru.com/world/30apr2018/teleiran.html (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.

2. Polino F. Il Contrasto alle nuove Forme di Terrorismo internazionale / http://www.magistraturaindipendente.it/il-contrasto-alle-nuove-forme-di-terrorismo-internazionale.htm (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.
3. Illegale Marktplätze in Messengerdienst geschlossen / https://www.bka.de/DE/Presse/Listenseite_Pressemitteilungen/2020/Presse2020/201030_pmEVTelegram.html (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.
4. Telegram soll sich an das NetzDG halten / https://netzpolitik.org/2021/bussgeldverfahren-telegram-soll-sich-an-das-netzdg-halten/ (дата обращения 27.01.2022). – Текст : электронный.
5. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) / https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.
6. Adamski H. Hassreden (Hate Speech) im Internet. Zum Streit um das Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG) / H. Adamski // Gesellschaft. Wirtschaft. Politik. 2018. № 1. S. 135-142.
7. Лента новостей / https://www.welt.de/politik/deutschland/article236272766/Telegram-BKA-will-Plattform-mit-Loeschbitten-und-Datenanfragen-fluten.html (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.
8. Messengerdienste sind kein rechtsfreier Raum / https://www.bka.de/DE/Presse/Listenseite_Pressemitteilungen/2022/Presse2022/220126_PM_Telegram.html (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.
9. Романовская О.В. Акт о свободе и права человека: американская модель противодействия терроризму / О.В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 4 (52). С. 12-22.
10. Романовский Г.Б., Права человека и борьба с терроризмом: зарубежный опыт / Г.Б. Романовский, О.В. Романовская. Москва: Проспект, 2021. 192 с.

УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*

Романовский Георгий Борисович
Заведующий кафедрой уголовного права,
доктор юридических наук, профессор
Пензенский государственный университет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

В данной статье рассматривается динамика числа преступлений террористической направленности. Показаны общие тенденции уголовно-правовой политики по криминализации ряда деяний, которые нацелены на противодействие новым угрозам, происходящим в связи с развитием новых информационных технологий. Представлена дифференциация составов преступлений террористической напарвленности, которая происходила в 2002-2016 гг.

Ключевые слова: уголовная ответственность, терроризм, преступление, статистические данные, динамика, уголовно-правовая политика.

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF TERRORIST CRIMES

Romanovsky G. B.

This article discusses the dynamics of the number of terrorist crimes. The general tendencies of the criminal law policy on the criminalization of a number of

© Романовский Г. Б., 2022

acts are shown, which are aimed at countering new threats occurring in connection with the development of new information technologies. The differentiation of the elements of crimes of terrorist orientation, which took place in 2002-2016, is presented.
Keywords: criminal liability, terrorism, crime, statistical data, dynamics, criminal law policy.

Противодействие терроризму – актуальная тематика практически для каждой страны современного мира. В этом аспекте уголовно-правовым мерам уделяется особое внимание. Российская Федерация не является здесь исключением, столкнувшись практически сразу в своей Новой истории с террористическими угрозами.

Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 г., изначально в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» содержал специальный состав преступления «Терроризм» (статья 205). К преступлениям террористической направленности можно было отнести также «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» (статья 207), «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» (статья 208). Спустя два года был принят Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», в котором понятие терроризма не соответствовало определению, представленному в Уголовном кодексе РФ. Такое несоответствие существовало достаточно длительное время. В 1999 г. в УК России были внесены уточнения, касающиеся криминализации ядерного терроризма (использования объектов атомной энергии и радиоактивных материалов в качестве цели нападения).

Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ была введена статья 205.1 «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению», которая в 2006 г. была изменена, а состав получил уточненное наименование «Содействие террористической деятельности».

Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ ужесточил санкции по статье 205 УК РФ, а Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ изменил наименование состава статьи 205 УК РФ на «Террористический акт». Этим же законом была введена статья 205.2. «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма». Масштабные дополнения Уголовного кодекса РФ произошли в 2013 г. (Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ), когда в нем появились такие новые составы как «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» (статья 205.3), «Организация террористического сообщества и участие в нем» (статья 205.4.), «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» (статья 205.5.).

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ был криминализирован международный терроризм, в Уголовном кодексе РФ появилась статья 361 – «Акт международного терроризма». Этим же

законом введена статья 205.6. УК РФ «Несообщение о преступлении», согласно которой уголовно наказуемым стало несообщение в большинстве своем о преступлениях именно террористического характера.

Если осуществлять углубленный исторический экскурс, то появление специального состава, посвященного актам терроризма, произошло только в советский период развития российской государственности. В дореволюционную эпоху терроризм наказывался в соответствии с общеуголовными составами, как например, «совершение убийства» или «посягательство на жизнь царствующего императора». Впервые понятие террористического акта появилось в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., связывая его с контрреволюционными целями.

Таким образом можно наблюдать воплощение двух трендов в российской уголовно-правовой политике при установлении наказания за преступления террористической направленности. Во-первых, это ужесточение наказания. Во-вторых, это дифференциация составов преступлений и криминализация новых деяний, что вызвано использованием новых технологий в совершении преступных замыслов. Обе тенденции характерны для зарубежных правовых систем. Так, после масштабных терактов в Европе (особенно в тех странах, где террористическая угроза не оценивалась как исключительно актуальная) вносились изменения в уголовное законодательство в части увеличения сроков лишения свободы за терроризм [1]. Появление новых составов преступлений террористической направленности также постоянно происходит в уголовных кодексах европейских стран. Более того, следует признать, что в некоторых из них закрепляются такие составы, которые не находят однозначной поддержки в криминологической науке нашей страны. Например, это касается таких составов как «Кибертерроризм», «Билогический терроризм».

Криминологическую характеристику террористического акта невозможно представить в полном объеме без анализа статистических данных. Здесь следует иметь ввиду, что Россия пережила две «чеченские кампании». К тому же было несколько терактов, которые по своему масштабу и числу жертв не испытывала ни одна страна мира (в частности, речь идет о захвате заложников в городе Беслан). Напомним, в 2001 г. произошла атака смертников на башни-близнецы в Нью-Йорке, результатом которой стала концепция «войны против террора», когда в противоборстве с террористическими организациями были задействованы Вооруженные Силы [2]. Применительно к российской ситуации можно также указывать на аналог подобной концепции при наведении конституционного порядка на территории Чеченской Республики.

Портал правовой статистики [3] указывает на следующие данные зарегистрированных преступлений террористического характера (приведем в последовательности: год – число преступлений):

2010 г. – 581; 2011 – 622; 2012 – 637. В указанный период произошла стабилизация ситуации, что и показывают статистические данные. Начиная с 2014 г., происходит рост числа преступлений. Так, в 2014 г. таковых совершено 1128. Обращает внимание, что такой рост происходил не только за счет «проблемных» субъектов Российской Федерации, находящихся на юге нашей страны. Так, двукратное увеличение произошло в Республике Алтай (в 2013 г. – 2, в 2014 г. – 4), четырехкратное увеличение в Кировской и Свердловской областях (в 2013 г. – 1, в 2014 г. – 4), шестикратное увеличение в Республике Башкортостан (в 2013 г. – 4, в 2014 г. – 24), девятикратное увеличение в Челябинской области (в 2013 г. – 1, в 2014 г. – 9).

В 2015 г. опять цифры показывают увеличение – 1538 преступлений, в 2016 – 2227. В 2017 – 2019 гг. происходит закрепление ситуации на уровне 1600 – 1800 преступлений в год, но в 2020 г. опять наблюдаем рост до 2342 преступлений. Данные на декабрь 2021 г. – 2136 преступлений. Таким образом в этой части криминогенная ситуация пока не может быть охарактеризована как спокойная. Опять же обратим внимание, что увеличение числа преступлений происходит не только в регионах, где традиционно на протяжении нескольких лет есть негативные тенденции (в том числе, и по состоянию общеуголовных преступлений), но и в таких субъектах Российской Федерации, как Амурская, Архангельская, Иркутская, Калужская, Омская, Ульяновская области. В этих же регионах создаются и террористические ячейки. Так, И.Г. Сироткин подчеркивает: «В некоторых субъектах Российской Федерации, в т. ч. республиках Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Татарстан, Приморском крае, Московской, Кировской, Рязанской, Тюменской областях, городах Москве, Санкт-Петербурге, ликвидированы ячейки международных террористических и экстремистских организаций, членами которых проводилась целенаправленная идеологическая обработка населения и предпринимались попытки формирования сетевых структур» [4].

Необходимо отметить, что рост числа совершенных преступлений связан с тем, что предъявляются обвинения за деяния, совершенные за пределами Российской Федерации. По данным МВД России в 2020 г. таковых совершено 226 (+218,3 %) [5].

Рейтинг субъектов Российской Федерации за 2021 г. возглавляет Республика Дагестан (493 преступления), на втором месте город Москва (132 преступления), на третьем – Чеченская республика (127 преступлений). В первую «десятку» регионов входят также Республика Татарстан, Приморский и Красноярский края.

Приведенные статистические данные не совсем стыкуются с информацией, изложенной органами ФСБ России. Так, заявлялось, что в 2019 г. совершалось 4 преступления террористической направленности [6]. По-видимому, речь, скорее всего, шла о преступлениях насильственного характера (террористических актах) и имевших конкретные последствия. Именно такие уточнения можно увидеть в интервью директора ФСБ России А. Бортникова в 2021 г.: «За последние

10 лет не допущено около 200 терактов! Очевидно, речь идет о тысячах спасенных жизней. При этом, если в 2010 году предотвращалось всего 10% таких атак, то в 2018 году – уже около 80 %, а в 2020 году – 96 %» [7].

Таким образом можно сделать общие выводы: 1) преступления террористической направленности, связанные с совершением насильственных действий, постоянно уменьшаются; 2) предупредительные и профилактические меры российских спецслужб имеют значимый эффект, большинство терактов предотвращается, преступники изобличаются на стадии подготовки; 3) дифференциация составов преступлений связана с изменением стратегии и тактики террористических организаций, а также использованием новых информационных технологий. Рост общего числа преступлений террористической направленности указывает на то, что криминогенная ситуация в этой части не находится в состоянии затишья. Общая международная обстановка, способствующая увеличению напряженности, обусловливает и активизацию различных террористических организаций, все больше носящих интернациональный характер.

Список источников

1. Романовский Г.Б., Права человека и борьба с терроризмом: зарубежный опыт / Г.Б. Романовский, О.В. Романовская. Москва: Проспект, 2021. 192 с.

2. Романовская О.В. Акт о свободе и права человека: американская модель противодействия терроризму / О.В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 4 (52). С. 12-22.

3. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики / http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.

4. Сироткин И.Г. О деятельности Национального антитеррористического комитета за 15 лет / И.Г. Сироткин // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1. С. 17-21.

5. Состояние преступности за январь – декабрь 2020 г. / МВД Российской Федерации / https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.

6. ФСБ назвала число преступлений террористической направленности в 2019 году / https://iz.ru/1024208/2020-06-16/v-fsb-nazvali-chislo-prestuplenii-terroristicheskoi-napravlennosti-v-2019-godu (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.

7. Пятнадцать лет против террора / https://rg.ru/2021/03/10/direktor-fsb-za-10-let-v-rossii-udalos-predotvratit-okolo-200-teraktov.html (дата обращения 27.01.2022). Текст : электронный.

УДК 343

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И ОБРАБОТКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Ряполова Ярослава Петровна
Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук
Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

В статье рассмотрены теоретические аспекты информатизации порядка приема, регистрации и обработки сообщений о преступлении, его практическая применимость, разработаны предложения по закреплению процессуальных возможностей подачи и регистрации заявлений (сообщений) о преступлении в электронной форме.

Ключевые слова: стадия, возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении, информационные технологии, электронное заявление, повод, регистрация.

INFORMATIZATION OF PROCEEDING ACTIVITIES AT THE STAGE OF RECEIVING, REGISTRATION AND PROCESSING OF A CRIME REPORT: MAIN DIRECTIONS OF LEGISLATIVE TRANSFORMATIONS

Ryapolova Y. P.

The article discusses the theoretical aspects of informatization of the procedure for receiving, registering and processing reports of a crime, its practical applicability, and develops proposals for securing the procedural possibilities for filing and registering applications (messages) about a crime in electronic form.

Keywords: stage, initiation of a criminal case, notification of a crime, information technology, electronic application, pretext, registration.

Если обобщить обсуждаемые перспективы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации начальной стадии процесса в условиях внедрения современных информационных технологий, наиболее востребованные и ожидаемые вскорости изменения касаются замены устаревшего письменного делопроизводства электронным документооборотом, а также введения автоматизированного порядка приема, регистрации, обработки сообщений о преступлениях [1, с. 110; 2, с. 566]. Вместе с тем высказанные идеи требуют обстоятельного изучения и определения теоретической и организационной основы для изменений подобного рода в рамках УПК РФ.

Предпосылки для использования электронной формы заявления и сообщения о совершенном или готовящемся преступлении заложены в существующих подзаконных актах, детально регламентирующих порядок проведения ряда процессуальных действий организационно-обеспечительного характера [3, с. 88], например, Приказ МВД РФ от 29 августа 2014 г. № 736, а также соответствующих сервисах интернет-порталов правоохранительных органов и органов

© Ряполова Я. П., 2022

прокуратуры, при этом данный вариант малоэффективен для решения собственно уголовно-процессуальных задач на начальном этапе судопроизводства [4, с. 47], ведь электронное обращение распечатывается на бумажном носителе, дальнейшая работа ведется с ними с резолюции руководителя ОВД как с письменным заявлением о преступлении, но в отличие от последних: при подаче электронного заявления о преступлении заявитель не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ; в электронной форме обращения (в том числе и по техническим причинам) отсутствует такой реквизит, как личная подпись.

Уголовно-процессуальным законодательством России предусмотрена возможность использования электронных документов в ходе уголовного судопроизводства (ст. 474.1 УПК РФ), однако такая возможность успешно реализуется исключительно в ходе судебной стадии уголовного процесса. На уровне отдельных субъектов РФ описаны примеры активного межведомственного взаимодействия с использованием электронного документооборота судов с органами МВД, прокуратуры, судебного департамента, налоговой службы, федерального казначейства, Росимущества, Росреестра, Почты России и других государственных органов, информация или содействие которых необходимы для быстрого и беспрепятственного осуществления правосудия [5, с. 117]. При этом следует согласиться с проф.Масленниковой Л.Н. в том, что на федеральном уровне пока нет единой платформы, объединяющей госорганы, осуществляющие уголовное судопроизводство, как по вертикали, так и по горизонтали, в рамках такой платформы нет связи и с населением [6, с. 220].

Идея электронного документооборота на этапе рассмотрения сообщения о преступлении заключается в создании программного обеспечения (платформы), позволяющего заявителям осуществлять передачу в правоохранительные органы сообщений о преступлениях в интерактивной форме (онлайн), а субъектам проверки – осуществлять прием, регистрацию и дальнейшее производство по заявлениям (сообщениям) о преступлениях в электронной форме с возможностью создавать электронные документы с четкой структурой и реквизитами (вкладками, полями, обязательными для заполнения), подписывать их посредством электронно-цифровой подписи, хранить. Такая платформа предполагает также возможность своевременного и беспрепятственного доступа к ней должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль. Все поступающие материалы проверки, не являющиеся электронными документами, должны быть оцифрованы и приобщены к так называемому «электронному досье» в виде файлов, оцифровка документов при этом производится посредством сканирования, фотографирования или видеозаписи. По итогам завершения проверки сообщения о преступлении система оповещала бы в электронном виде заявителя и лица, в отношении которого велась проверка, о принятом решении путем отправки электронной копии процессуального решения. В случае несогласия с

принятым по итогам проверки решением заинтересованное лицо может обжаловать его также путем подачи жалобы прокурору, руководителю следственного органа или в суд в электронном виде.

Внедрение электронного документооборота позволит существенно снизить количество нарушений в учетно-регистрационной работе правоохранительных органов, объективизировать криминальную статистику и искоренить порочную практику укрывательства преступлений. Ученые-процессуалисты видят преимущество электронного документооборота в устранении избыточного формализма уголовного судопроизводства, в повышении открытости, доступности, экономичности и оперативности правосудия, автоматической систематизации и структурировании материалов уголовного дела, обеспечении удаленного взаимодействия между органами дознания, другими следственными подразделениями, органами прокуратуры, судами, усилении гарантий лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство [7, с. 73].

Существующая практика говорит о преобладании ведомственного подхода, когда цифровые технологии «вписываются» в общую работу того или иного ведомства [8, с.64] в системе правоохранительных органов. Среди таких разработок следует упомянуть систему электронного документооборота в органах внутренних дел, автоматизированный информационный комплекс «Надзор», Государственная автоматизированная система правовой статистики, инициативные разработки Следственного комитета РФ (автоматизированная система уголовно-правовой статистики и информационная система «Электронный паспорт уголовного дела» и некоторые другие), также описаны иные примеры опытных разработок в Главных управлениях Следственного комитета, отдельных региональных следственных управлениях как дополнительных программных средств оптимизации прохождения документов, ориентированные на уточнение именно своих специфических задач [9, с. 53; 10, с. 103]. Положительным моментом при таком подходе можно считать то обстоятельство, что зрелость IT-технологий, доступных нашим правоохранительным органам, позволяет говорить о перспективах внедрения электронных форм взаимодействия между различными ведомствами и гражданами при приеме и рассмотрении заявлений о преступлении.

Следует учитывать неразрешенные вопросы, непосредственно связанные с ходом и обсуждаемыми процессами внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную форму на досудебном производстве: обеспечение информационной безопасности в сфере идентификации личности, защиты от несанкционированного доступа и фальсификации извне сохраненных электронных документов, для чего потребуется качественное техническое решение; поиск доступных способов получения электронной цифровой подписи для всех заинтересованных граждан, введение биометрической идентификации личности заявителя; проблема «цифрового неравенства», когда

для отдельных лиц все еще остаются недоступными для понимания или использования достижения электронных технологий; явно недостаточный уровень доверия населения к информационным технологиям на текущий момент [11, с. 31], что обусловлено значительным ростом количества преступлений, инструментом которых выступают цифровые технологии.

Критически оценивается возможность закрепления в электронной форме информации о предметах и документах, поступивших к следователю или дознавателю и могущих стать впоследствии вещественным доказательствами, ведь заменить их виртуальными аналогами не представляется возможным [12, с. 20], значит реальная «физическая» часть будущего уголовного дела сохранится в неизменном виде.

Объективно существует проблема вероятных «сбоев» каждый раз, когда потребуется обновление программного обеспечения вследствие существенных изменений в законодательстве или организационной системе органов дознания и следствия, а потому «доступность» бумажных файлов и бумажных рабочих процедур на этапе обработки первичной информации о преступлении должна быть сохранена.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в контексте рассуждений о стратегических целях модернизации стадии возбуждения уголовного дела в условиях воздействий технологического фактора на систему уголовного судопроизводства необходимо стремиться к переходу (замене) на электронный формат максимально возможного объема составляемых и обрабатываемых уголовно-процессуальных документов при условии сохранения в текущих условиях альтернативной (письменной, традиционной) формы их закрепления в материалах проверки. Цифровые технологии должны способствовать оптимизации процессуальной формы, укреплению и развитию процессуальных гарантии, при этом требуют тщательной разработки вопросы о конкретных технических решениях, минимизирующих риски такой цифровизации.

Список источников

1. Усачев А. А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №. 8 (60). С.100 -111.

2. Насонов А.А., Малуева Р.Ю. О необходимости расширения границ электронного документооборота в уголовном судопроизводстве России, включая распространение электронной формы на процедуру согласования процессуальных действий и решений // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. №4. С. 561-567.

3. Ряполова Я.П. Понятие и виды процессуальных действий, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 4 (37). С. 85-90.

4. Самойлов П.А. Электронное заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела (сравнительный анализ правовой регламентации в нормативных актах МВД России и в УПК РФ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. №. 2. С. 44-50.

5. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex russica. 2019. № 5. С. 117 - 131.
6. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214 - 224.
7. Торбин Ю.Г., Усачев А.А., Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания на начальном этапе досудебного производства // Lex russica. 2020. № 3. С. 70 - 79.
8. Воскобитова Л. А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // Lex Russica. 2020. №. 4 (161). С. 53-68.
9. Бычков В. В., Вепрев С. Б. Электронный документооборот в следственной деятельности: проблемы и пути их решения //Правопорядок: история, теория, практика. 2018. №. 4 (19). С. 50-54;
10. Канунник А. И., Сергеева Т. А. Проблемы и перспективы использования электронного документооборота в Следственном Комитете Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. №. 3(31). С. 101-106.
11. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. №3 (51). С. 27-38.
12. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? //Вестник экономической безопасности. 2019. №. 1. С. 15-25.

УДК 343.2/.7

КЛАССИФИКАЦИЯ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Савин Павел Тимурович
Доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент, капитан юстиции
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

В статье рассматриваются различные классификации поощрительных норм уголовного права. Исследуя данный вопрос, автор соглашается с тем, что поощрительная норма обладает позитивной юридической санкцией, которая отличает ее от иных норм. Автор приходит к выводу о том, что критерием классификации поощрительных норм следует избрать именно разновидность позитивной юридической санкции.

Ключевые слова: поощрительная норма; позитивная санкция; классификация норм.

CLASSIFICATION OF INCENTIVE LEGAL NORMS

Savin P. T.

The article discusses various classifications of incentive norms of criminal law. Exploring this issue, the author agrees that the incentive norm has a positive legal

© Савин П. Т., 2022

sanction, which distinguishes it from other norms. The author comes to the conclusion that it is a kind of positive legal sanction that should be chosen as the criterion for the classification of incentive norms.
Keywords: incentive norm; positive sanction; classification of norms.

Поощрительные нормы известны не только уголовному праву, но и другим отраслям российского права. Встает закономерный вопрос о том, как их надлежит воспринимать с точки зрения теории государства и права. Так, С.С. Алексеев полагал, что выделение поощрительных норм в качестве особой разновидности возможно по такому критерию, как характер социального воздействия, что позволяет отграничить их от норм непосредственного государственно-властного воздействия. По мнению ученого, данные нормы отличаются прежде всего обеспечительными мерами, что выражается в наличии или отсутствии санкций [1, с. 326-327]. С данной точкой зрения в целом следует согласиться. В тоже время представляется, что поощрительных нормы, в частности уголовно-правовые, все же обеспечиваются санкциями.

Ряд ученых полагает, что применительно к поощрительной норме следует вести речь о позитивной юридической санкции, которая представляет элемент нормы, описывающий форму и характер поощрения [2, с. 77]. Позитивная юридическая санкция обладает и рядом важных признаков:

– закреплена в правовых актах;

– является при этом не только методом стимулирования социально-значимого поведения, но и методом убеждения;

– обязательной составной частью такой санкции является награда, состоящая либо в предоставлении ценностей, либо в отмене или смягчении мер лишения, либо в расширении возможностей [3, с. 81-82].

Заслуживает внимания и точка зрения ученых, предполагающих наличие альтернативных наказательно-поощрительных санкций в уголовном законе. Данная точка зрения обосновывает наличие позитивной юридической санкции в статье Общей части УК РФ, где предусмотрено освобождение от уголовной ответственности или от наказания, которая взаимосвязана с наказательной санкцией статьи Особенной части УК РФ [4, с. 23-24].

Соответственно, поощрительная норма связана не только со стимулированием полезного поведения, но и с методом убеждения. В самой поощрительной норме содержится позитивная юридическая санкция, которая в тоже самое время неразрывно связана с санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей наказание. Иными словами, речь скорее идет о том, что угроза уголовной ответственности и наказания убеждает лицо задуматься о последствиях своего противоправного деяния, заставляя переоценить содеянное в прошлом и задуматься о своем будущем. Учитывая, что будущее определяется во многом не прошлым, но настоящим – законодатель, стимулируя социально-значимое поведение, предоставляет оступившемуся ряд возможностей, реализация кото-

рых может повлечь для действительно заинтересованного в этом лица благоприятные последствия, выражающиеся в отмене либо смягчении мер лишения. В данном случае, существование поощрительной нормы как особой разновидности правовой нормы обусловлено спецификой ее строения. Санкция, связанная с наказанием, опосредует существование позитивной юридической санкции поощрительной нормы уголовного права. Так именно угроза реализации наказания является неотъемлемым условием существования поощрения в уголовном праве.

Дополнительным обоснованием существования позитивной юридической санкции в уголовно-правовой поощрительной норме следует назвать то, что само уголовно-правовое воздействие неразрывно связано с применением санкций [5, с. 242].

Учитывая сказанное, следует согласиться с тем, что стимулирование является диалектическим понятием, так как метод стимулирования обладает двумя разными сторонами: негативной и позитивной [6, с. 6]. Применительно к стимулированию в уголовном праве, следует заметить, что к первой относятся уголовная ответственность и наказание, а ко второй - поощрение. Соответственно, поощрительная уголовно-правовая норма обусловлена наличием диспозитивного метода в уголовном праве, который необходим для обеспечения его стимулирующей функции как таковой.

Всецело соглашаясь с теми учеными, которые с позиций теории государства и права отстаивают существование поощрительных норм, как самостоятельной разновидности правовых, надлежит определиться и с характерными для них признаками. О.А. Шабаева указывает на следующие пять основных признаков:

– поощрительные нормы выступают соответствующим элементом механизма правового регулирования;

– указанный элемент механизма правового регулирования является позитивно-стимулирующим;

– поощрительные меры выступают формой общественно-государственного одобрения и вознаграждения добровольных позитивных действий;

– поощрительная мера, как правило, предоставляется за добровольный положительный поступок;

целью предоставления поощрительной меры является стимулирование правомерной активности субъектов права [7, с.8-9].

Переходя непосредственно к вопросам классификации именно поощрительных норм уголовного права, надлежит затронуть разновидности классификации поощрительных норм в российской правовой системе в целом. Прежде всего, следует указать на классификацию по критерию отраслевой принадлежности: нормы уголовного права, трудового права, гражданского, административного и иных отраслей. Поощрительные нормы могут классифицироваться по субъекту их издания: начиная от Правительства РФ и заканчивая руководителем той или иной организации. По сфере действия:

общие, которые применяются ко всем и специальные, которые применяются к определенным категориям лиц, например, к работникам той или иной организации. По юридической силе акта, в котором поощрительные нормы закреплены: законные и подзаконные. По территории действия: федеральные, региональные, местные и локальные [3, с. 80].

Следуя данным критериям, поощрительные нормы отрасли уголовного оправа можно отнести к регламентированным федеральным законодательством и действующим в пределах действия российского уголовного закона, в отношении особой категории лиц, представители которой могут состоять в уголовно-правовых отношениях, отвечая общим условиям уголовной ответственности и совершая соответствующее деяние, которое по своей правовой природе может быть как правомерным, так и противоправным.

Данная классификация обусловлена тем, что поощрительными являются не только нормы, регламентирующие социально-полезное постпреступное поведение, но и иные, к примеру, связанные с реализацией гражданами права на необходимую оборону, которая несомненно относится к правомерным деяниям. Следует полностью согласиться с точкой зрения А.С. Ахметшина, который полагает, что в данном случае речь идет о том, что устранение обременений по реализации субъективных конституционных прав выступает уголовно-правовым поощрением [8, с. 213]. Нормы необходимой обороны отвечают признакам поощрительной нормы:

– применяются в качестве ответа на добросовестный добровольный поступок;

– взаимовыгодны для обороняющегося с одной стороны и общества с государством с другой;

– поощряемый поступок – исключительно доброволен;

– их применение влечет благоприятные последствия, которые обладают определенной спецификой, характерной уголовному праву [9, с. 200].

Классификация собственно уголовно-правовых поощрительных норм представляется весьма разнообразной. К примеру, Д.А. Липинский полагает целесообразным осуществлять классификацию поощрительных норм, избрав в качестве критерия классификации их содержательные характеристики. Данная классификация позволяет разделить поощрительные нормы на моральные, материальные и смешанные [4, с. 24]. В тоже время, такая классификация не в полной мере подходит для поощрительных норм уголовного права. Они все представляются скорее смешанными.

Целесообразной представляется классификация поощрительных норм исходя из их адресата, предложенная Ю.В. Голиком:

– поощрительные нормы, адресованные всем;

– нормы, адресованные лицам, которые уже начали, однако еще не завершили преступную деятельность;

– адресованные лицам, которые уже совершили преступные деяния;

– адресованные лицам, совершившим определенные виды преступлений;

– адресованные осужденным, отбывающим наказание;

– адресованные уже отбывшим наказание [10, с. 29-33].

Звечаровский И.Э. на основе разграничения по этапам реализации поощрительных норм, называет такие их разновидности, как:

– допенитенциарные;

– пенитенциарные;

– постпенитенциарные [11, с. 96].

Избрав критерием форму поощрения, описанную в диспозиции, следует указать на такие разновидности поощрительных норм, как:

– связанные с правом на поощрение;

– связанные с обязанностью уголовно-правового поощрения со стороны компетентных органов [12, с.79-80].

Также, поощрительные нормы могут быть разделены на те, которые связаны:

– с прекращением уголовного дела;

– смягчением наказания;

– освобождением от отбывания наказания [13, с. 177].

Разновидностей возможных классификаций поощрительных существует значительное количество, так как это обусловлено многообразием возможных критериев дифференциации [14, с. 67-71].

Представляется, что наиболее удачный вариант классификации поощрительных норм уголовного права является тот, в котором критерием классификации избрана разновидность позитивной юридической санкции. Так, В.А. Елеонский определял три основных разновидности таких санкций:

– поощряющие социально-правовую активность человека и гражданина;

– поощряющие отказ субъекта от дальнейшей преступной деятельности;

– поощряющие осужденного на исправление и перевоспитание [15, с. 94].

Как было рассмотрено в начале данной статьи, именно позитивная санкция является специфическим отличием строения поощрительной нормы. Именно позитивная санкция позволяет выделить поощрительные нормы как особую разновидность правовых норм. Следовательно, и с позиций теории государства и права, и с позиции теории уголовного права надлежит избрать критерием классификации поощрительной уголовно-правовой нормы содержание поощрения, предусмотренного позитивной уголовно-правовой санкцией, которую в свою очередь следует признать неотъемлемым элементом поощрительной уголовно-правовой нормы. Данная классификация может выглядеть запутанной и сложной, но с позиции юридической техники конструирования нормы, она представляется крайне эффективной.

Список источников

1. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. 2-е изд. Москва: Проспект, 2008. 565 с.

2. Малько А. В. Юридические поощрения как разновидность социальных санкций // Общественные науки. 1998. №4. С. 75-84.

3. Волкова, В.В. Поощрительные нормы: понятие, содержание // Право и практика. 2011. №2. С. 76-83.

4. Липинский Д. А. О юридико-технических конструкциях поощрительных альтернативных санкций и их влиянии на индивидуализацию позитивной юридической ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. №4. С. 21-24.

5. Хлыстова Н. Б. Поощрительные санкции в механизме уголовно-правового воздействия: анализ судебной практики // Образование и право. 2019. №12. С. 241-246.

6. Поощрительные нормы советского социалистического права / Баранов В.М.; Под ред.: Байтин, М.И. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 147 с.

7. Шабаева О. А. Поощрительные нормы в системе правовых норм // Сибирский юридический вестник. 2010. №1. С. 3-9.

8. Ахметшин А.С. Необходимая оборона как поощрительная норма // Вестник КрасГАУ. 2009. №5. С. 213-217.

9. Балмочных С.В. Необходимая оборона в системе уголовно-правового поощрения // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. С. 200-201.

10. Голик Ю.В. Поощрительные нормы в советском уголовном праве / Ю. В. Голик // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск: Изд-во 181 Том.. ун-та, 1984. С. 29–33.

11. Звечаровский И.Э. Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Звечаровский Игорь Эдуардович. Л., 1987. 197 с.

12. Мелтонян, Р.М. Поощрительные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мелтонян Роберт Мясникович. – Рязань, 1999. – 172 с.

13. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Тарханов Ильдар Абдулхакович. Казань, 2002. 458 с.

14. Курилов С.И. Классификация поощрительных норм Общей части уголовного кодекса Российской Федерации, направленных на предупреждение преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №1. С. 67-71.

15. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / В. А. Елеонский. Хабаровск : ХВШ МВД СССР, 1984. 108 с.

УДК 343.13

ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ И ИНЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ В АСПЕКТЕ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ УПРАЗДНЕНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Саливаров Вячеслов Яковлевич
Доцент кафедры уголовного правовых дисциплин
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Федоров Игорь Зиновьевич
Заведующий кафедрой уголовного права и судопроизводства
кандидат юридических наук, доцент
Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации

В статье поднимается вопрос о месте и роли института возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии процесса. Приводятся и анализируются высказывания авторов научных публикаций, занимающих позиции «за» и «против» сохранения или упразднения названной стадии досудебного производства. Высказывается собственное мнение по поводу исследуемого вопроса.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; сохранение института возбуждения уголовного дела; ликвидация стадии возбуждения уголовного дела; регистрация и проверка сообщения о преступлении.

PREDICTED AND OTHER POSSIBLE OPTIONS OPTIMIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA IN THE ASPECT OF PRESERVING OR ABOLISHING THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Salivarov V. Ya., Fedorov I. Z.

The article raises the question of the place and role of the institution of initiation of criminal proceedings as an independent stage of the process. The statements of the authors of scientific publications who take positions "for" and "against" the preservation or abolition of the said stage of pre-trial proceedings are presented and analyzed. The author expresses his own opinion about the issue under study.

Keywords: stage of initiation of a criminal case; preservation of the institution of initiation of a criminal case; liquidation of the stage of initiation of a criminal case; registration and verification of a crime report.

Разные точки зрения и позиции в юридической науке и практике, выражаемые авторами в ходе дискуссий, полемик и в публикуемых ими трудах по поводу оценки современного состояния и вариантов дальнейшего развития доктрины отечественного уголовно-процессуального права и практики судопроизводства, в настоящее время, как нам представляется, не позволяют уверенно и однозначно определить приоритетные направления ожидаемых в будущем изменений и дополнений, которые могут быть внесены в ныне функционирующие процессуально-правовые институты и механизмы отрас-

© Саливаров В. Я., Федоров И. З., 2022

левого судопроизводства, осуществляемого в соответствии с действующим УПК РФ.

Особенно обсуждаемой темой в этом плане, как мы убедились, является спорный вопрос о месте института возбуждения уголовного дела как первоначальной стадии судопроизводства. При этом, выдвигая разные по своей идее и содержанию гипотезы, одни авторы апеллируют к проявившим себя на практике и исследованным ими недостаткам, характерным для осуществляемого в данной стадии досудебного производства, а другие – к зарубежным образцам начала уголовного преследования, в которых, как известно, стадия возбуждения уголовного дела отсутствует. Среди ученых и практиков имеются и те, которые предлагают сохранить в стадию возбуждения уголовного дела с условием, что ее процессуально-правовые механизмы будут доведены до такого совершенного состояния, которое будет отвечать требованиям времени.

Поэтому мы решили подвергнуть анализу вопросы, связанные с идеей глобального перестроения начального этапа судопроизводства по уголовному делу путем исключения из него стадии возбуждения уголовного дела, и предпринять попытку сформулировать свое мнение.

Обзор научных и других тематических работ, изданных после вступления в действие УПК РФ 2001 г., свидетельствует о том, что претензии разного рода к алгоритму нового порядка производства в стадии возбуждения уголовного дела сначала появились у практиков. Позже их поддержали ученые, которые, исследовав эмпирическую реальность, также убедились в наличии ряда недостатков в отраслевом уголовно-процессуальном праве.

Законодатель не мог не реагировать на существующие проблемы, что подтверждается тем, что по состоянию на апрель 2021 г. за двадцать лет институт возбуждения уголовного дела претерпел ряд изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ шестнадцатью федеральными законами.

Тем не менее, научные дискуссии не прекратились. Вскоре среди сторонников и противников сохранения в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела, по определению А.Б. Сергеевой и Э.А. Хохряковой [11], обозначились три группы ученых:

1) видящие нецелесообразность стадии возбуждения уголовного дела как «реликта» социалистической законности [5] и др.;

2) стоящих за аннулирование стадии возбуждения уголовного дела как «субъективного барьера в деятельности стороны обвинения» [3; 10, с. 22] и др.;

3) объединенных позицией сохранения стадии возбуждения уголовного дела с существенной переработкой ее нормативной базы [11].

Мы согласны с тем, что все из указанных трех вариантов оптимизации начального этапа уголовного преследования заслуживают внимания и имеют право на существование, ибо они основаны на убедительной аргументации каждой из сторон своей позиции. Кроме

того понимаем, что за сохранением или ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела, если какое-либо из этих решений законодателем будет принято, соответствующий тому обновленный или совершенно новый порядок проверки и разрешения заявлений о преступлениях будет запущен внутри модернизированной стадии возбуждения уголовного дела либо вне ее, по зарубежной аналогии. Не исключено, что такие модели процессуального правоприменения в теории уже разработаны, но еще не апробированы в практике уголовного судопроизводства.

С учетом этого, рассматривая разные возможные варианты дальнейшей «судьбы» стадии возбуждения уголовного дела, мы решили обратиться к наиболее устойчивым на сегодня теориям совершенствования досудебных производств, озвученных устами ведущих ученых-процессуалистов и практиков.

Одним из противников сохранения стадии возбуждения уголовного дела является профессор Б.Я. Гаврилов. Объясняя свою позицию автор ссылается, с одной стороны, на 20% отмененных прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а с другой – на то, что с 30,8% в 2006 г. до 16,8% в 2017 г. сократилось количество принятых решений о возбуждении уголовного дела. Исходя из этого, предлагает исключить из ст. 146 и 148 УПК РФ полномочия следователя и дознавателя возбуждать уголовное дело или отказать в возбуждении уголовного дела и предлагает признать началом расследования момент регистрации сообщения о преступлении (без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела), одновременно увеличив сроки предварительного расследования свыше 2-х месяцев [3, с.11].

Мы согласны с Б.Я. Гавриловым в части, касающейся необходимости признания процедуры приема и регистрации заявления или сообщения о преступлении началом уголовного преследования. К тому же прием и проверка дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении предусмотрено в УПК как их прямая обязанность. Однако уголовно-процессуальный закон не регулирует порядок приема и регистрации сообщения о преступлении в качестве процессуальных действий, из-за чего признать данный этап началом производства по уголовному делу на сегодня не представляется возможным априори.

Таким образом, даже личный прием заявления о преступлении или явки с повинной, как и составление рапорта об обнаружении признаков преступления следователем, дознавателем, сотрудником органа дознания не обеспечивает ему полную процессуальную форму выполняемого действия в стадии возбуждения уголовного дела, ибо следующим за этим обязательным промежуточным звеном до разрешения сообщения о преступлении является не предусмотренная УПК РФ регистрация названных документов в книге учета сообщений о преступлениях (КУСП) [7, с. 135-142].

Учитывая приведенные аргументы, мы согласны с тем, что порядок приема и регистрации сообщений о преступлениях необходимо привести в процессуальную форму, для чего необходимо дополнить УПК РФ соответствующими нормами, регламентирующими институт и механизм приема и регистрации сообщений о преступлениях. Только в этом случае началом уголовного преследования можно было бы считать этап регистрации сообщения о преступлении в КУСП, о чем мы писали и ранее [7, с. 135-142].

Наверное, не случайно разработчики «Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» еще в 2013 г. озадачились тем, как можно оптимизировать систему учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях и унифицировать ее с международными аналогиями, используемыми в странах Европы и США. Ими планировалась подготовка проекта закона о внесении изменений в УПК РФ, в соответствии с которым предлагалось наделить следователя, дознавателя, орган полномочиями приступить к производству по уголовному делу минуя процедуру стадии его возбуждения такого порядка, какой ныне предусматривает действующий УПК РФ[7, С. 135-142].

В этом же документе усматривается возможность трансформации стадии возбуждения уголовного дела в алгоритм совершения таких процессуальный действий, как: 1) прием и регистрация сообщения о преступлении; 2) проверка сообщения о преступлении – собирание доказательств; 3) применение меры процессуального принуждения – задержание (сроком до 48 часов без судебного решения); 4) производство следственных действий (допрос подозреваемого, потерпевшего, свидетеля; обыск; прослушивание и запись телефонных переговоров и иных неотложных следственных действий) [7, с. 135-142].

Идею исключения стадии возбуждения уголовного высказывают О.В. Логунов, С.П. Умнов, Э.К Кутуев, в рамках которой предлагают дифференцировать процесс уголовного преследования путем выполнения функций по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений непосредственно дознавателям и следователям, а материалы, собранные органом дознания в рамках их профессиональных обязанностей и переданные для приобщения к материалам уголовного дела, признавать без дополнительного доказывания (по правилам преюдиции) с учетом того, что они уже проверены руководителями соответствующих структурных подразделений и могут быть обжалованы сторонами процесса в предусмотренном законом порядке [7, с. 88-93].

«Еще один аргумент против стадии возбуждения уголовного дела» (так называется научная статья) приводят А.Ю. Афанасьев и М.Е. Репин, которые усматривают в указанной стадии ее коррупциогенность, исходящую их ч. 2 ст. 140 и других норм главы 19 УПК РФ. Авторы уточняют, что «… повышенный уровень коррупционного риска уголовно-процессуальных решений о возбуждении уголов-

ного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела … может привести к совершению коррупционных преступлений должностными лицами уголовного процесса» [2, с. 24-30]. Они критикуют используемую в данной стадии терминологию, включающую такие слова, как: «вправе» (предполагается, что выражает неопределенность и дискреционные полномочия); «наличие достаточных данных» (словосочетание, которое, по мнению авторов, в связке с ч. 1 ст. 146 УПК РФ создает «коррупционно-опасную ситуацию»).

Кстати, мы не согласны с таким утверждением, ибо не только в рамках доследственной проверки, но и в других стадиях уголовного судопроизводства слова «вправе», «наличие достаточных данных» и иные юридические термины, широко используемые в качестве процессуальных понятий, законодатель счел пригодными для выражения идеи и содержания УПК РФ. Полагаем, что сами по себе эти термины коррупциогенными не являются, и признак таковой им могут придать только незаконные и необоснованные действия и решения соответствующего процессуально уполномоченного должностного лица, в частности, следователя или дознавателя. Стоит ли заниматься никчемной «ревизией» текста закона для мотивации упразднения стадии возбуждения уголовного дела?

А.В. Огрызков, анализируя мнения ряда авторов «за» и «против» стадии возбуждения уголовного дела, пришел к выводу, что данная стадия «… как самостоятельный этап уголовного судопроизводства требует преобразования, поскольку существенно снижает эффективность реагирования правоохранительных органов на сообщения о преступлениях, а также является препятствием для лиц, пострадавших от противоправных деяний, при осуществлении их конституционного права на доступ к правосудию» [с. 8, 116-119].

А.Б. Сергеев и Э.А. Хохрякова, поддерживая идею сохранения стадии возбуждения уголовного дела, утверждают:

- «… не являются противоречием друг другу (антагонистическими) одновременное решение основополагающих задач уголовного судопроизводства, связанных с выполнением дознавателем (следователем) обязанностей …», соотносимых с процессуальной деятельностью, осуществляемой в стадии возбуждения уголовного дела;

- «Стадии возбуждения уголовного дела нет альтернативы. При получении сообщений о преступлении правоохранительными органами отказ от проверочных действий означает отказ государства гарантировать гражданам поиск путей по исключению произвола со стороны правоохранительных органов на первоначальном этапе судопроизводства.

- Современная регламентация института возбуждения уголовного дела не является совершенной и требует тщательного всестороннего и комплексного анализа.

- Одним из направлений совершенствования института возбуждения уголовного является совершенствование поводов к возбуждению уголовного дела.

- Изменение законодательства, в сторону расширения перечня следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела, не обязательно следует трактовать как тенденцию к отказу в существовании данной стадии …» [11].

Абстрагируясь от содержания материалов исследований, проведенных указанными и другими учеными, и проведенного нами их анализа, мы пришли к выводу о том, что, с одной стороны, этап начала уголовного преследования из уголовного процесса исключить нельзя, а с другой, и совмещать его со стадией предварительного расследования было бы не разумно.

Поэтому мы предлагаем ввести в отраслевую теорию, уголовно-процессуальное законодательство и практику судопроизводства другое наименование первоначальной стадии процесса. Таковыми могли бы стать «Производство до возбуждения уголовного дела» или «Доследственная проверка» (заявления или иного сообщения о преступлении).

Полагаем, что любое из этих названий соответствует содержанию производства по приему, регистрации и проверке сообщения о преступлении, поскольку все они осуществляются до возбуждения уголовного дела. В этом случае вторую стадию уголовного процесса можно было бы назвать «Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование», где термин «возбуждение уголовного дела» обозначал бы не более чем одноименное процессуальное решение, которое «дает старт» началу предварительного расследования. Но при этом само производство проверки по сообщению о преступлении, предшествующее возбуждению уголовного дела, уже окончено [6, с. 135-142].

Мы не отвергаем и другие, удачные на наш взгляд, идеи относительно переименования первоначальной стадии уголовного процесса. Уместным, например, можно признать название «Досудебное производство». Однако при этом будет стерта традиционная граница между ныне существующими двумя досудебными стадиями процесса. Мы не согласны с этим и считаем, что надо сохранить обе стадии, но, возможно, под иными названиями и примерно с тем же содержанием процессуальных действий и решений.

Таким образом, в настоящее время единое мнение относительно перспектив стадии возбуждения уголовного дела в науке уголовного процесса отсутствует, в споре «за» и «против» ее сохранения или ликвидации «победители» пока не определились. Поэтому участники дискуссий и полемик по проблемам совершенствования уголовного судопроизводства, в том числе затронувшие данную тему, по нашему мнению, заслуживают поддержки и одобрения за свою активную научную позицию, ибо в споре рождается истина.

И законодатель еще не сказал своего весомого слова, закрепленного внесением глобальных изменений и дополнений в УПК РФ, поскольку, как мы полагаем, он еще не владеет научно обоснованной и апробированной на практике моделью, которой можно было

бы заменить существующий порядок досудебного производства по сообщению о преступлении.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (част I), ст. 4921.

2. Афанасьев А.Ю., Репин М.Е. Еще один аргумент против стадии возбуждения уголовного дела // Юридические исследования. 2018. № 2. С. 24-30.

3. Васильев Ф.Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 220 с.

4. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному уголовному судопроизводству? // Публичное и частное право. 2015. № 4 (28). С. 11.

5. Гущев В.Е. Народное обвинение в уголовном суде / В.Е. Гущев, А.С. Александров. Нижний Новгород, 1998. 160 с.

6. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (пункт 4.4.). Москва, 2013. 4 февр. URL: https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html (дата обращения 25.01.2022). Текст : электронный.

7. Ленктис А.В., Федоров И.З. Правовая и теоретико-прикладная характеристика стадии возбуждения уголовного дела в аспекте возможных направлений ее оптимизации в судопроизводстве России // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 135-142.

8. Логунов О.В., Умнов С.П., Кутуев Э.К. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 88-93.

9. Огрызков А.В. Дискуссионный вопрос о стадии возбуждения уголовного дела: «за» или «против» //Закон и право. 2018. № 12. С. 116-119.

10. Попов А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.П. Попов.Н.Новгород, 1999.22с.

11. Сергеев А.Б., Хохрякова Э.А. Стадия возбуждения уголовного дела – «атавизм» уголовного процесса // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). С. 163-168

УДК 343

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ РЕСУРСАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Сергеева Анжелика Анатольевна
Доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Питулько Ксения Викторовна
Доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

На основе современных материалов правоохранительной и судебной статистики в статье предлагаются способы повышения эффективности следственной деятельности в части выявления и пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: наркоситуация, преступление, сбыт, провокация, расследование

MODERN PROBLEMS OF COUNTERING DRUG CRIME WITH THE RESOURCES OF THE DOMESTIC LAW ENFORCEMENT SYSTEM

Sergeeva A. A., Pitulko K. V.

On the basis of modern materials of law enforcement and judicial statistics, the article proposes ways to improve the efficiency of investigative activities in terms of identifying and suppressing illegal trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances.

Keywords: drug situation, crime, sale of drugs, provocation, investigation

Наркоситуация в современной России характеризуется крайне неблагоприятными показателями. По данным МВД РФ, в структуре зарегистрированной преступности деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, занимают до 10% (2016 г. – 201165 преступлений при общем количестве 2 млн 160 тыс., в 2017 – 208861 при общем массиве 2 млн 58,5 тыс., 2018 – 200306 при общем массиве 1 млн 992 тыс., 2019 – 190197 при общем массиве 2 млн 24,3 тыс., 2020 – 189905 при общем массиве 2 млн 44,2 тыс. [1]). Как правило, криминальная активность охватывает сбыт наркотических средств или психотропных веществ, либо приобретение (хранение, изготовление, переработку, перевозку) в целях последующего употребления. В условиях пандемии Covid-19 количество зарегистрированных преступлений рассматриваемой группы незначительно снизилось, однако это, скорее, является следствием сокращения внешних контактов в среде потребителей нарко-

© Сергеева А. А., Питулько К. В., 2022

тиков. Иными словами, в период действия карантинных ограничений они стали проявлять бОльшую осторожность и в большей степени учитывать риск обнаружения непосредственно на месте совершения преступления.

При столь значительном количестве зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, статистические данные, характеризующие динамику принятия итогового процессуального решения, не дают оснований для выводов о высокой интенсивности деятельности судов. Так, в 2016 г. по ст. ст. 228, 228.1 УК РФ было осуждено 101220 человек, в 2017 – 99758, в 2018 – 88410, в 2019 – 76062, в 2020 – 67036 [2]. Как видно, за пять лет количество осужденных по приговору суда сократилось почти на треть, тогда как число зарегистрированных преступлений – чуть более чем на 5%. При этом доля лиц, осужденных по ст. 228.1 УК РФ, составляет около 20% от общего числа субъектов, в отношении которых вынесены приговоры по делам о наиболее распространенных действиях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Это означает, что в суды в четыре раза чаще направляются уголовные дела, расследованные по ст. 228 УК РФ, по которым к ответственности привлекаются лица, действовавшие без цели сбыта. Наиболее опасные преступники, вовлеченные в сбыт запрещенных веществ, предстают перед судом с гораздо меньшей частотой.

Из этого следует, что ресурсы отечественной правоохранительной системы в большей части ориентированы на быстрое выявление и пресечение криминальной активности, не сопряженной с распространением наркотических средств и психотропных веществ. При том условии, что правовая оценка их немедицинского потребления имеет важное значение (в том числе, профилактическое, поскольку приведенные статистические данные свидетельствуют в целом о неотвратимости наказания), это нельзя признать правильным. В правовой доктрине действия лиц, вовлеченных в незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, справедливо признаются обладающими крайне высокой общественной опасностью [3, с. 71-74], однако приведенные статистические параметры позволяют заключить, что эта форма преступного поведения в четыре раза безопаснее для преступника, нежели эпизодически совершаемые действия, направленные на удовлетворение привычки употреблять наркотические средства и психотропные вещества. При этом в структуре зарегистрированных наркопреступлений факты сбыта составляют до двух третей (2018-2020 гг. – около 112 тыс. ежегодно). Несогласованность этих данных может быть объяснена как более длительным периодом рассмотрения в суде дел о сбыте наркотиков, так и переквалификацией содеянного, происходящей по причине недоказанности умысла на совершение сбыта или же самого факта сбыта.

В связи с развитием научно-технического прогресса в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

оказались востребованными различные дистанционные способы их реализации конечному потребителю, подразумевающие бесконтактные формы оплаты. Это создает определенные трудности для выявления факта сбыта наркотиков, однако позволяет – в большинстве случаев – осуществлять эффективное обнаружение мест их временного размещения и цепи доставки к ним (типы тайников-«закладок» и механизм незаконной купли-продажи хорошо изучены в научной литературе [4, с. 83-86]; наиболее часто используемые для этих целей локации, а также основные роли наркопреступников, достаточно известны правоприменителям [5, с. 5-17]).

Соответственно, можно заключить, что сложившийся механизм выявления и пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ имеет некоторые дефекты, возникающие вследствие недостаточно эффективной организации правоохранительной деятельности. Она, в свою очередь, является следствием того, что до настоящего времени сохраняются сложившийся еще в советский период принцип оценки эффективности, основанный на учете количества раскрытых преступлений, и основанные на нем стереотипы работы органов предварительного расследования. Их преодоление может в будущем изменить современные негативные характеристики наркоситуации.

Одновременно представляется важным исключить квалификационные ошибки, допускаемые при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Особое значение в этом случае имеет установление четкой грани между недопустимой провокацией преступления и проведением оперативно-розыскного мероприятия, направленного на изобличении субъекта в причастности к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ. Как известно, в значительной степени успешное расследование дел данной категории обусловлено комплексом оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых впоследствии легализуются в качестве доказательств. Однако при этом проверочная закупка или оперативный эксперимент должны проводиться в строгом соответствии с законом, исключая элементы провокации.

Как известно, Европейский Суд по правам человека полагает, что если на момент планирования проверочной закупки отсутствуют доказательства причастности лица к сбыту наркотических средств, то оперативно-розыскное мероприятие признается провокацией (в частности, это подтверждено в постановлении от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин против Российской Федерации», в котором был отвергнут довод российских властей о том, что правильное документирование проверочной закупки является достаточным основанием для ее последующего использования по уголовному делу). Правовая позиция Европейского Суда по правам человека основана на материалах целого ряда дел, расследовавшихся в различных государствах (в целом полицейская практика, относящаяся к пресечению незаконного оборота наркотических средств, имеет много общего). Как

представляется, она в полном объеме учитывает необходимый баланс публичных и частных интересов, позволяет обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства и требует широкого применения в отечественной практике.

Список источников

1. Состояние преступности в Российской Федерации за 2016-2020 годы [электронный ресурс] // МВД России: сайт. Москва, 2021. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/ (дата обращения: 07.09.2021)

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016-2020 годы [электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. Москва, 2021. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 07.09.2021)

3. Бушков, Д.В., Эфрикян, Р.А. Квалификация посреднических действий и сбыта при незаконном обороте наркотических средств // ЮристЪ-ПравоведЪ. 2014. № 6. С. 71-74.

4. Поляков, В.В., Кондратьев, М.В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений / В.В. Поляков, М.В. Кондратьев // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 1. С. 83-86.

5. Суходолов, А.П., Бычкова, А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков / А.П. Суходолов, А.М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 5-17.

УДК 343.98

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ПРЕКУРСОРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Сидоренко Юрий Алексеевич
Преподаватель кафедры «Криминалистика»
Донбасская юридическая академия, г. Донецк

Материал предлагается в помощь следователям, оперуполномоченным, иным субъектам, участвующим в расследовании уголовных дел. В данной статье рассмотрены особенности преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в настоящее время, на территории Донецкой Народной Республики (ДНР). В ходе проведенного исследования рассмотрены вопросы организации работы сотрудников полиции по выявлению и документированию фактов незаконного оборота наркотических средств осуществляемого с использованием компьютерной сети Интернет. В соответствии с этим выделены возможные недостатки законодательства ДНР в сфере незаконного оборота наркотиков, их основные виды.

Ключевые слова: наркотическое средство, каннабис, незаконный посев, сбор дикорастущих растений, признаки и обстоятельства преступления.

ILLEGAL TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND PRECURSORS USING THE INTERNET

Sidorenko Yu. A.

The material is offered to help investigators, detectives, other subjects involved in the investigation of criminal cases. This article discusses the features of crime in

© Сидоренко Ю. А., 2022

the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, at present, on the territory of the Donetsk People's Republic (DPR). In the course of the study, the issues of organizing the work of police officers to identify and document the facts of illegal drug trafficking carried out using the Internet computer network were considered. In accordance with this, possible shortcomings of the DPR legislation in the field of drug trafficking, their main types, are highlighted.

Keywords: narcotic drug, cannabis, illegal sowing, collection of wild plants, signs and circumstances of the crime.

Научная новизна информации изложенной в статье заключается в комплексном подходе к изложению ключевых теоретических основ правового и организационного обеспечения деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров (НОН), осуществляемом посредством использования компьютерной сети Интернет. В материалах статьи дается уголовно-правовая характеристика незаконного оборота, сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, в том числе, обращено особое внимание на сбыт несовершеннолетним «начинающим» потребителям. Рассматриваются основания возбуждения и особенности расследования данной категории преступлений, включая способы получения необходимой доказательственной информации. Материал предлагается в помощь студентам, курсантам, слушателям высших учебных заведений юридического профиля, а также преподавателям юридических и криминалистических дисциплин. Материал статьи может быть достойным дополнением для совершенствования знаний оперуполномоченным, следователям, иным субъектам, участвующим в расследовании незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, вышеуказанным способом.

В статье мы простыми словами расскажем о назначении доменного имени и о том, что оно из себя представляет в интернете. Дадим определение термина «домен». Разберём, чем домен отличается от сайта и для чего домен нужен сайту. Начнем с того, что домен – это имя сайта. Набрав в строке браузера определенную комбинацию, например, «reg.ru», мы попадём на сайт. Домен (доменное имя, доменный адрес) — это, простыми словами, «название» сайта. Понятия «домен» и «сайт» часто путают, но это не одно и то же. Сайт – это веб-страницы, которые отображаются в интернете. А домен сайта – это его уникальный «адрес». Если у сайта занимающегося преступной деятельностью не будет домена, пользователи просто не найдут к нему дорогу и не увидят содержимое.

Как мы уже указали, в настоящее время, в сфере противодействия этой защите республики от НОН проявили себя компьютерные технологии. В части налаживания государственных отношений в лучшую сторону, они же в современной жизни, с противоположной стороны, добавили увеличение количества фактов незаконного оборота наркотических средств. Наряду с традиционными способами,

появилось большее количество новых способов распространения наркотических средств и психотропных веществ. Всё большую свою актуальность приобретают бесконтактные способы сбыта, совершаемые с применением компьютерных технологий сети Интернет. Этот способ совершения незаконного сбыта наркотиков позволяет преступникам добиться повышения оперативности и конспирации своей деятельности при совершении незаконного приобретения, изготовления и сбыта наркотиков, их контрабанды, а также легализации доходов от этой преступной деятельности.

Согласно законодательству ДНР № 79-IНС «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 02 октября 2015года информационной безопасностью детей является состояние, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию детей [2]. То есть его психика не должна принимать той информации, которая в дальнейшем может причинить физические и медицинские повреждения организму. То есть этот Закон направлен на регулирование отношений, связанных с защитой детей от информации, причиняющей, в дальнейшем, вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от информации, содержащейся в информационной продукции.

Отмечая важность проблемы криминалистической характеристики преступления [3, с. 306] следует выделить такие элементы, как:

– способ совершения и сокрытия;

– обстановка, наличие следов;

– наличие оснований для возбуждения уголовных дел;

– установление умысла преступника и характеристики его действий;

– которые, как показывает практика не вызывают сомнения и регулярно отмечаются на всех этапах противодействия НОН.

Противозаконная деятельность преступных элементов, их преступных организаций и группировок в сфере незаконного оборота наркотиков выражает собой одну из крупнейших угроз государственной и общественной безопасности. В соответствии с этим, установлено, что деятельность связанная с совершением преступлений и сокрытием различными способами их следов, в большинстве своем вызывает сложности, с которыми мы попытаемся разобраться в материалах нашей статьи.

Начнем с того, что используемые преступными элементами, технологии компьютерной сети Интернет позволяют распространять запрещенную информацию о «приятных ощущениях вследствие употребления наркотических средств и о возможности приобретения этих средств», но тем же самым забывают упомянуть о вреде для их здоровья, психики, их юридическом положении – о документировании фактов хранения, сбыта и приготовления. Особенно важно, осуществление этих действий в отношении несовершеннолетних, которым предстоит это сделать впервые и которые в настоящее вре-

мя являются основными пользователями сети. Широкомасштабное использование информационных ресурсов, формирует в понятии детей несовершеннолетнего возраста и молодежи безопасность от привлечения к уголовной ответственности. В дальнейшем они, в большинстве случаев, становятся основными потребителями наркотических средств, посредством использования Интернет-ресурсов.

Вышеуказанная информация, изначально, вызывает у детей желание «стать взрослее», «выйти на уровень взрослых ребят» – они начинают употреблять табачные изделия, алкогольную продукцию, и в конечном итоге наркотические средства. В дальнейшем их «нормальное» состояние, возобновляется после получения необходимой очередной дозы наркотика – это побуждает к совершению преступлений и действий, представляющих угрозу для жизни и здоровья их самих и окружающих. В большинстве случаев этот период употребления вызывает желание:

1) к наиболее опасному – к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;

2) к игре в азартные игры, что наносит ущерб имуществу всей семьи;

3) заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

4) к отрицанию всех семейных ценностей;

5) проявлять неуважение к родителям и другим членам семьи;

6) лично осуществлять собственно противоправное поведение и оправдывать допустимость насилия и жестокости либо побуждать осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным.

Проводя анализ преступлений в сфере НОН, совершенных с использованием информационно-коммуникативных технологий установлено, что в течении последних 15 – 20 лет возросло число сайтов наркотического содержания. С данным заключением невозможно не согласится, т.к. используя возможности информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть Интернет, преступники все чаще пользуются многочисленными способами сбыта наркотиков, всевозможными хитростями, скрывают свои преступные деяния, маскируют их, зачастую остаются анонимными, благодаря специфике сети Интернет - той области, в которой совершается преступление. Тем самым это позволяет им организовать незаконный оборот наркотиков не только на местном уровне, но и на уровне республики и международном уровнях. Законодательство ДНР не в полной мере определяет правила медицинской безопасности детей, при обороте на территории республики продукции средств массовой информации (СМИ), печатной, аудиовизуальной продукции на любых видах носителей, программ для компьютеров и баз данных, а также информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационных сетях и сетях подвижной радиотелефонной связи. О соблюдении вышеуказанных требований следует помнить

производителями и распространителями информационной продукции, поскольку на сегодняшний день сеть Интернет и телевидение являются ключевыми источниками информации для детей.

В ходе осуществления процесса расследования преступлений в сфере НОН с использованием компьютерных технологий сети Интернет в основном придерживаются установления событий произошедших в конкретных условиях времени, места, на лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, их поведения. Однако, на конечный результат влияет также еще очень много фактов окружающей среды и взаимосвязей с другими процессами объективной действительности. С криминалистической точки зрения, действия преступника характеризуются изменениями материальной обстановки, которые имеют место быть в ходе подготовки, совершения и сокрытия преступления, то есть ведут к образованию материальных и идеальных следов[4]. Под воздействием указанных и иных факторов эта сложная система, в итоге образует ту конкретную обстановку, в которой производится установление и документирование этих следов, дающее положительный результат предварительному расследованию. В криминалистике такое положение, как мы уже указали, получило наименование «следственная ситуация». Степень сложности раскрытия преступления, проблематичность установления обстоятельств, подлежащих исследованию, во многом определяется её характером. «Следственная ситуация, - констатирует В. В. Новик, - сегодня стала одной из важнейших категорий и наряду с другими является основой понятийного аппарата современной криминалистики»[1].

В осуществлении мероприятий по раскрытию преступления, по установлению отличий в обстановке места происшествия, до и после совершения преступных действий, на первый план выдвигаются проблемы квалификации бесконтактного сбыта рассматриваемых средств, обусловленные сложностями процессуального доказывания, применения несовершенных технических средств распознавания способов сбыта. Обществом сделан вывод о том, что правоприменитель преимущественно выявляет только пересылку СМС-, ММС-сообщений и применение электронных платежных систем, что не является процессуальной фиксацией следов сбыта наркотических средств. Личности, которые имеют хоть малейшее представление о науке «Криминалистике» понимают, что каждый факт совершения преступления вызывает свойственные только ему изменения в обстановке, в виде различных следов, которые являются признаками применения того или иного способа. Недооценка задокументированных следов преступления отрицательно сказывается на всем качестве расследования.

Правильная же криминалистическая оценка следов позволяет дать направление деятельности оперативным подразделениям полиции для осуществления реальных мероприятий с целью наиболее быстрого реагирования, проведения первоначальных оперативно-

розыскных мероприятий и следственных действий по установлению того или иного характерного способа совершения расследуемого преступления, даже по отдельным его признакам.

В настоящее время для пересылки наркотиков используются «бандероли, ящики, упаковки», лишь частью которых является легальным грузом. Реквизиты оформлены на подставных лиц, которые, вообще, видели наркотики только по телевизору, или просто слышали, что они существуют. Розничный сбыт осуществляется бесконтактным способом, с использованием сети Интернет, через «закладки». В качестве соучастников (закладчиков, операторов, курьеров, лиц среднего звена) привлекаются не знакомые друг с другом лица, которые получают «зарплату» все тем же бесконтактным способом. Документирование правоохранительными органами республики этого процесса реализации наркотика оказывает немалые сложности – так, как для общения применяются малознакомые всем мессенджеры «Jabber», «Brosix», либо более известные «Viber», «Skype», «WhatsApp», которые поддаются технической обработке оперативными подразделениями полиции, но в очень усеченном формате. Для оплаты, в основном, в мире используется криптовалюта Bitcoin, однако у нас в большинстве задокументированных фактов используются электронные платежные системы «Qiwi Wallet», «WebMoney», «Yandex-Money». Обеспечение правительством республики неограниченного доступа к информации представляемой сетью, не оказывает информационной безопасности.

Собирательная, обобщенная характеристика преступности, отражающая характер, уровень, структуру и динамику преступности в совокупности является состоянием преступности[5]. Касаемо того вида преступности, характеристику которого мы сейчас рассматриваем, Интернет, как средство коммуникации, хорошо подходит для анонимного получения и обмена информацией в ходе осуществления противозаконных мероприятий в сфере НОН. Его условия способствуют относительно свободному, бесцензурному потоку информации о времени и месте, времени и способе передачи наркотика и таким же образом осуществить те же действия с деньгами.

Современное состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, в том числе совершаемых с использованием сети Интернет, характеризуется высоким уровнем латентности. Латентная преступность (ЛП) – это криминальная деятельность, не отраженная в официальной статистике информационными материалами, это закрытая или незафиксированная официально часть реальной преступности. Фактическая преступность (ФП) – это четкое и раскрытое количество криминальных деяний, совершенных в стране или регионе на протяжении отчетного срока (месяц, квартал и т.д.). Тем не менее стоит заметить, что в статистической отчетности содержится лишь некоторая часть фактической преступности, которая прошла регистрацию государственными органами. Существенный процент фактически установленных преступных деяний в офи-

циальной статистике не фиксируется. Основываясь на этом, необходимо отметить, что установив адрес источника с которого была отправлена информация касающаяся НОН, нет гарантии того, что будет установлено лицо которое имело умысел и выполнило эти действия. Вышеописанные обстоятельства вызваны отсутствием механизмов автоматического обнаружения ресурсов в сети Интернет, содержащих запрещенную информацию о наркотиках, или используемых для незаконных действий с ними. В сети Интернет, в настоящее время, выявлено большое количество таких сайтов, однако привлекать к ответственности за организацию и поддержание которых оснований нет.

Деятельности органов полиции в сфере противодействия НОН зависит в первую очередь, от опытного владения механизмами информационного поиска. В случае выявления сайтов в сети Интернет, используемых для распространения наркотических средств, либо вовлечения в их потребление, которые зарегистрированы за пределами территории ДНР, возникают сложности с установлением и привлечениям к уголовной ответственности владельцев таких ресурсов. В настоящее время, единственной мерой противодействия этому, является ограничение их доступа к ресурсам в сети Интернет. Ограничение это возможно на один сайт, а в течении короткого времени появляется другой. Интернет относительно новое, успешное для осуществления противозаконной деятельности средство коммуникации, которым пользуется достаточно большая часть населения, в большей степени молодёжь. Свободный доступ к сети Интернет возможен как в домашних условиях, так и в школах, молодежных учреждениях, библиотеках или коммерческих интернет-кафе. Таким образом, Интернет становится привычной частью быта большинства молодёжи[6].

Кроме того объектом поиска является информация, отражающая умысел злоумышленника на незаконное приобретение или сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [7]:

- переписка лица, приобретающего наркотическое средство с лицом незаконно сбывающим такие средства. Подобная информация, как мы уже указали, может содержаться в СМС-сообщениях, а также в различных социальных сетях, таких как «Вконтакте», «Telegramm», ICQ и т.д.:

- номера телефонов, содержащихся в списке телефонной кники и журнала вызовов;

- паспортные и иные данные, такие как номера банковских счетов, электронных денежных кошельков QIWI, «Яндекс.Деньги», Payeer для совершения денежных переводов;

- иная информация, распространяемая через Интернет, имеющая значение для уголовного дела, которая подтверждает направление умысла лица на незаконное распространение или приобретение наркотических средств.

При задержании лиц, в действиях которых усматриваются признаки состава преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, следователю рекомендуется предпринять все необходимые действия и меры для обнаружения и фиксации доказательств, выражающихся в способах и различных путях незаконного приобретения и сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет. Необходимо обратить внимание на наличие программ способствующих скрывать IP-адрес, местонахождение устройства и шифровать передаваемую информацию, расшифровка которой занимает значительное время.

Проблема противодействие рассмотренному способу совершения вышеназванных преступлений с использованием компьютерной сети усиливается тем, что основными потребителями наркотических средств в большинстве случаев становятся лица несовершеннолетнего возраста и молодежь. В настоящее время всё большую свою актуальность приобретают бесконтактные способы сбыта, совершаемые с применением компьютерных технологий сети Интернет. Основывается это на том, как мы видим из материалов статьи, что этот способ совершения незаконного сбыта наркотиков позволяет преступникам добиться повышения оперативности и конспирации своей деятельности при совершении незаконного приобретения, изготовления и сбыта наркотиков, их контрабанды, а также легализации доходов от этой преступной деятельности.

Список источников

1. Новик В. В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам / В.В. Новик Санкт-Петербург, 2004. С. 22 URL: https://msal.ru/upload/main/00disser/2016/Kodirov/...pdf (дата обращения: 06.01.2022). – Текст: электронный

2. Закон ДНР «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью». URL: https://mininfodnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/O-zashhite-detej-ot-informatsii_z79_2.docx&hl=en (дата обращения: 12.01.2022). Текст : электронный.

3. Белкин Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. Москва : Юрист, 2001. 480 с.

4. Калинка Р.В. Расследование уголовных дел о преступлениях связанных с незаконным оборотом наркотических средств в условиях современного наркотрафика / Р.В. Калинка // магистерская диссертация, 40.04.01 Юриспруденция, научный руководитель: профессор, д.ю.н. Ю.П. Гармаев. URL:http://elib.sfukras.ru/bitstream/handle/2311/136572/kalinka_magisterskaya.pdf?sequence (дата обращения 09.01.2022). Текст : электронный.

5. Бурлаков В.Н., Кропачев Н.М. Криминология / В. Н. Бурлаков, Н. М. Кропачев. Санкт-Петербург : Питер, 2016. - С. 33.

6. Щурова А. С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование. Специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: Дисс. … канд. юрид. наук. Научный руководитель - доктор юридических наук, профессор В.Н. Бурлаков. URL: https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/3zYX31gnFw.pdf (дата обращения: 23.01.2022). - Текст : электронный.

7. Миролюбов С.Л., Амиров Р.Г. Некоторые вопросы расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием глобальной коммуникационной сети «Интернет» / С.Л.Миролюбов, Р.Г.Амиров // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-rassledovaniya-prestupleniy-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkoticheskih-sredstv-s-ispolzovaniem-globalnoy/viewer (Дата обращения: 23.01.2022). Текст : электронный

УДК 343

РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Скирда Максим Владимирович
Начальник Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан, кандидат юридических наук

В России для противодействия коррупции сформирована правовая база, включающая в себя основной правовой акт, определяющий основные аспекты противодействия коррупционным действиям, а также другие акты, призванные обеспечить реализацию основных направлений антикоррупционной политики; сформирован единый правовой механизм противодействия коррупционным действиям. Автор в статье утверждает, что органами государственной власти Республики Татарстан в достаточной степени реализованы полномочия в области борьбы с коррупцией, предоставленные федеральным законодательством. Автор проводит анализ практики рассмотрения органами государственной власти Республики Татарстан заключений по результатам антикоррупционной экспертизы в области приведения нормативных правовых актов Республики Татарстан, в которых были выявлены коррупциогенные факторы, в соответствие с антикоррупционным законодательством.

Ключевые слова: коррупция, механизм противодействия коррупционным действиям, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы

THE ROLE OF THE DEPARTMENT OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN THE PREVENTION OF CORRUPTION CRIMES

Skirda M. V.

In Russia, to combat corruption, a legal framework has been formed, which includes the main legal act that defines the main aspects of combating corruption, as well as other acts designed to ensure the implementation of the main directions of anti-corruption policy; a unified legal mechanism for combating corruption has been formed. The author in the article argues that the state authorities of the Republic of Tatarstan have sufficiently implemented the powers in the field of combating corruption, granted by federal legislation. The author analyzes the practice of consideration by the state authorities of the Republic of Tatarstan of conclusions based on the results of anti-corruption expertise in the field of bringing the regulatory legal acts of the Republic of Tatarstan, in which corruption factors were identified, into line with anti-corruption legislation.

Keywords: corruption, anti-corruption mechanism, anti-corruption expertise, corruption factors

© Скирда М. В., 2022

В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» субъектами деятельности по противодействию коррупции являются как федеральные органы государственной власти, так и органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, а также институты гражданского общества, организации и физические лица. Аналогичным образом статья 2 данного Федерального закона закрепляет, что нормативные правовые акты, составляющие правовую основу противодействия коррупции, могут приниматься как федеральными органами государственной власти (в виде и законодательных, и подзаконных актов), так и органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления (в виде муниципальных правовых актов). Не исключением является и Республика Татарстан, государственные органы которой ведут активную нормотворческую деятельность в сфере противодействия коррупции.

В целом для противодействия коррупции в России сформирована правовая база, включающая в себя основной правовой акт, определяющий основные аспекты противодействия коррупционным действиям, а также другие акты, призванные обеспечить реализацию основных направлений антикоррупционной политики; сформирован единый правовой механизм противодействия коррупционным действиям: по данным Минюста России, на сегодняшний день правовую основу антикоррупционной политики составляют более 50 нормативных актов различного уровня [5].

Как отмечается в научной литературе, в настоящее время правовые основы противодействия коррупции сформированы практически во всех субъектах Российской Федерации, и прежде всего это специальные антикоррупционные законы. Существенный массив правовых норм о противодействии коррупции также содержится в законодательстве субъектов Российской Федерации о государственной гражданской службе и муниципальной службе. Соответствующие положения находят дальнейшее развитие в актах подзаконного уровня субъектов Российской Федерации [3].

Данный тезис находит свое подтверждение при анализе ведущегося Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан федерального регистра нормативных правовых актов Республики Татарстан, из которого следует, что по состоянию на 13.01.2022 в Республике Татарстан можно выделить следующие основополагающие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы противодействия коррупции, содержащие нормы, препятствующие возникновению коррупциогенных факторов:

1) Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 № 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан». Данным Законом определены задачи, принципы, основные направления и формы про-

тиводействия коррупции в рамках реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан.

2) Закон Республики Татарстан от 12.01.2007 № 6-ЗРТ «Об утверждении Комплексной программы по профилактике правонарушений в Республике Татарстан на 2007-2010 годы».

3) Закон Республики Татарстан от 21.10.2005 № 105-ЗРТ «Об утверждении Программы поддержки малого предпринимательства в Республике Татарстан на 2005-2010 годы». Программой поддержки малого предпринимательства в Республике Татарстан на 2005-2010 годы, утвержденной названным Законом, предусмотрена реализация группы мер по коллективному противостоянию коррупции, повышению противодействия предпринимателей фактам коррупции, таких, в частности, как обобщение и распространение позитивного опыта антикоррупционного поведения, разработка механизмов формирования антикоррупционных рейтингов, обеспечение публичности рейтингов антикоррупционного поведения.

4) Закон Республики Татарстан от 04.03.2006 № 16-ЗРТ «О государственных должностях Республики Татарстан». В данный Закон Законом Республики Татарстан от 31.12.2009 г. № 73-ЗРТ «О внесении изменений в статьи 8 и 9 Закона Республики Татарстан «О государственных должностях Республики Татарстан» внесены изменения, установившие в качестве обязанности лица, замещающего государственную должность Республики Татарстан представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а также установившем, что на лиц, замещающих государственные должности Республики Татарстан, за исключением депутатов Государственного Совета Республики Татарстан, в соответствии с федеральным законодательством распространяются ограничения, установленные для членов Правительства Российской Федерации.

5) Закон Республики Татарстан от 16.01.2003 № 3-ЗРТ «О государственной гражданской службе Республики Татарстан» (далее – Закон РТ № 3-ЗРТ). Законом Республики Татарстан от 03.12.2009 № 59-ЗРТ «О внесении изменений в Закон Республики Татарстан «О государственной гражданской службе Республики Татарстан» статья 17 Закона РТ № 3-ЗРТ изложена в новой редакции, устанавливающей порядок предоставления гражданами, претендующими на замещение должностей государственной гражданской службы и замещающими должности государственной гражданской службы сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Законом Республики Татарстан от 29.03.2013 № 24-ЗРТ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Татарстан в связи с принятием Федерального закона «О кон-

троле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» Закон РТ № 3-ЗРТ дополнен статьей 17.1, возлагающей на государственных служащих, замещающих должности государственной службы Республики Татарстан, включенные в перечень, установленный соответствующим нормативным правовым актом Российской Федерации, обязанность представлять представителю нанимателя сведения о своих расходах и расходах членов своей семьи.

6) Кодекс Республики Татарстан о муниципальной службе от 25.06.2013 № 50-ЗРТ.

7) Указ Президента Республики Татарстан от 06.12.2013 № УП-1185 «О ротации государственных гражданских служащих Республики Татарстан». Указом установлено, что ротация государственных гражданских служащих Республики Татарстан проводится в органах исполнительной власти Республики Татарстан, уполномоченных на осуществление регионального государственного контроля (надзора) по должностям государственной гражданской службы Республики Татарстан категории «руководители», включенным в перечень должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, по которым предусматривается ротация. Указанный перечень поручено утвердить Кабинету Министров Республики Татарстан.

8) Распоряжение Президента Республики Татарстан от 27.01.2014 № 94 «О порядке сообщения отдельным категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением или исполнением ими служебных обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации».

9) Указ Президента Республики Татарстан от 25.08.2010 № УП-569 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданский служащих Республики Татарстан и урегулированию конфликта интересов». Данным Указом утверждается Положение о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Республики Татарстан и урегулированию конфликта интересов.

10) Указ Президента Республики Татарстан от 30.09.2010 № УП-636 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции». Указом установлено, что гражданин, замещавший должность государственной гражданской службы, входящую в перечни должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, при назначении на которые граждане и при замещении которых государственные гражданские служащие Республики Татарстан обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуще-

стве и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденные Указом Президента Республики Татарстан от 30.12.2009 № УП-701 «Об утверждении перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, при назначении на которые граждане и при замещении которых государственные гражданские служащие Республики Татарстан обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей», в течение двух лет со дня увольнения с государственной гражданской службы Республики Татарстан соблюдает ограничения, налагаемые статьей 12 Федерального закона «О противодействии коррупции».

11) Указ Президента Республики Татарстан от 19.04.2010 № УП-237 «Об утверждении Положения о порядке размещения сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Республики Татарстан, государственных гражданских служащих Республики Татарстан и членов их семей на официальных сайтах государственных органов Республики Татарстан и предоставления этих сведений средствам массовой информации для опубликования».

12) Указ Президента Республики Татарстан от 11.01.2010 № УП-4 «О предоставлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Республики Татарстан, и лицами, замещающими государственные должности Республики Татарстан, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера».

13) Указ Президента Республики Татарстан от 30.12.2009 № УП-701 «Об утверждении перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, при назначении на которые граждане и при замещении которых государственные гражданские служащие Республики Татарстан обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей».

14) Указ Президента Республики Татарстан от 30.12.2009 № УП-702 «О предоставлении гражданами, претендующими на замещение должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о представлении государственными гражданскими служащими сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера».

15) Указ Президента Республики Татарстан от 31.01.2011 № УП-37 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики». В соответствии с Положением Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики является структурным подразделением Аппарата Президента Республики Татарстан, образованным в целях обеспечения осуществления Президентом Республики Татарстан полномочий по реализации антикоррупционной деятельности.

16) Указ Президента Республики Татарстан от 23.03.2011 № УП-142 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Республики Татарстан». Разделом III Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Республики Татарстан устанавливается Стандарт антикоррупционного поведения государственных гражданских служащих Республики Татарстан.

17) Указ Президента Республики Татарстан от 22.04.2011 № УП-233 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Республики Татарстан, и соблюдения ограничений лицами, замещающими государственные должности Республики Татарстан».

18) Указ Президента Республики Татарстан от 01.11.2010 № УП-711 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, и государственными гражданскими служащими Республики Татарстан и соблюдения государственными гражданскими служащими Республики Татарстан требований к служебному поведению».

19) Указ Президента Республики Татарстан от 20.08.2014 № УП-797 «О мерах по совершенствованию деятельности в сфере реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан». Указом определены меры, направленные на совершенствование деятельности в сфере реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан. Управлению Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики переданы отдельные функции Департамента госслужбы и кадров. В частности, по осуществлению приема и проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных гражданами, претендующими на замещение государственных должностей республики, и лицами, их замещающими; по осуществление контроля за расходами указанных лиц; по обеспечению гласности таких сведений; по осуществлению проверки соблюдения указанными лицами ограничений и запретов,

требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, исполнения ими должностных обязанностей.

20) Указ Президента Республики Татарстан от 12.06.2014 № УП-569 «О Совете по вопросам кадровой политики при Президенте Республике Татарстан», Указом определены основные функции, права и обязанности Совета. Совет готовит предложения Президенту Республики Татарстан по вопросам кадровой политики, обеспечивает формирования резерва управленческих кадров и его эффективного использования; выполняет мониторинг реализации республиканских программ развития государственной и муниципальной службы.

21) Распоряжение Президента Республики Татарстан от 14.04.2011 № 172 «О Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Республики Татарстан Аппарата Президента Республики Татарстан и урегулированию конфликта интересов».

22) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.12.2013 № 1072 «Об утверждении перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, по которым предусматривается ротация государственных гражданских служащих Республики Татарстан».

23) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 18.04.2013 № 264 «Об утверждении Положения о порядке проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей государственных учреждений Республики Татарстан, и лицами, замещающими указанные должности».

24) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 28.02.2013 № 137 «Об утверждении Положения о представлении лицом, поступающим на должность руководителя государственного учреждения Республики Татарстан, и руководителем государственного учреждения Республики Татарстан сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». Постановлением утверждается Положение о представлении лицом, поступающим на должность руководителя государственного учреждения Республики Татарстан, и руководителем государственного учреждения Республики Татарстан сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

25) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.06.2011 № 463 «Об организации и проведении мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских

округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан». Постановлением утвержден Регламент представления информации для осуществления мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан, иных государственных органов и организаций по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан.

26) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 20.09.2007 № 474 «Об утверждении Порядка предоставления нормативных правовых актов Республики Татарстан и их проектов на антикоррупционную экспертизу в Кабинет Министров Республики Татарстан». Настоящим постановлением Кабинет Министров Республики Татарстан уполномочивает Министерство юстиции Республики Татарстан проводить в установленном порядке антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов органов государственной власти Республики Татарстан.

27) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.12.2009 № 883 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и их проектов и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан». Постановлением утвержден Порядок проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

28) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 02.11.2010 № 880 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг исполнительными органами государственной власти Республики Татарстан и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан» (далее – Постановление). Постановлением утверждается Порядок разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг исполнительными органами государственной власти Республики Татарстан и признается утратившим силу постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.10.2006 № 526 «О Едином реестре государственных услуг, предоставляемых исполнительными органами государственной власти Республики Татарстан, и порядке разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг исполнительными органами государственной власти Республики Татарстан».

29) Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.09.2008 № 693 «Об утверждении Республиканской программы по реализации Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2009 – 2011 годы».

Всего по состоянию на 13.01.2022 в федеральный регистр нормативных правовых актов Республики Татарстан, ведущийся Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан, включено 512 действующих нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области противодействия коррупции (из них – 261 нормативный акт о внесении изменений в ранее принятые акты).

В одном только 2021 году принято, поступило в Управление Минюста России по Татарстану и включено в федеральный регистр 35 нормативных правовых актов (из них 15 изменяющих), регулирующих отношения в сфере противодействия коррупции.

При этом Управлением Минюста в рамках деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации на территории Республики Татарстан все эти нормативные акты были проверены на предмет их соответствия федеральному законодательству и наличия в них самих коррупциогенных факторов. По результатам этих проверок несоответствия федеральному законодательству и коррупциогенные факторы в нормативных правовых актах в сфере противодействия коррупции не выявлялись.

Это свидетельствует о высоком качестве деятельности нормотворческих органов в Республике Татарстан, в очень редких случаях допускающих такого рода нарушения при принятии нормативных правовых актов республиканского уровня. Более того, по результатам антикоррупционной экспертизы всех поступивших в Управление Минюста нормативных правовых актах Республики Татарстан в 2021 году были выявлены коррупциогенные факторы всего в одном нормативном правовом акте – приказе Министерства образования и науки Республики Татарстан от 11.10.2018 № под-1488/18 «Об утверждении Положения о проведении конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Республики Татарстан (включение в кадровый резерв) в Министерстве образования и науки Республики Татарстан» (злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) – отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций).

В настоящее время (в начале 2022 года) в данном нормативном правовом акте коррупциогенный фактор устранен.

Анализ антикоррупционного законодательства Республики Татарстан позволяет сделать вывод о том, что органами государственной власти Республики Татарстан в достаточной степени реа-

лизованы полномочия в области борьбы с коррупцией, предоставленные федеральным законодательством.

Анализ практики рассмотрения органами государственной власти Республики Татарстан заключений по результатам антикоррупционной экспертизы свидетельствует о положительной динамике в области приведения нормативных правовых актов Республики Татарстан, в которых были выявлены коррупциогенные факторы, в соответствие с антикоррупционным законодательством.

Вместе с тем полагаем, что нуждаются в корректировке отдельные положения федеральных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по противодействию коррупции. В процессе анализа федерального законодательства в сфере осуществления контроля за доходами и расходами лиц, замещающих государственные должности и иных лиц выявлена коллизия норм части 2 статьи 3 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ) и части 1.1 статьи 15 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации, которая заключается в следующем.

Согласно части 2 статьи 3 Федерального закона № 230-ФЗ сведения о расходах представляются в порядке, определяемом, в том числе, муниципальными нормативными правовыми актами. В то же время частью 1.1 статьи 15 Федерального закона № 25-ФЗ определено, что муниципальный служащий, замещающий должность муниципальной службы, включенную в соответствующий перечень, обязан подавать сведения о своих расходах, расходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей в порядке и по форме, которые установлены для представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственными гражданскими служащими субъектов Российской Федерации.

Таким образом, прослеживается различный подход к определению уровня правового регулирования (уровень субъекта Российской Федерации или муниципальный уровень) порядка представления сведений о расходах муниципальных служащих и членов их семей. Данная ситуация может создать определенные трудности для правоприменителей не только на муниципальном уровне, но и, например, при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением соответствия муниципальных правовых актов действующему законодательству.

Актуальной остается необходимость совершенствования методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96. Как отмечалось исследователями, действующая методика содержит перечень базо-

вых факторов коррупциогенности, и на первый план в ней выходит не совокупность приемов и методов исследования, а сам факт определения базовых факторов коррупциогенности, которые подлежат исключению из разрабатываемых либо действующих нормативных правовых актов, и практическое значение методика приобретает именно в связи с определением данных базовых факторов [2]. Нормативное закрепление определения коррупционных факторов и, собственно, приведение перечня таковых являются положительным и своевременным шагом, поскольку практика правоприменения не могла правильно и однообразно формироваться при их отсутствии [1].

Вместе с тем практика работы по этой методике показала, что отсутствие максимально полного перечня признаков, характеризующего тот или иной коррупциогенный фактор, приводит к тому, что результат антикоррупционной экспертизы зависит от субъективного восприятия конкретного человека, проводящего экспертизу. Такое положение не исключает ошибок при оценке коррупциогенности положений актов или проектов, и, как следствие, издание актов, заведомо содержащих коррупциогенные положения. Кроме того, отмечается, что еще один существенный недостаток методики состоит в том, что утвержденный в ней перечень коррупциогенных факторов является закрытым, исчерпывающим и содержит в себе далеко не все коррупциогенные факторы, возникающие на практике [4]. Полагаем, что действующая методика проведения антикоррупционной экспертизы требует максимального уточнения, поскольку выработка единых подходов к оценке правовых норм как коррупциогенных факторов может свести к минимуму количество принимаемых или уже действующих актов, создающих условия для проявления коррупции.

Список источников

1. Гулягин А.Ю. Экспертиза нормативных правовых актов как юридическое средство противодействия коррупции // Юридический мир. 2009. № 12. С. 37 - 39.

2. Кочура В.Н. Антикоррупционная экспертиза: методика проведения // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 65 - 70.

3. Мартынова А.А. Анализ практик антикоррупционного законодательства в системе местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 4. С. 21 - 25.

4. Чернышева Л.А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 6. С. 50 - 53.

5. Шорохов В.Е. Современная модель государственной антикоррупционной политики в России // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 2 - 4.

УДК 343

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ

Соколова Елена Валерьевна
Доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются особенности детерминации женской преступности, направления ее профилактики. Автором изучена криминологическая характеристика женской преступности. Сформулированы некоторые рекомендации относительно профилактических мероприятий.

Ключевые слова: преступность; криминологическая характеристика; женская преступность; профилактика женской преступности.

CAUSES AND CONDITIONS OF FEMALE CRIME, PREVENTION DIRECTIONS

Sokolova E. V.

The article discusses the features of the determination of female crime, the direction of its prevention. The author studied the criminological characteristics of female crime. Some recommendations regarding preventive measures are formulated.

Keywords: crime; criminological characteristics; female crime; prevention of female crime.

Во всем мире, в том числе в России, в современный период идет относительный рост женской преступности. И это неудивительно: изменение роли женщины в обществе, падение культурных ценностей, трансформация нравственных ценностей – это лишь малая доля факторов, которые приводят женщину к совершению преступления. По данным Генпрокуратуры РФ, в 2020 году количество женских преступлений составило 136 318, это на 5 138 преступлений больше, чем в 2019 году, однако, это на 9 168 преступлений меньше, чем в 2018 году (145486). Если говорить о соотношении числа женских преступлений к общему числу преступлений, то в 2020 году это соотношение составило 16%, что на 0,14% меньше, чем в 2019 году [1, с. 48].

Женская преступность – это совокупность преступлений, совершенных женщинами в определённом месте и за определённый промежуток времени. В природе женских деяний выражаются отличительные черты их личной и общественной жизни, некоторых криминогенных ситуаций, а также определенная особенность восприятия жизненных и бытовых ситуаций.

Можно выделить следующие криминологические особенности женской преступности: взаимосвязь показателя преступности от социально-экономических особенностей различных субъектов государства; увеличение уровня и объема преступности в целом; определенное сходство мужской и женской преступности по видам и мето-

© Соколова Е. В., 2022

дам её реализации; женская зависимость от наркотиков и алкоголя; омоложение преступности в целом; психофизические и социальные особенности личности женщины. Немаловажным является и специфика женской преступности. Выделим основные факторы: динамика женской преступности, в отличие от мужской, меняется абсолютно в другом направлении. То есть, к примеру, насильственная женская преступность имеет рост в меньшем темпе, чем мужская. Также, стоит заметить, что в последнее время среди женщин отмечается значительный рост тяжкой преступности.

Независимо от того, что социальное положение лиц женского пола претерпело изменение, число зарегистрированных преступлений, которые совершили женщины, ниже показателя среди мужчин в 5-7 раз. При этом количество женщин в России превышает количество мужчин. Женщины значительно реже совершают преступление насильственного характера, по сравнению с мужчинами. В частности, это касается разбоев, грабежей и бандитизма. В структуре женской преступности имеет место преобладание корыстных целей, в особенности, связанных с профессиональной деятельностью, например, это: мошенничество, кража, присвоение или растрата, злоупотребление служебным положением и т.д. Количество таких преступлений все время растет. Число женщин, которые были осуждены за кражи, растет, по сравнению с мужчинами, совершивших схожие преступления [2, с. 222].

Мотивы могут быть разные, но чаще всего это неулаженные семейно-бытовые разногласия, намерение уйти из семьи или же преследование каких- либо корыстных целей. Женщины стали чаще совершать противоправные деяния в состоянии алкогольного опьянения или под воздействием запрещенных веществ (25%). Алкоголь и наркотики действуют на лиц женского пола сильнее, чем на мужчин, многие исследователи темы женской зависимости признают, что женский алкоголизм лечится гораздо сложнее, чем мужской. Все эти факторы влияют на место женщины в обществе, а впоследствии и на преступность в целом.

Преступления, совещённые женщинами, представляют собой лишь часть от общей преступности, то есть являются ее составляющей, которая, в свою очередь, обладает особой спецификой, обуславливающейся ролью женщины в социальной жизни. В категории корыстных преступлений, кроме обычных краж, для женщины характерны разного рода мошенничества. К примеру, большой охват в последнее время обретает мошенничество в сфере кредитования, которое совершается женщиной, чаще всего, в организованной группе или в группе лиц по предварительному сговору, где представительницы прекрасного пола осуществляют роль пособника или основного исполнителя. Главенствующая роль женщины в преступной среде - редкое явление, в среднем наблюдают 10%-ный ежегодный рост удельного веса женщин, возглавляющих преступную деятельность в составе организованной группы.

Рассмотрим некоторые из причин женской преступности, ее изменения в качественном и количественном вариантах: усилилось влияние женщин в общественной жизни; уменьшилась значимость и влияние социально-нравственных институтов, в том числе, и института семьи; наблюдается тенденция напряженного отношения между людьми в обществе, отсутствие взаимопомощи, частые конфликты (это все подтверждают различного рода социальные эксперименты), а женщины особо чувствительны к таким факторам; снижается значимость социально-нравственных ценностей, тем самым, увеличивается число людей (в том числе женщин), зависящих от алкоголя, наркотиков, также этот фактор склоняет все больше женщин к занятию проституцией. На основании принципов, которые заключены в понимании причин совершения преступлений женщинами, в Уголовном кодексе предусмотрена статья об отсрочке наказания беременных женщин, а также женщин, имеющих малолетних детей [3, с. 71].

Необходимо также обратить внимание и на то, какие же качества присуще женщине по ее природе, усилив при этом пропаганду в женщине этих качеств. Такими являются милосердие, чуткость, женственность, нежности и многие другие, которые не характерны для совершения насильственных преступлений.

Основными помощниками женщинам в финансовом плане выступают государство и общественность. Сфера оказания такой помощи касается ухода за ребенком, поддержка введения хозяйства. Для этого государством предусмотрена поддержка матерей-одиночек в виде денежных пособий, различных видах льгот, в том числе на получении высшего образования, а также на увеличении заработной платы.

Немаловажную роль в предупреждении и профилактике преступлений среди женщин вносит инспекция по делам несовершеннолетних. Именно они могут предотвратить дальнейшие преступления со стороны девочки, внеся свою роль в ее воспитании на раннем этапе. Это достигается путем проведения бесед с девочкой, результатом которой может стать обнаружение проблем в семье девочки, а впоследствии в оказании своевременной помощи.

Реализация профилактики женской преступности включает в структуру своих задач защиту социума от противообщественных опасных действий, охрану нестабильных членов общества от нарастающего аморального поведения, воспрепятствование превращению женщин в преступниц, а также их избавление от роковых последствий совершения преступления в виде назначения им наказания.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. Москва: ФКУ ГИАЦ МВД России, 2021. 55 с.

2. Погребатько Е.С. Криминологическая характеристика женской преступности / Е.С. Погребатько // Новая наука: гипотезы, взгляды и факты: сборник научных трудов / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. Казань: КЮИ МВД России, 2017. С. 220-224.

3. Потапова А.В. Профилактика женской преступности / А.В. Потапова // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни в Республике Бурятия: материалы всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. Улан-Удэ: БГУ, 2017. С. 70-73.

УДК 343.2/.7

ВНУТРИОТРАСЛЕВЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ

Степанов Максим Владиславович
Чебоксарский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский политехнический университет»

В статье раскрыта проблема правовых коллизий, которые встречаются в рамках уголовного права. Автором проанализирована позиция отечественных ученых и практиков относительно содержания понятия коллизии. В статье рассматриваются некоторые противоречия положений статей и глав Уголовного кодекса Российской Федерации. Итогом исследования являются предложения по изменению законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, коллизия, противоречия, Уголовный кодекс Российской Федерации, норма права.

INTRA-INDUSTRY CRIMINAL LAW CONFLICTS

Stepanov M. V.

The article reveals the problem of legal conflicts that occur in the framework of criminal law. The author analyzes the position of Russian scientists and practitioners regarding the content of the concept of collision. The article deals with some contradictions of the provisions of the articles and chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. The result of the study is the proposals for changing the legislation.

Keywords: criminal law, conflict, contradictions, Criminal Code of the Russian Federation, rule of law.

Коллизии, споры и конфликты, возникающие в любом обществе между различными субъектами, вызывают неоднозначное понимание определенной ситуации.

Законодательство РФ представляет собой сложную, многоуровневую структуру, которая содержит массу несогласованностей и противоречий. Исследование нормативных актов и выявление причин, вызывающих противоречия является одной из главных задач юридической науки.

В уголовно-правовых нормах встречаются такие ситуации, когда одно отношение подпадает под регламентацию двух норм. Подобные коллизии и противоречия могут вызвать некоторые трудности в применении данных норм на практике.

Согласно В.Н. Кудрявцеву, коллизией является несогласованность между нормами по их содержанию. По мнению

© Степанов М. В., 2022

М.Д. Шаргородского, коллизия – это две не скоординированные между собой нормы права.

Так, в положениях материального права, а именно в Уголовном кодексе Российской федерации (далее – УК РФ), существует проблема в формулировке термина «Должностное лицо», которое сосредоточено в примечании 1 статьи 285 УК РФ. Согласно положениям указанной нормы, юрисдикция формулировки термина «Должностное лицо» распространяется исключительно только на 30 главу УК РФ. Однако, понятие «Должностное лицо» используется законодателем и в других статьях УК РФ, которые не относятся к главе 30 УК РФ, например, 140, 141 статьи УК РФ. То есть, термин «Должностное лицо» в приведенных статьях используется в нарушение примечания 1 статьи 285 УК РФ, а согласно части 2 статьи 3 УК РФ применение аналогии в уголовном праве не допускается. Таким образом, на основании изложенного, необходимо внести изменение в примечание 1 статьи 285 УК РФ, а именно изменить формулировку: «Должностными лицами в статьях настоящего кодекса...».

Также существуют противоречия в конструировании перечня отягчающих признаков, находящихся в статье 63 УК РФ. Проблема возникает в установлении юридического значения признака «совершение преступления в состоянии опьянения», а именно в отношении его закрепления на законодательном уровне.

Так, среди специалистов в области психологии и социологии давно сложилось мнение о том, что состояние опьянения значительно увеличивает риск совершения преступлений, как умышленных, так и неосторожных.

По данным причинам, разрешая этот вопрос, стоит внести следующие изменения в УК РФ:

– во-первых, необходимо исключить часть 1.1. статьи 63 УК РФ;

– во-вторых, необходимо дополнить часть 1 статьи 63 УК РФ пунктом «с», который содержал бы в себе следующую формулировку: «совершение преступления в состоянии опьянения».

Однако, рассмотренные коллизии не являются исчерпывающими. В данной статье были выделены лишь наиболее значимые противоречия, требующие незамедлительного решения, а также сформулированы предложения по их устранению.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (дейст. ред.): федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрании законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Режим доступа: http://www.garant.ru

2. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений [Электронный ресурс] / В.Н. Кудрявцев // Российский криминологический взгляд. 2008. № 2. С. 102-119.

3. Шаргородский М.Д. Избранные труды [Электронный ресурс] / М.Д. Шаргородский. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 657 с.

УДК 343.241

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Сундурова Оксана Федоровна
Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия
(Казанский филиал)

В статье рассматривается эффективность назначения наказания в виде исправительных работ. Автором проанализирована судебная практика по применению исправительных работ; исследованы сроки назначения наказания в виде исправительных работ и размеры удержаний; сделаны выводы о социальной результативности этого наказания.

Ключевые слова: наказание, исправительные работы, удержания, срок наказания, цели наказания.

SOCIAL RESULT OF PUNISHMENT IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOR

Sundurova O. F.

The article discusses the effectiveness of sentencing in the form of correctional labor. The author analyzes the judicial practice on the use of correctional labor; the terms of sentencing in the form of correctional labor and the size of deductions are investigated; conclusions are drawn about the social effectiveness of this punishment.

Keywords: punishment, correctional labor, detentions, term of punishment, goals of punishment.

УК РФ содержит широкий выбор наказаний, как основных, так и дополнительных при их назначении, а также альтернативное наказание в виде принудительных работ. Такой набор уголовных наказаний обеспечивает суду возможность при индивидуализации уголовной ответственности избирать и назначать тот вид уголовного наказания, который максимально бы способствовал достижению целей наказания.

Законодательный перечень (ст. 44 УК РФ) включает в себя наказания (исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительные работы) при исполнении которых производятся удержания в доход государства. Суд при их назначении устанавливает не только срок наказания, который должен отбыть виновный в совершении преступления, но и размер заработка (денежного довольствия), подлежащего удержанию в доход государства. В отчетности Судебного департамента отражается статистика по назначению наказаний, однако сведения по установленным процентам отчислений отсутствуют. В связи с этим данные, по проценту удержания, установленному при назначении наказания, например, исправительных работ можно получить только при анализе судебной практики или из информации, которая имеется в уголовно-исполнительной инспекции.

© Сундурова О. Ф., 2022

Так, например, назначив наказание, суд учел, что Шакиров совершил преступления небольшой тяжести, впервые, имеет на иждивении 2 несовершеннолетних детей, наличие у его матери и близких лиц тяжелых заболеваний, требующих постоянного наблюдения и лечения, и признал эти обстоятельства смягчающими наказание. Шакиров по месту проживания имел положительную характеристику, занимался общественно полезным трудом. Суд не признал отягчающим наказание обстоятельством совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, поскольку отсутствовали объективные данные, подтверждающие, что нахождение его в данном состоянии способствовало совершению преступления. Отягчающие обстоятельства не установлены. С учетом характера и тяжести содеянного, данных обстоятельств и личности подсудимого, суд назначил Шакирову наказание в виде исправительных работ сроком на 6 (шесть) месяцев с удержанием десяти процентов из заработной платы в бюджет государства (Приговор № 1-766/2019 от 5 июня 2019 г. по делу № 1-766/2019// Набережночелнинский городской суд (Республика Татарстан)/https://sudact.ru/regular/court/Zr03J3unlrmd/).

При анализе судебной практики выявлено, что суды назначают исправительные работы с удержанием десяти процентов из заработной платы чаще всего, реже пятнадцати или пяти процентов. Даже назначение десяти процентов удержаний из заработка для многих осужденных представляется весьма существенной суммой, особенно в нынешних условиях, когда многие теряют работу или получают минимальную заработную плату. Потеря даже самой небольшой денежной суммы влияет на жизнь этих людей и может подтолкнуть их к совершению новых преступлений. Поэтому, правильным считаем сохранить минимальный процент удержаний в пределах пяти процентов. Тем более, предполагается, что уголовно-исполнительное воздействие наказания в виде исправительных работ заключается, прежде всего, в обязательной трудовой деятельности. Сами по себе удержания носят компенсационный характер и по своей сущности являются дополнительными к наказанию мерами.

Если в совокупность преступлений входят два преступления, за одно из которых назначено наказание в виде лишения свободы, за другое исправительные работы, то при сложении этих наказаний окончательно осужденному назначается наказание в виде лишения свободы. В судебной практике часто встречаются примеры, когда суд в таких случаях постановляет отбывание наказание в виде лишения свободы условно. Примером будет дело Есипова, который был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «з» ч.2 ст. 111 УК РФ и п. «в» ч.2 ст. 115 УК РФ. Суд ему назначил наказание по п. «з» ч.2 ст. 111 УК РФ - 2 года 6 месяцев лишения свободы, по п. «в» ч.2 ст. 115 УК РФ - 9 месяцев исправительных работ и установил удержание в пять процентов из заработной платы в доход государства. В соответствии с ч.3 ст. 69 УК РФ, с применением ст. 71 УК РФ, путем частичного сложения наказаний, оконча-

тельное наказание определено в 2 года 8 месяцев лишения свободы. Суд, исходя из ст. 73 УК РФ, осудил Есипова условно с испытательным сроком в 3 года (Приговор № 1-205/2018 от 27 июня 2018 г. по делу № 1-205/2018// Тосненский городской суд (Ленинградская область)// https://sudact.ru).

Другим примером может быть дело Антонова, которому на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим, окончательное наказание было назначено в виде исправительных работ на срок 4 месяца с удержанием в доход государства пяти процентов от заработка ежемесячно. Антонов признан виновным в совершении преступлений с назначением наказания по ч. 1 ст. 119 УК РФ в виде обязательных работ на срок 160 часов; по ч. 1 ст. 115 УК РФ – в виде исправительных работ на срок 4 месяца с удержанием в бюджет государства пяти процентов от заработка ежемесячно. Назначенное Антонову наказание суд постановил считать условным с испытательным сроком 6 месяцев (Апелляционное постановление № 10-5/2018 от 17 июля 2018 г. по делу № 10-5/2018// Кингисеппский городской суд (Ленинградская область) // https://sudact.ru/regular/doc/tC89QllEgmrZ/).

Казалось бы, осужденный должен работать, поскольку в совокупность входят два преступления, связанные с обязательной трудовой деятельностью. Однако суд постановил отбывание исправительных работ условно.

Очевидно, что при условной форме реализации наказания в виде исправительных работ, не реализуется сама сущность наказания - осужденный не вовлекается в обязательную трудовую деятельность и с него не производятся удержания в доход государства. Нам представляется целесообразным отказаться от условного осуждения при назначении исправительных работ. В самом названии наказания «исправительные работы» заложен его смысл, а именно деятельность, связанная с исправительно-трудовым воздействием. Применение условного осуждения при назначении исправительных работ в ч.1 ст. 73 УК РФ теряет не только смысл при его назначении, но и заложенное в него карательное содержание: обязательный труд и удержания из заработка осужденного в доход государства.

Характерно, что суды, осуждая виновных условно к исправительным работам, не устанавливают в отношении их обязанность трудиться в соответствии с ч.5 ст.73 УК РФ. Так, Дера осужден по ч.2 ст.1593 УК РФ к исправительным работам сроком на 1 год 6 месяцев с удержанием десяти процентов из заработной платы в доход государства. На основании ст.73 УК РФ назначенное наказание суд постановил считать условным с испытательным сроком в 1 год 6 месяцев. На Деру судом были возложены обязанности: не изменять места жительства без сообщения уголовно-исполнительной инспекции; являться на регистрацию один раз в месяц в установленное время (Апелляционное постановление № 22-326/2020 от 4 марта

2020 г. по делу № 1-153/2019//Ленинградский областной суд (Ленинградская область) //https://sudact.ru.).

Обратим внимание на то, что в приговоре не закреплена обязанность условно осужденного к исправительным работам трудиться, и не менять место работы. Такие обязанности целесообразно всегда закреплять условно осужденным к исправительным работам.

Как известно, несовершеннолетним осужденным в возрасте от 14 до 18 лет, могут назначаться исправительные работы (ч.4 ст.88 УК РФ) продолжительностью от 2 месяцев до 1 года. Если исходить из минимального размера оплаты труда (12тысяч 130 руб.), то годовые удержания у несовершеннолетних осужденных к исправительным работам при минимальном сроке составляют: при удержании пяти процентов, за два месяца – 1 тыс. 213 руб.; десяти процентов – 2 тыс.426 руб.; пятнадцати процентах – 3 тыс. 639 руб. При назначении исправительных работ несовершеннолетнему на максимальный срок (один год), эти удержания составят: при пяти процентах – 7тыс. 278 руб.; десяти процентах – 14тыс.556 руб.; пятнадцати процентах - 21тыс.834 руб.

Эти удержания составляют для несовершеннолетнего значимые денежные суммы. Поэтому, думается, что из системы наказаний, назначаемых несовершеннолетним следует исключить данный вид наказания, поскольку его назначение сужает как материальные возможности несовершеннолетнего, так и возможности по трудоустройству. Сложный переходный возраст и особенности формирования психики несовершеннолетних может быть причиной для нарушения трудовой дисциплины и выполнению установленных обязанностей. Поэтому предупредительный эффект от назначения наказания в виде исправительных работ несовершеннолетнему минимальный. Данные Судебного департамента Республики Татарстан относительно назначения этого наказания несовершеннолетним подтверждают наше мнение, так в 2018г. исправительные работы были назначены 5 несовершеннолетним осужденным (всего осуждено 410 несовершеннолетних), а в 2019г. - 6 (всего осуждено 396 несовершеннолетних), в 2020г.- 9 (всего осуждено 277 несовершеннолетних), за 6 месяцев 2021г. – 4 (всего осуждено за 6 месяцев 2021г. 196 несовершеннолетних) (Управление Судебного департамента Республики Татарстанhttps://usd.tatarstan.ru/statisticheskaya-otchetnost.htm).

По данным Судебного департамента РФ в 2018г. были назначены исправительные работы 248 (1,3%) несовершеннолетним (всего осуждено 18826 несовершеннолетних), в 2019г. – 182 (1%) (всего осуждено 16858 несовершеннолетних), в 2020г. – 212 (1%) (всего осуждено 14703 несовершеннолетних), за 6 месяцев 2021г. - 101 (4%) (всего осуждено за 6 месяцев 5102 несовершеннолетних). Таким образом, можно заключить, что суды в редких случаях назначают несовершеннолетним наказание в виде исправительных работ, отдавая предпочтение при назначении наказания обязательным ра-

ботам. Так, в 2018г. они были назначены 4205 несовершеннолетним (22,3%), в 2019г. – 3706 несовершеннолетним (22%), в 2020г. - 2919 несовершеннолетним (19,9%); за 6 месяцев 2021г. – 1392 несовершеннолетним (27%) (Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации /http://www.cdep.ru/index.php?id=79).

Удержание в пределах от пяти до двадцати процентов несовершеннолетним осужденным не соответствует последовательной линии, которую проводит законодатель в отношении несовершеннолетних. Особенности назначения наказания несовершеннолетним проявляются, в том числе и в сокращении продолжительности сроков наказания или их размеров. Однако, это не коснулось процента удержаний при назначении исправительных работ несовершеннолетним. Поэтому мы считаем, было бы целесообразным установить в отношении несовершеннолетних удержания из заработной платы в бюджет государства в пределах до трех процентов.

Таким образом, эффективность наказания в виде исправительных работ может проявляться только при реальном их отбывании.

УДК 343.14: 343.137 (075)

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Тертышник Владимир Митрофанович
Доктор юридических наук, профессор, академик АПН Украины,
Университет таможенного дела и финансов Украины.
Украина, г. Днепр

Анализируется проблема применения принципа верховенства права для преодоления конкуренции процессуальных норм, решения проблемы укрепления гарантий защиты прав и свобод человека, разработки доктрины доказательственного права, совершенствования процессуальной формы и отдельных институтов уголовного процесса. Раскрываются проблемы допустимости доказательств и развития институтов доказательственного права в учётом прецедентной практики Европейского суда по правам человека. Реализация идеи верховенства права в области правосудия возможна при условии формирования совершенного доказательственного права, основанного на проверенной практикой теории доказательств. Институты следственных действий должны получить взвешенную и логически оправданную процессуальную форму, гарантирующую как достоверность получаемых доказательств, так и обеспечение права и свобод человека.

RULE OF LAW AND DOCTRINAL ASPECTS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tertyshnyk V. M.

Analyses the question of the application of the principles of the rule of law to overcome the competition regulations, the solution of the problem of legal Fiction, hat and conflicts, ensure the quality and harmonization of legislation, strengthening guarantees of the protection of human rights and freedoms, the development of doctrine, procedural forms and individual institutes of the criminal process. The

© Тертышник В. М., 2022

article rev eals the problems of the theory of evidence and development of evidence rights with regard to the actions of the new code of Ukraine and the ECtHR on human rights. The idea of the rule of law in the field of justice can be implemented if the perfect evidential law is formed, based on proven evidence theory. The institutions of investigative action should receive a balanced and logical procedural form that guarantees both the veracity of the evidence obtained and the protection of human rights and freedoms.
Keywords: principles of law, the rule of law, procedural, legal certainty, proportionality, legitimacy, proof, theory of proofs, proving right, procession form.

Доказательственное право выступает, образно говоря, алгеброй правосудия, которая призвана обеспечивать баланс частных и публичных интересов.

В доктринальном аспекте верховенство права – система правового режима, где все права и свободы человека вызнаются наивысшей ценностью общества, а их обеспечение стаёт безальтернативным приоритетом государства, институций власти и общества, где сама власть подчиняется закону и ограничивается правом, где право создает такое юридическое поле правоотношений, при котором создаются необходимые условия для реализации человеком своих прав и свобод, максимально устраняются возможности произвола чиновников и возобновления тенденций тоталитаризма.

Проблемы верховенства права и доказывания в центре внимания учёных-юристов разных стран. [1; 3; 5-7] Однако, отдельные аспекты реализации верховенства права в доказывании нуждаются в дополнительном раскрытии.

В Решении от 25 января 2012 р. № 3-рп/2012 (дело № 1-11/2012) Конституционный Суд Украины определил, что одним из элементов верховенства права есть также принцип соразмерности, который означает, что заходы, предусмотренные нормативно-правовыми актами, должны направляться на достижение легитимной цели и быть соразмерными с ней. Этот принцип все чаще упоминается в решениях Европейского суду по правам человека (например, «Klass and Others v. Germany» 1978 г., «Ноймайстер против Австрии», «Волохи против Украины». 2006 г.).

Принцип пропорциональности – принцип права, согласно которому цель юридический действий органов власти должна быть общественно весомой, а способ её достижения наименее обременительным для человека в конкретных условиях складывающихся правоотношений.

УПК Украины целесообразно дополнить доктринально необходимой для совершенствования судопроизводства нормой – «Принцип соразмерности», изложив её таким образом:

«Должностные и служебные лица органов публичной власти, суд, следователи, судьи, прокуроры, детективы та иные представители правоохранительных органов, которые сами осуществляют или принимают участие в производстве уголовно-процессуальных действий, обязаны исходить в своих действиях из того, что цель таких должна быть законной и общественно важной, а способ её достиже-

ния наименее обременительным в конкретных условиях, что вмешательство в гарантированные законом права и свободы человека совсем не имело бы места, или допускалось бы лишь в предусмотренных законом формах и в случаях крайней необходимости, когда выполнение задач судопроизводства невозможно достичь иными средствами, а причиненный принудительными мерами вред будет при этом меньшим, чем предотвращенный благодаря их применению».

Реализации этих концептуально важных положений в реальную практику уголовного судопроизводства требует корректив многих институтов процессуального права и практики их применения.

Длящаяся в условиях перманентных судебно-правовых реформ эрозия доказательственного права часто приводит следственную и судебную практику на тернистый путь поиска света в конце тоннеля.

Одной из важных проблем доказательственного права является проблема допустимости доказательств, разрешению которой большое внимание уделяется в прецедентной практике Европейского суда по правам человека и которой всё больше внимания уделяется в научной литературе [2; 4; 8]. Однако критерий истины – практика показывает новые аспекты этой сложной проблемы.

Верховный Суд Украины в решении от 7 августа 2019 года в деле № 607/14707/17, которым производство в отношении обвиняемого было закрыто судом кассационной инстанции, в силу того, что суд признал недопустимым использования в качестве доказательства видеодиска с записью фактов преступления, зафиксированного стационарными камерами видеонаблюдения, подтвердил правоту кассационного суда. При этом Верховный Суд посчитал, что такие видеозаписи были получены незаконно, поскольку были приняты от потерпевшего не самим следователем, который производил осмотр места происшествия, а оперативным работником, который, хотя и был в составе следственно-оперативной группы, но не получал от следователя отдельного поручения. К тому же, на взгляд суда, такие материалы были получены за пределами уголовного судопроизводства, то есть до начала следствия, в стадии рассмотрения заявления о преступлении, когда закон разрешает производить лишь одно следственное действие – осмотр места происшествия.

При этом, суд проигнорировал право потерпевшего представлять доказательства (с момента признания его потерпевшим, которое де-юре возникает в момент подачи им заявления о преступлении). Следует отметить, что в данных проблемах как говорится «два юриста – три мнения». Проблема усугубляется неоднозначной судебной прецедентной практикой.

Безусловно, условиями допустимости доказательств есть получение фактических данных из надлежащего источника, надлежащим субъектом, в предусмотренном законом порядке.

Исходя из принципа верховенства права, праву потерпевшего подавать доказательства на любой стадии производства должна корреспондироваться обязанность правоохранительных органов безот-

лагательно принять поданные потерпевшим доказательственные материалы та обеспечить их надлежащее закрепление.

Суд не до конца проанализировал конкуренцию правовых норм. Не учёл, что в силу ст. 87 УПК Украины, недопустимость доказательства может вызнаваться только такие, которые получены с «существенными нарушениями прав и свобод человека», а ст. 89 УПК Украины признание доказательства недопустимым повязывает с фактом "установления очевидной недопустимости". Последний концепт «очевидной недопустимости доказательства» до сих пор чётко не сформулирован ни в законе, ни в прецедентном судебном праве.

Конституция Украины у ст. 62 определяет: «не могут иметь значения доказательств данные, полученные незаконным путем…».

Логично будет осуществить дифференцирование концепта «законный путь получения доказательств»» с понятием «процессуальная процедура получения доказательств».

Доказательство можно безоговорочно считать недопустимым допустимым будет только при получении его не предусмотренным законом путем (способом).

Вместе с тем, регламентация предусмотренного законом способа получения доказательств безусловно должна соответствовать требованиям юридической определённости и принципу пропорциональности, доесть иметь необходимую для этого процедуру, которая исключала б как неоправданные ограничения прав и свобод человека, так и получение недостоверных данных.

Поэтому концепт «существенные нарушение закону» уместно конкретизировать в отношении соблюдения процедуры получения доказательств.

«Очевидно недопустимыми доказательствами, как нам думается, следует считать такие информационные материалы, которые являются «плодами отравленного дерева» (см. правовые позиции ЕСПЧ в делах «Гефген против Германии»; «Тейксейра де Кастро против Португалии»; «Шабельник против Украины»; «Яременко против Украины», «Нечипорук и Йонкало против Украины»), а также материалы, которые получены с существенными нарушениями естественных и гарантированных законом прав и свобод человека, а также с существенными нарушениями иных процессуальных норм, вследствие чего возникают сомнение в их достоверности.

На основании изложенного в процессуальном законодательстве необходимо закрепить правило:

«Недопустимыми в доказывании являются материалы, которые добыты либо не предусмотренным законом способом, в том числе вследствие провокации преступления, либо получены с существенным нарушением прав и свобод человека, или с таким нарушение предусмотренной законом процедуры, которые ставят под сомнение достоверность полученных фактических данных».

Вопиющим невежеством законодательного нормотворчества являются опусы ст. 271 УПК Украины, которыми законодатель де-

лает попытку сверх лаконично регламентировать в качестве следственных действий ранее негласные оперативно-розыскные действия, такие, например, как контролируемая поставка, «специальный следственный эксперимент» и др. При этом в ч. 5 данной статьи, так ничего и не регламентировав, законодатель прописал, что «порядок и тактика проведения контролируемой поставки, контролируемой и оперативной закупки, специального следственного эксперимента, имитации обстановки преступления определяется законодательством». Не акцентируя внимание на таких несбыточных рекомендациях регламентировать законом даже тактику указанный действий, следует подчеркнуть, что недостаточно будет даже принятия отдельного закона, которым будет определена процедура выполнения указанных действий, поскольку в силу ст. 1 УПК Украины, порядок уголовного производства определяется процессуальным законодательством, а в силу ст. в соответствии со ст. 82 УПК Украины «Доказательствами в уголовном деле есть фактические данные, полученные в предусмотренном этим Кодексом порядке». То есть, этим малозаметным на первый взгляд положением, законодатель создал ситуацию коллапса, позволяя суду признавать недопустимыми любые, даже достоверные фактические данные, если они получены вне уголовного процесса, и наоборот, может признать доказательством даже идентификацию человека «по походке» при формальном соблюдении такой идентификации.

Несовместимым с принципом верховенства права и пропорциональности стал институт такого негласного следственного (розыскного) действия, как «обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения человека» (ст. 267 УПК Украины). В соответствии с данной нормой, следователь имеет право обследовать жилище или иное владение человека «путём тайного проникновения в него» для «выявления и фиксации следов тяжкого или особо тяжкого преступления», а также «для установления средств аудио-, видеоконтроля лица». Учитывая, что такое вышеуказанное негласное проникновения в жилище осуществляется в отсутствие гражданине и понятых, гарантии достоверности записей в подобных актах, по существу равны нулю. «Лишенные чином совести» оперативники могут составлять фиктивные акты «обследования жилья не выходя из собственного кабинета.

На наш взгляд, подобные новеллы законодательства разрушают и до того хлипкую систему гарантий прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства, делают личную жизнь человека прозрачной, а самого его беззащитным перед государственной репрессивной машиной, оставляют большое поле для произвола. Они могут легко стать инструментом политиков для восстановления тоталитарного режима. Указанные новеллы противоречат как ст. 22 Конституции Украины, так и международным стандартам.

В деле «Фуке против Франции» (10828/84, решение от 25 февраля 1993 года) Европейский суд по правам человека определил, что

вмешательство в права должно быть соразмерным поставленной в законе цели», а «законодательство и практика предусматривали бы достаточные и эффективные гарантии против злоупотреблений». В деле «Имакаев против России» Европейский суд по правам человека определил, что ссылка властей на Закон «Про борьбу с терроризмом» не может заменить обязанность получить ордера на обыск, а изъятия вещей были произведены без надлежащих гарантий. С другой стороны, если соблюдать принцип пропорциональности, то для получения доказательств, расположенных, например, в жилище человека, если для этого требуется ограничение его права на неприкосновенность жилища, закон предусмотрел процедуру обыска, применение которой мене обременительно в соответствующих условиях и создает больше гарантий защиты прав человека, по меньшей мере наличием понятых и процедурой фиксации самого обыска. За таких условий применение негласного проникновение в жилище теряет всякий смысл. Более того, принятие данной новеллы, с одной стороны, есть шагом назад, навстречу реакции, а, с другой стороны, недопустимо, ибо противоречит требованию Конституции Украины (ст. 22) о том, что при принятии новых законов не допускается никакое сужение существующих прав и свобод человека.

Известный философ Конфуций отстаивал принцип: «На добро отвечают добром, на зло – справедливостью». Удивительно, но из нового УПК Украины исчезли даже термины истина и справедливость.

В ч. 3 ст. 349 УПК Украины изложены радикальные упрощения судебного разбирательства, которые предусматривают возможность, в случае признания обвиняемым своей вины, не производить судебного следствия в полном объеме, ограничиваясь лишь допросом самого обвиняемого. В соответствии со ст. 468 УПК Украины вводится также институт сделки о признании вины. При этом, сам обвиняемый лишается права обжалования, вынесенного при таких упрощениях производства приговора. Между тем, указанные новеллы фактически не могут получить права на применения.

Во-первых, в соответствии с ч. 5 ст. 364 УПК Украины: «участники судебного производства имеют право в судебных дебатах посылаться только на те доказательства, которые были исследованы в судебном заседании.

Во-вторых, согласно ст. 370 УПК Украины обоснованными есть решения суда, которые подтверждены доказательствами, исследованными в процессе судебного разбирательства.

В-третьих, согласно ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, «каждый, кого осуждено за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией в соответствии с законом». Указанный институт противоречит принципу презумпции невиновности и категорически не подлежит применению в уголовном судопроизводстве.

В любом деле истина должна быть подтверждена неопровержимыми доказательствами (все сомнения, если исчерпанные возможности их устранения, толкуются и разрешаются в пользу обвиняемого); должна быть дана надлежащая оценка события преступления правильная юридическая квалификация действий обвиняемого; ответ на главные вопросы дела (имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, содержит ли это деяние состав преступления, совершил ли это деяние подсудимый, виновен ли подсудный в совершении этого преступления) осуществляются беспрекословно лишь на основании доказательств. Компромисс может осуществляться не относительно вопросов объективной истины, а относительно наказания.

Реализация идеи верховенства права в области правосудия возможна при условии формирования совершенного доказательственного права, основанного на проверенной практикой теории доказательств. Требуется устранение недостатков поспешного реформирования процессуального законодательства, повлекшего мимикрию процессуальной формы производства следственных действий. Институты следственных действий должны получить взвешенную и логически оправданную процессуальную форму, гарантирующую как достоверность получаемых доказательств, так и обеспечение права и свобод человека.

Список источников

1. Безруков С. С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса. Монография С. С. Безруков. Москва: Юрлитинформ. 2016. 560 с.

2. Доказове право: підручник / В.М. Тертишник, О.І. Тертишник, А.Є. Фоменко, В.В. Ченцов; за заг. ред.д.ю.н, професора В.М. Тертишника. Київ: Алерта, 2022. 448 с.

3. Ковтун Н. Н., Ковтун И. С. Правовая определённость – фундаментальный принцип уголовно-процессуального права России: понятие, суть, элементы Н. Н. Ковтун, И. С. Ковтун // Юридическая техника. 2020. №14. С. 429-437.

4. Смирнов А. В. Уголовный процесс: ученик для вузов. 2-е изд / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновський: Под общ. ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Питер, 2005.

5. Тертишник В. М. Конституція України. Науково-практичний коментар _ В. М. Тертишник. Київ: Алерта, 2022. 430 с.

6. Тертышник В. М. Верховенство права в сфере правосудия: алгебра процесса, или мои права моё богатство / В. М. Тертышник // Защита прав человека: научно-практическая конференция – (Молдова-Болгария). Комрат. 2018. С. 225-232.

7. Тертышник В., Щерба С. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения / В. Тертышник, С. Щерба // Уголовное право. Москва, 2001. №4. С. 73-76.

8. Уголовный процесс / Аширбекова М. Т., Будников В. Л., Быков В. М. и др. (2-е издание, переработанное и дополненное). Москва, 2003. 512 с.

УДК 343.2

ОСТАВЛЕНИЕ МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ ТЯЖКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ: ПРЕДПОСЫЛКИ К ПОВТОРНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ, КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА, МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ

Федоров Игорь Зиновьевич
Заведующий кафедрой уголовного права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
Межрегиональный открытый социальный институт
(г. Йошкар-Ола)

В статье анализируются предпосылки, подтолкнувшие законодателя к повторной криминализации оставления места дорожно-транспортного преступления водителем, вследствие нарушения которым правил дорожного движения наступили тяжкие последствия по его неосторожности. Критикуются конструктивные особенности составов преступлений, предусмотренных пунктами «б» частей 2, 4 и 6 ст. 264 Уголовного кодекса РФ. Указывается на наличие коллизии между нормами отраслевого права. Уделяется внимание некоторым аспектам процессуального доказывания обстоятельств совершения преступлений, являющихся предметом исследования в настоящей публикации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; дорожно-транспортное преступление; оставление водителем места ДТП; правовые коллизии; уголовно-процессуальное доказывание.

LEAVING THE PLACE OF THE ROAD TRANSPORT CRIMES WITH GRAVE CONSEQUENCES: PREREQUISITES FOR REPEATED CRIMINALIZATION, DESIGN FEATURES OF THE COMPOSITION, SUBSTANTIVE CONFLICTS AND PROCEDURAL PROOF

Fedorov I. Z.

The article analyzes the prerequisites that prompted the legislator to re-criminalize the abandonment of the scene of a traffic crime by a driver, as a result of whose violation of traffic rules, serious consequences occurred due to his negligence. The constructive features of the elements of crimes provided for in paragraphs "b" of Parts 2, 4 and 6 of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation are criticized. It is indicated that there is a conflict between the norms of industry law. Attention is paid to some aspects of the procedural proof of the circumstances of the commission of crimes that are the subject of research in this publication.

Keywords: criminal liability; traffic crime; driver leaving the scene of an accident; legal conflicts; criminal procedural proof.

Дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) с тяжкими последствиями, сопряженные с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (далее – ПДД), повлекшим по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерти одному или более лицам, признаются преступлением, посягающим на общественную безопасность в сфере организации дорожного движения и эксплуатации транспортных

© Федоров И. З., 2022

средств. Из субъектов названных деяний, наиболее опасными являются водители транспортных средств, управляющие им в состоянии опьянения, а также те, которые оставляют место ДТП. Первые из них априори представляют потенциальную опасность для участников дорожного движения, а вторые создают предпосылки к возможному наступлению более тяжкого вреда, чем тот, который находится в прямой причинной связи с совершенным преступлением.

Так, согласно доступным официальным данным, соответствующим четырехмесячной давности, только за 9 месяцев 2021 года в России было зарегистрировано 96 314 ДТП. Каждое девятое из них (11,3%) произошло с участием водителей в состоянии и с признаками опьянения, а при этом скончался каждый пятый (21,9%) от общего числа погибших на дорогах страны. Из 10 849 ДТП с 2 305 погибшими и 14 545 ранеными, именно с участием водителей в состоянии опьянения произошло 8 688 (80,1%), в результате которых доля погибших составила 2 190 человек (95%), доля раненых – 11 552 (79%) [7, с. 16].

Следует обратить внимание на то, что за тот же период около двух третей (63%) от общего числа погибших в ДТП скончались до прибытия скорой медицинской помощи на место происшествия. Смерть 36,6% пострадавших наступила на разных этапах оказания медицинской помощи: на месте ДТП (в том числе лиц, нуждающихся в мгновенном оказании медицинской помощи или первой помощи очевидцами и другими участниками ДТП), при транспортировке или после доставления в медицинскую организацию [7, с. 29]. Факты говорят о том, что в каждом десятом случае от общего количества ДТП водитель-виновник скрывался: в 2016 г. произошло 17 100 таких происшествий, в которых погибло 958 человек, ранено – 17 200; в 2017 г. – 16 191 ДТП с 910 погибшими и 12 000 ранеными; в 2018 г. – 15 729 ДТП, с мест которых виновник сбежал, при этом погибло 736 человек [6, с. 110-115].

Если заглянуть в прошлое, то бросается в глаза более ужасающая реальность: в течение 2000-2020 гг. число погибших колебалось от 16 152 (2020 г.) до 35 609 человек (2007 г.), а по совокупности за двадцать один год имело место 570 216 потерянных жизней (в среднем 27 153 смертей ежегодно) [12].

Из всего сказанного следует, что ситуация с ДТП в нашей стране всегда была напряженной и проблемной. Не случайно, еще в 2016 г. на заседании президиума Госсовета по вопросам безопасности дорожного движения Президент России В.В. Путин назвал недопустимой статистику смертности на российских дорогах, когда страна несет огромные потери – 30-35 тысяч погибших в год, а за последние десять лет в результате ДТП в России погибло 350 тысяч человек, различные травмы получили более трех миллионов.

Учитывая такую угрожающую обстановку, Президент призвал объединить усилия и направить их на то, чтобы добиться кардинального снижения числа погибших и пострадавших. Кроме того, он

заявил о необходимости оперативно внести в Государственную Думу законопроекты по безопасности дорожного движения [11].

В конце 2018 года от разных разработчиков – министерств и ведомств в Государственную Думу начали поступать законопроекты. При этом Министерство внутренних дел Росси представило документы, в одном из которых предложил внести в ст. 264 и 264.1 УК РФ [3] поправки об уточнении уголовной ответственности водителей за оставление места ДТП с последствиями, сопряженными с причинением тяжкого вреда здоровью либо смерти одному или большему количеству потерпевших [8].

В этом случае мы полагаем, что заявленная МВД России позиция была основана на том, что немногим ранее, 25 апреля 2018 г., Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) своим постановлением признал не соответствующими Конституции РФ положения пункта 2 примечаний к ст. 264 УК РФ, поскольку они ставили водителя, управлявшего транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшегося с места виновно совершенного им ДТП с тяжкими последствиями, в преимущественное положение перед теми водителями, которые остались на месте ТДП с такими же тяжкими последствиями, наступившими по их вине, и в отношении которых установлен факт нахождения в состоянии опьянения либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

С целью устранения этого дисбаланса КС РФ установил для федерального законодателя срок для внесения необходимых изменений в УК РФ до 25 апреля 2019 года [1]. До истечения этого срока, а именно 23 апреля 2019 года был принят соответствующий федеральный закон, существенно изменивший, в числе других нововведений, структуру и содержание ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ [4]. Через два месяца, 17 июня 2019 года был принят еще один закон, который пересмотрел и изменил содержание ст. 15 УК РФ [5].

Главное, на чем мы акцентируем внимание относительно содержания указанных законов в рамках настоящего исследования, – это, во-первых, криминализация во вновь введенных пунктах «б» частей 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ оставления места ДТП водителем, если совершенное им нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств повлекло общественно опасные последствия, сопряженные с неосторожным причинением тяжкого вреда здоровью либо смерти одному человеку или смерти двум и более лицам. Во-вторых, это ужесточение наказания, в том числе лишения свободы посредством повышения пределов сроков его отбывания от 3 до 7 лет – в части 2 ст. 264, от 5 до 12 лет – в части 4 ст. 264, от 8 до 15 лет – в части 6 ст. 264) [4]. В-третьих, это изменение в ст. 15 УК РФ признаков категоризации неосторожных преступлений посредством установления сроков максимального наказания, не превышающего: 10 лет лишения свободы – для преступления средней тяжести; 15 лет лишения свободы – для тяжкого преступле-

ния [5]. Из этого следует, что преступления, предусмотренные в новой редакции ст. 264 УК РФ, стали относиться к категориям: небольшой тяжести – в части 1, средней тяжести – в частях 2, 3 и 5, тяжких – в части 6.

Особенность новеллы частей 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ состоит в том, что она «ворвалась» в действующее отраслевое законодательство с эффектом «дежавю», как повторно криминализированное преступление. Дело в том, со дня вступления в действие УК РФ 1996 г. оставление места ДТП лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ, ранее признавалось преступлением, предусмотренным ст. 265 УК РФ. В таком случае виновному в качестве наиболее строго наказания могло быть назначено лишение свободы на срок до двух лет. Однако с 8 декабря 2003 года ст. 265 УК РФ утратила силу. Причину декриминализации указанного преступления наука объясняет тем, что нормы ст. 265 УК РФ оказались несовершенными и неэффективными в силу их неточности, неопределенности в истолковании содержания диспозиции, что подтверждала и судебная практика [6, с. 110; 13, с. 52].

О правовых коллизиях, вызванных конструктивными особенностями описания составов преступлений, предусмотренных пунктами «б» частей 2, 4 и 6 действующей редакции ст. 264 УК РФ, мы писали ранее. При этом высказали критику по поводу того, что признание законодателем неосторожным деянием факта умышленного оставления места ДТП водителем, управлявшим транспортным средством и признанным виновным в нарушении ПДД, а также в причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшего либо смерти одному или более лицам в результате этого деяния, противоречит установленному нормами ст. 27 УК РФ алгоритму юридической оценки преступлений, совершенных с двумя формами вины [14, с. 125-132].

Аргументы, приводимые в обоснование сказанного, мы можем моделировать на условном примере. Так, лицо, управляя транспортным средством с нарушением ПДД, совершает наезд на человека, отчего последний погибает на месте ДТП (на этом этапе действия водителя квалифицируются по ч. 3 ст. 264 УК РФ). Увидев последствия содеянного, водитель (и не важно, по каким мотивам) покидает место ДТП и скрывается в неизвестном направлении (в этом случае преступление подлежит квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ). Притом, наличие у водителя неосторожной формы вины по отношению к наступлению смерти потерпевшего от ДТП споров не вызывает, ибо такая конструкция объективной и субъективной сторон состава преступления прямо усматривается из диспозиции частей 3 и 4 ст. 264 УК РФ. Однако место ДТП виновный водитель покидает именно умышленно и целенаправленно, и обратного здесь не дано хотя бы потому, что нельзя сбегать откуда-либо и куда-нибудь по неосторожности. Именно поэтому умышленное деяние,

предусмотренное п. «б» ч. 4 (как и в случаях с пунктами «б» частей 2 и 6) ст. 264 УК РФ, не должно и не может сливаться воедино с деяниями, совершенными по неосторожности, в которых отсутствует волеизъявление субъекта.

Исходя из изложенного, мы полагаем, что в пункты «б» частей 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ законодатель включил нормы, которые логически не вписываются в неосторожную форму вины. А потому оставление виновным водителем места ДТП не должно считаться неосторожным преступлением в тандеме с теми вредными последствиями (тяжкий вред здоровью, смерть одного или большего количества лиц), которые наступают по неосторожности водителя как результат нарушения им ПДД.

Вопреки этому, в пунктах «б» частей 2, 4 и 5 ст. 264 УК РФ описание преступления представлено в такой последовательности, когда водитель сначала совершает неосторожное преступление, а потом, в продолжение своего деяния оставляет место ДТП (по нашему разумению, умышленно). И как результат, ст. 15 УК РФ, которая ориентируется на санкции, предусмотренные в указанных выше нормах ст. 264 УК РФ, устанавливает, что оставление места ДТП относится к неосторожному преступлению средней тяжести или неосторожному тяжкому преступлению соответственно.

Мы считаем, что на самом деле в указанных нормах ст. 264 УК РФ речь должна идти о преступлении с двойной формой вины: начало – неосторожное преступление, окончание – умышленное. Однако надо понимать, что не существует в теории уголовного права и в отраслевом законе такая модель преступлений с двумя формами вины, ибо, в противном случае, она была бы откровенно абсурдной.

Под преступлением с двумя формами вины ст. 27 УК РФ предполагает умышленное начало преступления, в результате совершения которого причиняются тяжкие последствия, влекущие по закону более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица и они наступили по его неосторожности.

В связи с изложенным мы считаем, что оставление места ДТП водителем, нарушение которым ПДД повлекло причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти одному или нескольким лицам, целесообразно выделить в самостоятельную статью УК РФ в качестве умышленного преступления. Диспозиции вновь введенной статьи можно сконструировать в трех частях с описанием преступлений, которые в настоящее время предусмотрены соответственно пунктами «б» частей 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ. Кроме того, формирование описания преступлений представляется возможным по образу редакции диспозиции утратившей силу ст. 265 УК РФ, но адаптированной к настоящему времени и соотносимой с признаками норм пунктов «б» частей 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ.

Далее обратимся к специфике процессуального доказывания факта оставления места ДТП водителем, в результате нарушения которым ПДД наступили последствия, сопряженные с причинением

тяжкого вреда здоровью человека либо смерти одному или нескольким лицам.

Сначала уточним, что согласно п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, отнесено к подследственности следователей органов внутренних дел.

В ходе производства по уголовному делу о преступлении, связанном с оставлением места ДТП водителем, управлявшим транспортным средством с нарушением ПДД, по неосторожности которого наступили тяжкие последствия, предусмотренные в ст. 264 УК РФ, подлежат доказыванию, с одной стороны, стандартные обстоятельства, названные в ст. 73 УПК РФ [2], а с другой, как бывает нередко, приходится заниматься выявлением лица, управлявшего транспортом в момент ДТП, его состояния, места нахождения и т.п.

В досудебных стадиях уголовного процесса условно можно выделить следующие этапы установления обстоятельств, подлежащих доказыванию: 1) проверка сообщения о ДТП; 2) выявление водителя, пострадавших и иных участников и очевидцев ДТП; 3) оценка совокупности собранных доказательств и принятие решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела; 4) выполнение неотложных следственных действий, назначение судебных экспертиз; 5) объявление в розыск подозреваемого, скрывшегося с места ДТП; 6) задержание подозреваемого и решение вопроса об избрании ему меры пресечения; 7) производство следственных и иных процессуальных действий, необходимых для решения вопроса о предъявлении подозреваемому обвинения; 8) привлечение лица в качестве обвиняемого; 9) ознакомление участников уголовного процесса, в том числе обвиняемого и его защитника, с материалами оконченного расследованием уголовного дела; 10) производство дополнительных следственных действий в случае удовлетворения следователем ходатайств участников процесса.

На первом из перечисленных этапов дежурная часть ОВД регистрирует информацию о ДТП в книге учета сообщений о преступлениях (КУСП) в соответствии с инструкцией, утвержденной приказом МВД России [10]. Следователь, прибыв на место происшествия, производит тщательный осмотр местности, где произошло ДТП, и транспортных средств, фиксируя в протоколе все обстоятельства, имеющие доказательственное значение, в том числе видимые неисправности, имевшиеся до ДТП (например, следы тормозной жидкости на дисках колес) и возникшие в результате ДТП. Особое внимание при этом уделяется фиксации местоположения транспортных средств, имеющих отношение к ДТП, трупа (если имеется погибший), а также выявлению в кабине (салоне) транспортного средства окурков, косметических принадлежностей, документов, телефона, следов пальцев рук на рулевом колесе и других механизмах и инструментах управления транспортным средством, дверных ручках, и других следов, которые впоследствии могут помочь в установлении

водителя, оставившего мест происшествия. Если виновник ДТП скрылся на автомобиле, участвовавшем в ДТП, то необходимо выявить все возможные следы, оставшиеся на месте происшествия (осколки стекол осветительных приборов, фрагменты кузова, лакокрасочного покрытия, следы колесной резины и др. Незаменимую помощь в установлении истины могут оказать видеорегитраторы, установленные в транспортных средствах, имеющих отношение к ДТП, либо в других, водители которых стали очевидцами произошедшего. Записи в видеорегистраторе могут содержать также информацию о виновном водителе, скрывшемся с места ДТП, как и о том, где он обычно часто бывал и где может находиться.

Члены следственно-оперативной группы, работающие на месте преступления параллельно и под руководством следователя, опрашивают водителей, пассажиров, выявляют очевидцев ДТП и получают у них объяснения. Все обнаруженные и изъятые вещественные доказательства приобщаются к протоколу осмотра места дорожно-транспортного происшествия. Осмотр транспортного средства при необходимости может сопровождаться составлением отдельного протокола. Таким образом, как правильно обращают внимание В.А. Купцов и А.Г. Маркелов, главная задача этого этапа – установление события преступления, которое произошло на месте ДТП [9, с. 120].

На втором этапе процесса доказывания следователь лично принимает меры к установлению водителя, скрывшегося с места преступления, пострадавших и иных участников и очевидцев ДТП, сведения о которых не представилось возможным получить «по горячим следам»; при необходимости дает органу дознания в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Для решения поставленных задач, одной из которых является установление водителя (если данные о нем не известны) или его местонахождения, следователь и сотрудники органа дознания вправе использовать весь арсенал проверочных процессуальных действий, перечень которых предусмотрен в ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ.

Третий этап доказывания включает в себя проверку и оценку следователем совокупности всех собранных доказательств и использование извлеченного из этого умозаключения при вынесении, с учетом неопровержимо доказанных обстоятельств, постановления о возбуждении уголовного дела или постановления об отказе в возбуждения уголовного дела.

На четвертом этапе производства по уголовному делу следователь выполняет неотложные следственные действия, которые нельзя было производить до возбуждения уголовного дела: допрашивает свидетелей, потерпевшего, иных участников ДТП, подозреваемого – если он установлен к моменту возбуждения уголовного дела и не уклоняется от явки к следователю, проводит очные ставки, проверку показаний на месте, обыски, выемки, назначает судебные экспертизы, если они не были назначены до возбуждений уголовного дела, и

др. Особое внимание при этом уделяется получению подробных и детализированных сведений об обстоятельствах ДТП.

Пятый этап потребуется в том случае, если подозреваемый в совершении ДТП с тяжкими последствиями скрылся с места происшествия и не найден, или когда подозреваемый, о котором известно, скрылся от следствия до предъявления ему обвинения. Любое из этих обстоятельств дает следователю основания и полномочия объявить подозреваемого (обвиняемого) в розыск в соответствии со ст. 210 УПК РФ, поручив его осуществление органу дознания в порядке, установленном п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Для шестого этапа производства характерно решение следователем в процессуальном порядке вопроса о задержании в качестве подозреваемого водителя, оставившего место ДТП с тяжкими последствиями, наступившими из-за нарушения им требований ПДД при управлении транспортным средством. Притом данное лицо может быть задержано в качестве подозреваемого в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ как после его розыска и принудительного доставления к следователю, так и в случае его добровольной явки по вызову. До истечения 48 часов после фактического задержания следователь в отношении подозреваемого решает вопрос об избрании ему одной из мер пресечения, предусмотренных ст. 102-108 УПК РФ.

Седьмой этап доказывания подразумевает производство дополнительных или новых следственных и иных процессуальных действий, необходимых для получения неопровержимых доказательств, дающих достаточные основания для привлечения лица, совершившего преступление, в качестве обвиняемого. В данном случае должны быть устранены все сомнения путем проведения допросов, очных ставок, судебных экспертиз, следственных экспериментов, проверки показаний на месте и других необходимых «инструментов» доказывания.

Восьмой этап – привлечение лица в качестве обвиняемого в порядке, установленном ст.171 и 172 УПК РФ. Объявляя содержание обвинения, вмененного лицу, следователь разъясняет ему права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ и ст. 51 Конституции РФ, выясняет его отношение к обвинению, допрашивает в качестве обвиняемого с соблюдением требований ст. 173 и 174 УПК РФ.

Девятый этап охватывает процедуру ознакомления потерпевшего, гражданского истца, ответчика и их представителей, обвиняемого и его защитника с материалами оконченного расследованием уголовного дела в порядке, установленном ст. 216 и 217 УПК РФ, с составлением протокола в соответствии со ст. 218 УПК РФ. Обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, при этом могут быть оглашены в ходатайствах сторон о проведении дополнительных следственных действий, письменно или устно, с занесением в протокол ознакомления с материалами уголовного дела.

Десятый этап включает в себя разрешение следователем ходатайств в порядке, установленном ст. 219 УПК РФ. В случае полного

или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь выносит об этом постановление. В случае удовлетворения ходатайства хотя бы одного из участников процесса со стороны обвинения или защиты следователь посредством выполнения следственных действий дополняет материалы уголовного дела, и сторонам предоставляет возможность ознакомиться с ними.

В завершение изложения материала мы обращаем внимание на то, что перечисленные выше этапы доказывания (производства по уголовному делу) разделены и пронумерованы весьма условно. Производство по уголовному делу в реальности осуществляется в такой логической последовательности, которая зависит от исходных обстоятельств, сложившихся или складывающихся в процессе проверки сообщения о преступлении, предварительного расследования или вытекающих из полученных новых доказательств и многих других обстоятельств. При таких условиях четкое разграничение этапов производства в досудебных стадиях уголовного процесса просто становится невозможным.

Окончанием производства предварительного следствия является составление обвинительного заключения и направление его прокурору вместе с уголовным делом для утверждения и передачи в суд по подсудности.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 № 17-П. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71831332 (дата обращения 13.01.2022). Текст : электронный.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г. N 501-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (част I), ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ, № 499-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

4. О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2019. № 17, ст. 2028.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2019. № 25, ст. 3166.

6. Волошин А.И., Деревянкина С.А. Ответственность за оставление места ДТП: административная или уголовная? // Ученые записки Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Том 5 (71). № 3. С. 110-115.

7. Дорожно-транспортная аварийность в российской Федерации за 9 месяцев 2021 года. Информационно-аналитический обзор. Москва: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021. 39 с.

8. Законопроект № 575472-7 «О внесении изменений в статьи 264 и 264-1 Уголовного кодекса российской Федерации» (об уточнении уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы

«Законотворчество» – szrf.km.duma.gov.ru/ASOZD (дата обращения 15 января 2022 г.). Текст : электронный.

9. Купцов В.А., Маркелов А.Г. Особенности квалификации предмета доказывания по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях по законодательству России // Вестник российского университета кооперации. 2017. № 1 (27). С. 117-121.

10. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (с изменениями и дополнениями в ред. от 09.10.2019 г. № 688). URL: https://base.garant.ru/70791976/ (дата обращения 15 января 2022 г.). Текст : электронный.

11. Путин об уровне смертности: от этого кошмара надо избавляться // РИА Новости. 2016. 14 марта. URL: https://ria.ru/society/20160314/1389726308.html (дата обращения 17 января 2022 г.). Текст : электронный.

12. Статистика ДТП в России: с 2000 по 2019 год и 1 квартал 2020 года. URL: https://rosinfostat.ru/dtp/ (дата обращения 17 января 2022 г.). Текст : электронный.

13. Танга И.В. Нужна ли в Уголовном кодексе Российской Федерации специальная норма уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия? // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 50-54.

14. Федоров И.З. Дорожно-транспортные преступления: достоинства и недостатки моделей действующих составов, правовые коллизии, вопросы толкования, квалификации и оптимизации уголовного закона // Вестник российского университета кооперации. 2019. № 3 (37). С. 125-131.

15. Что ждет водителя за оставление места ДТП? Электронное периодическое издание «Парламентская газета». 2019. 4 февр. URL: https://www.pnp.ru (дата обращения 18 января 2022 г.). Текст : электронный.

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПЛОДА В ХОДЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ РОДОВСПОМОЖЕНИИ

Хазизулин Виталий Билалуевич

Руководитель третьего отдела по расследованию особо важных дел (следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю), старший преподаватель (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса)

В статье раскрываются теоретические и практические особенности уголовно-правовой оценки деяния медицинского работника, повлекшего в процессе родовспоможения гибель человеческого плода. Приведены примеры привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за соответствующие деяния. Отмечена необходимость специального уголовно-правового регулирования правоотношений в указанной сфере.

Ключевые слова: человеческий плод, родовспоможение, врач-акушер-гинеколог, ненадлежащая медицинская помощь.

© Хазизулин В. Б., 2022

CRIMINAL LAW ASPECTS OF THE PROTECTION OF THE HUMAN FOETUS DURING MEDICAL CARE IN OBSTETRIC CARE

Khazizulin V. B.

The article reveals the theoretical and practical features of criminal and legal assessment of the actions of health workers, which resulted in the death of human fetus during childbirth. Examples of bringing medical workers to criminal liability for such actions are given. The necessity of special criminal-legal regulation of legal relationship in the specified sphere is marked.

Keywords: human fetus, obstetric care, obstetrician-gynecologist, inappropriate medical care, criminal liability.

Современная российская уголовно-правовая доктрина констатирует, что с момента рождения ребенок имеет конституционно-охраняемое право на жизнь и охрану здоровья, вследствие чего к нему применяются меры уголовно-правовой защиты. В данном случае рождением признается момент отделения плода от организма матери посредством родов [1]. При этом Минздрав России в развитие такого правила регламентирует медицинские критерии рождения, определяя в качестве таковых срок беременности, массу и длину тела ребенка [2].

Анализируя указанные положения, можно сделать закономерный вывод, что в отсутствие обозначенного факта отделения плода его нельзя признать ребенком, следовательно и уголовно-правовая охрана его жизни и здоровья не должна осуществляться. В результате с позиции действующего уголовного закона невозможно применение уголовно-правовых норм, предусмотренных в Разделе VII УК РФ [3], для оценки ненадлежащих действий медицинского работника в процессе родовспоможения, вследствие которых наступила гибель человеческого плода.

В отечественной юридической и медицинской науках человеческий плод до момента начала родового акта считается частью женского организма. Вместе с тем, научными исследованиями доказано, что спустя несколько дней после зачатия у плода начинают формироваться основные системы организма. Далее, спустя непродолжительный промежуток времени, развиваются основные органы, необходимые для жизнедеятельности. В результате к началу родоразрешения плод, как правило (при отсутствии патологий), является жизнеспособным, то есть обладает комплексом биологических признаков, свидетельствовавших о его физической целостности и готовности к существованию вне утробы матери. В связи с этим его нельзя уподобить органу или части органа материнского организма [4, с. 78].

Таким образом, необходимость обеспечения охраны человеческого плода, в том числе в процессе родового акта, представляется закономерной.

В обоснование данного утверждения в качестве примера следует привести положения ст. 4 Американской конвенции о правах человека, ратифицированные в настоящее время 23 государствами, согласно которой право человека на жизнь охраняется с момента

зачатия [5]. Также следует отметить правовую норму, предусмотренную & 219 Уголовного уложения ФРГ, согласно которой «плод в любой стадии беременности имеет собственное право на жизнь» [6].

Однако в действующем российском уголовном законе отсутствуют нормы, призванные обеспечить соответствующую уголовно-правовую охрану. При этом если в процессе беременности прекращение ее течения, вызванное внешними причинами (например – причинением вреда здоровью беременной женщины), подлежит квалификации в качестве тяжкого вреда здоровью (женщины – а не ее плода) [7], то с момента начала родового акта до момента отделения от организма матери плод фактически находится вне уголовно-правовой защиты. Это объясняется тем, что начало родов (то есть процесс развития плода в организме) следует признавать окончанием беременности (то есть процесс изгнания плода из организма) [8, с. 43-45].

В то же время следственно-судебная практика свидетельствует о наличии в медицинской деятельности фактов причинения гибели жизнеспособного плода в процессе родоразрешения в результате ненадлежащих действий врача-акушера-гинеколога, призванного оказывать родовспомогательную функцию. При этом вред здоровью роженице может не причиняться.

В данном случае в отсутствие обозначенного уголовно-правового регулирования охраны человеческого плода следственно-судебная практика идет по пути оценки действия врача-акушера-гинеколога с точки зрения оказания услуг, представляющих угрозу жизни и здоровью человека (ст. 238 УК РФ). При этом важным обстоятельством в такой квалификации является факт оценки этой услуги не с позиции общественно-опасных последствия по отношению к еще не рожденному с юридической точки зрения ребенку (т.е. плоду), а по отношению к роженице.

В частности, рассматривая эти ситуации с точки зрения посягательства на права пациента-роженицы, правоприменительная практика обращается к факту нарушения неотъемлемого права материнства по отношению к ребенку, не родившемуся в результате дефективных действий медицинского работника. При этом также оценивается факт наступления физических и нравственных страданий для женщины в результате утраты ею не родившегося ребенка [9].

Так, приговором Первомайского районного суда г. Владивостока от 08.07.2021 врач-акушер-гинеколог Д. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, в связи с оказанием дефектов в процессе родовспоможения, связанных с ненадлежащим извлечением плода из утробы роженицы в ходе операции Кесарево сечение, повлекших его гибель. Этим приговором суда установлено, что противоправные последствия для роженицы заключались в наличии тяжких последствий (в том числе психологических) вследствие утраты ею в результате дефективных действий врача-акушера-гинеколога своего плода, то есть не родивше-

гося ребенка. Приговор обжалован стороной защиты в апелляционном порядке, однако оставлен без изменения.

Следует отметить, что по данному уголовному делу обвинительное заключение утверждено Генеральным прокурором Российской Федерации, что свидетельствует о формировании соответствующей правовой позиции надзорного органа, с которой согласился суд [10] на фоне отсутствия законодательно закрепленной регламентации общественных правоотношений в рассматриваемой сфере.

Подобные примеры не имеют достаточного широкого распространения, однако они не являются единичными [11], что обмечается на протяжении последних нескольких лет [12].

С учетом изложенного следует констатировать, что приведённые выше обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования соответствующих уголовно-правовых норм в целях обеспечения уголовно-правовой охраны человеческого плода в процессе родового акта. В частности, представляется обоснованной не так давно сформированная инициатива СК России об установлении специальной уголовной ответственности за профессиональные преступления медицинских работников [13], реализация которой позволяла бы устранить обозначенный уголовно-правовой пробел путем введения в уголовный закон специальной нормы, устанавливающей ответственность работников системы здравоохранения за дефективную медицинскую помощь, в том числе повлекшую иные тяжкие последствия (гибель человеческого плода).

Исходя из отсутствия соответствующего уголовно-правового регулирования указанная инициатива сохраняет свою актуальность до настоящего времени. В связи с этим ее реализация в конкретный законодательный акт позволит усовершенствовать уголовно-правовой механизм защиты каждого человеческого плода, ценность рождения жизни которого имеет особую значимость в условиях сохраняющейся тенденции сокращении численности российских граждан.

Список источников

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

2. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

3. Уголовные кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 30 декабря 2021 года : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : ободрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

4. Попов А.Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в Российской Федерации / А.Н. Попов // Криминалистъ. 2013. № 2 (13). С. 77-84.

5. Американская Конвенция о Правах Человека : [Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. в г. Сан-Хосе. Вступила в силу 18 июля 1978 года]. URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html (дата обращения 31.01.2022). Текст : электронный.

6. Головненков, П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П.В. Головненков. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения 31.01.2022). Текст : электронный.

7. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : Приказ Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.

8. Снигирев А.А. Об уголовно-правовой защите человеческого плода в процессе внутриутробного развития и родов / А.А. Снигирев // Медицинское право. 2009. № 4. С. 43-45.

9. Хазизулин, В.Б. Медицинская услуга ненадлежащего качества: некоторые аспекты методики расследования / В.Б. Хазизулин // Современная наука. 2021. № 6. С. 27-31.

10. Уголовное дело № 1-200/2020 (1-33/2021) // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока. 2021.

11. Уголовное дело № 1-102/2020 (1-10/2021) // Архив Хасанского районного суда Приморского края. 2021.

12. Колочков, Е.Д. Проблема квалификации преступлений, связанных с интранатальной гибелью плода / Е.Д. Колочков // Криминалистъ. 2015. № 1(16). С. 94-95.

13. Право на ошибку. Следователи и медики высказали свое мнение о предложенных изменениях в Уголовный кодекс для врачей // Российская газета Федеральный выпуск. № 158 (7621). 22.07.2018.

УДК 343.13

ОБ УЧАСТИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ В СИТУАЦИИ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОКУРОРА ПРОТИВ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ СУДОМ ХОДАТАЙСТВА ОБ ИЗБРАНИИ (ПРОДЛЕНИИ СРОКА) МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Черемисина Татьяна Владимировна
Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации»

В статье с учетом следственной и судебной практики рассматриваются особенности участия следователя в судебном заседании в случае возражения прокурора против удовлетворения ходатайства. Анализируются причины несовпадения позиции следователя и прокурора по вопросу избрания (продления срока) меры пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: следователь, прокурор, суд, взаимодействие, стороны уголовного судопроизводства, заключение под стражу.

ON THE PARTICIPATION OF THE INVESTIGATOR IN THE COURT SESSION IN SITU OBJECTIONS OF THE PROSECUTOR AGAINST THE COURT'S SATISFACTION OF THE APPLICATION FOR THE ELECTION (EXTENSION OF THE TERM) OF MEASURES

© Черемисина Т. В., 2022

Cheremisina T. V.

In the article, taking into account investigative and judicial practice, the features of the investigator's participation in the court session in the event of the prosecutor's objection to the satisfaction of the petition are considered. The reasons for the discrepancy between the position of the investigator and the prosecutor on the issue of the election (extension of the term) of a preventive measure in the form of detention are analyzed.

Keywords: investigator, prosecutor, court, interaction, parties to criminal proceedings, detention.

Профессиональные участники уголовного судопроизводства – прокурор и следователь, отнесены законодателем к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Как правило, прокурор осуществляет уголовное преследование на судебных стадиях уголовного процесса, представляя государственное обвинение.

Кроме того, прокурор принимает участие в судебном заседании по делам судебного контроля, для реализации функции надзора на законностью осуществления предварительного следствия. На практике сложилась неоднозначная ситуация: с одной стороны, следователь самостоятельно возбуждает перед судом ходатайство (об избрании меры пресечения, разрешения производства следственного действия) и согласовывает его только с руководителем следственного органа. Согласия прокурора в данном случае не требуется (в отличие от аналогичной процедуры, выполняемой дознавателем).

Однако, прокурор в данной процессуальной ситуации не является государственным обвинителем (так как дело еще находится в производстве следователя), и при наличии к тому оснований вправе возражать против удовлетворения ходатайства, а следователь может оказаться неподготовленным к такому развитию судебной ситуации. Кроме того, согласно ст. 3891 УПК РФ, в случае отказа суда в удовлетворении ходатайства следователь не наделен, в отличие от прокурора, правом его апелляционного обжалования.

Практика заявления прокурорами возражений по ходатайствам следователей не получила широкого распространения. Возможно, это связано с осуществлением ими единой функции – уголовного преследования. Исследование практики реализации прокурорами указанного полномочия повышает научный интерес к исследованию указанной проблемы.

Так, 04.03.2019 перед Б-ким районным судом Алтайского края следователем с согласия руководителя следственного отдела возбуждено ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Ч., 28.06.2001 г.р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, совершенного в составе группы лиц.

В судебном заседании прокурор ходатайство следователя не поддержал, мотивировав свою позицию тем, что по причине несовершеннолетия обвиняемого на момент совершения преступления и его положительных характеристик. Однако суд, рассмотрев ходатай-

ство, удовлетворил его, положив в основу решения доводы следователя. В отношении Ч. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

По результатам расследования уголовное дело по обвинению М. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ и Ч. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, направлено в суд. Вынесен обвинительный приговор.

Таким образом, в ходе рассмотрения ходатайства суд не зависит ни от доводов следователя, ни от позиции прокурора. Факт несовершеннолетия обвиняемого не лишает суд возможности избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). С учетом обстоятельств совершения преступления и степени его тяжести суд принял изолировать Ч. от общества, правомерность которого в будущем подтвердилась вынесением в отношении несовершеннолетнего обвинительного приговора.

Хотя данный пример следственной практики не является единичным, но судьи нередко принимают решения, ориентируясь на мнение прокурора.

Судья Пермского районного суда города Перми 25.06.2019 отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении обвиняемого Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Согласно ходатайству следователя, 24.06.2019 возбуждено уголовное дело в отношении Ю., П. и неустановленных лиц по ч. 4 ст. 159 УК РФ.24.06.2019 в 17 ч. 20 мин. Ю. задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, в этот же день допрошен в качестве подозреваемого, от дачи показаний отказался.24.06.2019 Ю. предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу мотивированатяжестью преступления и личностью обвиняемого. Ю. имеет возможность скрыться от органов предварительного следствия, поскольку обвиняется в совершении тяжкого преступления, максимальное наказание за которое предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 10 лет, до сих пор не возмещен материальный ущерб, преступление совершено в составе группы лиц по предварительному сговору. Ю. по месту регистрации не проживает, длительное время проходил службу в органах внутренних дел, пользуется авторитетом в коллективе, и имеет широкие связи в правоохранительных органах.

Следователь в судебном заседании поддержал ходатайство в полном объеме. Прокурор ходатайство следователя и изложенные в нем доводы не поддержал и просил суд избрать в отношении Ю. меру пресечения в виде домашнего ареста. Суд установил, что Ю. впервые привлекается к уголовной ответственности, имеет постоянное место жительства, характеризуется положительно. С момента возбуждения уголовного дела никакого воздействия на свидетелей, давших показания в ходе следствия, не оказывал. При таких обстоя-

тельствах доводы следователя о том, что лишь содержание Ю. под стражей может обеспечить беспрепятственное производство предварительного расследования, не обоснованы. Сведений о воспрепятствовании производству по делу со стороны Ю. суду не представлено, довод о том, что он может скрыться, следствием не подтвержден.

Суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу и по собственной инициативе избрал меру пресечения в виде домашнего ареста, фактически поддержав позицию прокурора [2, с. 45].

В случае продления срока содержания обвиняемого под стражей только лишь факт совершения им тяжкого (особо тяжкого) преступления не может являться основанием пролонгации меры пресечения. Обоснование необходимости содержания обвиняемого под стражей степенью тяжести преступного деяния возможно только на первоначальных этапах расследования. Суду надлежит установить конкретные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей [1, с. 7]. Обязанность установить такие обстоятельства и подтвердить их с помощью документов или показаний допрошенных лиц возлагается на следователя.

Так, судья К-го городского суда Кемеровской области 22.11.2019 отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении обвиняемой Ш. меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, 18.11.2019возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 111 УК РФ по факту обнаружения трупа Д. 20.11.2019 Ш. задержана по подозрению в совершении преступления.

Следователь в обоснование ходатайства указал, что Ш. обвиняется в совершении особо тяжкого преступления против личности, характеризуется отрицательно, злоупотребляет спиртными напитками, не работает, скрылась с места преступления, не имеет постоянного места жительства.

Помощник прокурора города К. в судебном заседании заявленное следователем ходатайство просил оставить без удовлетворения, ввиду отсутствия достаточных на то оснований.

Выслушав мнения участников процесса, суд отказал следователю в удовлетворении его ходатайства. По мнению суда, в ходе рассмотрения ходатайства не установлено указанных оснований для избрания в отношении обвиняемой Ш. меры пресечения.Доводы следователя о том, что Ш., оставаясь на свободе, может скрыться от следствия и суда, опасаясь назначения ей наказания в виде лишения свободы на длительный срок, в судебном заседании не подтверждены и не могут быть приняты судом.

Суд принял во внимание, что Ш. имеет постоянное место жительства и регистрации в городе, работает, ранее не судима, не привлекалась к административной ответственности.Сведений, подтверждающих, что Ш. достоверно было известно о необходимости явится в правоохранительные органы, однако она умышленно скрывалась от предварительного следствия, суду не представлено.

Каких-либо иных обстоятельств, подтверждающих наличие оснований того, что Ш. скроется от органа предварительного следствия и суда, в том числе обоснованных оснований, необходимых для избрания в отношении обвиняемой меры пресечения в виде заключения под стражу, не представлено.

При установленных обстоятельствах, учитывая тяжесть предъявленного Ш. обвинения и данные о ее личности, судья не усмотрел достаточных оснований для избрания в отношении Ш. меры пресечения в виде заключения под стражу и отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении обвиняемой Ш. меры пресечения в виде заключения под стражу [4, с.62].

В данном случае суд отказал в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а не продлении, на первоначальном этапе расследования особо тяжкого преступления. Между тем, согласно п. 5 указанного постановления, В качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения. О том, что лицо может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок либо нарушение лицом ранее избранной в отношении его меры пресечения, не связанной с лишением свободы [1, с. 3].

Таким образом, с учетом первоначального этапа расследования преступления, ходатайство следователя было обоснованным и не противоречило сложившейся судебной практике. Возражения прокурора же были необъективны, он не ссылался ни на нормативные правовые акты, ни на постановления высших судебных органов Российской Федерации. Возможно, судья доверился авторитету прокурора и опыту его участия в судебных заседаниях и не изучил материалы ходатайства в полном объеме. При этом суд даже по собственной инициативе не избрал в отношении подозреваемой альтернативную меру пресечения: домашний арест, залог или запрет определенных действий.

Данный пример свидетельствует о доверии судей к прокурорам, их профессионализму и квалификации, и, возможно, недостаточно высокого авторитета следователя в судебной системе.

Таким образом, несмотря на сложившиеся определенные стереотипы, позиция следователя не всегда совпадает с мнением прокурора. Заявляя суду ходатайство, следователь не вступает в правоотношения с прокурором и не согласовывает с ним свою позицию по вопросам ходатайства. Обязанность следователя направить прокурору копию постановления о возбуждении перед судом соответствую-

щего ходатайства носит уведомительный характер, и способствует более качественной организации участия прокуроров в судебных заседаниях.

Заявляя ходатайство перед судом, следователь вступает с ним в правоотношения, минуя посредника в лице прокурора. Несмотря на это, участие прокурора при рассмотрении судом вопроса о мере пресечения обязательно. Суд выслушивает его мнение по существу ходатайства, но не обязан, но принимает самостоятельное решение, независимо от позиции сторон. На стадии предварительного следствия уголовное преследование осуществляет следователь, а прокурор – в судебном следствии [3, с. 54]. Поэтому суд правомочен удовлетворить его ходатайства даже при наличии возражений со стороны прокурора, в отличие от судебного следствия, когда его отказ от государственного обвинения влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

К сожалению, до настоящего времени следователь не включен в число субъектов апелляционного обжалования решений, принимаемых в порядке судебного контроля, что является фактором, препятствующим развитию процессуального взаимодействия следователя и суда, в том числе обращения следователя и руководителя следственного органа в суд вышестоящей инстанции в случае несогласия с решением суда.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «Консультант Плюс».

2. Новейшие следственные ошибки: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / [авт.-сост. Захарова В.О. и др.]; под. ред. Ю.А. Цветкова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 415 с.

3. Черемисина Т. В. Когда суды возвращают дело прокурору для квалификации деяния как более тяжкого // Уголовный процесс. 2018. № 8. С. 54-59.

4. Черемисина Т. В. Обращение следователя в суд и его участие в судебном заседании: проблемы и решения: практическое пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. Москва: Московская академия СК России, 2021. 97 с.

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИГОВОРА, ВЫНЕСЕННОГО В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Чич Аскер Сагидович
Адвокат Коллегии адвокатов Краснодарского края «Центр правовой защиты»

В статье рассматриваются особенности обжалования приговора в контексте, применения особого порядка судебного разбирательства. Рассмотрено также отличие от аналогичной процедуры при рассмотрении дела в общем порядке. Автором сделан вывод о наличии определенного процессуального пробела.

Ключевые слова: Обжалование приговора, особый порядок, упрощенный способ, уголовный процесс, ускоренная процедура, досудебное соглашение.

FEATURES OF APPEALING A SENTENCE MADE IN A SPECIAL ORDER OF COURT PROCEEDINGS

Chich A. A.

The article discusses the features of appealing the verdict in the context of the application of a special order of the trial. The difference from a similar procedure when considering a case in a general manner is also considered. The author concluded that there is a certain procedural gap.

Keywords: Appeal against the verdict, special procedure, simplified method, criminal process, accelerated procedure, pre-trial agreement.

Появление, а также развитие упрощенных способов производства по уголовным делам в современный период является одной из основных тенденций уголовного судопроизводства России.

Сама идея о введении в уголовно-процессуальный закон ускоренной процедуры разрешения уголовных дел появилась в 80-х годах прошлого столетия и начала активно развиваться во второй половине 80-х годов. Данный курс был обусловлен необходимостью рационализации и оптимизации уголовно-процессуальной деятельности по отдельным категориям дел. Такой подход нашел свое отражение в работе О.В. Качаловой «ускоренное производство в российском уголовном процессе» [1, стр. 6].

В принятый в 2001 году уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был включен раздел X, где вся глава 40 посвящена особому порядку судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а в 2009 году данный раздел был дополнен главой 40.1, в соответствии с которой особый порядок применяется также при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [2, гл. гл. 40, 40.1].

Безусловно, введение института ускоренной процедуры рассмотрения уголовного дела в виде особого порядка рассмотрения судебного разбирательства является важным прорывом в данной отрасли, но не менее важным является институт обжалования приговоров, вынесенных в особом порядке.

© Чич А. С., 2022

Обжалование приговора представляет собой процессуальное действие стороны защиты или обвинения, направленное на изменение решения суда в вышестоящей инстанции. Однако существуют ограничения для обжалования, связанные со спецификой порядка рассмотрения дела в особом порядке.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ закреплено право обжалования судебных решений участниками судебного процесса независимо от наличия или отсутствия явных признаков существенного нарушения судом уголовно-процессуального закона и прочих обстоятельств, указанных в статьях 389.15 УПК РФ, хотя формально основанием для пересмотра являются именно эти обстоятельства, с целью предотвращения любого рода нарушений прав участников уголовного судопроизводства, а также исключения необъективности при рассмотрении указанных дел.

В данном контексте основное различие в обжаловании приговора, вынесенного в особом порядке от приговора, вынесенного в общем порядке отличается тем, что в общем порядке суд, исследуя и давая оценку доказательствам, имеющимся в деле при рассмотрении в общем порядке, создает некую состязательность сторон, в которой каждый участник судебного процесса может выразить свое согласие или несогласие с выводами суда, в частности в оценке этих самых доказательств, что в дальнейшем может способствовать в пользу обжалующей стороны. В особом же порядке, подозреваемый обвиняемый изначально соглашается с предъявленным ранее обвинением, более того, сам ходатайствует о применении в отношении него особого порядка, обуславливающего рассмотрение судом в упрощенном порядке, не требующего исследования и оценки судом имеющихся в деле доказательств, следовательно суд, по мнению автора, не отвечает за достоверность доказательств при особом порядке судебного разбирательства. В этой связи, ссылка подсудимого при обжаловании приговора на то обстоятельство, что суд неправильно оценил доказательства, имеющиеся в деле, что повлияло на незаконность приговора по мнению подсудимого, имеет ничтожный шанс. Такой вывод также следует из положений статьи 317 УПК РФ, со ссылкой на пункт 1 статьи 389.15 УПК РФ.

В современной уголовно-процессуальной науке имеются противоречивые мнения относительно ограничения оснований обжалования приговоров, вынесенных в особом порядке судебного разбирательства.

Например, Б.А. Ринчинов не усматривает нарушений прав субъектов уголовного процесса в ограничении оснований обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства [3, стр. 23]. Противоположного мнения придерживаются З.З. Зинатуллин и Т.З. Егорова, которые считают, что в данной части действующее законодательство не отвечает закрепленным в Конституции РФ гарантиям [4, стр. 87].

М.Д. Пестрячихина отмечает, что ограничения, установленные в норме УПК, вовсе не означают, что вопросы доказанности трогать

при обжаловании нельзя. В силу п. 7 ст. 316 УПК РФ судья все же проверяет обоснованность и достаточность доказательств и постановляет обвинительный приговор только после того, как придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Суд должен оценить доказательственную базу на предмет достаточности в любом случае [5, стр. 57].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в соответствии с действующим законодательством обжалование приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, основанное на том, что приговор не подтверждается фактическими обстоятельствами дела, в отличие от аналогичной процедуры при общем порядке судебного разбирательства, невозможно, что представляет собой по мнению автора процессуальный пробел.

Список источников

1. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: Диссертация Д.Ю.Н. (2016).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [Фед. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: по состоянию на 23 сент. 2021 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

3. Ринчинов Б.А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформы: Диссертация К.Н.Ю. (2016).

4. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы. Ижевск, 2012.

5. Пестрячихина М. Д. обжалование приговора, вынесенного в особом порядке // Юридический факт. Кемерово, 2019.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Шараева Яна Анатольевна
Доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук
Ростовский юридический институт МВД России

В статье автор приходит к выводу о том, что возобновление уголовного дела является самостоятельным институтом уголовного судопроизводства, анализирует некоторые основания для возобновления уголовного дела и формулирует предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: институт возобновления уголовного дела, основания приостановления, тяжелое заболевание, судебная экспертиза, разумный срок

ON THE ISSUE OF REOPENING THE CRIMINAL CASE

Sharaeva Y. A.

In the article, the author comes to the conclusion that the resumption of a criminal case is an independent institution of criminal proceedings, analyzes some grounds for the resumption of a criminal case and formulates proposals for improving

© Шараева Я. А., 2022

the current legislation.

Keywords: institute of resumption of a criminal case, grounds for suspension, serious illness, forensic examination, reasonable time

В уголовном производстве могут возникнуть обстоятельства, при которых предварительное расследование и судебное производство могут быть приостановлены при невозможности дальнейшего производства в силу в ст. 208 УПК РФ. Устранив эти обстоятельства, органы досудебного производства обязаны принять решение о возобновлении уголовного дела.

Конституцией Российской Федерации провозглашено, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. В Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года закреплено: «каждый имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока ...» (ст. 9) [1]. Из этой нормы следует, что период приостановления дела должен соответствовать требованиям разумности. Вследствие чего, приостановленное уголовное производство должно быть возобновлено при отсутствии на то оснований, что способствует устранению не только неоправданного использования установленного законом времени уголовного судопроизводства, но и максимальному приближению дела к рассмотрению судом первой инстанции.

В настоящее время в теории уголовного процесса институт возобновления уголовного производства является предметом широкого исследования ряда учёных и составляет самостоятельный уголовный-процессуальный институт, который включает в себя: 1) возобновление ранее приостановленного уголовного производства 2) возобновление уголовного дела при отмене постановления о прекращении уголовного дела руководителем следственного органа, прокурором и судом; 3) возобновление уголовного дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Однако, некоторые авторы не считают возобновление уголовного дела самостоятельным уголовно-правовым институтом. Так, по мнению А.В. Кочетовой, нормы, регулирующие возобновление досудебного расследования, - это неотъемлемая часть института приостановления, ведь существование норм, регулирующих приостановление расследования, невозможно без урегулирования оснований для его восстановления [2, с. 15].

Мы поддерживаем позицию М.С. Егоровой о том, что возобновление уголовного производства является самостоятельным уголовно-процессуальным институтом [3, с. 26].

Кроме того, нельзя согласиться с В.В. Рябчиковым, который рассматривает институт приостановления и возобновления уголовного производства, как факультативную стадию [4, с.7] в силу следующего.

Как известно, слово «факультативный» толкуется как «изучаемый по желанию, необязательный» [5]. Вместе с этим, обязательными являются те решения, которые принимаются при наличии для

этого оснований с соблюдением безусловного требования закона. Так института приостановления и возобновления уголовного дела начинают свое действие при наступлении определенных законом оснований. Вместе с тем, следует отметить, законодатель не закрепил обязанности приостановить уголовное производство, а предусмотрел возможность принятия такого решения с учетом материалов уголовного дела. Вместе с тем, на стадии судебного разбирательства законодатель закрепляет право суда приостановить судебное производство. Считаем, что обязанность приостановления дела имеет прямую зависимость от наличия достаточных обстоятельств (оснований) для этого. Итак, факультативность данного этапа является относительной, что в языкознании означает «который устанавливается, определяется по сравнению, в сопоставлении с чем-либо другим» [5].

Мы считаем, что следователь обязан приостановить досудебное расследование при наличии достаточных оснований, удостоверенных материалами уголовного дела. Тем самым будет соблюдён один из важных принципов уголовного судопроизводства – обеспечение разумного срока уголовного судопроизводства.

Приостановленное уголовное судопроизводство возобновляется, если основания для его приостановления перестали существовать (подозреваемый выздоровел, его местонахождение установлено, завершено проведение процессуальных действий в рамках международного сотрудничества) и в случае необходимости проведения следственных (розыскных) или других процессуальных действий, а также в случае отмены постановления о приостановлении досудебного расследования. Следовательно, представляется, что возобновление производства есть система утраченных оснований, каждое из которых имеет свои особенности.

Уместно отметить, что основанием для возобновления досудебного расследования является не только выздоровление подозреваемого, но и такое улучшение состояния его здоровья, которое обеспечивает возможность участвовать в процессуальных действиях, причем независимо от наличия у него листка временной нетрудоспособности. По этому поводу важно отметить, что подозреваемый, фактически уже имеющий возможность участвовать в процессуальных действиях, может, злоупотреблять своим состоянием здоровья. Для получения дополнительных данных о характере и тяжести заболевания, а также для выяснения возможности участия данного субъекта в уголовном производстве, необходимо назначить судебно-медицинскую экспертизу, ведь судебно-медицинская экспертиза назначается в случае необходимости применения знаний в области медицины, для решения вопросов, имеющих правовое значение. В то же время, следует обратить внимание, что проведение судебно-медицинской экспертизы не всегда позволяет получить однозначные ответы на поставленные вопросы, оформленные в виде категорического, объективного, обоснованного заключения. В таком случае,

следователь, прокурор, а в ходе судебного разбирательства, суд, оценивая доказательства, обладает полномочиями поручать проведение повторных, дополнительных, комиссионных и комплексных экспертиз с целью опровержения или подтверждения имеющихся сомнений.

Учитывая это, целесообразно внести предложения о дополнении ст. 208 УПК РФ следующим содержанием: приостановленное уголовное производство в случае тяжёлого заболевания обвиняемого, должно быть восстановлено немедленно после проведения судебно-медицинской экспертизы, которая удостоверяет, что обвиняемый выздоровел и способен участвовать в процессуальных действиях.

Также на практике в ходе осуществления уголовного судопроизводства часто возникают проблемы, связанные с отсутствием в материалах уголовного дела документов, подтверждающих установление местонахождения подозреваемого. Следует отметить, что при принятии решения о возобновлении уголовного дела следователю следует получить информации о месте нахождения разыскиваемого подозреваемого или обвиняемого либо о его фактическом задержании, как гарантии его участия в уголовном производстве. Поэтому, о факте завершения розыска необходимо указать в материалах уголовного производства с целью фиксирования установления местонахождения разыскиваемого и прекращения деятельности соответствующих подразделений по розыску лица.

Таким образом, в статье проанализированы некоторые основания возобновления уголовного производства и даны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части принятия решения о возобновлении уголовного дела. Следует отметить, что нами проанализировано лишь часть проблем, возникающих в деятельности органов предварительного расследования и требующих дальнейшего научного осмысления.

Список источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

2. Кочетова А.В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: автореф. дис. ... к.ю.н. Челябинск, 2006. С. 20.

3. Егорова М.С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: Дис. ... к.ю.н. Волгоград, 2004. С. 26.

4. Рябчиков В.В. Приостановление и возобновление предварительного расследования: автореф. дис. … к.ю.н. Владимир, 2006. С. 7.

5. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov. (дата обращения 13.01.2022). Текст: электронный.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОБВИНЯЕМЫМ, СОДЕРЖАЩИМСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Шигуров Александр Викторович
Заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики, канд. юрид. наук, доцент
Средне-Волжский институт Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассмотрены проблемные аспекты реализации обвиняемым, содержащимся под стражей, права на защиту. Основное внимание уделено правовому регулированию и практике предоставления обвиняемому свиданий с родственниками. Проблемы в реализации данного права обусловлены отсутствием детальной регламентации решения следователя о разрешении или отказе в предоставлении свидания. Это приводит к тому, что суды зачастую формально осуществляют проверку законности постановлений следователей об отказе в предоставлении свиданий обвиняемым. Автор предлагает законодательно закрепить основания отказа в предоставлении свиданий и уточнить предмет судебного контроля в данной сфере.

Ключевые слова: обвиняемый, свидание, СИЗО, защита, суд.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHT TO DEFENSE BY ACCUSED IN DETENTION

Shigurov A. V.

The article deals with the problematic aspects of the implementation of the right to defense by the accused in custody. The main attention is paid to the legal regulation and practice of providing the accused with visits from relatives. Problems in the implementation of this right are due to the lack of detailed regulation of the decision of the investigator to allow or refuse to grant a meeting. This leads to the fact that the courts often formally check the legality of the decisions of the investigators to refuse to grant visits to the accused. The author proposes to legislate the grounds for refusal to grant visits and to clarify the subject of judicial control in this area.

Keywords: accused, date, pre-trial detention center, defense, court.

Важнейшим правом обвиняемого, подозреваемого является право на защиту, которое они могут реализовывать как лично, так и с помощью защитника и (или) законного представителя. Законодатель предусмотрел множество гарантий реализации данного права. Вместе с тем, анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии проблемных аспектов его реализации.

Одной из актуальных проблем обеспечения права на защиту обвиняемого, подозреваемого при производстве по уголовному делу, является фактическая невозможность самостоятельной защиты своих прав и свобод лицом, находящимся под стражей [1, с. 27; 10, с. 187; 4, с. 75]. В настоящее время в СИЗО содержатся более 110 тыс. обвиняемых и подозреваемых. Причем за последний год их количество увеличилось на 6,2 тыс. человек. Задержанный или находящийся под стражей обвиняемый лишен доступа к современным справочным-

© Шигуров А. В., 2022

правовым системам, другим источникам правовой информации, не имеет возможности искать специалистов и получать у них консультации, искать новые источники доказательственной информации, подтверждающие его позицию и опровергающие версию стороны обвинения и т.д. [9, с. 38]

Современная практика знает примеры того, что обвиняемый полностью изолируется от внешнего мира и фактически лишается в возможности самостоятельно защищаться от обвинения. Так, например, гр. И.С. более полутора лет находился в СИЗО под стражей. За весь этот период ему не предоставили ни одного свидания с родственниками, ни одного телефонного звонка. И.С. имеет возможность общаться лишь с защитником, а также участвует в следственных действиях, судебных заседаниях [5]. Находящийся в таких условиях изоляции подозреваемый, обвиняемый лишается возможности реализовывать многие права и возможности по защите от подозрения или обвинения.

Анализ законодательства, регулирующего условия содержания в СИЗО, свидетельствует о том, что именно неконкретность данных норм дает возможность существенно ограничивать возможности для защиты обвиняемого.

С одной стороны, п. 5 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ закрепляет в качестве самостоятельного права обвиняемого, подозреваемого право на свидания с родственниками, защитниками и иными лицами. Возможность предоставления такого права лицу, изолированному от общества, обусловлена гарантиями того, что свидания не будут использоваться для незаконного противодействия расследованию, оказанию давления на свидетелей и т.п. Данные гарантии предусмотрены в ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ:

– на таких свиданиях присутствуют сотрудники СИЗО;

– сотрудники СИЗО обязаны осуществлять контроль за тем, чтобы никто не передавал заключенному под стражу обвиняемому, подозреваемому какие-либо предметы, вещи и продукты питания, запрещенные к хранению и использованию в СИЗО, и не передавались сведения, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления;

– сотрудники уполномочены досрочно прерывать свидания, если выявлены нарушения порядка их проведения.

Данный порядок создает эффективный механизм контроля за тем, чтобы свидания с родственниками и иными лицами использовались лишь для целей организации защиты от обвинения, обсуждения возможностей собирания доказательств в интересах защиты, поддержания и сохранения семейных отношений.

С другой стороны, ч. 3 ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ требует получения письменного разрешения лица (органа), ведущего производство по уголовному делу, на каждое

свидание (за исключением свидания с адвокатом). При этом нормативно закреплено максимальное число свиданий в месяц – 2.

В судебной практике данная норма по-разному толкуется Конституционным Судом РФ и судами общей юрисдикции. Конституционный Суд РФ требует, чтобы решения об отказе в предоставлении свиданий принимались лишь при наличии достаточно веских оснований решались обоснованно с учетом фактических обстоятельств дела, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам. При этом высший орган конституционного контроля указывает на то, что обоснованность таких решений проверялись судами общей юрисдикции по жалобам заинтересованных лиц с учетом фактических обстоятельств уголовного дела [6].

Данная позиция основана, в том числе, на положениях международного права, требующего от государств, обеспечивать лицам, лишенным свободы, приемлемый минимальный уровень общения с семьей, другими лицами. Ограничения в данной сфере должны быть обоснованы необходимостью уголовного расследования, поддержания порядка и безопасности, защиты жертв преступления и т.п. конкретными причинами [7].

Анализ судебной практики судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что суды либо вообще отказывают в проверке законности постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о разрешении обвиняемому, содержащемуся под стражей по уголовному делу, свидания с его близкими родственниками (так, например, Бабушкинский районный суд г. Москвы постановлением судьи от 07 октября 2019 г. отказал в принятии к рассмотрению жалобы адвоката К.З.В., в связи с отсутствием предмета обжалования; данное решение было отменено в апелляционной инстанции Московским городским судом [3]), либо проводят исключительно формальную проверку законности субъекта вынесения решения, наличия у него соответствующих полномочий, соблюдения правил оформления решения, отказываясь по существу проверять наличие фактических оснований для лишения обвиняемого права на свидание с родственниками.

Так, например, Дорогомиловский районный суд г. Москвы в постановлении от 7 декабря 2018 г. проверил были ли соблюдены следователем нормы действующего законодательства при принятии решения об отказе в предоставлении свидания, сделал вывод о том, что принятые решения, по своему существу, не противоречат Федеральному закону РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», так как следователь действовал в соответствии с уголовно-процессуальным законом, при этом отказ в выдаче разрешения на свидание с близкими родственниками находится в компетенции следователя, действующего в силу своих полномочий и в интересах правосудия. Однако, какие фактические обстоятельства свидетельствовали в данном деле о необхо-

димости в интересах правосудия лишить обвиняемого К.П. права на свидание, в судебном заседании не исследовалось [2].

Исследование, проведенное В.И. Рудневым, также свидетельствует о формальном подходе судов к проверке законности и обоснованности постановлений об отказе в предоставлении свиданий [8]: суды фактически опираются на презумпцию того, что решение следователя соответствует интересам правосудия.

На самом деле следователь, как заинтересованный в признательных показаниях обвиняемого участник, часто использует запрет или разрешение свидания как инструмент давления на подозреваемого (обвиняемого), для которого длительная изоляция от родных и близких является сильным психотравмирующим обстоятельством. Длительное содержание в таких условиях подталкивает даже невиновного человека пойти на сделку со следователем, дать признательные показания, если ему обещают разрешить свидания или даже выйти из СИЗО под домашний арест или иные не связанные с изоляцией от общества меры пресечения.

Считаем, что изоляция от общества в СИЗО должна осуществляться в соответствии с целями меры пресечения, вытекающими из ст. 97 УПК РФ. Действующее законодательство должно создать надежные гарантии сохранения семейных отношений обвиняемого, подозреваемого, любые ограничения на свидания с родными и близкими должны быть обоснованы конкретными фактическими обстоятельствами и подлежать реальному судебному контролю.

Для решения данной проблемы предлагаем дополнить ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ нормой, в соответствии с которой отказ в предоставлении свидания должен быть обоснован конкретными фактическими обстоятельствами, подтверждающими наличие угрозы правам и свободам других лиц, воспрепятствования производству по уголовному делу. Также данный отказ может быть обжалован в суд общей юрисдикции. При проверке данного решения суд обязан проверить не только его законность, но и обоснованность, т.е. наличие конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих, что в ходе свидания, несмотря на контроль сотрудников СИЗО, обвиняемым могут быть совершены действия, направленные на воспрепятствование производству по уголовному делу (путем угроз свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо иным путем).

Осуществление реального судебного контроля за законностью и обоснованностью решения следователя о предоставлении свидания обвиняемого, подозреваемого позволит не только защитить базовые права данных участников, но и создаст условия для реализации ими своих прав на защиту в рамках производства по уголовному делу.

Список источников

1. Амелин А.И. Адвокатура Республики Мордовия : 90-летний путь развития / А.И. Амелин, В.С. Святогорова, Р.Р. Смакаев, В.А. Круглов, Л.Д. Калинкина, Е.И. Шигурова, Н.Р. Крысина. Саранск, 2018. 118 с.

2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 апреля 2019 г. № 10-4785/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 января 2020 г. № 10-898/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
4. Блинова, Е.В. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства по уголовным делам / Е.В. Блинова, Д.А. Иванов, Е.Н. Клещина. Москва, 2021. 217 с.
5. Ивану Сафронову запретили переписку в СИЗО. URL: https://pravo.ru/news/235802/ (дата обращения 20.12.2021. – Текст : электронный.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2003 г. № 351-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
7. Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст : электронный.
8. Руднев В.И. Рассмотрение судами в порядке статьи 125 УПК РФ жалоб лиц, содержащихся под стражей, и осужденных / В.И. Руднев // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. Москва: КОНТРАКТ, 2017. Вып. 22. С. 122-136.
9. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты / И.В. Смолькова, В.Г. Степанова, Н.В. Осодоева. Иркутск, 2020. 164 с.
10. Шигурова Е.И. Виды и правовые последствия нарушения права на защиту / Е.И. Шигурова // Обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному права на защиту : материалы IV Международной научно-практической конференции. Саранск, 2014. С. 187-193.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Шишев Виталий Сергеевич
Управление внутренних дел по г. Сочи (УВД по г. Сочи)

В статье обосновывается необходимость тщательного изучения проблем унификации и дифференциации предварительного расследования. Концепции дифференциации и унификации должны в равной мере учитываться при конструировании уголовно-процессуальной формы.

Ключевые слова: предварительное расследование; унификация, дифференциация, дознание, предварительное следствие

PROBLEMS OF UNIFICATION AND DIFFERENTIATION OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Shishev V. S.

The article substantiates the need for a thorough study of the problems of unification and differentiation of the preliminary investigation. The concepts of differentiation and unification should be equally taken into account when designing the criminal procedure form.

Keywords: preliminary investigation; unification, differentiation, inquiry, preliminary investigation

© Шишев В. С., 2022

В рамках современных научных дискуссий вновь актуализируются две концептуальные линии, в рамках которых должно реформироваться предварительное расследование. Это линии дифференциации и унификации.

В рамках дифференцированного подхода доминируют идеи, связанные с последовательным упрощением уголовно-процессуальной формы и, как следствие, удешевлением досудебного производства. Причем, в теоретической плоскости реанимируются институты, которые давным-давно сошли с юридической арены. Так, например, предлагается вновь обратиться к протокольной форме досудебной подготовки материалов и сделать из нее альтернативу предварительному следствию и дознанию.

Не менее эпатажные предложения выдвигаются и сторонниками унификации. В поисках своего варианта экономичной формы расследования они фактически договариваются до того, чтобы это расследование полностью ликвидировать. Призывы к ликвидации предварительного следствия и замене его полицейским дознанием, фактически представляющим аналог оперативно-розыскной деятельности, сегодня уже никого не удивляют.

Выдвижение подобных экстраординарных предложений по унификации предварительного расследований свидетельствует о том, что юридическая наука и практика пока не выработали четких представлений о формах и направлениях унификации.

По нашему мнению, унификация предварительного расследования понимается в современной науке слишком односторонне. Как правило, она толкуется, как сведение расследования к одной из его форм – дознанию или предварительному следствию. Однако формы расследования это, образно говоря, лишь бюрократическое проявление унификации. В информационно-познавательном смысле уголовное судопроизводство давно унифицировано. Так если мы посмотрим на содержание предварительного следствия и дознания, то увидим, что методологически они не различимы. И та, и другая форма расследования решает одинаковые задачи и решает их одинаковыми методами, среди которых первое место занимают следственные действия. В настоящее время даже перечень неотложных следственных действия законом никак не ограничен. И в этом смысле недалеки от истины те авторы, которые утверждают, что между дознанием и следствием фактически нет ни каких отличий.

В этой связи, унификацию уголовно-процессуальной формы можно рассматривать в качестве ведущего технологического принципа уголовного судопроизводства. Есть немало ярких исторических свидетельств, что уголовный процесс постоянно пытается пробиться к реализации этого принципа. По мнению ученых, «жизнь показала, что процессуальная форма стремиться к единству. Поэтому непопулярная сегодня позиция о дифференциации процессуальной формы в направлении упрощения как ошибочного решения (М.С. Строгович, А.В. Победкин и др.) требует объективной оценки» [3, с. 144].

Мы также полагаем, что сегодня есть необходимость более широкого и взвешенного подхода к унификации предварительного расследования, а также пределов такой унификации. Подобное осмысление унификации требует и нового взгляда на дифференциацию предварительного расследования. Практическая реализация дифференциации сталкивается с массой проблем, отражающихся на эффективности уголовного судопроизводства. Будучи нацеленной на развитие предварительного расследования по пути простоты, быстроты и экономии сил и средств, дифференциация («бюрократическая дифференциация») создает различные сложности, которые в итоге сводят на нет указанные преимущества.

Так, сама дифференциация преступлений в зависимости от их тяжести, предполагает и зеркальную дифференциацию предварительного расследования. Однако обособление этих форм вовсе не означает, что должны изобретаться искусственные различий между ними, не основанные ни на теории, ни на практике. Сегодня многие формальные особенности дознания носят «декоративный» характер. Современная нормативная модель дознания, делающая упор на свою формальную специфику, содержит «карикатурную» форму ключевых процессуальных институтов. Так институт привлечения в качестве обвиняемого, показавший свою эффективность в рамках отечественного предварительного следствия, в дознании заменен подозрением. При этом вполне очевидно, что уведомление о подозрении является суррогатом документа, в котором формулируется обвинение. Подобная искусственная конструкция является препятствием для появления полноценной фигуры обвиняемого. И тот факт, что подозреваемые при производстве дознания, как правило, не жалуются на свой усеченный процессуальный статус, не может рассматриваться в качестве аргумента оптимальности подобного законодательного решения.

И это не единственный пример. Однако он ярко характеризует дифференциацию, которая по своей концептуальной сути дифференциацией и не является. Это просто процессуальные особенности, ради особенностей. На эффективное решение задач расследования эти нюансы влияния не оказывают. Но, с другой стороны, оказывают негативное влияние на реализацию принципа защиты прав участников процесса. Ярким примером дифференциация ради дифференциации, на наш взгляд, выступает и производство дознания в сокращенной форме. Более того, в основе этой формы лежит парадоксальное положение – согласие подозреваемого с подозрением. Однако институт подозрения, как некое вынужденное скоротечное состояние участника, не содержит в себе предпосылок, которые методологически связаны с феноменом признания обвиняемым своей вины.

Приведенные примеры искусственных отличий дознания показывают, что мнимая «бюрократическая дифференциация» пытается вторгнуться на территорию истинной методологической унифика-

ции. Игнорирование идеи унификации при конструировании самостоятельных форм предварительного расследования не способствует быстроте и полноте расследования. По этому еще раз подчеркнем, что современное дознание ничем не отличается от предварительного следствия. В плане познавательной методологии обе формы расследования опираются на унифицированные познавательные инструменты. И никто не предлагает разрабатывать для дознания специальные следственные действия. Таким образом, в части следственных действий унификация рассматривается как благо. Тем не менее, от унифицированного подхода в части определения процессуального статуса ключевого участника уголовного судопроизводства законодатель почему то отказывается. Но отказывается юридически, а не фактически. Поэтому ему и понадобилось изобретать особый процессуальный статус «долгосрочного подозреваемого» для фактического обвиняемого. Вполне очевидно, что в данном случае уместен унифицированный подход. Однако такой подход отвергается, поскольку в этом случае для специфики дознания почти не остается способов нормативного подтверждения.

Унификация и дифференциация явления взаимообусловленные. Безальтернативная дифференциация вредит эффективности предварительного расследования, искусственно подрывает его основополагающие понятия (например, подозрения и обвинения). Но не менее вредна и безудержная унификация расследования.

Унификация, как технологический принцип сегодня изучена недостаточно. Ее прикладное значение для реформирования предварительного расследования пока по-настоящему не оценено. Однако унификация исторически является основой совершенствования формы предварительного расследования. Она является общим правилом конструирования уголовно-процессуальной формы расследования. Дифференциация же представляет исключение из общего правила. Но в теории и практике уголовного процесса унификация и дифференциация поменялись местами. Подобная перестановка, случившаяся еще в советский период, и сегодня вызывает негативное отношение большинства ученых к унификации предварительного расследования. Подобное отношение по большей части есть лишь следование традиции, не основано ни на теории, ни на практике, а потому отражает не столько издержки унификации предварительного расследования, сколько служит свидетельством теоретического и практического непонимания сущности этого явления.

В связи с этим перед наукой уголовного процесса встает задача объективного исследования унификации предварительного расследования, рассмотрения ее в широком историческом диапазоне с привлечением опыта зарубежных стран [1]. Актуальность объективного научного подхода к унификации также обусловлена тенденциями, формирующими перспективы уголовного судопроизводства, в частности, расширением возможности внедрения информационных технологий. От качества теоретической проработки проблем унифика-

ции во многом зависят оптимизация уголовно-процессуального законодательства и повышение эффективности практического расследования уголовных дел.

Всплеск научного интереса к комплексному исследованию унификации и дифференциации, в том числе и в рамках предварительного расследования, пришелся на первые годы после принятия УПК РФ. В настоящее время интерес значительно ослаб, хотя сама по себе проблема оптимизации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования с опорой на унификацию не ослабла, а напротив, даже усилилась.

Для нового взгляда на эти позиции и на унификацию предварительного расследования в целом действительно сложились необходимые предпосылки. В качестве таковых можно рассматривать и реформационные процессы, произошедшие в уголовно-процессуальном законодательстве на постсоветском пространстве. В ходе подготовки к реформам в некоторых странах становилась актуальной именно идея унификации предварительного расследования. На это обстоятельство, в частности, обратил внимание Л.В. Головко, позитивно оценивший в свое время один из проектов УПК Республики Казахстан [2]. Однако интерес вызывает не только этот проект и его научная оценка, но и то обстоятельство, что в части унификации он был реализован далеко не полностью.

Юридической науке целесообразно: 1) выявить и оценить тенденции развития предварительного расследования в отечественном уголовном процессе по линиям унификации и дифференциации; 2) рассмотреть теоретические и практические проблемы унификации предварительного расследования по уголовным делам; 3) сформулировать понятие и раскрыть сущность унификации предварительного расследования; 4) конкретизировать формы внедрения унификации предварительного расследования в отечественном и зарубежном законодательстве; 5) сформировать научное обоснование основных направлений унификации предварительного расследования; 6) разработать нормативные предложения по унификация предварительного следствия и дознания.

Список источников

1. Поляков М.П. Дифференциация и унификация как «инь» и «ян» современной проблематики предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник научных статей по итогам Всероссийской конференции (18 октября 2018 г.). Нижний Новгород, 2019. С. 298–304.

2. Головко Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного судопроизводства. Статья 2. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 11–14.

3. Прокопова А.А. Развитие дознания в России как аргумент потребности унификации процессуальной формы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 134-144.

УДК 343.13

О ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Шишпанов Константин Александрович
Следственное управление МВД по Республике Хакасия

По мнению автора, следователь в уголовном процессе реализует инквизиционную функцию. Эта функция в разных объемах включает в себя и обвинение, и защиту, а также функцию разрешения дела по существу на досудебном уровне.

Ключевые слова: инквизиционная функция, разрешение дела, обвинение, защита, следователь, функции уголовного судопроизводства.

ABOUT THE FUNCTIONS OF THE INVESTIGATOR

Shishpanov K. A.

According to the author, the investigator in the criminal process implements the inquisition function. This function in different volumes includes both prosecution and defense, as well as the function of resolving the case on the merits at the pre-trial level.

Keywords: inquisitorial function, case resolution, prosecution, defense, investigator, functions of criminal proceedings.

Вопрос о функциях, реализуемых следователем в уголовном судопроизводстве, очень актуален для юридической науки. Ученые ищут ответ на этот вопрос либо в рамках триады функций – обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, либо выходят за пределы этих общеизвестных направлений и отыскивают для следователя особую функцию. Соответственно, следователь квалифицируется как участник с одной функцией или же как полифункциональный субъект.

Посмотрим на следователя с точки зрения функций, официально признаваемых уголовно-процессуальным законом и разделяемых научной доктриной.

Поскольку вопрос о месте и роли следователя в реализации функции обвинения является дискуссионным лишь в части того единственная эта функция для следователя или нет, мы считаем возможным просто констатировать факт того, что следователь эту функцию реализует.

Куда интереснее вопрос: реализует ли следователь функцию защиты?

Ответ на этот вопрос, пусть и непрямо, дает само уголовно-процессуальное законодательство. УПК РСФСР 1960 г.: заявлял об этом четко. Согласно ст. 20 следователь был обязан «принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства [7]».

Согласно действующему УПК РФ к защитной функции подталкивает вся система принципов, закрепленных в главе 2 УПК РФ. Ст. 6 УПК РФ также предписывает защищать личность от незаконного и

© Шишпанов К. А., 2022

необоснованного обвинения, то есть напрямую усматривается обязанность следователя (дознавателя) производить объективное расследование для того, чтобы первый промежуточный вывод о виновности обвиняемого, сделанный в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, был обоснованным и подкреплялся относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными доказательствами, либо было вынесено постановление о прекращении уголовного дела (или уголовного преследования в части) по реабилитирующему основанию. Ст. 9 УПК РФ вменяет в обязанность следователю уважать и защищать честь и достоинство личности в ходе всего досудебного производства и в-первую очередь – при производстве следственных и иных процессуальных действий. Согласно ст. 11 следователь перед каждым процессуальным действием и в зависимости от уголовно-процессуального статуса участника разъясняет ему соответствующую совокупность прав и обязанностей и обеспечивает возможность для реализации этих прав. Защитная направленность следователя выражается, в том числе, при назначении защитника (ст. 16, 49, 51 УПК РФ) и переводчика (ст. 18, 59, 169 УПК РФ).

Нам импонирует следующая оригинальная точка зрения д.ю.н., профессора А.В. Смирнова относительно сущности содержания функции защиты на этапе предварительного расследования и распределения ее процессуальных компонентов между состязающимися сторонами: в рамках современного смешанного типа уголовного процесса сторона защиты обладает не равными со стороной обвинения правами, а «несколько увеличенными, с тем, чтобы уравновесить в судопроизводстве наступательную мощь ее официального противника… за счет поддержания слабейшего соперника дополнительными юридическими гарантиями»[5]. Яркие примеры преимуществ защиты – такая идея высокой степени общности как презумпция невиновности, толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, делегирование задачи по доказыванию состава преступления стороне обвинения.

Следователь обладает огромным процессуальным потенциалом по осуществлению не только защитной, но и оправдательной деятельности в уголовном судопроизводстве, в его арсенале при среднестатистическом доктринально-практическом подсчете – 16 следственных действий, каждое из которых несет в себе как обвинительный, так и оправдательный доказательственный ресурс. Таким образом, на этапе предварительного расследования полномочия по реализации функции защиты условно распределяется между следователем и защитником с подозреваемым (обвиняемым). И если последние обладают полномочиями пассивно-оборонительного характера, то у следователя процессуальные возможности шире, а деятельность в целом представляется наступательной и прогрессивно-ускоренной для получения достоверного результата в сжатые процессуальные сроки.

На наш взгляд, реализуемая следователем функция защиты выражается в следующих направлениях его деятельности:

– разъяснение всем участникам уголовного процесса их прав и обязанностей перед проведением каждого следственного и иного процессуального действия (например, назначение подозреваемому адвоката, при необходимости – переводчика, предоставление права на один телефонный звонок на русском языке при задержании в соответствии со ст. 96 УПК РФ, разъяснение права не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников согласно ст. 51 Конституции РФ);

– обязанность удовлетворения ходатайств представителей стороны защиты и обвинения, если обстоятельства, которые при этом могут быть обнаружены, имеют значение для уголовного дела (например, ходатайство о проведении дополнительной судебной экспертизы, о допросе эксперта, о проведении очной ставки со свидетелем, о проведении следственного эксперимента, о замене адвоката, о приобщении к материалам уголовного дела обстоятельств, положительно характеризующих личность обвиняемого);

– сотрудник юстиции собирает как обвинительные, так и оправдательные доказательства (допрос свидетелей, которые могут дать показания, уличающие другое лицо в совершении общественно-опасного деяния, которые могут подтвердить алиби подозреваемого в момент совершения преступления; получение отрицательного результата судебной экспертизы – на месте преступления обнаруженные отпечатки пальцев, следы крови не принадлежат подозреваемому; потерпевший при предъявлении для опознания не узнает подозреваемого и др.);

– весь ход и результаты следственного или иного процессуального действия следователь фиксирует в протоколе при участии понятых, либо с использованием технических средств. Участник, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, вправе при ознакомлении с протоколом о произведенном следственном действии указать свои замечания и дополнения;

– исходит в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности;

– вправе принять меры по обеспечению гражданского иска для помощи гражданскому истцу получить возмещение причиненного ему имущественного вреда. В соответствии со ст. 160.1 УПК РФ следователь вправе принять меры по установлению имущества обвиняемого, подлежащего конфискации, а также наложить арест на имущество, подав в суд соответствующее ходатайство, согласованное с руководителем следственного органа согласно ст. 115 УПК РФ;

– должен принять меры, направленные на защиту участников со стороны обвинения (как правило, речь идет о потерпевших) и об участниках со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый) при поступлении в их адрес реальной угрозы о причинении вреда жизни, здоровью, их имуществу [8]. При поступлении от участника уголов-

ного процесса сведений о реальной угрозе, следователь совместно с органами, осуществляющими меры безопасности, в течение 3 суток обязан проверить данное сообщение с последующим принятием решения о применении одной (нескольких) из девяти основных мер безопасности (ст. 6 ФЗ № 119), либо об отказе в их применении.

Приведем разъяснения Конституционного Суда РФ, в соответствии с которыми, следователь, реализуя функцию обвинения, не освобождается от обязанности признавать, соблюдать и защищать права участников уголовного судопроизводства[4]: «… по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм положения ч. 2 ст. 15 УПК РФ не исключают необходимость использования … следователем… в процессе уголовного преследования всего комплекса… мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве…» [4].

Следующий проблемный вопрос: реализует ли следователь функцию разрешения уголовного дела?

Категорического отрицания этой функции у следователя нет. Профессор Н.А. Колоколов полагает, что следователь порой вообще выполняет функцию судьи: «Он чинит определения и постановления совершенно судебного свойства, а главное присваивает обнаруженной им информации об обстоятельствах преступления статус доказательства, консервирует ее в таком виде до судебного разбирательства...» [2, с. 451].

На наш взгляд, следователь реализует функцию разрешения уголовного дела. Особенно ярко это можно видеть, когда следователем применяются примирительные процедуры между участниками уголовного судопроизводства.

Приведем пример, связанный с прекращением уголовного дела следователем по реабилитирующему основанию: уголовное преследование по уголовному делу № 12001750095001951 от 03.06.2020 было прекращено в отношении Х. в связи с непричастностью лица в совершении открытого хищения чужого имущества с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) в магазине «Магнит» на сумму 1525 руб. 11 коп. Свидетели по данному уголовному делу пояснили, что сам факт хищения не видели, гражданка Х. не наносила телесные удары охраннику магазина, при даче показаний подозреваемая также указывала на тот факт, что продукцию из магазина «Магнит» не похищала. Таким образом, уголовное преследование в отношении Х. было прекращено 15.07.2020 на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ ввиду ее непричастности к совершенному общественно-опасному деянию[6].

В соответствии со ст. 25 УПК РФ следователь, получив согласие руководителя следственного органа, на основании «заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон» и при условии, что преступление подозреваемым (обвиняемым) совершено впервые, относится к категории средней тяжести (так как преступления небольшой тяжести, как правило, рассле-

дуют дознаватели), то есть присовершении умышленных деяний максимальное наказание по ним не превышает пяти лет лишения свободы, а при совершении неосторожных деяний – не более десяти лет лишения свободы, может прекратить уголовное дело. В материалах дела должно иметься исковое заявление от потерпевшего с указанием суммы причиненного ему ущерба и вреда, а также признание его гражданским истцом. Как правило, самим субъектом противоправного деяния также подается ходатайство о прекращении уголовного дела, где отмечается, что он примирился с потерпевшим, причиненный ему преступлением вред, указанный в исковом заявлении – заглажен, соответствующие копии расписок об уплате денежных средств предоставляются следователю.

Следователь при наличии заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела вправе его прекратить, но в то же время он может продолжить осуществлять расследование, и все материалы уголовного дела совместно с утвержденным обвинительным заключением направить в суд, чтобы функцию разрешения уголовного дела в классическом ее понимании реализовал профессиональный судья, приняв на себя ответственность за возможные процессуальные риски.

Тут возникает вопрос: насколько судья готов «делиться» своей функцией разрешения дела со следователями и дознавателями? И насколько сами сотрудники юстиции и полиции готовы брать на себя ответственность по разрешению отдельных уголовных дел по существу?

Полагаем, что практика здесь найдет нужный ей баланс и компромисс. «Председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев сообщил, что в 2020 году за примирением сторон были прекращены….судами уголовные дела в отношении 102,5 тыс., или 17%, лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести». [1]. Однако часть этих уголовных дел могла бы быть прекращена на законном основании не в зале суда, а следователями на этапе производства предварительного расследования.

Отмеченные нами примирительные процедуры выступают альтернативой уголовному преследованию и служат оптимальным способом извинения перед обществом. Важно отметить, что примирение сторон не обязывает следователя прекратить уголовное дело, как это имеет место по делам частного обвинения в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ. В этом, в том числе и усматривается ключевое содержание функции разрешения уголовного дела следователем – прекратить производство ввиду примирения сторон, либо продолжить расследование для направления материалов уголовного дела суд.

Отметим, что функция разрешения уголовного дела следователем отличается от функции разрешения уголовного дела судьей:

– следователю требуется согласие руководителя следственного органа, в то время как судья действует независимо и самостоятельно;

– следователь имеет две альтернативы: либо прекратить уголовное дело или уголовное преследование при соблюдении условий,

заявленных в гл. 4 УПК РФ, либо отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и уголовного преследования потерпевшему и (или) подозреваемому (обвиняемому) и продолжить. Полномочия судьи шире: в дополнение к возможностям следователя он также вправе отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела, а затем признать лицо виновным или невиновным и назначить наказание;

– для следователя разрешение уголовного дела по существу связано с рисками и несвойственной с точки зрения идеологии задачей по прекращению уголовного дела. Риск заключается в том, что следователь берет на себя ответственность прекратить уголовное дело, посчитав, что участники процесса примирились, что, так как преступление совершено впервые и относится к категории небольшой или средней тяжести, то больше не повторится. Как правило, следователь стремится отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела переложив это бремя на плечи судьи, который на профессиональной основе осуществляет функцию разрешения дела и готов к подаче на принятое решение апелляционной, кассационной или надзорной жалобы или представления.

В соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова «разрешить» означает – «исследуя, найти правильный ответ», а также «найдя решение чего-нибудь, устранить, разъяснить, рассудить» [3, с. 978]. Таким образом, полагаем, что следователь имеет все процессуальные возможности для качественного расследования уголовного дела и принятия взвешенного и справедливого решения о целесообразности прекращения уголовного преследования в части или уголовного дела в целом при наличии соответствующего заявления потерпевшего. Полагаем, что именно в таком исключительном русле своей профессиональной деятельности следователь в полной мере конструирует не промежуточный процессуальный вывод (как это имеет место в обвинительном заключении), а принимает итоговое решение по делу, прекращая его при соблюдении сторонами всех заявленных законодательством требований.

Говоря об участии следователя в реализации трех законных функций, можно сделать следующий вывод. На начальном этапе расследования следователь готов к реализации любой из трех основных функций. Обвинение и защита применяются в паре. И пока не сложилось относительно устойчивой убежденности о субъекте преступления, следователь потенциально готов как к прекращению уголовного дела по реабилитирующему основанию (что также является элементом функции разрешения дела), так и к прекращению дела по нереабилитирующей причине – примирение сторон, деятельное раскаяние, возмещение ущерба. После того, как следователем составляется постановление о привлечении в качестве обвиняемого, центральной функцией выступает именно обвинительная, которой помогают реализовываться защитная функция (так как без разъяснения прав и обязанностей обвиняемому, без ознакомления с материалами

дела в целом и с отдельными протоколами следственных действий, произведенных с его участием, обвинительная доказательственная база будет признана недопустимой) и функция разрешения дела (обвиняемый может заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на имя прокурора, которое первоначально подлежит рассмотрению следователем, ряд иных ходатайств, связанных с производством новых и дополнительных следственных действий). Таким образом, ни одна из функций в процессе расследования не исчезает, но превалирующей среди них выступает именно обвинительная.

Список источников

1. До 17% дел о нетяжких преступлениях прекращаются за примирением сторон // Российская газета. URL.:https://rg.ru/2021/04/12/do-17-del-o-netiazhkih-prestupleniiah-prekrashchaiutsia-za-primireniem-storon.html (дата обращения: 05.08.2021).
2. Колоколов Н.А. Предварительное расследование в России: полтора века в поисках концепции // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. Москва: Юрайт. 2011. Серия: Актуальные проблемы теории и практики.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование. 2016.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/ (дата обращения: 15.09.2021).
5. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. на соискание ученой степени д.ю.н. по специальности 12.00.09. Москва. 2001 // URL.: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/smir (дата обращения: 08.01.2022).
6. Уголовное дело № 12001750095001951 от 03.06.2020 // СУ УМВД России по г. Челябинску.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР 1960 г. № 40. Ст. 592.
8. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Парламентская газета. 2004. 25 августа. № 155-156.

УДК 343.13

ГЛАВНАЯ ИДЕЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОЗЫСКНОГО ТИПА

Шуров Алексей Юрьевич
Государственное унитарное предприятие Севастополя «Севтеплоэнерго»

Автор считает, что ключевая идея розыскного типа процесса должна получить адекватное наименование. В качестве такого термина предлагается – инквизиционность. Указанное понятие помогает лучше понять сущность современного уголовного процесса.

Ключевые слова. Состязательность, инквизиционность, розыскной процесс, пытка, розыск.

THE MAIN IDEA OF THE CRIMINAL PROCESS OF THE INVESTIGATIVE TYPE

Shurov A. Yu.

The author believes that the key idea of the investigative type of the process should receive an adequate name. Inquisitiveness is proposed as such a term. This concept helps to better understand the essence of the modern criminal process.

Keywords. Adversarial, inquisitional, investigative process, torture, search.

Для обозначения идеи, на которой строится досудебный этап уголовного процесса до сих пор наукой не выработано четкой и единообразной терминологии. Хорошим примером этому служит следующая цитата: «Тип нашего уголовного производства предопределен предварительным следствием, которое построено на следственно-разыскных (инквизиционных) началах»[1, с. 125]. Данное явление нельзя признать положительным.

Идее, выражающей сущность процесса розыскного типа, нужно имя, которое бы по своей энергетике не уступало «состязательности». Имя это нужно не для атаки на состязательность, а для облегчения исследования сущности современного уголовного процесса. Закономерен вопрос: какое это должно быть имя? Стоит ли искать его в историческом наследии или необходимо его изобретать?

Начнем с попытки изобрести новое слово. Если термин «состязательность» выводится из идеи состязания как принципа организации процесса, то таким же образом можно вывести новое слово и из розыска. Однако, термины, производные от слова «розыск» (например, такие варианты, как «розыскность», «разыскательность») не принимаются ни умом, ни сердцем. Первая мысль, которая пришла к нам в голову – признать слово «розыск» неудачным для выведения из него подходящего термина. Однако позже мы пришли к выводу о том, что неподходящим является сам термин «розыск». Неподходящим по причине его неадекватности сущности ключевой идеи, лежащей в основе уголовного судопроизводства розыскного типа.

© Шуров А. Ю., 2022

Понятию «розыск» в контексте типологии уголовного процесса противостоит не понятие «состязательности», а понятие «обвинения». Состязательный уголовный процесс вырос из древнего обвинительного процесса. Однако при этом его никто не определяет как процесс обвинительный. Обвинительной считается лишь ранняя форма состязательного типа уголовного судопроизводства, то есть определенный исторический фрагмент в развитии состязательности. И этой обвинительной форме, суть которой заключается в том, что уголовный процесс сам не ищет своего дела, это дело приходит к нему в обличии обвинителя, – противопоставлялся розыск. Суть розыска (в противоположность обвинению) выражалась в том, что уголовный процесс, не дожидаясь обвинителя, сам искал себе работу, разыскивал поводы для судебного вмешательства.

Таким образом, в самых ранних формах состязательный процесс и розыскной процесс представляли собой действительно принципиально конкурирующие субстанции. Во всяком случае, их можно было сравнивать на одном методологическом поле. Они, например, олицетворяли частное и публичное начало соответственно. Однако впоследствии состязательность обрела свое устойчивое имя, в котором рельефно отражалась ключевая идея этого типа судопроизводства – состязание сторон. А розыск так и остался розыском. Наука стала подразделять розыскной тип процесса на разные формы (инквизиционную, следственную), но на терминологии это не отразилось. В науке так и не появились энергичные термины «следственность», «инквизиционность».

Это могло означать лишь то, что розыску во всех его исторических формах юридической теорией было отказано в разумных интеллектуальных основаниях. Современная теория не собиралась поднимать его на уровень разумной инновационной уголовно-процессуальной концепции. Поэтому отсутствие термина, соответствующего центральной идее розыскного типа процесса, это не просто недогляд уголовно-процессуальной науки. Это доказательство присутствия вполне определенной тенденции.

Чтобы преодолеть эту тенденцию мы не станем изобретать новую терминологию. Тенденцию можно преодолеть, если вернуться в точку ее происхождения. А таковой точкой, на наш взгляд, является переход древнего розыска в свою инквизиционную форму. Именно инквизиционная идея должна была возвыситься до уровня процессуальной технологии с энергичным именем, отражающим миссию главного концепта. Поэтому, если, подбирать термин, опираясь на исторические корни, то вполне возможно в качестве приемлемого рассмотреть такой термин как «инквизиционность».

«Инквизиционность», по нашим оценкам, термин вполне адекватный сути рассматриваемого явления. Можно даже сказать, что он является почти дословной английской (читай латинской) версией словосочетания«inquisitorial principle». Интернет-версия русско-английского словаря (с любопытным дополнительным подзаголов-

ком «Бизнес. Юриспруденция») в качестве перевода словосочетания «розыскное начало» предлагает – «inquisitorial principle» [2]. Даже не владея английским языком можно представить точную интерпретацию – инквизиционной принцип или (что благозвучнее) – принцип инквизиционности, инквизиционность.

Термин «инквизиционность» сегодня может показаться неприемлемым лишь по политическим (идеологическим) мотивам, но методологическую суть он передает правильно. Более того, в глубоком историческом плане этот термин происходит от сугубо юридической идеи. Прежде, чем это имя было востребовано определенными церковными органами, оно, как мы уже говорили выше, обозначало деятельность, направленную на собирание доказательств. Правда, эти первоначальные значения были прочно заблокированы последующими толкованиями.

Наша задача заключается в том, чтобы абстрагироваться от негативного «шлейфа» «инквизиционности» и пристально посмотреть в саму суть идеи с сугубо методологических позиций. Полагаем, что о сути идеи «инквизиционности» уголовно-процессуальная наука пока не особо задумывалась в виду настороженного отношения к самой терминологии, которая порой считается вполне достаточной для бездоказательной критики разыскной идеологии.

Приведем весьма показательную цитату: «Законодательное требование к следствию по установлению объективной истины с полномочиями суда возвращать дела для дополнительных следственных действий по ее установление откроет «ящик Пандоры», из которого разлетятся изъяны и беды отправления уголовного судопроизводства, присущие именно его инквизиционному характеру и пыточному способу достижения объективной истины – самому простому способу ее получения, а надежда на состязательное правосудие, пусть и закрепленное в Конституции РФ, останется на дне этого ящика, под крепко захлопнутой крышкой» [3, с. 91].

Как видим, к инквизиционности сразу же привязываются и пытки, и беды и изъяны, будто они присущи этому принципу по определению. В свое время, наш научный руководитель, оценивая инквизиционное производство, заметил, что забота о достоверности информации обеспечивается средствами адекватными культурным традициям соответствующего времени. «Тем не менее, – указывает М.П. Поляков, – говорить о том, что инквизиционный процесс стремился всеми правдами и неправдами вымучить из обвиняемого чистосердечное признание, по нашему мнению, нельзя. Пытка была лишь способом установления достоверности. Пытать могли всех участников, чье появление в процессе было вызвано нуждами доказывания (пыточным иммунитетом обладали немногие). Пытка была элементом процессуальной технологии и тщательно регламентировалась» [4, с. 125].

На данное обстоятельство обращали внимание и ученые Российской Империи. В.Д. Спасович еще в позапрошлом веке указывал,

что судопроизводство России просто не могло обойтись без пытки. Однако это происходило не в силу патологической жестокости уголовного процесса, а в силу отсутствия соответствующих интеллектуальных инструментов у лиц, ведущих процесс. Поэтому пытка всегда была мерой исключительной и поэтому обставлялась процессуальными гарантиями, в частности «допускалась только при наличности следующих трех обстоятельств: а) когда самое преступление несомненно; б) когда против подсудимого есть сильные улики или полудоказательства; в) когда подсудимые не сознаются в преступлении» [5, с. 30-31].

Поэтому представлять инквизиционность как право на безоглядное и безотчетное применение пытки – это следствие отсутствия объективного научного подхода к предмету. Что вполне можно расценить как использование устрашающих образов в информационной войне против розыскных начал. К слову, негативное отношение к инквизиции как историческому явлению – это тоже следствие информационной войны. Соответствующий жупел использовался в Европе в информационной войне против церкви. Сегодня все чаще появляются объективные исследования, показывающие, что масштабы «злодеяний» инквизиции сильно завышены. В доказательство приводятся весьма интересные и убедительнее аргументы [6].

В этой связи автор полагает, что термин «инквизиционность», обозначающий суть розыскной идеи, сегодня можно реабилитировать. Тем более, как показывает исследование иностранных источников, этот термин находится в опале только на территории бывшего СССР. Представители дальнего зарубежья достаточно свободно рассуждают о принципе инквизиционности.

Кроме того, определенные научные течения последних лет показывают, что наше предложение по реабилитации термина «инквизиционность» не такая уж одинокая затея. Появляются работы с показательным названием «Инквизиционность как принцип досудебного производства в уголовном процессе»[7].

Подчеркнем, что принцип инквизиционности – это не юридическое изобретение, не отраслевая правовая концепция. Подобно идее состязательности, инквизиционность есть своеобразное проявление универсальной идеи. Так, если идея состязательности может рассматриваться, как производная от общей социальной идеи конкуренции, являющейся, по мнению немалой части социума, двигателем общественного прогресса, то идея инквизиционности вытекает из другой всеобщей идеи – разумности (рациональности), которая, как ни странно, тоже рассматривается как двигатель прогресса общества, поскольку «человеческий разум не знает преград».

Эта универсальная идея, будучи адаптирована уголовным судопроизводством к своим задачам, предлагает собственную интерпретацию формулы взаимодействия человека и метода. Заметим, что

указанное взаимодействие в рамках уголовно-процессуальной идеологии вещь очень сложная и многоаспектная.

Вполне очевидно, что нельзя безапелляционно заявить о том, что идея инквизиционности исходит из того, что человек в уголовном процессе ничто, а метод все; нельзя заявить и то, что состязательность в свою очередь делает упор исключительно на «человека процессуального», на его искусность, отводя процессуальному методу второстепенную роль.

При пристальном взгляде на проблему взаимодействия человека и метода мы можем понять, что человек находится в центре всякой процессуальной идеологии, ибо и основания этих идеологий выводятся из концепций, имеющих отношение именно к человеку. Идея розыска (принцип инквизиционности) тоже имеет непосредственное отношение к теме совершенствования человека. Выше мы уже пытались привести доказательства того, что розыскной метод судопроизводства не случайно был внедрен именно церковью. Все дело в том, что инквизиционность, как таковая, теснейшим образом связана с целым рядом религиозных компонентов, образующих сущность христианства.

Одной такой религиозной компонентой, по мнению А.А Вотякова, является вера в разум. «Стремление постичь мир как физический, так и божественный при помощи рассуждений, свойственное древним грекам, было унаследовано христианами вопреки фактической нетерпимости ранних христиан»[8, с. 307].

На этой компоненте и базируется исследовательская (инквизиционная) технология судопроизводства. Именно с развитием разума, интеллектуальных инструментов и связывается эволюция системы доказательств, на чем аргументировано настаивал и В.Д. Спасович, чье мнение мы приводили выше.

Другой религиозной компонентой выступает «вера в то, что нормального человека можно обучить всякому виду полезной магии, превратив ее в некий вид техники. Эта чрезвычайно важная компонента была унаследована христианством от древнего Рима» [8, с. 308].

Эта идея, идея обучаемости человека развилась в необходимость профессионального обучения лиц, на которых функция уголовного судопроизводства возлагается государством. Осмелимся предположить, что принцип профессионализма применительно к корпорации следователей и дознавателей родился именно в контексте воплощения идеи инквизиционности.

Список источников

1. Александров А.С., Лапатников В.А., Терехин В.В. От полусостязательности – к полной инквизиционности: эволюция постсоветского уголовно-процессуального права // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 125–127.

2. http://law_ru_en.academic.ru/5814/розыскное_начало

3. Соловьев С.А. Объективная истина – ключ к «ящику Пандоры» уголовного процесса // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 87–91.

4. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Дис. док. юрид. наук. Нижний Новгород: НА МВД РФ. 2002. 442 с.
5. Спасович В.Д. Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. 496 с.
6. Десять мифов об инквизиции http://apologetik.ru/10-mifov-ob-inkvizicii/
7. Гмырко В.П. Инквизиционность как принцип досудебного производства в уголовном процессе // Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции (для студентов высших юридических учебных заведений) / Научн. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов и И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014. С.217–223.
8. Вотяков А.А. Вотяков А.А. Логос плюс магия. Киев: ОПП «Книга», 1996. 352 с.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ВСЕСТОРОННОСТИ, ПОЛНОТЕ И ОБЪЕКТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Шутемова Тамара Васильевна
Старший преподаватель
Волжский университет имени В.Н.Татищева (институт)

В статье поддержано предложение о внесении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела,
рассмотрены вопросы завершения рассмотрения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона № 440058-6 « « О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».
Ключевые слова: объективность, всесторонность, полнота, исследование обстоятельств дела, объективная истина, принцип уголовного судопроизводства

ON THE QUESTION ALL-ROUND, COMPLETENESS AND OBJECTIVITY IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Shutemova T.V.

The article supports the proposal to introduce into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of the study of the circumstances of the case, the issues of completing the consideration in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the draft federal law No. 440058-6 “On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction of the institution of establishing objective truth in a criminal case” were considered.
Keywords: objectivity, comprehensiveness, completeness, investigation of the circumstances of the case, objective truth, principle of criminal proceedings

01 июля 2022 года исполняется 20 лет со дня вступления УПК РФ в законную силу. Подвергшийся изменениям еще до 01.07.2002 УПК РФ на данный момент является кодексом, в который изменения и дополнения были внесены более чем 300-мя федеральными зако-

© Шутемова Т. В., 2022

нами, затронувшими не только отдельные статьи, но и главы и части УПК.

Создание в УПК РФ главы 2 «Принципы уголовного судопроизводства» было воспринято позитивно. За истекшее время в эту главу были включены еще два принципа: « Разумный срок уголовного судопроизводства»(ст.6.1 УПК РФ, 2010 год) и « Независимость судей» (ст.8.1 УПК РФ, 2013 год). В юридической литературе высказывались предложения о законодательном закреплении в главе 2 УПК РФ принципов гласности, процессуальной экономии, публичности. Дискуссионным оказался и вопрос о принципе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, который был закреплен в ст. 20 УПК РСФСР, но не нашел своего отражения в УПК РФ. Исходя из состязательности уголовного процесса, разработчики УПК РФ рассматривали требование о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела, как антагонистическое по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности [1]. Однако вскоре Конституционному Суду РФ пришлось вносить ясность в это соотношение и указать, что « предшествующее рассмотрению дела досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу. В результате в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии. Именно в досудебном производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его пределы (часть первая статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)» [2].

Наибольшую остроту дискуссия по этим вопросам приняла после опубликования в 2012 году на сайте Следственного комитета РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» и внесения 29.01.2014 в порядке законодательной инициативы депутатом Государственной Думы Российской Федерации А.А. Ремезковым на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации одноименного законопроекта. Законопроектом № 440058-6 , в частности, предлагалось дополнить ст.5 УПК РФ п.22.1 «Объективная истина - соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения» и ст.16.1«Статья 16.1. Установление объективной истины по уголовному делу

1. Суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, а также орган дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель обязаны принять все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному выяснению

обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу.

2.Суд не связан мнением сторон. При наличии сомнений в истинности мнения сторон суд принимает все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения отправления справедливого правосудия.» В ходе обсуждения законопроекта прозвучали и резко отрицательные мнения, и мнения в поддержку законопроекта, и компромиссные предложения.

В Отзыве на законопроект Верховный Суд РФ концептуально его поддержал, но, указав, что термин «объективная истина» не является правовым и в законодательстве невозможно предусмотреть критерии достижения объективной истины, признал целесообразным закрепить в УПК РФ принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, поскольку «обязанность лиц, осуществляющих предварительное расследование, всесторонне, полно и объективно выяснять обстоятельства, подлежащие доказыванию, а суда – всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и инициировать, при наличии к тому оснований, процедуры устранения препятствий для правильного его рассмотрения, не противоречит принципу состязательности сторон и отвечает целям правосудия» [3].

Судьба указанного законопроекта была определена 24 июля 2018 года, когда Советом Государственной Думы РФ было принято решение о снятии законопроекта с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы [4]. Интерес представляют аргументы, приведенные в официальном отзыве Правительства РФ и в заключениях Правового управления аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Правительством РФ законопроект в представленной редакции о закреплении в УПК РФ принципа об установлении объективной истины по делу поддержан не был, ибо в проекте не были учтены положения ч.4 ст.7, ч.2 ст.21, ст.73, ч.1 ст.297 УПК РФ о требованиях к определениям суда, постановлениям судьи, прокурора, следователя, дознавателя о законности, обоснованности и мотивированности, к приговору суда о законности, обоснованности и справедливости, а также правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в его постановлениях от 8,12,2003 № 18-П и от 27.06.2005 № 7-П о невозложении на суд несвойственных ему функций обвинения или защиты [5].

В двух заключениях Правового управления аппарата ГД СФ РФ содержатся доводы Верховного Суда РФ о неправовом характере термина «объективная истина», о субъективном характере установления объективной истины, сделан вывод о декларативном характере установления такого принципа в уголовном процессе из-за невозможности определения в законодательном акте каких-либо критериев достижения объективной истины. В то же время в заключениях

признается, что УПК РФ содержит требования « о необходимости всестороннего, полного и объективного производства предварительного расследования и разрешения дела по существу (часть первая статьи 33, часть четвертая статьи 152, часть вторая статьи 154, статья 239.1, части первая и шестая статьи 330 УПК РФ)» [6].

Действительно, в разных статьях УПК РФ есть положения о всесторонности, полноте и объективности расследования и рассмотрения уголовного дела. На необходимость их применения обращено внимание во многих работах[7; 8; 9; 10; 11; 12]. Возвращение в УПК РФ принципа о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела требует более внимательного подхода к вопросу о роли следователя (дознавателя) – исследователь или преследователь, и о роли суда в доказывании (действия и решения суда, принимаемые им по собственной инициативе). Ярким примером фактического применения названного выше принципа при отсутствии его законодательного отражения в главе 2 УПК РФ является современная практика производства уголовных дел в отношении умерших обвиняемых [13; 14]

Таким образом, полагаем, что в юбилейный, 20-й год действия УПК РФ, на основе опыта его применения и научного изучения, стоит юридически закрепить в УПК РФ принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, применяемый фактически.

Список источников

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации /Ответ.ред. Д.Н.Козак, Е.Б. Мизулина. М., 2002 . С. 65 (Автор комментария Е.Б.Мизулина). Цит. по Романов, С.В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования / С.В. Романов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 1. С.19

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08 декабря 2003 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125,219,227,229,236,237,239,246,254,272,378,405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 дек.

3. Письмо Верховного Суда РФ № 3-ВС-3190/15 от 22.05.2015 О проекте федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // СПС «Консультант-плюс» (дата обращения 26.01.2022)

4. Протокол заседания Совета Государственной Думы от 24.07.2018 № 138 // СПС «Консультант-плюс» (дата обращения 26.01.2022)

5. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»// СПС «Консультант-плюс» (дата обращения 26.01.2022)

6. Заключения Правового управления аппарата ГД СФ РФ по проекту федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // СПС « Консультантплюс» (дата обращения 26.01.2022)

7. Исаенко В.Н. Оценка прокурором всесторонности, полноты и объективности результатов предварительного расследования / В.Н.Исаенко // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1. С. 172-177

8. Олефиренко Т.Г. Всесторонность, полнота и объективность как принцип уголовного процесса / Т.Г.Олефиренко // Алтайский юридический вестник. 2015. № 4(12). С. 111-113

9. Шутемова Т.В. Криминалистические аспекты оценки прокурором полноты, всесторонности и объективности расследования на завершающем этапе досудебного производства по уголовным делам о бандитизме / Т.В.Шутемова // Вестник Волжского университета имени В.Н.Татищева. 2016. № 4. Том 2. С. 184-190

10. Бондарь М.М. Объективность предварительного расследования как предпосылка обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений/М.М.Бондарь//Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 4(47). С. 80-86

11. Григорян В.Л. О всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела в контексте единого принципа уголовного судопроизводства / В.Л.Григорян // Вестник Российской Правовой академии. 2019. № 1. С. 51-57

12. Айвазова О.В. Всесторонность, полнота и объективность расследования как уголовно-процессуальный и методико-криминалистический принцип/ О.В.Айвазова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. №1. С. 51-59

13. Дело о гибели Екатерины Пузиковой предложили рассмотреть без обвиняемого. Главный подозреваемый по делу умер URL: //https://63.ru/text/criminal/2022/01/18/70383206/ (дата обращения 30.01.2022)

14. «Наш сын невиновен» : почему суд по гибели 7 человек у Курумоча пройдет без подсудимого//URL : https://63.ru/text/incidents/2022/01/29/70403276/ (дата обращения 31.01.2022)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Алексеев С. А., Иванов В. А. К вопросу об эффективности нормативно-правовой регламентации профилактики преступлений по уголовным делам …….. 3

Аменицкая Н. А. Возвращение уголовных дел прокурору: формирование института и проблемы применения ……... 11

Бородулькина Е. С. Взаимосвязь и «взаимопроникновение» уголовного и административно-деликтного права: постановка проблемы …… 16

Буянтуев С. О. К вопросу о механизме заявления ходатайств адвокатом-защитником и рассмотрения их дознавателем, следователем …….. 21

Быкова Е. Г. Присвоение и растрата: некоторые вопросы квалификации на примере хищения бюджетных средств ……. 26

Гаврилов Б. Я. К 20-ти летию УПК РФ: современное состояние и что делать? …….. 30

Галюкова М. И. Квалификация преступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта в системе здравоохранения …… 36

Гапотченко Г. Н. Сравнительно-правовой анализ регламентации проведения отдельных процессуальных действий, которые ограничивают конституционные права граждан по уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики и Российской Федерации …….. 41

Джелали Т. И. Правовые последствия отказа прокурора от обвинения ……... 46

Дилбандян С. А. Реализация конституционных полномочий прокурора по возбуждению уголовного преследования по новому Уголовно-процессуальному кодексу Республики Армения …….. 50

Ермакова А. Л. Мошенничество в социальных сетях через призму его специфических особенностей и способов совершения ……... 56

Ефремова М. А. К вопросу о роботе как субъекте преступления …. 60

Зейдлиц Е. Г. Сочетание принципов гуманизма и справедливости применительно к последствиям вердикта присяжными заседателями при отрицательном ответе на вопрос о виновности ……. 63

Зинченко И. А., Попов А. П. Уголовно-процессуальное законодательство России в контексте уголовной политики государства ….. 73

Ильюк Е. В. К вопросу о мотивации коррупционного и некоррупционного поведения государственных служащих ……. 79

Илюхина В. А. Принцип законности в уголовном судопроизводстве России и Армении (сравнительно-правовой анализ) ……. 82

Казаков А. А. Процессуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом …….. 86

Ковалев А. Ф. Сравнительно-правовой анализ системы уголовных наказаний Итальянской республики и Российской Федерации …… 90

Коваленко Э. Д. Теория информации и доказательства в уголовном процессе …….. 94

Коваль Е. А. Логика «меньшего зла» и максимизация общего блага в уголовном процессе …… 105

Колесник В. В. Разграничение зон ответственности между органами уголовного преследования, прокурором и судом (на примере законодательства Республики Казахстан) ……... 114

Кондратьев Ю. А. К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за проявления экстремизма …… 118

Кондратьева А. Н. Церковные судебные процессы над животными в средневековой Европе …… 126

Коряковцев В. В., Питулько К. В. К вопросу о справедливости вердикта присяжных заседателей …… 132

Кукеев А. К. Укрытие уголовного правонарушения по законодательству зарубежных стран …….. 136

Кулешова Г. П. Уголовная и административная ответственность как средство профилактики экстремизма и терроризма …… 141

Лазарева В. А., Мурузиди А. В. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела после 2013 года …… 149

Лебедева А. А. Личность преступника, совершившего преступления, предусмотренные ст., ст. 185.3 и 185.6 УК РФ ……... 153

Лизунов А. С., Суворова Е. С. К вопросу о реформировании стадии возбуждения уголовного дела …….. 158

Магомедханова З. И. О некоторых проблемах соблюдения принципа состязательности судом в выяснении обстоятельств дела по уголовном делам: где найти баланс? ……. 162

Максимов Н. В. Правовые вопросы дактилоскопирования гражданского населения …… 166

Малышева Ю. Ю. Актуальные рассуждения о профессиональном статусе медицинского работника в уголовно-правовом поле ……... 172

Маркелов А. Г. Новые особенности проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания путем использования альтернативных (компромиссных) систем посредством видеоконференцсвязи ……. 179

Матюшкина А. В. Заключение специалиста как доказательство в уголовном судопроизводстве ……... 183

Мельников В. Ю. Актуальные проблемы УПК РФ ……. 188

Мироненко С. Ю. Подстрекательство к преступлению и эксцесс соучастника …… 195

Михайлова Е. Е. К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения гарантий конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров ……... 200

Мухаметшин Т. Р. Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера безопасности ……... 208

Наметкин Д. В., Федулов А. В. Уголовное судопроизводство в условиях распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих ……. 214

Некрасов И. С. К вопросу экстремизма, в жизни современной молодежи …… 219

Подольная Н. Н. Проблемы уголовно-правовой защиты от посягательств на личность, совершённых с использованием информационно-коммуникационных сетей …… 225

Поляков М. П. «Магия» признательных показаний обвиняемого ... 233

Рогова А. А. Новое в законодательстве о процессуальных издержках: анализ изменений ст. 132 УПК …… 241

Романовский В. Г. Правовые основы противодействия терроризму в Германии в социальных сетях (на примере ситуации с мессенджером Telegram) …….. 246

Романовский Г. Б. Уголовно-правовая характеристика преступлений террористической направленности …….. 251

Ряполова Я. П. Информатизация процессуальной деятельности на этапе приема, регистрации и обработки сообщения о преступлении: основные направления законодательных преобразований ……... 256

Савин П. Т. Классификация поощрительных норм уголовного права …… 260

Саливаров В. Я., Федоров И. З. Прогнозируемые и иные возможные варианты оптимизации уголовного судопроизводства России в аспекте сохранения или упразднения стадии возбуждения уголовного дела ……. 266

Сергеева А. А., Питулько К. В. Современные проблемы противодействия наркопреступности ресурсами отечественной правоохранительной системы …… 273

Сидоренко Ю. А. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров с использованием сети Интернет ……. 276

Скирда М. В. Роль Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан в предупреждении коррупционных преступлений ……. 284

Соколова Е. В. Причины и условия женской преступности, направления профилактики …….. 295

Степанов М. В. Внутриотраслевые уголовно-правовые коллизии... 298

Сундурова О. Ф. Социальный результат наказания в виде исправительных работ …… 300

Тертышник В. М. Доктринальные аспекты доказывания в уголовном судопроизводстве ……... 304

Федоров И. З. Оставление места дорожно-транспортного преступления при наличии тяжких последствий: предпосылки к повторной криминализации, конструктивные особенности состава, материально-правовые коллизии и процессуальное доказывание ……... 311

Хазизулин В. Б. Уголовно-правовые аспекты защиты человеческого плода в ходе оказания медицинской помощи при родовспоможении ……... 320

Черемисина Т. В. Об участии следователя в судебном заседании в ситуации возражения прокурора против удовлетворения судом ходатайства об избрании (продлении срока) меры пресечения …… 324

Чич А. С. Особенности обжалования приговора, вынесенного в особом порядке судебного разбирательства ……... 330

Шараева Я. А. К вопросу о возобновлении уголовного дела ……... 332

Шигуров А. В. Проблемы реализации права на защиту обвиняемым, содержащимся под стражей …… 336

Шишев В. С. Проблемы унификации и дифференциации предварительного расследования …… 340

Шишпанов К. А. О функциях следователя …….. 345

Шуров А. Ю. Главная идея уголовного процесса розыскного типа 352

Шутемова Т. В. К вопросу о всесторонности, полноте и объективности в уголовном процессе ……. 357

Научное издание

КАЗАНСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Казань, 28 апреля 2022 г.)

В двух частях
Часть вторая

Публикуется в авторской редакции

Ответственный за выпуск *И. Г. Гаранина*

Подписано в печать 22.04.2022.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 21,27.
Тираж 50 экз. Заказ 415.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России)»
Казанский институт (филиал)
420103, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, 12а.

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан
в ООО «ЮрЭксПрактик».
430003, г. Саранск, ул. Васенко, д. 17, пом. 201а.
Директор издательства *С. М. Плешаков*
E-mail: Publishing.mor@gmai.com